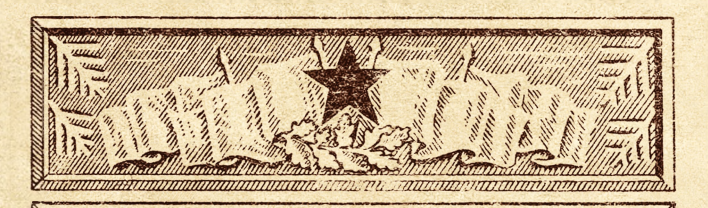
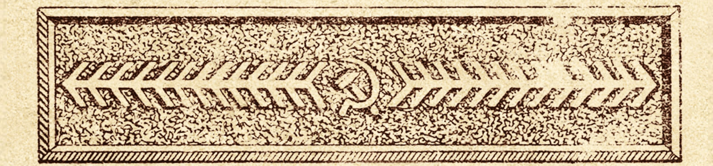

БОИ
в
ФИНЛЯНДИИ

ВОЕНИЗДАТ НКО СССР
1941

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОИ
В
ФИНЛЯНДИИ

Воспоминания участников

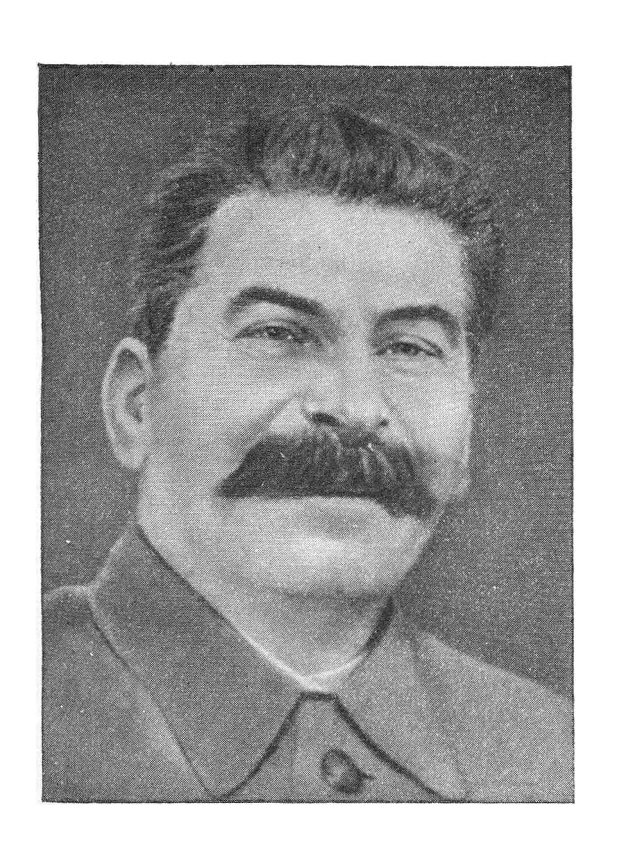
ЧАСТЬ

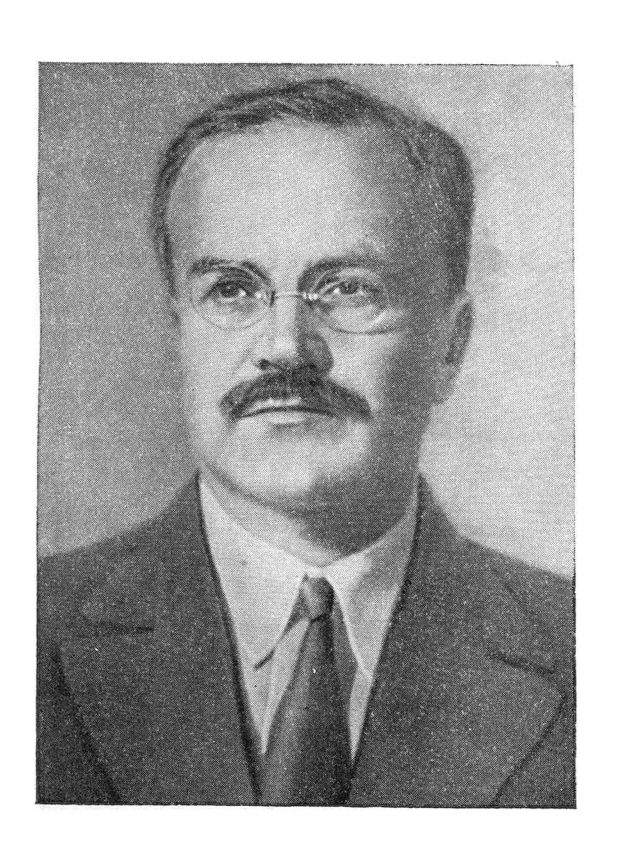
I

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
Москва · 1941

„За Родину, за Сталина!“
С этим лозунгом
шли мы в бой
и победили

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война за безопасность города Ленина и северо-западных границ нашей советской Родины навсегда вошла в историю Красной Армии как героическая эпопея, отразившая в себе грозную силу, мужество и отвагу советских войск, их беззаветную преданность Народу, Партии, Сталину.

Военные действия советских войск в Финляндии, хронологически укладывающиеся в сравнительно короткий промежуток — между 30 ноября 1939 года и 13 марта 1940 года, — по своему напряжению, трудностям и массовому героизму становятся в ряд с наиболее яркими событиями в истории русского оружия. Еще со времен гражданской войны в СССР боевыми традициями Красной Армии являются высокая воинская дисциплина, готовность войск к преодолению любых трудностей и опасностей во имя великого дела Ленина — Сталина. Эти традиции не только поддерживались в отгремевших недавно боях, но укреплялись и умножались. Широкая популяризация боевых традиций Красной Армии, продолженных и обогащенных на полях сражений в Финляндии, несомненно, должна сыграть громадную воспитательную роль.

Нанося в Финляндии удар объединенным силам империализма, противопоставившего нам всю мощь современной военно-фортификационной техники, части

Красной Армии извлекли из этих боев немало поучительных уроков и накопили значительный боевой опыт. Распространение и изучение опыта, приобретенного в финской кампании, несомненно, будет способствовать еще большему повышению боевой готовности войск.

Именно эти две цели — популяризацию боевых традиций и распространение боевого опыта — преследует сборник «Бои в Финляндии», издаваемый по приказу Народного Комиссара Обороны СССР Героя и Маршала Советского Союза товарища С. К. Тимошенко.

Доблестная Красная Армия разгромила на Карельском перешейке линию Маннергейма и штурмом овладела Выборгом. Это предопределило победоносный исход войны с финской белогвардейщиной. Героической борьбе Красной Армии на Карельском перешейке и посвящается настоящий сборник. Он не претендует на последовательное научно-историческое изложение и освещение событий. Но воспоминания, из которых состоит сборник, несомненно, могут дать ценный материал для истории.

Тематика сборника разнообразна, как разнообразен и состав авторов, в который вошли представители различных родов оружия и всех военных специальностей. Однако, несмотря на то, что в сборнике приняло участие значительное число авторов, нельзя считать, что он отразил события с исчерпывающей полнотой: не всё заслуживающее внимания нашло место на страницах сборника, не описаны многие операции и бои, не рассказано о многих подвигах. Объем сборника, естественно, оказался мал для того, чтобы вместить буквально все ценное. Поэтому сборник «Бои в Финляндии» надо рассматривать лишь как начало большой литературной работы по

описанию советско-финской кампании, работы, в которой почетное место должны занять бойцы, командиры и политработники Красной Армии — участники боев.

Материалы сборника «Бои в Финляндии» расположены в хронологическом порядке, по этапам войны. Но не во всех случаях этот принцип удалось выдержать, так как некоторые воспоминания охватывают не отдельные этапы и бои, а весь период войны, с начала до конца.

Сборник состоит из двух частей. Первая часть содержит разделы «Первый месяц войны» и «Подготовка штурма линии Маннергейма», вторая часть посвящена прорыву линии Маннергейма и борьбе Красной Армии за острова и за Выборг.

В собирании и литературной обработке материалов приняли участие писатели и журналисты: И. Авраменко, В. Беляев, Р. Бершадский, М. Головин, Н. Григорьев, П. Дмитриев, Б. Емельянов, В. Заводчиков, Б. Лихарев, К. Левин, И. Молчанов, В. Саянов, С. Семенов, Е. Соболевский, И. Френкель, Г. Холопов, Е. Цитович, Н. Чуковский и другие.

Сборник консультировали: генерал-майор М. Минюк, бригадный комиссар К. Рябчий, майор Ф. Бородин.

Сборник организован и отредактирован комиссией в составе: *М. Гуревича, Я. Литовченко, Ф. Матросова, М. Погарского, В. Ставского, А. Шаверина* и *А. Шуэра.*

Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск
А. ХРЕНОВ

Линия Маннергейма

Финляндия с ее границами, упирающимися чуть ли не в самые стены крупнейшего советского культурного и промышленного центра — Ленинграда, рассматривалась генеральными штабами капиталистических стран как выгодный плацдарм для войны против Советского Союза. Правительства империалистических держав, поставившие себе целью при первой же возможности использовать Финляндию для военного похода против нашей социалистической Родины, в течение многих лет оказывали финской белогвардейщине самую широкую финансовую и военно-техническую помощь. На их деньги и под руководством лучших иностранных военных специалистов Финляндия подготовила мощный плацдарм, хорошо обеспечивавший сосредоточение и развертывание войск в случае антисоветской войны.

На Карельском перешейке, в нескольких десятках километров от Ленинграда, возникла линия Маннергейма с сотнями железобетонных и тысячами дерево-земляных сооружений. К самой границе Советского Союза была подтянута сеть шоссейных, грунтовых и железных дорог, имеющих исключительно стратегическое значение. Повсюду были построены железобетонные, каменные и металлические мосты через реки и узкие проливы озер, рассчитанные на переброску войск и военных грузов к нашим границам.

В то же время полоса местности на восточных границах Финляндии — от Ладожского озера до Баренцова моря — была оборудована для упорной обороны.

Прежде чем перейти к описанию системы укреплений Карельского перешейка, мы вкратце охарактеризуем систему обороны, с которой столкнулись наши части на северных направлениях. В этой полосе почти не было мощных железобетонных сооружений, но сама местность, покрытая густыми девственными лесами, озерами и болотами, пересеченная холмами, горами и скалами, была столь выгодна для обороны, что даже простое ее усиление с помощью полевой фортификации давало огромные преимущества обороняющимся.

Как же была построена эта оборонительная система? Основные позиции располагались вдоль дорог, рокадных шоссе и т. п., а болота, леса и горы обеспечивали эти позиции от охвата с флангов, от ударов в тыл. Укрепления полевого типа состояли из взводных, ротных и батальонных оборонительных районов с противопехотными и противотанковыми препятствиями впереди и на флангах.

Оборонительные районы были оборудованы стрелковыми и пулеметными окопами, ходами сообщения между ними и в тыл, орудийными окопами и землянками для личного состава. Покрытие землянок иногда доводилось до восьми бревенчатых накатов с земляной или каменной обсыпкой.

Все эти укрепления, как правило, были построены заблаговременно: окопы — хорошо замаскированы; наблюдательные пункты, пулеметные площадки, а иногда и ячейки (на одного стрелка или парные) — обеспечены противоосколочным покрытием.

Помимо взводных, ротных и батальонных оборонительных районов, на просеках находились отдельные огневые точки в виде перекрытой стрелковой или пулеметной ячейки на одного-двух человек.

Система обороны строилась в расчете на тактику борьбы, применяемую в оперативной зоне заграждений с двумя-тремя промежуточными позициями (Лаймола, Уомас и др.). Дороги и просеки между позициями и сами позиции прикрывались заграждениями всех типов: рвами, проволокой, завалами, минными полями.

На таких позициях доты встречались редко, и то лишь в виде отдельных полукапониров, прикрывавших подступы к мосту или узлу дорог. Однако на реке Янис-йоки (между озерами Янисярви и Ладожским) располагалась целая система укреплений долговременного характера. Эта позиция была оборудована пулеметными и орудийными дотами на западном берегу реки и мощными завалами на ее восточном берегу. Здесь также тянулись электризованные проволочные препятствия, ток в которые поступал от высоковольтной сети промышленного значения.

Таким образом, вся линия восточной границы Финляндии состояла из труднодоступных оборонительных рубежей. Но несравненно более мощными были укрепления Карельского перешейка, который превратился, по мнению финского командования и иностранных военных специалистов, в неуязвимую и неприступную крепость.

На Карельском перешейке была оборудована широкая и глубокая оперативная зона заграждений, состоявшая из укрепленных позиций с линиями заграждений и препятствий. За этой зоной следовала главная оборонительная полоса — линия Маннергейма. Далее, в трех—пяти километрах от нее, тянулась вто-

рая оборонительная полоса (или полоса тактических резервов). За второй оборонительной полосой находились выборгские укрепленные позиции из трех линий. Чтобы прикрыть вход в Выборгский залив и обеспечить правый фланг линии Маннергейма, белофинны укрепили берега и острова залива долговременными и дерево-земляными сооружениями, а льды залива были минированы и заграждены.

1. Оперативная зона заграждений

Карельский перешеек представляет собой резко пересеченную местность. Равнинные участки довольно редки. Скалы, холмы, котловины, болота, озера, леса покрывают почти весь перешеек.

Болота, скалы с крутыми и труднодоступными склонами, заросли и лесные чащи, озера с необычайно изрезанной береговой линией,— все эти природные условия Карельского перешейка значительно затрудняли движение и маневрирование крупных войсковых соединений и создавали препятствия для наступления на широком фронте.

К этому нужно добавить, что глубокий снежный покров, доходивший в зиму 1939/40 г. до одного метра, и морозы в 40 градусов снижали маршевую способность войск.

Географические особенности Карельского перешейка финны использовали, начиная с оперативной зоны заграждений. Финское командование вообще возлагало на эту зону большие надежды. Зная о могуществе Красной Армии и ее боевой технике и в то же время не располагая достаточной военной техникой, финское командование строило свои военные планы в расчете на поддержку империалистических друзей и вдохновителей. Оно надеялось измотать и расстроить части Красной Армии в оперативной зоне заграждений еще до подхода их к главной оборонительной полосе, с тем чтобы по прибытии экспедиционных армий империалистических держав нанести решительный удар советским войскам и сделать ареной борьбы советскую территорию.

Дальнейший ход событий расстроил фантастические планы финской военщины.

Оперативная зона заграждений начиналась от линии бывшей государственной границы. Она была оборудована несколькими полосами заграждений и целой системой опорных пунктов для их огневого прикрытия. Силу этой системы характеризуют следующие цифры: в опорных пунктах частями Красной Армии с боем захвачено 12 долговременных (с одной амбразурой) огневых точек, 845 дерево-земляных огневых точек и 400 дерево-земляных убежищ.

Насыщенность заграждениями одного квадратного километра местности выражалась в следующем: 0,5 километра проволоч-

ных заграждений, 0,5 километра лесных завалов, 0,9 километра минных полей, 0,01 километра эскарпов, 0,02 километра надолб, 0,03 штуки взорванных мостов.

В полосе заграждений противник заблаговременно подготовил к уничтожению все мосты, к порче — все грунтовые и шоссейные дороги, железнодорожный путь, станционные сооружения и т. п.

Основным принципом финнов в постройке полос заграждений было сочетание мощности препятствий с их массовостью.

Большие воронки на дорогах были глубиной в 7—10 метров, диаметром в 15—20 метров. В них закладывали по 200 килограммов взрывчатого вещества. Лесные завалы доходили до 75—250 метров по глубине. На один погонный километр дороги ставилось в среднем 200 противотанковых мин. Эскарпы и рвы были непреодолимы для средних танков. Железобетонные и гранитные надолбы зарывались в землю на глубину 0,5—0,7 метра.

Вся система организации и оборудования оперативной зоны заграждений была рассчитана на то, чтобы задержать Красную Армию в ее движении на Выборг. Однако 40 километров этой зоны были преодолены нашими войсками за 5—10 дней, после чего части действующей армии подошли к главной оборонительной полосе.

2 *Основная оборонительная полоса*

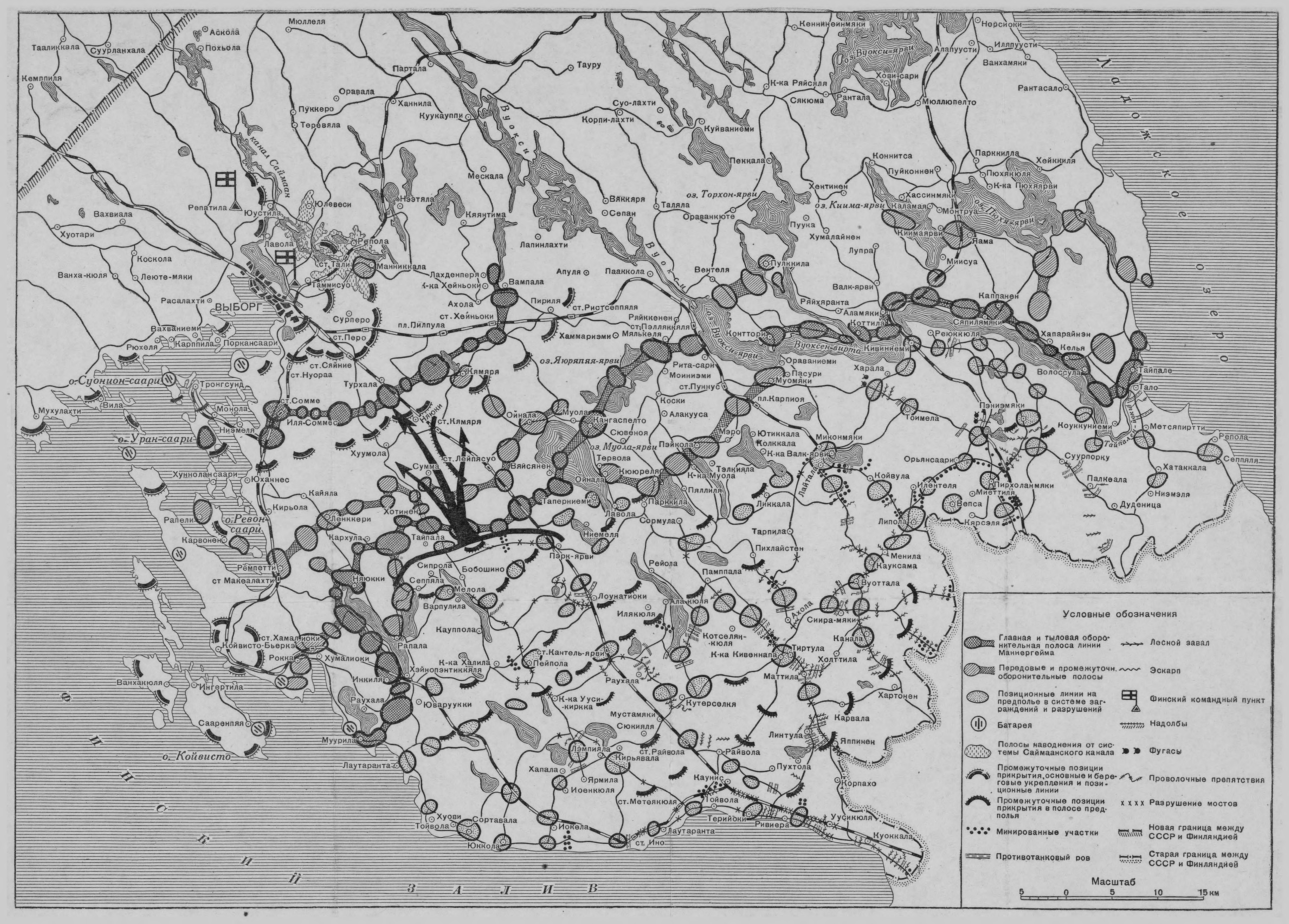
Линия Маннергейма, представлявшая собой главную, или основную, оборонительную полосу противника, состояла из 22 узлов сопротивления. Она проходила по следующему рубежу: от берега Ладожского озера, по реке Тайпален-йоки, водной системе Вуокси, далее по междуозерному дефиле на Муолаа, станцию Лейпясуо, высоту 65,5, Сумма, Кархула, Няюкки, Муурила, Койвисто.

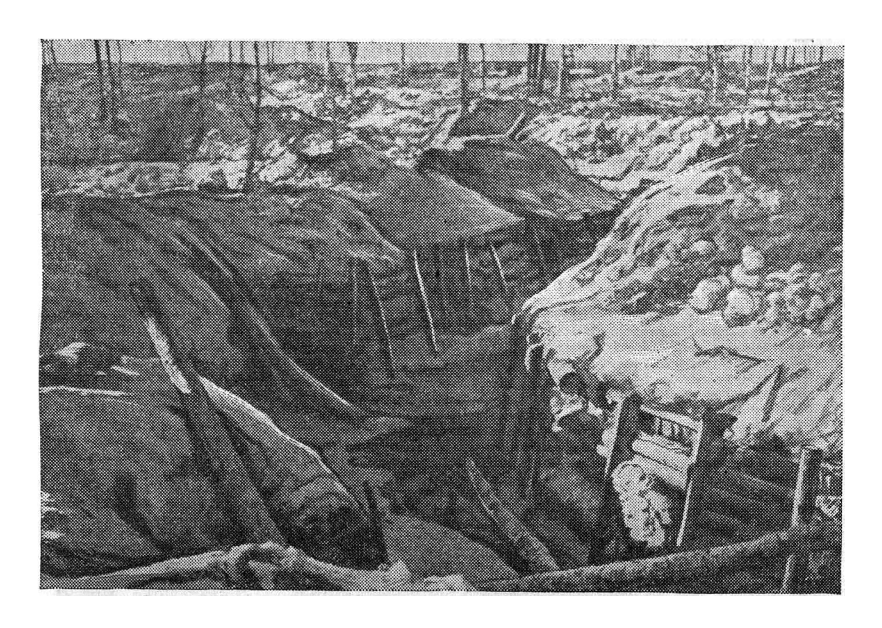
Кроме узлов сопротивления, на главной оборонительной полосе имелись также и небольшие отдельные опорные пункты, как, например, на высоте 38,2.

Основу обороны составляли: опорные пункты с тщательно продуманной системой флангового, косоприцельного и фронтального огня; развитая сеть противопехотных и противотанковых заграждений по переднему краю и в глубине с огневым обеспечением подступов.

Узлы сопротивления и промежуточные опорные пункты занимали тактически выгодные рубежи, междуболотные и междуозерные дефиле.

Узел сопротивления оборонялся одним-двумя стрелковыми батальонами, усиленными артиллерией. По фронту узел занимал

Ладожское озеро
Финский залив
Выборг
Вуокси
канал Сайма́ан
оз. Вуокси-ярви
оз. Торхон-ярви
оз. Кима-ярви
оз. Пюхя-ярви
оз. Яюряпяя-ярви
оз. Муола-ярви
Вуоксен-вирта
Тайпален-йоки
Лайталан-йоки
о. Сунион-саари
о. Уран-саари
о. Ревон-саари
о. Койвисто
Кексгольм
Тайпале
Муолаа
Кямяря
Сумма
Кюреля
Пэйкола
Тарпила
Ляхде
Бобошино
Пэрк-ярви
Сипрола
Сеппяля
Раутахала
Ропола
Койвисто-Бьеркэ
Лаутаранта
Терийоки
Куоккала
Ино
Райвола
Кивеннапа
Метсяпиртти
Мюллюпельто
Вамала
Хейньоки
Хаппола
Сурпер
Таммисуо
Юстила
Репатила
Условные обозначения
Главная и тыловая оборонительная полоса линии Маннергейма
Передовые и промежуточн. оборонительные полосы
Позиционные линии на предполье в системе заграждений и разрушений
Батарея
Полосы наводнения от системы Сайма́анского канала
Промежуточные позиции прикрытия, основные и береговые укрепления и позиционные линии
Промежуточные позиции прикрытия в полосе предполья
Минированные участки
Противотанковый ров
Лесной завал
Эскарп
Финский командный пункт
Надолбы
Фугасы
Проволочные препятствия
x x x x Разрушение мостов
Новая граница между СССР и Финляндией
Старая граница между СССР и Финляндией
Масштаб
5 0 5 10 15 км

Окопы белофиннов

3—4,5 километра и в глубину 1,5—2 километра. Он состоял из 4—6 опорных пунктов, каждый опорный пункт имел по 3—5 долговременных огневых точек, преимущественно пулеметно-артиллерийских, составлявших скелет обороны.

Каждое долговременное сооружение было окружено траншеями, которые заполняли также промежутки между узлами сопротивления. Окопы в большинстве случаев состояли из хода сообщения с вынесенными вперед пулеметными гнездами и стрелковыми ячейками на одного—трех стрелков.

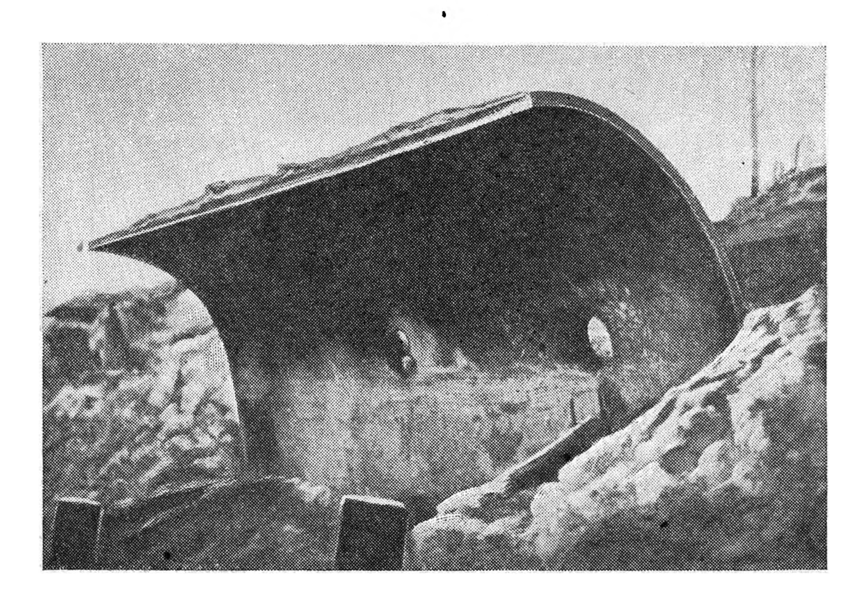
Стрелковые ячейки были прикрыты броневыми щитами с козырьками и амбразурами для стрельбы. Это обеспечивало голову стрелка от шрапнельного огня.

В каждой ячейке, в передней или боковой крутости, имелась небольшая ниша таких размеров, что туда мог залезть стрелок в согнутом положении. Финны отсиживались в этих нишах при артиллерийском обстреле. Здесь же в ячейках стояли зажигательные бутылки против танков и связки ручных гранат. Броневой щит со стороны наступающих маскировался естественным способом — снеговым покровом. Иногда поверх щитов укладывались бревна, что улучшало маскировку, прикрывая выемку в бруствере.

В системе траншей, как правило, никаких убежищ или блиндажей не было, весь гарнизон полевого заполнения узла укрывался, повидимому, в убежищах долговременных сооружений.

Траншеи в узлах сопротивления были отрыты заблаговременно. От наблюдения с воздуха они, за небольшим исключением, не были замаскированы. Проволочные заграждения фланкировались огнем из дотов.

Основными типами противопехотных препятствий были проволочные сети и мины. На разрушенных участках финны устанавливали рогатки, которые в конструктивном отношении несколько отличались от наших рогаток или спирали

Броневой щит с козырьком

Бруно. Эти противопехотные препятствия дополнялись противотанковыми. Надолбы обычно ставились в четыре ряда, на два метра один от другого, в шахматном порядке. Ряды камней иногда усиливались проволочными заграждениями, а в других случаях — рвами и эскарпами.

Таким образом, противотанковые препятствия превращались одновременно и в противопехотные.

Наиболее мощные препятствия были на высоте 65,5 у дота № 006 и на Хотинене у дотов № 45, 35 и 40, которые являлись основными в системе обороны Междуболотного и Суммского узлов сопротивления. У дота № 006 проволочная сеть доходила до 45 рядов, из которых первые 42 ряда были на металлических кольях высотой в 60 сантиметров, заделанных в бетон. Надолбы в этом месте имели 12 рядов камней и были

расположены посреди проволоки. Чтобы подорвать надолбу, надо было пройти 18 рядов проволоки под трех-четырехслойным огнем и в 100—150 метрах от переднего края обороны противника.

Дзоты в пределах узлов сопротивления отличались разнообразием конструкций.

Сооружение на один пулемет с покрытием состояло из четырех рядов бревен, двух слоев камней и земляной обсыпки.

Проволочные сети

В сооружении двухпулеметного типа на уровне со столом пулемета устраивались земляные полки, на которых иногда находились тюфяки. Значит, финны здесь же и ночевали. Но преимущественно эти полки служили для патронов.

Особенностью всех дзотов являлась настолько глубокая амбразура, что дуло автоматического оружия находилось примерно в середине ее. Это не позволяло видеть вспышку, искажало звук, маскируя его направление, и таким образом затрудняло определение цели по звуку.

Второй особенностью дзотов была незначительная их высота над горизонтом и хорошая маскировка. Поэтому часть их так и осталась невыявленной и неразрушенной. На многих дзотах были не воткнутые, а живые деревья высотой в 3—4 метра, что указывает на большую давность сооружений. При

наземном наблюдении такие дзоты выглядели обыкновенными низкими холмиками.

Дзоты описанных типов разрушались даже от одного прямого попадания 152-миллиметрового снаряда, а именно из орудий такого калибра в основном и велся обстрел узлов сопротивления.

В некоторых случаях промежуточную местность между дзотами и дотами занимали жилые постройки. Они обычно находились на окраине населенного пункта и были сложены из гранита, причем толщина стен доходила до 1 метра и более. Такие дома финны при надобности превращали в оборонительные укрепления.

Полевое заполнение узла дополняло огневую мощь и повышало сопротивляемость оборонительного участка.

Насыщение огневыми точками наиболее мощного Хотиненского (Суммского) узла обороны достигало: на один квадратный километр 5 долговременных и 10 дерево-земляных огневых точек; на 1 погонный километр — 2 долговременных и 5 дерево-земляных огневых точек.

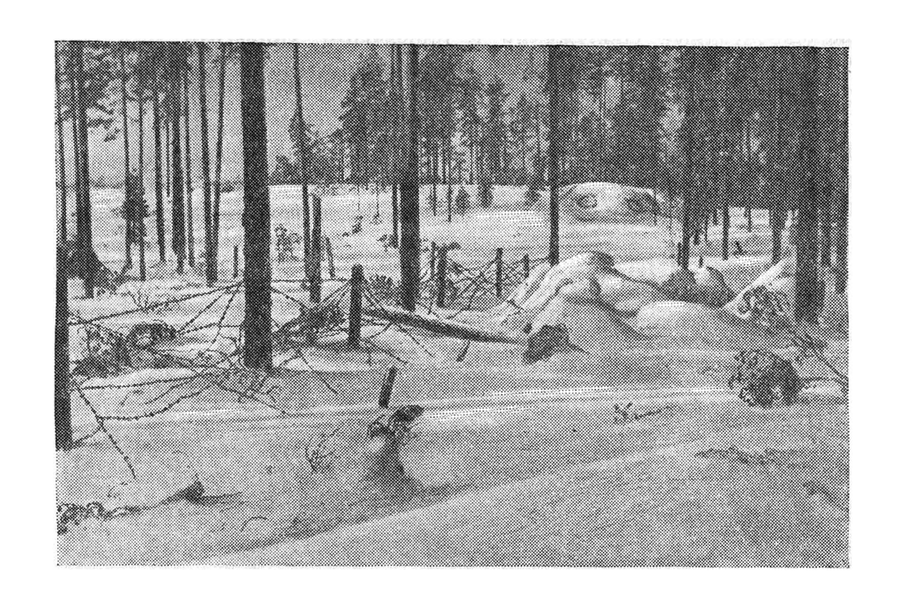
Что же представляли собою доты?

Железобетонные сооружения были двух сроков постройки: 1929—1937 гг. и 1938—1939 гг.

Сооружения первого периода — обычно небольшие, одноэтажные доты на 1—3 пулемета без убежища для гарнизона и почти

Надолбы

На заднем плане дзот двухпулеметного типа

без всякого внутреннего оборудования. Впоследствии многие из этих сооружений были модернизированы путем утолщения бетона, укладки бетонных и каменных тюфяков и установки броневых плит на амбразурах.

Сооружения второго периода, называемые финнами «Миллионные», представляли собой большие современные доты на 4—6 амбразур, из которых одна-две орудийных, преимущественно фланкирующего действия. Такой дот имел полное внутреннее оборудование. Обычно в нем находилась также железобетонная казарма на 40—100 человек — не только для личного состава дота, но и для гарнизона окружавших его полевых построек.

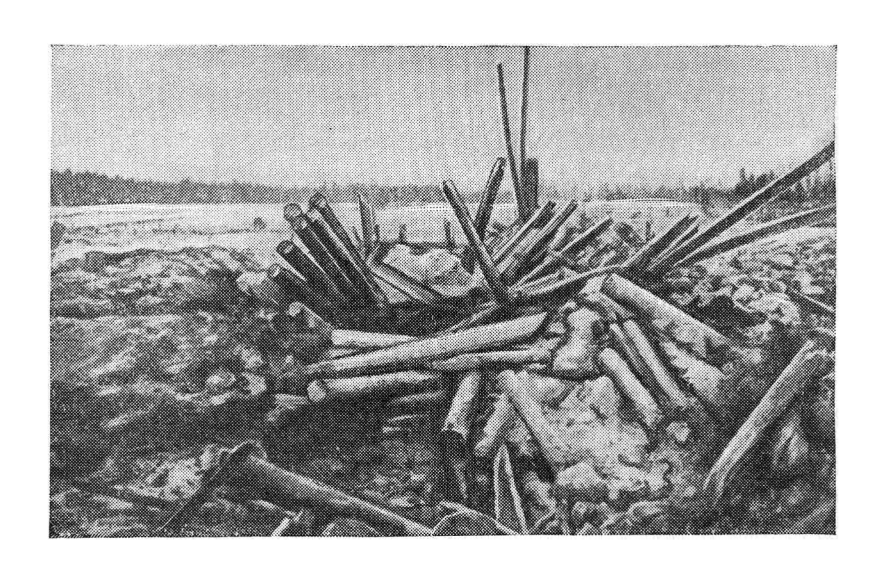
Над каждым сооружением второго периода имелись заделанные в железобетон 2—3 бронеколпака (башни) с круговым обзором.

Общая планировка дотов такова: боевые казематы на 2—3 амбразуры, помещение для боеприпасов, коридоры со спусками в казарму, машинное помещение, офицерская комната, помещение для продовольствия, кухня, уборная, тупиковый или сквозниковый вход с броневыми дверями и лаз в бронекупол.

Сопротивляемость дотов, при толщине стен и покрытия до 1,5—2 метров железобетона, была рассчитана против 203-миллиметровых снарядов. На важнейших направлениях стояли

железобетонные сооружения с броневыми лицевыми стенками толщиной до 75 сантиметров, рассчитанными на ту же сопротивляемость.

Над центральной частью этих сооружений, которая обычно являлась казармой и одновременно подземным ходом сообщения между боевыми казематами, лежала «подушка» из земли в 2—4 метра с одной-двумя прослойками гранитных валунов.

Дзот, разрушенный 152-миллиметровым снарядом

Эта «подушка» вызывала преждевременный разрыв снарядов, увеличивая живучесть сооружения.

Слабые стороны финских долговременных сооружений таковы: неполноценное качество бетона у построек первого срока, перенасыщение бетона гибкой арматурой, отсутствие у построек первого срока жесткого армирования.

Сильные же качества дотов заключались в большом количестве огневых амбразур, простреливавших ближние и непосредственные подступы и фланкировавшие подступы к соседним железобетонным точкам, а также в тактически правильном расположении сооружений на местности, в тщательной их маскировке, в насыщенном заполнении промежутков.

Полевое заполнение узлов состояло: из дерево-земляных огневых построек на 1—3 пулемета, рассчитанных на сопротивление 122- и 152-миллиметровым снарядам; открытых пуле-

метных гнезд и стрелковых окопов; снайперских ячеек со специальной сигнализацией; сети траншей для маневра живой силой и огнем; заслонов и огневых построек для противотанковых пушек; различных заграждений.

О мощи основной оборонительной полосы на Карельском перешейке говорят следующие цифры: 194 железобетонных сооружения и 805 дерево-каменно-земляных огневых точек захвачены Красной Армией в боях на линии Маннергейма.

3. *Вторая оборонительная полоса, или полоса тактических резервов*

Эта полоса начиналась в 3—5 километрах от основной оборонительной полосы и соединялась с ней отсечными позициями: Лейпясуоской, Суммско-Харьюмякской, Няюкки-Суярвинской.

В полосе тактических резервов находились 39 долговременных огневых сооружений и 178 дерево-земляных построек. Она была оборудована по тем же принципам, что и основная оборонительная полоса, но с меньшим развитием полевого заполнения.

В лесах и оврагах были расположены склады боеприпасов, землянки и убежища, в которых размещались тактические резервы линии Маннергейма. В районе Вяйсянен были обнаружены даже железобетонные казармы, правда, недостроенные.

Отсеки между главной оборонительной полосой и полосой тактических резервов были созданы на болотных рубежах, не проходимых для танков.

Вся полоса местности между главной оборонительной полосой и Выборгской тыловой позицией была хорошо оборудована и обеспечена лесными позиционными дорогами для тактического маневра частей обороны.

4. *Выборгская тыловая позиция*

Эта позиция состояла из узлов сопротивления: Сурперского, Алосяйниеского, Илясяйниеского, Нятяльского. Она находилась в 12 километрах от основной оборонительной полосы и имела 18 железобетонных сооружений и 77 дерево-земляных.

Перед тыловой оборонительной полосой имелось до шести промежуточных линий обороны с развитой системой заграждений и разрушений.

5. Выборгская позиция прикрытия

На подступах к городу Выборгу со стороны юго-востока, юга и юго-запада была оборудована Выборгская позиция прикрытия. Она имела два рубежа обороны. На первом рубеже были 16 долговременных и 31 дерево-земляная огневые точки.

Самый город Выборг с его окраинами представлял прочный узел сопротивления с 29 пулеметными блиндажами, развитой системой заграждений (особенно минных и фугасных полей), с большим количеством убежищ.

Первый рубеж представлял собой заблаговременно построенную укрепленную позицию. Он включал в себя опорные пункты: Корьяла, высота «Восьмерка», общественный дом, кладбище севернее ипподрома, Киройля, Ояла, Кангхсранта и Каремяки. В промежутке между опорными пунктами находилось полевое заполнение.

Насыпь окружной железной дороги использовалась как линия боевого охранения и была оборудована легкими крытыми пулеметными и стрелковыми ячейками.

Уступное расположение опорных пунктов и открытая местность впереди позволяли вести действительный огонь на предельную дальность.

За многочисленными камнями и развалинами зданий имели возможность укрыто располагаться автоматчики и минометчики. Хорошее наблюдение позволяло вести прицельный минометный огонь.

Основным противотанковым препятствием явились четырехрядные каменные надолбы (на дорогах — до трех полос). В незначительном количестве встречались эскарпы и контрэскарпы. Проволочные препятствия в один—три кола тянулись по всему обводу в комбинации с минными полями.

Минирование подступов к первому рубежу, а также всего городского участка до второго рубежа было проведено в широком масштабе. Применялись металлические мины наступного действия всех типов, деревянные, ползунковые, «сюрпризы» и снаряды с упрощенным взрывателем. Установка производилась комбинированная.

Фугасы наступного действия соединялись с «сюрпризами». Все мосты были подорваны, а места возможных объездов усиленно заминированы.

Вторая (внутренняя) оборонительная полоса проходила через центр города и представляла собой ряд позиций, соединенных огневыми точками, в развалинах и зданиях, приспособленных к обороне: общественный дом, тюрьма, городские кварталы у станции, больница и др. Основными сооружениями были одиночные ячейки и крытые картонными «тюфяками» пулеметные гнезда, приспособленные к обороне дома. Живая сила рас-

полагалась в подвалах домов, в бывших складах, на валах старой крепости. Для обеспечения обзора и обстрела всю юго-восточную часть города финны сожгли и разрушили. Вся эта часть города была сплошь заминирована. Противотанковым препятствием на открытых участках явилась баррикада, сделанная из мебели, дров и других подручных материалов. На дорогах и в местах, где стояли противотанковые орудия, баррикады были сделаны из тюков картона.

Чтобы обезопасить себя от охвата с северо-востока, финны организовали систему большого затопления местности водами Саймаанского канала.

Саймаанский канал построен в 1844—1859 гг. и перестроен в 1934—1939 гг. Вместо 28 узких шлюзов при перестройке создано было 12 широких. Канал начинается от губы Лауринсала, в южной части озера Саймоло, и через губу Суоменведенпохья выходит в Финский залив. Длина канала 59,3 километра. Полная разница уровней между озером Саймаа и Финским заливом 75,9 метра.

Для наводнения и большого затопления восточной и юго-восточной части местности от системы Саймаанского канала белофинны построили водоподпорную глухую плотину в горле Суоменведенпохья, что южнее Юустила.

Эта плотина была рассчитана на два случая последовательного наводнения и затопления местности. В первом случае воды канала, удержанные плотиной, поднимают уровень и через рукава озера Лепелен-ярви прорываются в озеро Кярстилен-ярви, наводняют долину реки Перон-йоки и затопляют местность на высоту до 2,5 метра от отметки 1,3, т. е. до отметки 3,8 метра. Во втором случае, после затопления участка местности водоподпорная плотина взрывается, и вся масса вод канала устремляется сильным потоком в Суоменведенпохья, ломает лед, затопляет низменность и часть Выборга. Затопление Выборга было бы значительным, если бы противник закрыл проливы Суоменведенпохья перемычками. Уровень воды поднялся бы тогда до 2,5 метра.

Затопление восточной и юго-восточной части местности от Выборга финны начали в конце февраля. Вода разлилась примерно на 30 километров в длину и около 6 километров в ширину. Район затопления приближался к Выборгу местами на 5 километров.

6. Островные и береговые укрепления

Старая крепость Тронгсунд и острова Выборгского залива были также оборудованы противником как узлы сопротивления. Белофинны построили здесь 77 долговременных и 90 дерево-земляных огневых точек.

Все дороги и подступы к огневым постройкам были минированы. Только на двух островных и береговых узлах сопротивления (Тронгсунд и остров Раван-саари) обнаружено и обезврежено нашими саперами 5 500 мин и различных фугасов.

Мелкие и промежуточные острова, несмотря на слабое их оборудование в инженерном отношении, уже вследствие природных условий (леса, глубокий снег и т. п.) представляли собой серьезные препятствия для наступления наших частей.

* * *

Так выглядел Карельский перешеек — мощный плацдарм, подготовленный Финляндией в союзе с крупнейшими империалистическими державами для нападения на Советский Союз. Враги нашей Родины противопоставили нам передовую фортификационную технику в сочетании с географическими и топографическими особенностями Карельского перешейка, одного из самых труднодоступных уголков земного шара. Старший инструктор бельгийской «линии Мажино» генерал Баду, работавший техническим советником Маннергейма, писал:

«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами — Ладожским озером и Финским заливом — имеются непроходимые леса и громадные скалы.

Из дерева и гранита, а где нужно — и из бетона, построена знаменитая линия Маннергейма. Величайшую крепость линии Маннергейма придают сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где нехватало гранита, финны не пожалели бетона».

Так говорили те, кто создавал линию Маннергейма. Но большевики говорят иначе; большевики говорят словами своего мудрого вождя, словами великого Сталина:

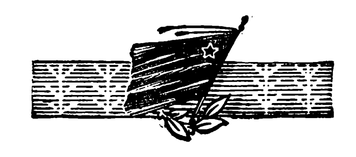
«Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Армию большевиков — Красную Армию, выполняющую приказ партии и правительства, приказ любимой Родины, не смогли остановить на ее победном пути могучие укрепления линии Маннергейма.

Прорыв такой укрепленной линии — дело новое в военном искусстве. В этой области еще не существовало опыта. Не существовало практического решения этой сложнейшей задачи. Впервые в военной истории эту задачу решила Красная Армия.

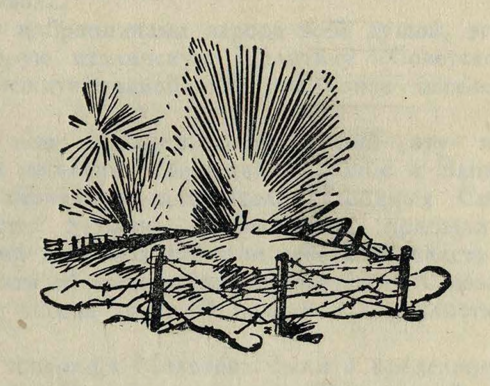
Советские войска на Карельском перешейке в жестоких боях с врагом захватили 356 железобетонных сооружений и 2 425 дерево-земляных огневых точек, вооруженных 2 204 пулеметами и 273 артиллерийскими орудиями. На развалинах этих укреплений, на руинах знаменитой линии Маннергейма, считавшейся неприступной и неуязвимой, были разгромлены финские войска.

Красная Армия с честью выполнила свою историческую задачу по обеспечению безопасности города Ленина и северо-западных границ нашей Родины: плацдарм для войны против Советского Союза, подготавливавшийся в течение двух десятилетий на Карельском перешейке, был разрушен и перестал существовать.

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

ВЛ. СТАВСКИЙ

Что случилось в районе Майнилы

(Из записной книжки)

Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР, начавшая свою работу 31 октября 1939 года, в первый же день заслушала доклад председателя Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара иностранных дел товарища В. М. Молотова о внешней политике Советского Союза.

Сессия постановила единодушно одобрить внешнюю политику Советского Союза.

И вместе с избранниками народа всей душой, всем сердцем одобрили мудрую сталинскую политику Советского Союза в области международной 170 миллионов населения нашей Родины.

Одобрили всем сердцем, всей душой эту политику и 13 миллионов населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Полномочные представители Народных Собраний западных областей Украины и Белоруссии прибыли на сессию с декларациями о провозглашении советской власти и с просьбой принять эти области в состав Советского Союза. И в этом тоже звучала победа внешней политики социалистического государства.

В докладе товарища Молотова были с предельной ясностью освещены наши взаимоотношения с Финляндией. Шли переговоры. В условиях той международной обстановки Советский Союз не только имел право, но и обязан был принять серьезные меры для укрепления своей безопасности. Особенно в связи с тем, что Финляндия — это морской подступ к Ленинграду, а ее сухопутная граница в каких-нибудь 30 километрах нависла угрозой над городом Ленина.

Наши предложения Финляндии ограничивались тем минимумом, без которого невозможно было обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения с Финляндией. Мы начали переговоры с предложения заключить советско-финский пакт взаимопомощи,— Финляндия отказалась.

Мы готовы были итти навстречу Финляндии в тех вопросах, в которых она была особенно заинтересована. В ответ на явное миролюбие и добрососедское заявление главы советского правительства товарища Молотова, сделанное им на сессии,—министр иностранных дел Финляндии Эркко выступил по сути с призывом к войне против СССР. Он угрожал Советскому Союзу, заявляя, что знает, на какие силы может опереться Финляндия, какие силы могут обеспечить «нейтралитет и свободу Финляндии».

Естественно, взоры всего советского народа, внимание каждого советского патриота были устремлены к городу Ленина, к северо-западным границам Родины.

От финляндских провокаторов войны, действующих по указке своих заморских хозяев, мы ждали в любую минуту всякой пакости. На советско-финской границе было усилено наблюдение за тем, что затевается там, у врага.

* * *

21 ноября, за пятидневку до провокации у Майнилы, я был на границе у моста через реку Сестру, на Выборгском шоссе. Журчала под бугром студеная зимняя вода. Там, за мостом, виднелись столбы и колья проволочных заграждений. Хмуро чернели на той стороне высокие ели, раскачивались под ветром кроны двух гигантских сосен. Словно мрачное воронье, торчали на сучьях сосен финские наблюдатели. Правее сосен, на бугре просматривалось бетонированное сооружение. Дорога за мостом упиралась в противотанковый ров. И еще было ясно видно: всюду следы, всюду большое движение — укрытое, тайное, ночное.

С бугра около Майнилы видна на той стороне реки Сестры деревня Тамисспена. Возвышается большое здание школы. Оно занято солдатами. Подход к школе замаскирован, укрыт свеже срубленными елками.

С товарищами мы прошли вдоль границы по над берегом Сестры десяток-другой километров. И всюду дозорные сообщали о приготовлениях врага.

Над землей торжественно шествовала серебряно-голубая ночь. Казалось, можно было разобрать каждую хвоинку на соснах и елях. Из-за дерева вдруг мерцала синяя сталь штыка. Дозор.

Хрусткая тишина. Напряженный слух вдруг поймал отдаленный стук.

Дозорный сообщает, что на той стороне каждую ночь рубят деревья — стучат топоры, с шумом падают сосны и ели. Белофинны все больше выставляют станковых пулеметов, противотанковых пушек.

Враг готовился, затевал провокации. Население финских деревушек было выселено. Ни одного огонька.

А на нашей стороне — жизнь радостная, яркая. Приветливо светятся окна в домах сел и деревенек. Над зазубринами елового леса встает полная светлая луна. Искрится синий снег. И от этого сказочного леса, и от луны, и от звонкого мороза, от милых огней в домах моей Родины,— на душе радостно и легко, как в детстве.

Под соснами собираются красноармейцы. В хрустально чистом воздухе задорно звенит молодой смех. Чеканно стучит движок. Начальник клуба с киномехаником спешат — налаживают экран между стволов.

Тут же разговаривают бойцы.

Пулеметчик Молчанов Дмитрий, рыбак с берегов Охотского моря, веско заявляет:

— Что делается за границей — это мы все понимаем. И все их гнездышки,— пулеметные и другие, знаем — по ракитам, да по соснам!..

В голосе его чувствуется непоколебимая сила убеждения, ясность сознания, уверенность в правоте своего дела.

Проходит над землей ночь: в угрюмо злобных действиях там, на финской стороне, в живом и чудесном сверкании огней — на нашей.

Днем словно вымирала белофинская сторона. Только наблюдатели на вышках и деревьях чернели в своих тулупах зловещими сычами.

* * *

Так шли дни, вплоть до 26 ноября.

Это был обычный наш день на границе. К утру выпал легкий снежок. И воздух был особенно свеж.

В поле, в лесу шли обычные красноармейские занятия. Группа лыжников мчалась по равнине, стремительно спускалась с бугров и косогоров, взлетала на высотки.

И этот мягкий, бодрящий день, и румяные деловые лица красноармейцев, и легкий звон синиц в лесу,— все сливалось в одно светлое и легкое впечатление.

И вдруг оттуда, с угрюмой финской стороны, резко гукнула пушка. Еще и еще.

По воздуху с нарастающим воем пронеслись снаряды. Они разорвались на нашей, советской стороне. И на свежий снег брызнула кровь.

Так же внезапно, как и открыли огонь, замолкли на финской стороне пушки.

Лежали на снегу убитые наши товарищи. На лицах у них как будто навеки застыла печать недоумения.

Раненым оказывали помощь. Превозмогая боль, говорили они, как предательски подверглись обстрелу, как снаряды разрывались прямо среди бойцов, занимавшихся учебой на вершине бугра около Майнилы.

Из подразделения в подразделение и на всю страну летела страшная весть.

— Провокация! Финская буржуазия начала стрелять по нашим людям, на нашей земле.

На землю падали синие сумерки. С Балтики рванулся сырой и тревожный ветер. Гулко зашумели сосны и ели, раскачивая черными лапами.

Наступала ночь гнева и скорби. От Майнилы, от полянки, забрызганной кровью дорогих товарищей, мы шли из части в часть — говорили с красноармейцами, командирами, политработниками.

Пулеметчик Спокойчев Дмитрий — высокий и стройный, горячий, страстный — громко сказал:

— Когда выстрелы были — мое сердце огнем занялось! К бою я готов! Как и все мои товарищи! Так я хочу товарища Молотова попросить: «Давайте, товарищи правительство, приказ скорее. Время за все рассчитаться с врагами! Терпения нашего нет».

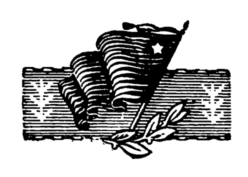
Всюду — жаркое волнение. Уже обсудили товарищи и сообщение ТАСС, и ноту советского правительства, направленную Финляндии. Всюду — одно: к бою готовы, не терпится, скорее бы приказ.

В кругу бойцов поднимается командир пулеметчиков лейтенант Яковлев, и все слушают его с огромным вниманием.

— Быть готовым — это правильно... Недалек час. А сколько мы перенесли от провокаций, от злобы врага. Я девять лет на финской границе. Провокациям счет потерял. Ну, скоро и провокаторам, и тем, кто ими там управляет, будет крышка...

Скоро утро. Не спят на границе. В сумерках рассвета на бугре около Майнилы чернеют разрывы вражеских провокационных снарядов, алеет кровь наших товарищей.

Вот что случилось 26 ноября 1939 года в районе Майнилы.

Полковой комиссар

С. КОВТУНЕНКО

Накануне

Когда глядишь на ту сторону, за границу — все как будто спокойно: леса, холмы и деревья на пригорке. Но присмотришься глазами пограничника и видишь: на сосне примостился финский наблюдатель, за ветками прячется телефонист, а внизу еле заметны покрытые ветвями холмики — это брустверы окопов. Там, в земле — белофинны.

В прошлую ночь они суетились, пробирались ползком к границе и уходили обратно. Утром все стихло, но Выборгское шоссе перерезал свежий окоп, и по бокам в кустах выстроились замаскированные пулеметы.

День за днем глядят пограничники через реку Сестру, и каждый день на том берегу «новости».

Вчера у моста были видны следы свежей земли, и в гору змеей потянулся кабель. Сегодня у сараев можно разглядеть новые окопы.

Потом прогремели выстрелы провокаторов у деревни Майнила.

Никто не созывал людей. Бойцы, командиры, политработники сами собрались на поляну к землянке-клубу.

Трибуной служила автомашина. Начался митинг.

Первым говорил знатный танкист Федор Дудко.

— Нашему терпению пришел конец. Ждем от правительства боевого приказа, чтобы раз и навсегда обуздать зарвавшихся поджигателей войны!..

Младший командир Луппов пошел к трибуне. Не дойдя до нее, он в нетерпении крикнул:

— Чего много говорить? Пошлите наш экипаж первым в бой...

Попрежнему день за днем глядели пограничники через реку. Маскируясь, возились в земле белофинны. Напряжение все возрастало.

Бойцы и командиры целыми днями ощупывали и осматривали каждую деталь своих танков, протирали и смазывали пушки и пулеметы.

Радиоприемники в землянках не переставали работать круглые сутки. Если люди ложились спать, обязательно оставляли дежурного у радиоприемника.

День 29 ноября, с утра туманный, начался обычно. Продолжали боевую учебу, а к вечеру мылись, чистились, брились.

Наступали сумерки. Снег падал большими хлопьями на деревья, на танки...

В штабе бригады шло совещание. Командиры и комиссары частей, выслушав приказ Военного Совета Ленинградского военного округа, по телефону приказали собрать коммунистов и комсомольцев, а через полчаса весь личный состав. И вот по лесу понеслось:

— Коммунисты и комсомольцы на собрание!

Навстречу ответственному секретарю бюро комсомольской организации Бергангу бросился механик-водитель Иванов.

— Товарищ секретарь! Наверно, приказ получен?

— Еще ничего не знаю, — ответил Берганг.

Собрались быстро, все как один. Землянка полна. Растет нетерпение.

Вдруг дверь распахнулась. В землянку вошли командир батальона капитан Ушаков, комиссар старший политрук Бекасов и представитель политотдела. Стало тихо. Керосиновая лампа еле мерцала в темноте, освещая тусклым светом потемневшие от ветра лица.

Все внимательно слушают: — перейти границу, разгромить финские войска, раз и навсегда обеспечить безопасность города Ленина — колыбели пролетарской революции, безопасность северо-западных границ нашей Родины.

— За нашу любимую Родину! — крикнул комсомолец Самойлов.— За великого Сталина! За главу Советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова! Ура!

Ура прокатилось из землянки по лесу. Все встали и запели «Интернационал». Бойцы, собравшиеся группами у землянок, еще не зная в чем дело, подхватили пролетарский гимн, и казалось, что поют не только люди,— поет лес, земля, поет небо.

Принята короткая резолюция. Вскакивает с места комсомолец Васин. Говорит воодушевленно:

— За любимую Родину, за великого Сталина буду громить врага, не пожалею своей молодой жизни. Пошлите нашу машину первой в бой!..

— Становись! — раздалось в ротах.

В темноте батальон быстро собрался на митинг. Валил густой снег. Начало подмораживать. Тусклый свет фонаря едва освещал лица ораторов. Гремело красноармейское «ура»...

Ожидали приказа о выступлении в бой.

В 23 часа у комиссара батальона тов. Бекасова появилась в блокноте запись:

«Настроение личного состава боевое. Все рвутся в бой. 82 человека подали заявления о приеме в партию».

Приказано всем спать. Накопить силы для боя. Улеглись, но разве можно уснуть в такую великую ночь.

Кажется, все уже спят, но вот мы входим в землянку, и сразу все открывают глаза.

— Товарищ командир, встаем? Выступать?

— Да спите же, товарищи, спите спокойно, пользуйтесь отдыхом.

Снова все закрывают глаза, будто спят, и только кто-то, не выдержав, глубоко вздыхает и говорит недовольным тоном:

— Чего тянуть, и так уж выспались.

Кажется, все уже спят, но вот окрик часового и еще, еще...

Караульные окликают водителей. Водители один за другим идут к танкам.

— Зачем вы пришли сюда?

— Как зачем? Машину посмотреть.

Людей нельзя удержать в землянках. Мороз становился крепче. Всем хотелось убедиться, не застыло ли масло. Почуяв мороз, потянулись из землянок и водители колесных машин.

— Я снаряды подвожу и патроны. Мне надо все проверить, — говорит Михайлов.

— А у меня горючее, бензин в цистерне, — говорит Алексеев. — Замерзнет радиатор, что я буду делать?

— Я с продовольствием, — говорит Митрофанов. — Не подвезу продовольствия, — вы голодные будете.

Всю ночь кипела работа. Командиры не спали. Они внимательно изучали исходные позиции, боевой курс, переправу. Уточняли боевую задачу.

И всю ночь работала разведка.

Бойцы поднялись по тревоге. Зашумели моторы, люди еще и еще раз проверяли себя и свое оружие, каждый мысленно прикидывал, как будет форсировать реку, преодолевать рвы, надолбы, уничтожать вражеские противотанковые орудия и пулеметы.

Мимо танков проходили части, подтягивались резервы, шел второй эшелон.

Связисты непрерывно проверяли линию. Ночью прошла тяжелая артиллерия — туда, к самой границе. У реки в лесу, широко по фронту, рассыпалась пехота.

Танкисты ожидали сигнала. Забрезжил рассвет. Было без пяти минут восемь. Все стихло вокруг...

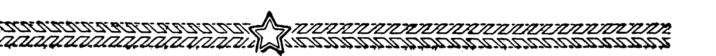
Без одной минуты восемь. Бледнеет восток. Ни звука. И вдруг разом в тысячах мест блеснули зарницы гаубиц, заревели тяжелые дальнобойные орудия. Непрерывно свистели и разры-

вались снаряды. Глухо били крепостные орудия. Это вступили в бой Кронштадт и его форты.

Небосклон стал краснеть, потом вспыхнуло яркое пламя. Горел финский кордон. Белофинны стали отвечать из пулеметов. Запели пули. Артиллерия белофиннов, едва успев сделать три выстрела, была раздавлена ураганом металла.

Стихла канонада. Двинулась вперед пехота. Зашумел, закачался лес. Это стальная лавина танков, преодолев реку, устремилась на врага. На башнях было написано: «За Родину, за Сталина!»

Сержант

К. КРАВЧЕНКО

Так началось

Получив 24 ноября разрешение командира взвода, я взял лыжи и ушел кататься. Первая в ту зиму лыжная прогулка была продолжительной, но я не чувствовал усталости. Возвратившись в подразделение, я протер лыжи и поставил их на место. В казарме было весело и шумно. Время подходило к ужину. После ужина — кино.

— Товарищ отделенный командир, вас вызывают в штаб, — сообщил мне дневальный.

Я шел и раздумывал. Положение на границе напряженное. Что-то меня ожидает в штабе?

Явился к командиру батальона капитану Аксенову.

— Товарищ Кравченко, поручаю вам выполнение ответственной задачи, — сказал мне капитан Аксенов. — Нам известно, что белофинны предпринимают различные военные меры против нас. Ваша задача: вести самое тщательное наблюдение за белоостровским железнодорожным мостом. Все, что увидите, записывайте и обо всем докладывайте мне. Командир роты выделит вам отделение бойцов. В случае боевых действий задача вашего отделения — захватить мост, не допустить, чтобы его взорвали. Действуйте решительно и смело. Задача ясна?

— Ясна, товарищ капитан!

Это была первая порученная мне боевая задача.

Вернувшись в казарму, я принял отделение. Мы взяли необходимые для наблюдения приборы и двинулись в путь. Перед уходом я написал записку своему товарищу: «Петя! Смотреть кинокартину сегодня не буду. Иду выполнять боевой приказ. Подробности узнаешь после. С комсомольским приветом. Константин...»

Но только через несколько дней я получил боевое крещение. Когда заговорила наша могучая артиллерия, я скомандовал своим окопавшимся бойцам:

— Отделение, вперед, за мной! — и мы бросились на железнодорожный мост.

Белофинны открыли по мосту пулеметный огонь. Наша артиллерия уничтожила пулеметное гнездо. Враг был сбит и стремительно отступал. Мы осмотрели мост и полотно — все было целым. Белофинны при отступлении не успели его взорвать.

Под рельсами у самого моста мы обнаружили хитро замаскированные мины. Быстро вытащили их, сложили под откосом и поставили знак.

Не теряя времени, отделение вместе с ротой направилось вперед. Сквозь лес мы разглядели белый дом финской пограничной комендатуры. Из окна застрочил пулемет. Дом был сразу окружен, и пулемет замолчал.

Командир взвода лейтенант Лехтовецкий, взяв с собой шесть человек (в их числе был и я), повел нас к комендатуре. Взломали прикладами дверь и окно, вошли внутрь. На окне стоял станковый пулемет с лентой. Вскоре мы нашли и пулеметчика: он спрятался в шкафу под висевшей там одеждой. Это был первый шюцкоровец, взятый нами в плен...

После обеда командир роты приказал произвести разведку приморского шоссе, и если обнаружим мины, — уничтожить их.

Продвигаясь вперед по шоссе, мы внимательно осматривали дорогу и перекрестки. Один перекресток показался подозрительным. Из-под снега кое-где виднелась солома. Осторожно разгребая снег руками, я нашел мину, похожую на кастрюлю. Вспомнив порядок расстановки мин, я уже без особого труда определил, где находится вторая.

Мина была незнакомой системы. Посредине — медный стержень. Металлическая оболочка выкрашена в коричневый цвет Тщательно осмотрев мину, я увидел, что стержень вывинчивается. Это и был взрыватель. Так мы открыли простой секрет финской (английской) мины.

Узнав, как обезвреживать эти «сюрпризы», бойцы начали расчищать минное поле. На сравнительно небольшом участке мы вынули 40 замаскированных мин, разрядили и уничтожили их.

После небольшого отдыха я направился с отделением в Териоки. Город уже был занят батальоном капитана Угрюмова. Небольшие группы белофиннов еще держались в отдельных домах и в церкви, встречая проходившие части и обозы пулеметным огнем. Эти группы вскоре были уничтожены.

За два дня боев с белофиннами мое отделение не только выполнило задачу по захвату моста, ознакомилось со многими видами препятствий, но и научилось быстро их преодолевать под огнем противника. Эта наука первых боевых дней принесла нам впоследствии громадную пользу.

☆

Младший лейтенант
БОЛОВИН

Через реку Сестру

Где-то раздался первый выстрел, и через секунду воздух грохотал от беспрерывной орудийной стрельбы. В первые минуты без привычки охватывает какое-то оцепенение. Не знаешь, куда деваться, кажется, вот тебя воздухом оторвет от земли. Но это лишь в первые минуты, а дальше свыкаешься.

Я иду с начальником штаба в район постройки моста через реку Сестру. Артиллерийская подготовка продолжается, через головы летят сотни снарядов. Ощущение такое, что снаряд вот-вот заденет голову. Первое время от каждого пролетающего снаряда ложимся, а потом надоедает, поднимаемся и идем во весь рост. Вот и граница. До цели метров двести, осталось лишь пробежать поляну и спуститься вниз к мосту. С финской стороны слышится треск пулемета. Броском преодолеваем поляну, и мы у моста. Мост уже строится. Бойцы с исключительным воодушевлением выполняют первую боевую задачу. Человек пятнадцать бойцов стоят по пояс в холодной воде, у всех желание скорее окончить мост и дать артиллерии и танкам возможность двинуться вперед и громить врага.

Получаю задачу перейти реку Сестру с группой бойцов и организовать охрану строящегося моста. Мы занимаем рубеж обороны. Впереди, метрах в двухстах, здание пограничной финской заставы. Не слышно ни звука. Вот мост построен. Саперы организуют пропуск грузов, регулируют движение, помогают втягивать в гору орудия, повозки и т. д.

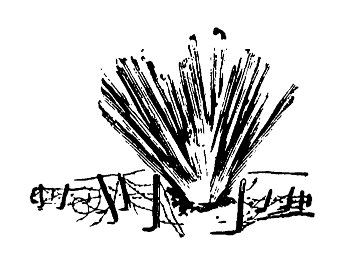
С группой командиров идем на заставу финнов. Всюду заметны следы поспешного ухода врага. Вот лежат оставленные брюки, фуражки, даже на столе стоит только-что открытая бутылка ликера. Открыли, а выпить не успели.

Вечером, собравшись в штабе, делимся впечатлениями первого боевого дня. У всех хорошее настроение. Батальон хорошо справился с первой боевой задачей. Все три моста через реку Сестру были построены в срок. Саперы батальона в один день расчистили десятки километров дороги от мин. Но вот входит помощник старшины 1-й роты Давыдкин. На лице его тревога.

Он объявляет: убит старший лейтенант Виноградов. Все поражены, — это первая жертва в войне. Не хочется верить. Еще несколько часов назад Виноградов со своей ротой строил мост, помогая то той, то другой группе бойцов в работе. И вот этого командира не стало, он подорвался на мине, расчищая путь для наших войск. Все встали и в напряженном молчании отдали последний долг командиру, погибшему на боевом посту.

Потянулись боевые дни. Штаб часто менял место расположения. Вот мы уже на третьем месте в Кирке Кивеннапе. Этот красивый поселок дотла сожгли отступавшие белофинны. Уцелели лишь редкие сараи или бани. Штаб занимает сеновал. Осматриваем пепелище. Догорает большой лесопильный завод. Останавливаемся у скотного двора; здесь лежат обуглившиеся коровы. Отступая, белофинны зверски истребляют скот, домашнюю птицу, — все, что можно предать огню. В штаб приводят пленного офицера. Расспрашиваем его. Он из резерва, учитель, сапер. Ставил минные поля. Рассказывает, что к этой работе привлекалось мирное население.

Идем дальше. Всюду одна и та же картина. Пламя и дым пожарищ. Враг предал огню все, рассчитывая этим задержать наше продвижение.

Младший политрук
Г. КАТАСОНОВ

Первая схватка

За окнами красноармейских землянок стояла зима — ранняя, но суровая, вьюжная. Батальон капитана Марченко находился в пограничном с Финляндией поселке Стеклянном. Чувствовалось, что на зарубежной стороне что-то замышляется. Мы знали, что финны хотят спровоцировать наши войска и вызвать пограничный инцидент.

Как сейчас помню настороженные, взволнованные лица красноармейцев. Все ждали решающих событий. Даст ли Советское правительство приказ о переходе границы? Этот вопрос обсуждался около радиорепродукторов, в ленинских уголках, при чтении свежих номеров «Правды».

Наглые белофинны осмелились напасть на наши пограничные посты. Они убили нескольких наших родных братьев-бойцов. Неужто все это останется безнаказанным?!

29 ноября нас, командиров и политработников, вызвал к себе командир полка майор Гноевой. Он разъяснил сущность событий, указал на необходимость быть в полной боевой готовности. Командир полка заканчивал уже свою речь, как вдруг открылась дверь землянки и вошедший красноармеец доложил:

— Товарищ майор, вам срочный пакет из дивизии.

Майор быстро вскрыл конверт, прочитал его, затем встал из-за стола и, волнуясь, сказал:

— Товарищи командиры, получен боевой приказ. Правительство приказало войскам Красной Армии перейти государственную границу. О часе выступления будет объявлено особо...

В землянке воцарилась полная тишина...

Майор продолжал:

— Товарищи командиры. Еще раз проверьте боевую готовность своих подразделений...

Началась усиленная подготовка к походу.

Поздно вечером из штаба дивизии сообщили: «Приказано перейти границу в 8 часов завтра, 30 ноября».

Нужно было выспаться, отдохнуть, но где там — сон не шел. Мы сознавали выпавшую на нашу долю ответственность перед всей страной, которая ждет от нас самоотверженного выполнения долга.

Ночью состоялось партийное и комсомольское собрание, а затем митинг в нашей полковой батарее.

Никогда до этого я не видел таких собраний. Докладов не было. Речи — короткие, ясные, точные. Слова, идущие от сердца. И сама собой родилась не резолюция, а торжественная, единым порывом рожденная клятва — победить или умереть.

Один за другим поднимаются бойцы. В их речах горячая любовь к великому Сталину, клятва верности Родине...

Так проходит ночь.

Еще темно. Влажный северный ветер пригибает верхушки сосен. Лес шумит... Беззвучно двигаются бойцы к границе, бесшумно занимают огневые позиции, выбирают укрытия, ложатся у пулеметов и минометов. За черной стеной леса не видно врага. Тихо, будто вымер лес, обезлюдел...

На горизонте появилась светлая полоска. Зарозовело небо, вспыхнули отблески далекой холодной зари.

С нетерпением смотрят бойцы на часы...

7 часов 40 минут, 7 часов 45, 7 часов 50...

Осторожно, чтобы не производить шума, люди проверяют затворы винтовок...

7 часов 55 минут...

Шопотом передают командиры команду — изготовиться к бою.

8 часов. С треском взлетают в небо ракеты, озаряя слепящим блеском черные стволы деревьев. В то же мгновение прокатывается орудийный гром, умноженный и повторенный лесным эхом. Началась артиллерийская подготовка.

На финской стороне реки Сестры видны разрывы снарядов. Лежа в снегу, мы наблюдаем за разрушениями, производимыми нашей артиллерией.

8 часов 30 минут. Огонь стихает.

Неожиданно наступившую тишину заполняет мощный гул моторов танков и тракторов. За танками идет пехота, движется полковая артиллерия. Вот видно, как головной танк разрывает проволочное заграждение, легко ломает колья, рвет, как тонкую нитку, колючую проволоку. Танки втаптывают гусеницами проволоку и расширяют проход для пехоты...

Под натиском танков финны пускаются в бегство. Они спешно минируют дороги на пути следования наших войск.

Пограничный столб: «СССР — Финляндия», остался позади. Наша пехота продвинулась далеко вперед, но артиллерии не так-то легко пройти. Сразу же после границы начались болота. Артиллеристам довелось не только встретиться с врагом, но и познакомиться с суровой финской природой.

Перед нами лежало непроходимое четырехкилометровое болото. Кони с трудом тянут полковые пушки. Одно орудие за другим начинает вязнуть в болоте. На помощь коням приходят бойцы, в ход пускаем лямки, бросаем под колеса сучья, хворост. Но предательское болото лишь изматывает силы лошадей и бойцов...

Решено строить мосты. Стали рубить огромные деревья, укладывать жерди, настилать хворост, на себе перенося по шатким бревнам снаряды, повозки и даже пушки.

Преодолев болото, наша батарея догнала передовые части. Не успели мы открыть огонь, как белофинны снова стали отступать. Наш полк преследовал их по пятам.

К вечеру, когда в лесу стало темно, завязалась первая схватка...

Заметив нашу разведку, белофинны стали обстреливать ее из пулеметов, минометов, орудий.

Мы принимаем боевой порядок, открываем артиллерийский огонь по противнику.

Огненные столбы вырастают на вражьей земле. Точный огонь наших орудий вынуждает противника отступить. Он отходит к поселку Пуннус. Поселок, подожженный белофиннами, объят пламенем.

Смелой атакой батальон капитана Марченко сломил сопротивление врага. Наши войска вступили в поселок...

Было уже за полночь. В черном небе полыхали языки пламени. Догорали последние дома селения. После двухдневной борьбы мы мечтали об отдыхе. Замерзшие бойцы грелись в пламени пожара. Говорили уже о том, как бы расположиться в поселке на ночлег.

Осторожный капитан Марченко, однако, приказал оставить поселок, отойти на опушку леса и окопаться в снегу.

Стали занимать опушку леса. Некоторые бойцы не понимали, зачем надо было уходить из поселка. Но вскоре они увидели, насколько был прав капитан, разгадавший финский маневр. Враги хотели заманить нас в поселок и бить по пристрелянному месту из орудий. Не прошло и тридцати минут, как заговорила финская артиллерия. Снаряды точно ложились по поселку. То и дело взлетали вверх горящие балки домов и строений...

Как хорошо, что мы во-время очистили Пуннус...

Белофинны долго еще обстреливали поселок, а мы лежали в снегу и усмехались.

— Пусть себе стреляют, снаряды расходуют...

Только через несколько часов огонь стих. После короткой паузы он возобновился. На этот раз противник стал бить наугад по лощине. Снаряды ложились метрах в пятидесяти от нас.

Мы рванулись было к орудиям, чтобы ответным огнем подавить вражескую артиллерию. Но приказ капитана Марченко заставил нас остановиться.

— Без разрешения не стрелять. Нельзя обнаруживать свое расположение.

Израсходовав безрезультатно десятка два снарядов, белофинны прекратили огонь.

После трех дней боев и изнурительного похода капитан Марченко объявил, наконец, об отдыхе. Некоторые заснули прямо на снегу. Зоркие часовые охраняли короткий сон бойцов. К утру, когда в морозном тумане взошло солнце, мы уже были готовы к новому бою.

Герой Советского Союза

В. ГАЛАХОВ

Тридцатое ноября

Это было в первый день войны с белофиннами. Наш полк с боем пробивался через полосу заграждений возле деревни Липола.

Я выполнял задание командира 3-го батальона, где был командиром отделения связи. Со мной было пять красноармейцев. Мы взяли полное боевое вооружение и снаряжение, какое полагается связисту: два телефонных аппарата, инструмент, на спину — красноармейский ранец, к поясу — по две гранаты. Еще винтовку, конечно, и по 30 патронов на каждого. Отправились в путь.

Как только вышли с командного пункта, сразу очутились в лесу. Утро вначале было хорошее, ясное. Солнышко пригревало, а потом погода совсем испортилась. Небо, оплыв облаками, потемнело. Пошел мокрый тяжелый снег, подул резкий ветер, наметая сугробы по просекам.

Пробираемся мы по лесу, к каждой ветке присматриваемся, потому что финны кругом насажали своих снайперов — «кукушек» — с автоматами.

Выбрались мы на опушку, а там наша рота залегла. Дело свое сделали, ждем приказаний командира роты...

Враги сильно укрепились. Были у них проволочные заграждения, противотанковые гранитные надолбы, траншеи, а в самой деревне Липола — почти в каждом доме огневая точка.

Командир роты Медведев готовил удар по правому флангу, а из крайнего дома деревни несмолкаемо били пулеметы. Пробиваться при такой огневой завесе — значило вести бойцов на верную гибель.

Командир роты увидел меня и сказал:

— Бегите, Галахов, вон на ту высотку, там пулеметный взвод залег. Скажите, чтоб накрыли тех белофиннов, которые бьют из желтого дома.

Я побежал через лес, а кругом такая стрельба, что невольно прячешь голову и бежишь, пригибаясь. С трудом разыскал командира взвода, передал приказание. Он выкатил «Максим-

ку», пристрелялся и несколькими очередями подавил огонь врага. Больше из этого дома не стреляли.

Слышу — командир роты Медведев кричит:

— Ура!..

Бегу обратно и вижу, что бойцы пошли в атаку на деревню. Я тоже повел своих связистов.

Финны, не выдержав натиска, отошли немного, но дальше нас не пустили. Из долговременной огневой точки они повели бешеный огонь. Медведев дал приказ залечь.

Укрылись мы за гранитными надолбами, стреляем оттуда, поджидая, пока наша артиллерия подавит дот.

— Что же, товарищ командир, долго мы здесь лежать будем? — обратился ко мне с вопросом красноармеец Сверличенко.

Я знал, что замаскированная долговременная огневая точка финнов мешает продвижению пехоты. Поэтому, когда залег, все время наблюдал за стрельбой противника. Старался определить, где же этот проклятущий дот. Нельзя ли захватить его каким-нибудь обходным маневром или хитростью?

— Огонь из дота сдерживает наступление нашего батальона, — ответил я Сверличенко.

В конце деревни виднелась небольшая возвышенность, окруженная мелким кустарником. Впереди была лощинка, а позади громоздился густой хвойный лес.

Про себя я подумал:

— Не дот ли это? Уж очень удобная горка... Всю деревню прикрывает.

Решил пробраться к этой возвышенности. Рассказал бойцам про свой план, поднял их, и ушли мы из-за надолб в лес. Вначале пробирались короткими перебежками, а потом, когда достигли кустарника, пришлось ползти. Все труднее и труднее становилось двигаться к доту. Что это дот, я уже не сомневался. Заметил там каменное строение в рост человека, сложенное, как видно, из гранитных валунов и залитое цементом. С четырех сторон узкие проходы, как незастекленные окна в новом доме, и ни одной двери!

Ползем мы все шестеро, маскируясь в кустарнике. Белых халатов у нас в первый день не было, так что прятаться довольно трудно... Мы в шинелях на снегу, как мухи в сметане. Нас сразу можно было заметить, но финны и не подозревали, что к ним так быстро могут пробраться советские бойцы. Они продолжали вести огонь из противотанковых пушек и пулеметов, стараясь задержать нашу пехоту.

Незаметно, переползая из ямы в яму, прикрываясь заснеженными кустами, подползли мы к доту. Осталось до него метров тридцать. Дальше уже ползти нельзя, — финны нас обнаружили и открыли огонь.

— Гранаты! — отдал я приказ и первым бросил гранату. Она глухо разорвалась в середине прохода, осветив пламенем падающих финнов. Вслед за ней полетели гранаты моих бойцов.

— В атаку! — командую я.

Уверенный, что бойцы идут за мной, поднимаюсь и бегу к доту. Меня встречает редкий винтовочный огонь недобитых шюцкоровцев. Врываемся через узкий проход в дот, бьем прикладом и штыком...

Герой Советского Союза В. Галахов

— Ура! Дот наш! — кричу я.

Но радоваться было рано. Финны обнаружили, что их огневая точка захвачена, и бросили часть своих сил против нас.

Я расставил бойцов по проходам, и мы частым винтовочным огнем отбили первую контратаку.

— Товарищ командир, — обратился ко мне боец Павлов, — я могу стрелять из этого орудия, — показывает он на захваченную противотанковую пушку. — Снарядов здесь до чорта. Может, повернуть ее да жахнуть по финнам!

— Молодец Павлов! Дельно придумано.

Оставив в проходах красноармейцев Балкова и Орлова на случай новой атаки противника, я вместе с бойцами Сверли-

ченко, Стародубцевым и Павловым вытащил противотанковое орудие из дота. С трудом, под непрекращающимся огнем врага, развернули его, поднесли снаряды, но вдруг я заметил растерянность на лице Павлова. Он что-то напряженно искал в самом доте и вокруг него. Ползал по снегу, разрывал сугробы, не обращая внимания на то, что ему ежесекундно грозила смерть. Он был отличной мишенью.

— Что случилось, Павлов?

— Беда, товарищ командир. Белофинны замок с орудия стащили,— волнуясь, ответил боец.

— Как я раньше не заметил, что замка нет? — говорил он про себя, продолжая поиски.

— Товарищ Павлов, возвращайтесь в дот! Убьют! — крикнул я. Но он буквально взмолился.

— Товарищ командир, разрешите еще минуточку поискать. Не могли они его далеко забросить...

Боец Стародубцев стал помогать Павлову в его поисках.

Внезапно раздались выстрелы... Стреляли Орлов и Балков, заметившие группу противника в кустарнике.

— Огонь! — скомандовал я. Все мои бойцы открыли беглый огонь по врагам, снова отступившим в лес.

Когда атака была отбита и наступила тишина, я услыхал стон. Обернулся, вижу шагах в пяти от прохода ползет Павлов и стонет. Бросился к нему на помощь, а Павлов был не один. Будучи смертельно ранен, он не оставил врагу своего убитого друга Стародубцева. Теряя последние капли крови, тащил его на себе к доту.

Я перенес Павлова в укрепление. Накрыл его своей шинелью. Орлов принес туда тело Стародубцева. Новая атака белофиннов не позволила сразу сделать перевязку Павлову.

Он лежал в углу. Улыбка блуждала на его губах. Лицо заострилось, но глаза, несмотря на мучительную боль, светились тихой радостью.

— Товарищ командир... — звал он меня. — Замок... — шептал он пересохшими губами. Ему тяжело было говорить, он задыхался. — Я нашел замок... Он в кармане... Бейте этих гадов!.. Прицел...

Павлов начал бредить...

Очередная атака финнов оторвала меня от умирающего героя.

— Товарищ командир, патроны кончаются! — закричал мне с крайнего прохода боец Сверличенко, продолжая стрелять с колена.

— У меня тоже! — подал голос Орлов.

— У меня только пять штук осталось! — доложил Балков.

Положение наше становилось критическим...

Я сменил бойца Сверличенко у прохода, приказав ему:

— Ползите к своим, доложите обстановку. Пусть шлют помощь и патроны.

— Есть доложить обстановку и привести помощь, товарищ командир, — повторил приказ Сверличенко.

Вскоре он сумел незаметно выползти из дота.

Не прошло и нескольких минут, как финны снова повторили атаку. Теперь я потерял последних бойцов. Орлов и Балков были убиты. Я остался один.

— Что же теперь делать?— думал я.— Оставить дот нельзя. Если белофинны займут его снова, то батальону, пожалуй, не прорваться. А что сделаю один без патронов?

Раздумывать было некогда... Я ходил от одного прохода к другому, ожидая новой атаки.

«Даром я им не дамся!» — решил про себя и еще настороженнее стал присматриваться к ложбинке, через которую они могли подобраться ко мне. Вскоре заметил нескольких финнов, ползущих в белых халатах. Уложил четырех, а остальные разбежались.

Патронов у меня больше не было. Посмотрел: у убитых шюцкоровцев в подсумке патроны (у своих павших бойцов я еще раньше забрал весь остаток патронов). Попробовал вставить обойму в ствольную коробку — не лезет. Стал загонять патроны по одному — пошли. Забрал я у убитых белофиннов все патроны, три пистолета, документы. Встал у центрального прохода лицом к лесу и притаился.

Спускались сумерки. Где-то близко слышался глухой звук разрывавшихся снарядов, яростно выли пролетающие мины, свистели пули. Только в каменном мешке дота стояла зловещая тишина...

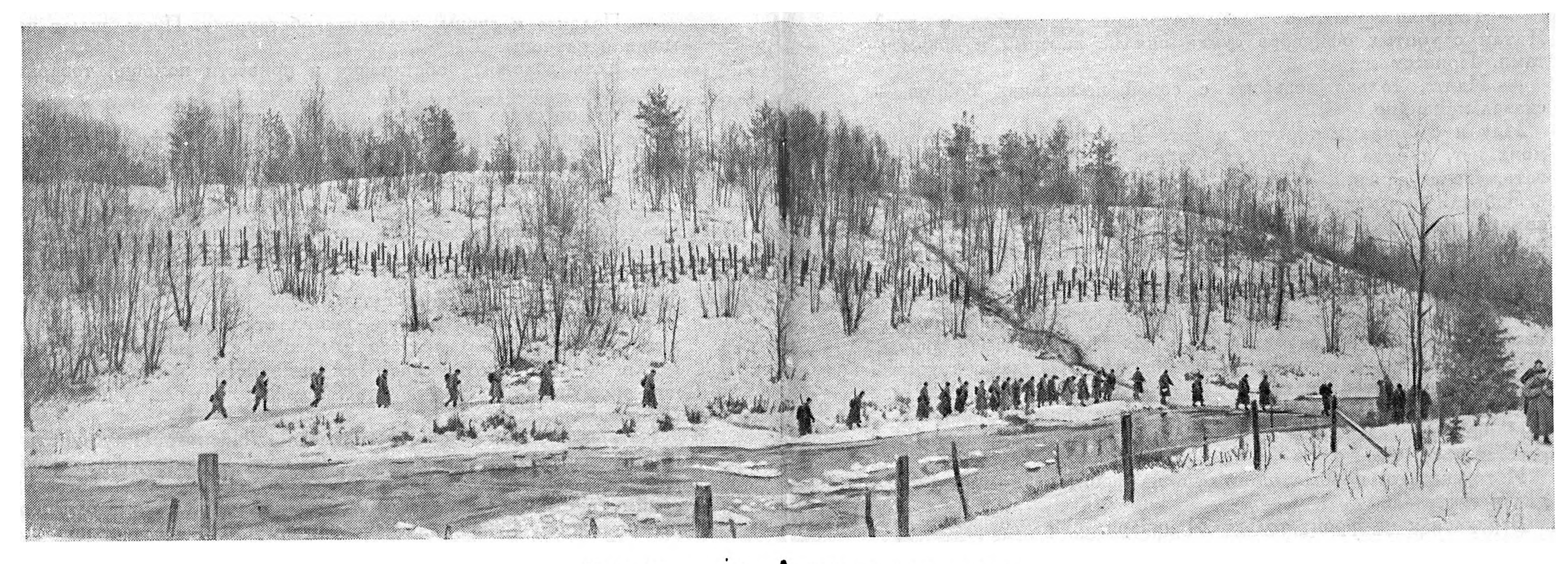
Опять увидел ползущих финнов. Теперь они окружали меня. В темноте их стало труднее различать. У меня от напряжения даже глаза заболели, слезиться начали. Подпустил их поближе и давай крыть... Бегу от прохода к проходу, веду частый огонь. Стремлюсь создать видимость, что нас здесь много. Заметались белофинны и снова отступили.

Вдруг недалеко разорвался снаряд, за ним — второй, почти у дота. Волной воздуха меня подхватило и ударило об стену. Не успел притти в себя, как разорвался третий снаряд — у самого прохода...

Сколько я лежал без памяти — не помню. Очнулся от боли. В доте совсем темно. Нащупал рукой больное место на бедре— чувствую мокро, торчит что-то твердое. Закусив губы, вытащил осколок, хотел перевязку себе наложить, да сразу вспомнил, где я нахожусь, и ползком добрался до прохода.

Послышалось, что сзади кто-то возится... «Теперь, — думаю, — конец! С другого прохода подошли»,

Взял пистолет, прижался к стене, жду...

Части Красной Армии переходят реку Сестру

На небе к тому времени тучи разогнало, звезды заблестели, показалась луна.

Снова услышал шорох. Теперь совсем близко... Вижу: среди убитых шюцкоровцев поднимается один. Проползет немножко и снова ляжет, потом опять ползет, а в руках финка блестит.

«Недобитый или притворялся?..»

Еще ближе ко мне подползает. Он меня как будто не видит, а я его при луне отчетливо вижу. Только я поднял пистолет, как он кинулся на меня. Но я успел его уложить и... снова потерял сознание.

На этот раз я очнулся от грохота. Мой подвал дрожал, как будто его трясла лихорадка.

«Танки! — подумал я. — Значит, наши прорвались!»

Стало легче на сердце. А рана ноет нестерпимо. Собрал я свои пожитки. Аппараты телефонные нацепил на себя, мешок. Поджидаю своих, прислушиваюсь.

Где-то рядом говорят. Узнал я голоса Зуйкова, Сидорова, Богданова, что из моей роты.

Взял оружие, выхожу к ним.

— Товарищи! — кричу. Они ко мне бегут. Обрадовался, что свои подошли, и они мне тоже обрадовались.

— Мы думали, Галахов, что вас и в живых нет,— говорит Богданов. — Нам Сверличенко про все рассказал... Герои вы, одно слово!

— Ничего! Все в порядке, товарищи. Мне еще жить хочется. Где командир? — спрашиваю я у них.

— А чего хромаете? Ранили что ли?—спрашивает меня Зуйков.

Тут я почувствовал боль в ноге. Понял, что меня и в ногу ранили. Но вижу — бойцы в наступление идут. Решил их не беспокоить:

— Ногу отсидел.

— То-то, богатырь! Командир роты в той лощине. Там найдете его командный пункт.

Пошел я в лощину, чувствую, что не могу итти. Опираюсь на винтовку, зубами скриплю, а иду. Нашел командира, докладываю:

— Занял вражеский дот. Удерживал его до прибытия наших частей. Имею потери — четыре человека.

Хотел было доложить, что ранен я, да увидел его сумку и вспомнил про офицерские сумки в доте. Как же это я забыл их взять с собой? Может, там важные документы — карты я сам видел,

— Товарищ командир роты, разрешите вернуться в дот? Я там с убитых офицеров сумки снял с картами и документами. Принесу их.

— Идите, только возьмите с собой нескольких бойцов, — сказал командир.

Иду я с бойцами обратно в дот. Иду и чувствую, что сил моих нет, а вида не подаю. С бойцами шучу, стараюсь показать, что не ранен.

Забрали документы, принесли их на командный пункт, сдали командиру роты. Он меня отправил на отдых.

Кое-как добрался я до сарая. Снял обувь, перевязал ногу, а снова сапог надеть не могу. Ногу всю разнесло, да и бедро болит отчаянно. Все же кое-как обулся.

Зовут ребята ужинать. Откуда только у меня аппетит появился. Так никто из товарищей и не заметил, что я ранен. Только на другой день увидели. Не хотелось ехать в госпиталь, да врачи уговорили:

— Ранение, Галахов, серьезное. Обязательно ехать надо.

Пришлось уехать, а не хотелось. Жалко было с товарищами расставаться.

И то сказать: пробыл один день на фронте и сразу же угодил в госпиталь.

Вернулся я на фронт только 24 января.

Бригадный комиссар

К. КУЛИК

Захват Карвалы — Линтулы — Кирки Кивеннапы

Части нашей танковой бригады подошли к реке Сестре и приступили к форсированию ее. Во время переправы командир бригады получил приказ: поддержать передовой стрелковый батальон в районе Карвалы. Командир бригады выделил для этого 2-ю танковую роту. Командовал ею молодой энергичный лейтенант Хохлов.

Роте предстояло совершить марш в район Карвалы и установить связь с командиром батальона. Командир роты отдал приказ, и она выступила в путь. Вместе с ней следовал и я на своем танке.

Лейтенант Хохлов, зная, что дороги минированы, решил вести роту лесом, по азимуту. Это было правильное решение. Танки легко ломали деревья, прокладывая себе дорогу.

В пути приходилось обходить незамерзшие болота. Это, конечно, замедляло движение. Но вот рота стала приближаться к Карвале. В районе высоты 124,6 разведка услышала частую пулеметную стрельбу, о чем донесла лейтенанту. Он выдвинулся вперед к разведке. Явственно доносился шум боя, но определить, где финны, а где свои — было нелегко.

Надвигались сумерки. Это было весьма некстати. Искать свою пехоту ночью — дело очень рискованное. Но нужно было действовать. Лейтенант приказал роте развернуться, принять боевой порядок (углом вперед), двигаться в направлении высоты 125,2 (Карвала) и далее — на высоту 102,6.

Он потребовал от экипажей, чтобы они были готовы к атаке в этом направлении, и назначил сборный пункт (высота 98,5). Кроме того, лейтенант организовал круговое наблюдение. Всем экипажам было приказано внимательно следить друг за другом и в случае вражеского нападения — друг друга поддерживать. Если рота наткнется на врага, надо атаковать его с хода на больших скоростях. При встрече со своими войсками не

останавливаться, проходить их боевые порядки и выполнять свою задачу.

Танки мчались, вздымая снежную пыль. Вот они вышли на открытую площадку перед деревней Карвала. В панораму, да и через триплекс было видно, как горят строения этой деревни. Вдруг я увидел вражескую группу человек в пятнадцать. Рота обстреляла их. Вот падает один белофинн, другой, третий... Вся группа была уничтожена в несколько минут.

Рота продолжала движение, однако не без неприятных происшествий.

Головной взвод угодил в болото. Я вышел из танка, чтобы лучше обдумать, как вызволить машины. Приказал командиру роты вытащить их на буксире. Это было выполнено быстро, организованно. Рота снова пошла вперед. Вскоре на одной из высот мы заметили пехоту. Но чья она — наша или неприятельская — определить было трудно. Решили огня пока не открывать. Но тут нас обстреляли пулеметы из леса. Мы установили, что это вражеские пулеметы. Они вели огонь из отдельных домиков в лесу. На эти домики обрушились орудия всех танков. Было видно, как взлетали вверх бревна, доски. Финны стали разбегаться, кто куда.

Пехота на высоте попрежнему молчала. Даже при подходе к ней наших танков она не сделала ни одного выстрела. Судя по всему, это наша пехота. Так оно и оказалось. Я вылез из танка и стал ползком пробираться к пехотинцам.

Ползу. Белофинны ведут непрерывный огонь из пулеметов и автоматов. Танки, укрывшись на опушке леса, горячо отвечают им.

Связался со стрелковой ротой. Уточнил расположение противника и нашей стрелковой части. Лейтенант Хохлов быстро ориентировался в обстановке. Он повел машины на финские траншеи. За танками двинулась пехота. Противник начал паническое отступление, бросив велосипеды, пулеметы, запасы мин.

Стало совсем темно. Танки сгруппировались на сборном пункте. Танкисты вышли из машины. У всех радостное настроение. Танкисты и пехотинцы обнимаются, поздравляют друг друга с победой. Командир батальона явно растроган такой неожиданной развязкой боя. Его батальон был в очень тяжелом положении. Оторвавшись от полка, он попал в огневой мешок под сильный пулеметный огонь и залег, организовав круговую оборону. Помощь танков была для него неожиданной. Появление танков было внезапным и для противника, что имело решающее значение для успеха.

Рота танков стала преследовать противника, несмотря на ночную темень. Белофинны удирали настолько стремительно, что даже не взорвали моста на одной речушке и не минировали до-

рог. Однако в дальнейшем, когда танки выскочили на Выборгское шоссе, они встретили более организованное сопротивление. На реке Линтулаи-йоки противник взорвал мост, можно сказать, перед самым носом танкистов. Одновременно из-за реки ударило несколько орудий и заговорили пулеметы.

Лейтенант Хохлов втянул танки в лес и организовал разведку бродов, которые были найдены только к утру.

Бригадный комиссар К. Кулик среди танкистов

Любопытно, что в этом бою вначале участвовало мало танков, а затем сюда пришлось бросить не одну танковую роту. На том берегу оказался один из сильнейших опорных пунктов белофиннов, засевших в укреплениях, построенных в монастыре Линтула.

Я связался с командиром танковой бригады тов. Борзиловым. Он подбросил подкрепления, приказав вместе с стрелковым полком уничтожить опорный пункт и в дальнейшем захватить Кирку Кивеннапу.

С утра разгорелся бой. Финны оказали упорное сопротивление, но были все же сломлены. Танки, переправившись вброд через реку, разгромили несколько дзотов и вышли противнику в тыл. Это решило исход боя. Наша пехота ворвалась в укрепления противника. Белофинны побежали.

Рота Хохлова была впереди. Она преследовала врага, отходившего к узлу сопротивления Кирки Кивеннапы. Вслед за ней

мчалась погрузившаяся на танки стрелковая рота. Надолбы, встретившиеся по пути, были разбиты орудийным огнем головного танкового взвода.

У всех танкистов было страстное желание — не дать противнику уйти, догнать, разгромить его и захватить его укрепленное логово.

Темная ночь. Идем без огней. Попадаются противотанковые рвы, которые легко преодолеваем. Местами двигаемся лесом. Подходим к Тиртуле, и здесь нас встречает ураганный артиллерийский и пулеметный огонь.

Стрелковая рота мигом выгрузилась с танков и заняла боевой порядок. Рота Хохлова развернулась и открыла ответную стрельбу из орудий и пулеметов. Правда, ориентироваться было очень трудно. Финны подожгли деревню, и в зареве пожара различить вспышки их выстрелов могли только опытные танкисты.

Мой танк попал в сферу жесточайшего артиллерийского и пулеметного обстрела. Водитель танка тов. Сапожников доложил, что заметил пушку в стороне от отдельного домика. Артиллерист Федоров открыл по ней огонь. После третьего выстрела эта пушка замолчала, но по нас стреляла уже другая. Произошел эпизод, который особенно врезался в память. Затвор нашей пушки произвольно открылся. Я и Федоров сначала не поняли в чем дело. Затем стало ясно: снаряд противника разбил откат пушки, и она вышла из строя. Вслед за этим замолчала и эта финская пушка. Ее уничтожил один из экипажей роты старшего лейтенанта Ошмарина.

Шум боя на нашем участке постепенно стихал. Зато он вовсю разгорался на левом фланге. Это капитан Ушаков со своими танками наносил удар слева.

Кирка Кивеннапа была взята. Части противника: пехотный полк, остатки самокатного батальона и отряда шюцкоровцев не выдержали мощного одновременного удара двух танковых батальонов. После ожесточенной схватки финны бежали и отсюда, оставив нам свои огневые точки, оружие, различное военное имущество и множество убитых и раненых.

Кирка Кивеннапа — сильный узел сопротивления белофиннов. Он по существу был захвачен одними танками и при этом в ночном бою.

Этот бой характерен некоторыми особенностями. Ночной покров ставил примерно в одинаковые условия наши танки и белофинские долговременные огневые точки. Как те, так и другие не могли вести прицельного огня. Однако финны имели преимущество: ведь они действовали на своей территории, которую хорошо знали и где заранее пристреляли все подступы к укреплениям. Но все же даже по пристрелянным подступам не дашь ночью хорошего прицельного огня. Ночь хорошо мас-

кировала танки от артиллерийского огня противника. Танкисты действовали с хода, решительно и внезапно.

Решающую роль при захвате Кирки Кивеннапы сыграло правильное решение тов. Борзилова — атаковать неприятеля с двух направлений двумя танковыми батальонами. Благодаря хорошо налаженной, не прерывавшейся связи удар с двух направлений удалось совершить действительно одновременно и организованно.

Летчик

М. БОРИСОВ

Из дневника летчика-истребителя

В ночь с 29-го на 30-е ноября был получен приказ командующего о переходе границы. Все были в приподнятом настроении. В этот же день еще раз проверили материальную часть, хотя она была и так в отличном состоянии. Ночью спали мало, все дожидались утра и, чтобы скоротать время, вели разговоры.

Наступило 30 ноября 1939 года. Было еще темно, но люди были в полной боевой готовности. Техники еще и еще раз осматривали самолеты, летчики проверяли вооружение. Стрелка часов подходила к восьми. Как только она стала на цифру восемь, весь горизонт сразу побагровел от вспышек орудийных выстрелов. Раздался залп многих сотен орудий. За первым залпом последовала непрерывная канонада.

Рассвело. По небу плыли низкие густые облака. Вылетать в такую погоду нельзя. А все так рвались сразиться с противником! Ждали весь день, но так и не пришлось вылететь.

Утром 1 декабря все поднялись в хорошем настроении. Погода явно улучшалась. Сидим в самолетах, ждем приказа о вылете.

Вдруг из землянки, где помещался штаб эскадрильи, выбегает командир... «Запускай моторы!» — раздалась команда. Летчики и техники только этого и ждали. Вмиг заревели моторы. Не прошло и нескольких минут, как эскадрилья была в воздухе и взяла курс на Выборг.

Подлетая к границе, мы увидели сплошное зарево. Дым от пожарищ поднимался высоко. Еле пробились через него.

Наконец, линия фронта осталась позади, мы — над территорией противника. Молчит земля, как бы притаившись и выжидая, на ней не видно ни одного живого существа, как будто все вымерло.

Все напряженно смотрят вокруг. Вдали появляется точка. Она все увеличивается и приближается к нам. По сигналу командира эскадрильи Шинкаренко, ныне Героя Советского Союза, идем навстречу. Уже вырисовываются контуры самолета, он хорошо виден. На плоскостях и фюзеляже блеснул белый

круг со свастикой. Шинкаренко со своим звеном бросился на вражеский самолет, и тот, не ожидавший встретить нас так далеко от линии фронта, стал падать, сбитый меткими пулями Шинкаренко и Григорьева.

Взяли курс на свой аэродром. Линия фронта хорошо выделяется пожарищами на финской территории. Еще несколько минут — и мы дома. Так получили мы боевое крещение...

Мы прикрываем свои войска, которые форсируют реку Тайпален-йоки. За рекой находится укрепленный район противника. И вот звено старшего лейтенанта Ларионова, ныне Героя Советского Союза, в котором шли лейтенант Покрышев и я, получило задание прикрыть переправу, а затем сбросить листовки над укрепленным районом.

Заревели моторы — и мы в воздухе. Внизу находятся наши войска. В предутренней мгле они еле различимы. Патрулируем над рекой и видим, как наши наводят понтоны. Бьет артиллерия. Хорошо видно, как рвутся снаряды в укрепленном районе противника. Но вот по нашим самолетам стали бить зенитки, снаряды разрывались слева от нас. Мы отошли от этого места.

Когда нас сменило другое звено истребителей, мы пошли в укрепленный район противника со стороны Ладожского озера, чтобы сбросить листовки. Облачность местами доходила до 100 метров. Шли на высоте 70—80 метров. В пути попали под зенитный огонь. Ларионов и я шли рядом, а Покрышев отстал, и когда мы выскочили на пункт, противник открыл огонь из пулеметов. Мы не видели, откуда стреляют, но Покрышев, шедший сзади нас, заметил огневую точку и молниеносно атаковал ее. Ларионов также повел атаку на зенитную точку. В первый момент противник отстреливался, но когда мы засыпали его свинцом из пулеметов, огневая точка замолчала. Это была наша первая встреча с зенитками противника. После мы часто попадали под обстрел зениток, но всегда было достаточно нескольких очередей, чтобы противник прекратил огонь.

Утро 23 декабря. Замечательная погода — «миллион высоты», как говорят летчики. Снег так и похрустывает под ногами. Среди летного состава оживление, слышны смех и шутки летчиков, рассказывающих о неожиданных столкновениях и встречах с врагом. Звонок телефона. Сразу все замолчали. Звонят из штаба. Шинкаренко получает задание на вылет. Лица у летчиков засияли, опять есть работа, а то сидеть скучновато. Блеснули на солнце винты, и воздух вздрогнул от мощного рева моторов. Вот уже самолеты пошли на взлет, построились и двинулись к линии фронта. Техники провожают взглядом свои машины. Затем идут в землянку отогреться: ведь у них будет много работы, когда вернутся самолеты.

Пролетаем линию фронта. Вот мы уже над заданным районом нашего патрулирования. Внимательно смотрим по сторонам.

Недалеко прошли скоростные бомбардировщики, блестя плоскостями, промчались «чайки» (истребители), а вот в стороне компактно и грозно мчится еще девятка наших истребителей. Торопятся. Значит, где-нибудь есть работа. Вдалеке замечаем силуэты наших бомбардировщиков. Они возвращаются. Но что это? Они идут разорванным строем. Несколько самолетов отстали. Напрягаем зрение и замечаем, как около отставших наших самолетов кружатся маленькие силуэтики. Это истребители противника.

Шинкаренко разворачивается, и мы на полном газу и «с прижимом» летим на выручку товарищам. Подоспели во-время. Зато сами попали в невыгодное положение, так как, идя с принижением, потеряли высоту. Противник оказался выше нас метров на четыреста. К тому же он имел численное превосходство. Идем в атаку. Сверху на нас сыпятся финские истребители «Фоккер Д-21». Мы их встречаем на лобовых атаках. Атаки быстры и молниеносны; кто кому зайдет скорее в хвост. Вот уже мы поднялись выше и деремся на одной высоте. Наконец, сопротивление сломлено, и вражеские самолеты разлетаются в разные стороны, кто куда, лишь бы уйти. Но не тут-то было. Здесь уже пошла драка один на один. Противник уходит из боя с переворота. В то время, когда он делает переворот и самолет на миг как бы застывает в прицеле, мы бьем его, как куропатку.

Вот Покрышев зажег одного, и тот падает к земле, разваливаясь на части. Тов. Булаев жмет противника к земле, тот старается как-нибудь увильнуть, но не таков Булаев, чтобы выпускать врага. Мгновение, и противник, блеснув хвостом, врезался в землю. Куда ни посмотришь — везде одиночные поединки. Теперь уже видно, что преимущество на нашей стороне.

Неожиданно замечаю в стороне самолет противника, разворачиваюсь и лечу к нему. Он боя не принимает. Хочет уйти от меня пикированием. Я погнался за ним. На пикировании он, стараясь уйти из прицела, все время выворачивал машину и дымил неимоверно. Даю полный газ. К земле мы падали камнем, скорости были ужасные, даже с лица срывало очки, и их приходилось придерживать рукой. Уже близко земля, но противник не выводит самолета из пикирования, пикирую и я. Наконец, перед самой землей он резко выхватывает машину и идет над самыми верхушками деревьев. Противник думал, что я не успею вывести машину из пике и врежусь в землю. Враг просчитался. Я опять у него в хвосте. Он идет и виляет хвостом из стороны в сторону, не давая вести прицельный огонь. Даю по нему очередь, другую, и вдруг у меня отказывают пулеметы. Перезаряжаю, но бесполезно, пулеметы молчат. Делать нечего, приходится бросать недобитого врага и итти обратно.

Но тут же вспоминаю, что я увлекся преследованием и далеко ушел от своих.

Осмотрелся. Нет никого — ни наших, ни противника. Беру курс домой. В стороне вижу: дерутся два самолета. Издали не разобрать, какой наш, какой противника. Белая полоса на плоскости наших самолетов и белый круг на плоскости противника сливаются. Очень трудно разобрать. Иду к месту поединка, хотя у меня пулеметы и не стреляют. Все же держу оба самолета в прицеле. Вдруг один из самолетов на миг замер и рухнул на землю. Другой, как видно, заметил меня и идет мне навстречу. Я приготовился, всматриваюсь: свой или противник? Уже можно различить красную звезду на фюзеляже. Она гордо блестит на солнце, как бы празднуя победу над врагом. Обрадованный, я узнаю командира своего звена — старшего лейтенанта Ларионова.

Быть в глубине территории противника одному, скажем прямо, неприятно.

Набираем высоту. Наших уже нет. Ушли домой. Смотрю назад и вижу невдалеке группу из четырех самолетов. Показываю Ларионову. Идем к ней. Идем в лоб. Два самолета отделяются и на полном газу уходят в глубь вражеской территории. С другими двумя мы столкнулись на лобовых. Но атаки были недолгими, противник, не выдержав, бросился удирать. Горючее у нас было на исходе, преследовать не стали.

Когда подвели итог боя, было установлено, что сбито 10 вражеских самолетов. На наш аэродром не вернулось два летчика.

В следующий раз получил задание итти на Лаппенранту и прощупать озера до самой Иматры, так как на некоторых из них находились вражеские самолеты. Подлетая к Выборгу, попали под обстрел зенитной артиллерии, но быстро вышли из зоны обстрела и взяли курс на Лаппенранту. Не долетев до нее, повернули на восток, пошли по южному краю системы озер. Противник, как видно, заметил нас и сообщил своим истребителям о том, что мы летим в их сторону. Подлетая к одному местечку, мы увидели на белом фоне озера силуэты выруливающих и взлетающих самолетов. Мы камнем посыпались на них и пулеметными очередями уничтожили их еще на взлете. Все же некоторые из них успели подняться в воздух. И тут завязалась страшная, но недолгая схватка.

Выводя самолет из пикирования, я вдруг увидал, что к одному из наших самолетов пристроился в хвост истребитель «Фоккер Д-21» и строчит по нему из пулеметов. На раздумье времени не было. Бросился на помощь товарищу. Завязалась схватка с противником. Я удачно зашел ему в хвост. Он пробовал уйти пикированием. Но это ему не удалось. Пули настигли его во-время, он неловко перевернулся и рухнул в лес.

В это время Зуев и Муравьев гонялись за другим самолетом, но у них почему-то шасси были выпущены, и противник стал уходить. Однако уйти ему не пришлось. Его заметил летчик Сереженко. Он молниеносно налетел на противника и огнем своих пулеметов уничтожил белофинна.

Так враги были нами наказаны. Мы уничтожали их одного за другим. Семь самолетов противника попали под пули наших летчиков и были расстреляны.

Зенитная артиллерия противника открыла было огонь, но опоздала: «Фоккеры» уже были уничтожены. Командир девятки старший лейтенант Михайлюк подал команду «Сбор». Мы быстро ее исполнили и пошли домой. Пришли в полном составе.

Еще случай. Летчики сидели в самолетах и ждали, когда прилетят наши скоростные бомбардировщики. Нам было поручено их сопровождать. Из-за леса показалось звено, за ним другое, третье. Запускаем моторы истребителей. Взлетаем и пристраиваемся к бомбардировщикам. Идем по направлению к Кархуле. Не успели еще пролететь линию фронта, как зенитная артиллерия противника открыла огонь. Неожиданно у одного из бомбардировщиков задымил мотор. Самолет резко свернул в сторону и направился на свою территорию. Снаряд зенитки попал ему в мотор, зажег его. Тогда командир наших истребителей тов. Шинкаренко повел свое звено на помощь подстреленной машине.

Бомбардировщик все больше и больше дымил, вот уже показалось и пламя. Самолет шел со снижением. Наступали критические минуты. Неизбежна посадка на территории противника. Другого выхода не было. Внизу блеснуло большое озеро. Пылая, бомбардировщик удачно приземляется, немного скользит и закрывается дымом. Тут противник с берегов озера открывает по севшему самолету ружейно-пулеметный огонь. Подходить к самолету белофинны не рискуют. По самолету начинает бить артиллерия. Экипаж бомбардировщика выходит на озеро. Фигуры летчиков нам хорошо видны. Огонь противника по озеру и воздуху усиливается.

Звено под управлением тов. Булаева пошло на подавление огня артиллерии. Через несколько секунд артиллерия противника умолкла. Мы непрерывно атакуем пулеметные точки. Как только на берегу вспыхнет огонек пулемета, смотришь, уж там пикирует наш самолет и заставляет противника замолчать.

Сбросив свои бомбы на укрепленную полосу противника, возвращаются звеньями бомбардировщики. Вот они подошли к месту посадки своего товарища. От группы отделяется один самолет. Он идет на посадку. Белофинны, на время прекратившие огонь, усиливают его сейчас во сто крат. Но бомбардировщик смело и упрямо снижается. Лыжи его, вздымая снежную

пыль, недолго скользят по озеру. Вот он остановился. Подруливает. Экипаж подбитого бомбардировщика быстро вскакивает на самолет. Истребители же в это время непрерывно атакуют огневые точки врага. Погрузка закончена. Самолет пошел на взлет. Теперь он в кругу своих. Скоростные бомбардировщики, оцепив его, легли на курс и пошли домой.

Командир девятки истребителей тов. Шинкаренко решил ничего не оставлять врагу. Дает сигнал расстрелять оставшуюся на льду озера машину. Несколько очередей, и подбитый самолет загорается с утроенной силой.

Белофинны не могли скрыть своей злобы на истребителей, которые выручили свой экипаж и не дали им подбитый самолет. Они с еще большим ожесточением открывают пальбу, но безрезультатно.

На другой день на имя командира эскадрильи тов. Шинкаренко пришла телеграмма от командира бригады скоростных бомбардировщиков тов. Новикова. Он благодарит его и всю эскадрилью за помощь, оказанную экипажу подбитого самолета. В этот день среди летчиков царило веселье. Радостно и приятно было у всех на душе.

Вновь летим, который раз уже, над территорией противника. Выборг остался слева. Показались трубы домиков Лаппенранты. Заходим восточнее ее и севернее по озерам. На озерах снег не заслежен. Значит, авиации нет. Идем. Вдали виднеются белые дымки, и через несколько минут из-за поворота железной дороги показывается воинский эшелон. Ведущий девятки старший лейтенант Михайлюк направляет самолеты на эшелон. Первая атака — по паровозу. Бьем по котлу и, самое главное, по будке машиниста. Эшелон остановился. Обстреливаем вагоны. Нам уже было известно, что в последнее время белофинны, боясь налета истребителей на эшелоны, покрывают пол вагонов толстым слоем песка. И когда мы атакуем эшелон, паровоз останавливается, белофинны же прячутся под вагоны. Эту хитрость врага мы быстро разгадали. Когда белофинны залезли под вагоны, мы зашли с небольшим углом планирования и застрочили из пулеметов по финнам, спрятавшимся под вагоны.

Но в это время я замечаю другой эшелон, лечу туда. Даю несколько очередей по паровозу, вагонам; эшелон стал. Подлетают товарищи. По эшелону прошел шквал пулеметного огня. Увлекшись расстрелом эшелона, не заметил, как ушли товарищи. Издали видно, как они что-то обстреливают. Подлетаю к ним. Оказывается, они обстреливают третий воинский эшелон. Бензин и патроны на исходе. Пошли домой. По дороге обстреляли вражеские колонны автомашин...

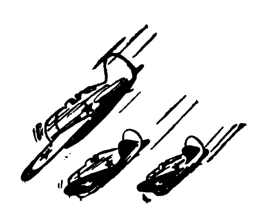
Наши войска брали Муурилу, наступая по льду Финского залива. Звено старшего лейтенанта Ларионова получило зада-

ние разведать этот район и обстрелять обнаруженную живую силу врага. Линию фронта пересекли около озера Куолема-ярви. Идем в глубь территории противника. Поворачиваем на Муурилу. Обследуем всю местность, особенно пути сообщения. На одной дороге встретили несколько автомашин, идущих в направлении Муурилы. Решили атаковать. Сделали два захода. Машины остановились и больше не двинулись с места. Пошли дальше.

Над Муурилой стоял большой столб огня и дыма. Горело все, что только может гореть. Шли бреющим полетом, рассматривая все складочки местности. Показались окопы противника, но в них ни живой души. Подлетаем к Мууриле. Видим, как несколько белофиннов быстро юркнули в дом. Обстреливаем дом, он быстро воспламенился. Выскакиваем на лед Финского залива. За торосами обнаруживаем нашу пехоту.

Передовые отделения, лавируя среди торосов, упорно продвигаются к берегу, несмотря на огонь белофиннов. В стороне можно видеть, как вокруг походной кухни толпятся люди, получают обед. При нашем появлении все разбежались, залегли, затем поднялись и стали махать нам шапками и руками.

Мы сделали еще несколько атак по Мууриле и ушли домой.

Младший политрук

И. КУЛЫПИН

Встреча с „кукушками“

Перейдя границу, мы углубились в лес, вышли на опушку и, встреченные пулеметным огнем белофиннов, залегли у оврага. Выставив на флангах два станковых пулемета, мы открыли ответный огонь.

Минут через пятнадцать я и командир разведывательной роты тов. Мишкин заметили, что среди пулеметчиков появились раненые. Это удивило нас. Бойцы с фронта были хорошо укрыты, откуда же их обстреливают?

Мы отошли к опушке леса и стали наблюдать. Замечаем: пули ложатся вокруг нас. Откуда они? Вдруг падает пулеметчик. Спрашиваем:

— Куда ранен?

— В затылок, — отвечает наклонившийся к нему товарищ.

Значит, стреляют с тыла. Начинаем осматривать деревья. Ветви густые, завалены снегом. Замечаю, что ветви одной из елей чуть-чуть колышатся. Всматриваюсь через прицел снайперской винтовки и вижу: «люлька», а на ней ноги в пьексах. Стреляю. С дерева падает человек. Подбегаем: белофинн с автоматом.

Осматриваем другие деревья; на некоторых замечаем тоненькие полоски — круговые срезы коры, вглядываемся — на каждом из таких деревьев устроены «люльки», но людей нет, очевидно, эти деревья подготовлены «про запас».

Вскоре обнаруживаем еще одного автоматчика, снимаем и его, но убитый белофинн роняет автомат, а сам не падает. Оказывается, он был привязан к дереву веревкой, охватывающей поясницу, так что, не держась руками, он мог свободно ходить по «люльке» вокруг ствола.

В первые минуты мы думали, что сбитые нами белофинны — случайные люди, отрезанные от своих и спрятавшиеся на деревьях, чтобы вредить в наших тылах. Тогда мы еще не знали, что подобный способ войны — система, которую враг станет применять по всему фронту.

В другой раз, когда «кукушки» начали нас обстреливать из автоматов, лейтенант Одинец приказал расчлениться и открыть огонь из ручных пулеметов. Этим огнем сразу же были сбиты три белофинна, а остальные затихли. Но едва рота поднялась и снова двинулась по лесу, белофинские автоматчики забрались на другие деревья и опять начали обстрел. Пришлось и нам действовать иначе. Решили выделять специальных бойцов с ручным пулеметом, которые прочесывали лес, двигаясь впереди роты. «Кукушки» исчезли, а мы без задержек двигались дальше.

ВЛ. СТАВСКИЙ

Герой Советского Союза Н. Угрюмов

Утром 30 ноября начался славный путь батальона капитана Угрюмова. Над черными вершинами елей в полнеба ударили грозные огненные всплески. От гула вздрогнула земля. С рокотом пронеслись в высоте снаряды на вражескую сторону.

На том берегу реки Сестры полетели обломки разбитых логовищ врага, запылали белофинские казармы.

Артдивизионы в 8.30 перенесли огонь в глубину. Над сумрачной долиной реки взметнулись ракеты. Они рассыпались зелеными пятизвездиями.

Командир 2-го батальона капитан Угрюмов не ложился ни на минуту за эту ночь, проверяя дозоры, обходя подразделения. Сейчас он был на своем наблюдательном пункте над обрывом перед рекой. Здесь же, над обрывом взвод станковых пулеметов вел огонь, чтобы сковать противника.

Правее — 4-я и левее — 6-я роты уже прошли на ту сторону реки. Комбат, не видя из-за леса движения рот, тоже перешел на тот берег со своими посыльными и связными от рот. Штаб батальона был в землянке, в лесу.

Роты стремительным броском заняли угрюмые лесистые бугры за долиной реки, бойцы углубились в лес. И тут была первая неожиданность: никто не видел врага. На дороге вдоль границы громоздились завалы. Вражеские окопы были пусты.

Капитан Угрюмов, двигавшийся с 4-й ротой, приказал по телефону (связь обеспечивал взвод лейтенанта Шпурика) командирам рот усилить боевое охранение, держать роты собраннее, чтобы не прерывалась зрительная связь.

Перед батальоном стояла задача: перерезать полотно железной дороги Белоостров—Териоки и Курносовское шоссе. Дальнейшая задача: к исходу дня овладеть Териоками.

У противника, по данным разведки, были самокатная рота, кавалерийский эскадрон, бронепоезд. Это — против батальона.

Но противник мог подбросить силы. И сведения разведки могли оказаться неточными, устарелыми. Какие силы белофиннов будут отходить от Белоострова?

Комбат бросил влево 6-ю роту лейтенанта Баранова с задачей прикрыть батальон от удара с фланга. 4-я рота наносила решающий удар. 5-я — двигалась во втором эшелоне уступом между рот.

Вдруг откуда-то из-за сосен и берез, из-за бугорков затрещали выстрелы. 4-я рота залегла. Командир ее лейтенант Мухамедзянов вопрошающе глянул на комбата.

Капитан Угрюмов приказал:

— Вышлите взвод. Поставьте задачу: обойти справа, разведать, захватить врага.

Через мгновение взвод младшего лейтенанта Светлова исчез в болотистом лесу. Вскоре впереди загремели выстрелы. Потом раскрасневшийся, запыхавшийся связной доложил, что группа белофиннов сбита и откатилась.

Рота двинулась вперед. Капитан Угрюмов оценивал обстановку: «Противник действует мелкими группами. Он хочет нас измотать. Ну, я его сильнее измотаю!»

На окраине деревушки Луцтахантя красноармейцы Чуримов и Литвиненко, заметив огонь из окопа, бросились туда с двух сторон. Но и отсюда белофинский снайпер успел сбежать. Красноармейцы увидели в окопе щегольскую офицерскую шинель, кожаную сумку с документами. Они кинулись в окоп.

Тотчас с грохотом разорвалась предательская белофинская мина. Раненым была оказана помощь. Капитан Угрюмов опять передал по телефону командирам рот приказание ускорить движение, развивая успех, и зорко смотреть под ноги, остерегаться мин.

Белофинны откатились от деревни Луцтахантя. Капитан Угрюмов любовно смотрел, как ловко, скрытно обследовали деревню бойцы взвода лейтенанта Шведова. И вот — на кирке затрепетало алое знамя.

— Молодец! — одобрил комбат, вспоминая, как лейтенант Шведов обещался первым водрузить красное знамя в этой деревне — еще там, на исходном положении.

За деревней телефонная связь с полком прервалась.

Роты стремительно продвигались вперед. Запорошенные снегом, еле видны были белые шнурки, куски проволоки — все это были мины, фугасы, расставленные врагом. На одну из мин попал командир пульвзвода лейтенант Спирин. Он был убит. Пулемет взорвало. Больше потерь от мин не было. Красноармейцы замечали их, обходили без вреда для себя, ставя значки — сигналы для товарищей, которые пойдут следом.

И снова — на этот раз через связных — комбат приказал командирам рот: не распылять силы, держать в руках роты, держать живую связь цепочкой — ведь действовать приходится в лесу. И усилить бдительность.

Комбата догнал начальник штаба батальона старший лейтенант Дорошенко. Он сообщил, что переправа через Сестру рух-

Герой Советского Союза полковник Н. Угрюмов

нула под танком, строится другая. Приданные средства усиления задерживаются. Задерживаются и батальонные тылы.

— Вперед! Развивать успех! — решил комбат.

Оставив за себя начштаба Дорошенко и поручив ему взять в свои руки связь с подразделениями, капитан Угрюмов поскакал со взводом разведчиков вперед, по дороге. Справа и слева стояли стеной сосны. Угрюмов с командиром разведчиков скакали рядом, впереди взвода метрах в семидесяти. Звонко били копыта. Вдруг командир разведчиков привалился к плечу Угрюмова.

— Товарищ командир, держитесь в седле! — строго крикнул Угрюмов. И, повернувшись, увидел, как падал убитый двумя пулями в голову командир с белого коня, облитого алой его кровью. Угрюмов в то же мгновение свалился с седла, оставив

левую ногу в стремени. Он был любителем конного спорта, великолепным наездником и рубакой, и сейчас это спасло его. Притворившись убитым, он обманул врага. Взвод разведчиков уже свернул с дороги в лес. Лошадь с Угрюмовым прискакала к другим лошадям. Угрюмов бросился к разведчикам:

— Почему не стреляете?

Белофинская засада вела яростный огонь, а тут — молчали два ручных пулемета.

Разведчики по приказанию Угрюмова пустили в дело оба пулемета. Завязался бой.

Подошла 4-я рота. В обход вражеской засады выбросился взвод.

По тому, с какой взволнованной радостью и блеском в глазах встретили его бойцы и командиры, капитан Угрюмов почувствовал, как никогда ярко и глубоко: его и всех этих людей связывает огромная боевая дружба, дружба беззаветно преданных Родине, общему делу патриотов.

Через три дня, в финском домике на берегу моря Угрюмов рассказывал мне про эту разведку и, добродушно посмеиваясь, признался:

— Я до первого боя, — чего только не думал про войну! Занимаешься дома, и вдруг представляется тебе картина: мой батальон идет в атаку. Сигнал. Я наблюдаю за ротами. И вижу — одна рота отстает. Я — в седло, на свою «Красотку». Шашку — вон! Рота, за мной! И — галопом туда. Первым заскакиваю в расположение врага и крошу. Крошу налево и направо. Теперь-то я вижу: так только в мечтах бывает. А в жизни — рядом со мной комвзводу две пули в голову. Какая же тут храбрость? Какое геройство? Дурь это одна — так под пули врагов подставляться!

* * *

Роты продвигались вперед, сшибая засады врага. Кончились сосны. Потянулся березняк. Из-под снега торчала ржавая осока. Под ногами бойцов легко пружинило торфяное болото. В следы быстро натекала вода. Дыханье бойцов становилось все чаще и шумнее. На малиновых пылающих лицах проступил крупный и обильный пот.

Капитан Угрюмов с удовлетворением думал: «А если бы бойцы не были втянуты в такую работу? Тогда бы что было?..»

Болото кончилось. Среди огромных сосен показались богатые, нарядные дачи. Где-то за ними была железная дорога. Впереди начинались улички, перерезанные окопами. Комбат сверился с картой.

— Куоккала. Надо ускорить движение и перерезать полотно.

Из-за углов в глубине уличек затрещали очереди белофинских автоматов. Пули свистящим роем неслись над залегшими бойцами. Они тоже открыли огонь. Капитан Угрюмов сердито сдвинул брови, а в глазах его блеснула усмешка. Неподалеку красноармеец шпарил из винтовки, просунув ствол в щель забора. Никакого врага в той стороне и не было!

Связные побежали к командирам рот с строжайшим требованием комбата:

— Каждому бойцу — стрелять только по цели! Посади врага на мушку, тогда и стреляй! Нечего палить в божий свет, как в копеечку!

Но — враг стреляет из окопов впереди. Капитан Угрюмов подозвал следовавших вместе с ним командиров-минометчиков лейтенантов Хамидова и Арянова.

Проворные минометчики с изумляющей быстротой изготовились и бросили мины в завалы и окопы впереди. Там грянули звонкие разрывы. Возникли клубы дыма. Невидимо откатывался враг.

— Умеют маскироваться! Нам бы так научиться! — с завистью и злостью подумал Угрюмов и громко и радостно ахнул: впереди, в глубине улички виднелся блиндаж, в него прямо ударила мина, над кустом дыма взлетела земля, бревна.

— Молодцы минометчики! — восхищенно сказал Угрюмов. А ведь какое грозное оружие — минометы!

Капитан Угрюмов с глубоким уважением посматривал и на минометы, и на минометчиков.

Связной доложил, что разведка вышла на полотно железной дороги, бронепоезда белофиннов не оказалось, враг откатился в направлении Териоки.

В дыму пожаров, стлавшихся над дачным городком Куоккала, роты вышли на линию железной дороги. Пути были взорваны, шпалы разворочены. За вокзалом занимались пламенем все новые и новые дачи.

— Ни себе, ни людям! Мерзавцы! Какое добро жгут! — вслух подумал Угрюмов.

Политработник, догнавший батальон, беседовал с бойцами. Он рассказывал о речи Молотова, произнесенной ночью по радио. И вот — на весь лес загремели могучие возгласы:

— Да здравствует Родина!

— Да здравствует великий Сталин!

— До полной победы будем бить врага!

Комбат испытывал чувство глубокого удовлетворения и радости. Боевая задача выполнена: железная дорога от границы в глубь Финляндии перерезана.

На небе развеяло тучи, под солнцем блестел и искрился снежок. Победно гремят под соснами возгласы боевых соратников.

И он привел их сюда! Капитан Угрюмов счастливо И гордо вскинул голову. В отдалении глухо ухали орудия. Снаряды рвались далеко в стороне.

«Хорошо, что нас еще не накрыла вражеская артиллерия, собрались — прямо толпа!» — резко осуждая себя, подумал капитан УгрюМов. Взвесив обстановку, принял решение:

— Немедленно итти вперед и взять Териоки — полностью выполнить и дальнейшую задачу.

Сожженный белофиннами дом в Териоках

Он отдавал себе полный отчет в том, насколько ответственно это решение: средства усиления еще не подошли. Ни танков, ни артиллерии не видать. Времени уже 14 часов. Бойцы с утра еще не ели.

Но батальон уже добился серьезного успеха, и этот успех надо развивать. Бессмысленно и глупо топтаться, дожидаясь средств усиления. Да батальон и так богат техникой: пулеметы и минометы — какое это грозное оружие! А этот подъем у всего личного состава!

И капитана Угрюмова охватывает радостный жар борьбы, боя, победы.

* * *

Быстро двинул свои роты комбат Угрюмов. Теперь батальон шел между железной дорогой и Курносовским шоссе, за которым был морской залив. Угрюмов пустил вдоль берега залива

4-ю роту, сам пошел с 5-й ротой левее полотна, а во втором эшелоне шла 6-я рота.

Сновали связные, — 4-ю роту Угрюмов не видел в лесу и беспокоился о ней.

С правой стороны за полотном двигался 3-й батальон. С ним была зрительная связь.

Опять началось лесное болото. Ноги у бойцов глубоко уходили в мох, в осоку. На кочках, в следах краснели раздавленные ягоды клюквы. Лес поредел. Начались низкие кустики, кочки, елочки. За ними — зловещей громадой желтел обрыв эскарпа — противотанкового сооружения, и по гребню его тянулось плетенье колючей проволоки на свежих сосновых кольях.

— А что, если там пулеметы врага?

Капитан Угрюмов выбросил свои станковые пулеметы на рубеж, с которого в любую минуту можно было обстрелять любую точку на эскарпе. Разведка уже подобралась к самому обрыву. Вместе с разведчиками шли красноармейцы с ножницами для резки проволоки. Где же противник? Что же он затеял, если не использовал такую позицию?

Слева, где шла 4-я рота, послышалась очередь, другая. Что там?

Впереди, помогая друг другу, вскарабкались на эскарп бойцы. Лязгнули ножницы, звякнув, свилась в кольца проволока. Рота быстро перевалила через эскарп. Связной, обливаясь потом, доложил, что 4-я рота лейтенанта Мухамедзянова прошла вдоль взморья уже третий эскарп.

— Вот почему и откатываются белофинны! Мухамедзянов их обходит! Вот командир! Будет так дальше действовать — дам ему рекомендацию в партию!

Роты проходили эскарп за эскарпом. На небо набежали тучи, посыпался влажный снег. До сумерек оставалось часа полтора. Кусты поредели. За кочкастой поляной на опушке леса стояли мрачные дома.

— Тут они нас и встретят! — сказал капитан Угрюмов, осматривая поляну, взвешивая обстановку. Ручей наискосок через поляну, ложбина вдоль полотна железной дороги могли быть использованы как прикрытие. Разведка уже прошла за ручей. Взводы 5-й роты стали вытягиваться на поляну. Под ногами хлюпал талый снег. Угрюмов шел справа, пристально всматриваясь в мрачную опушку леса.

Командиру 5-й роты лейтенанту Кучкину комбат приказал выбросить взвод влево, по кустам, в обход поляны. Взвод лейтенанта Филонина скрытно ушел влево.

Впереди разведка подходила к домам. Уже 6-я рота вышла на поляну. И тут с той опушки затрещали резкие очереди автоматов «Суоми».

— Ложись! — скомандовал комбат, старательно укрылся сам за бугорком и приказал открыть огонь и взводу минометов лейтенанта Арянова. Грянули на опушке разрывы мин. Слева ударили ручные пулеметы лейтенанта Филонина.

А здесь, на поляне, вскочил лейтенант Соловьев и метнулся вперед.

— За Родину! За Сталина! — кричал он и мчался через ручей, через кочки. Вслед бежали командиры, красноармейцы.

На всю округу гремело:

— За Родину! За Сталина! Ура!

За предпоследним перелеском перед Териоками тоже была поляна. Только разведчики втянулись в кусты, — раздался взрыв, взметнулась земля, балки.

— Мины! — тревожно крикнул боец.

В кустарнике лежали два раненых красноармейца. Их уложили поудобнее, перевязали. Спереди, из-за елей вдруг затрещали автоматы и винтовки белофиннов. Бойцы залегли. Они лежали на минном поле.

Начальник штаба Дорошенко строго потянул за рукав Угрюмова, и они легли.

— Вы берегите себя, товарищ комбат, вас так обязательно убьют! — сердито и заботливо выговаривал он.

В сумерках мелькали, словно падающие звезды, красные трассирующие пули врага. Над вершинами деревьев полыхало тревожное зарево пожарищ.

Капитан Угрюмов послал связных в соседний батальон. И вскоре — обходом справа — белофинны были сбиты и с этого рубежа.

Что же дальше? В километре — двух была станция Териоки. Ее и надо было бы захватить. Капитан Угрюмов, приподнявшись, оглядел боевых соратников.

Мокрые по пояс, они лежали на снегу с оружием в сторону врага. Ни одной жалобы, ни одного косого взгляда, а ведь от каждого потребовалось неимоверное напряжение всех сил.

Двигаться вперед? — но ведь местность впереди не разведана. Темно. Минное поле. И спереди бьют уже станковые пулеметы белофиннов. Их не менее шести.

Комбат Угрюмов принял правильное, смелое решение: вывести батальон назад, влево, на восточную окраину Териок.

Угрюмов связался с соседом, и оба батальона без единой потери вышли на окраину Териок, заняли до утра круговую оборону.

Командованию полка было послано донесение.

Ночевали батальоны в домах. Вокруг было выставлено сильное боевое охранение. Еще тогда, когда батальон выходил из минного поля, нарастая, послышался гул танков. Капитан Угрюмов почувствовал на себе тревожные, вопрошающие взгляды: «чьи танки?» Но этс были свои — приданная батальону рота

лейтенанта Преображенского. Он пустил танки по полотну железной дороги. А по Курносовскому шоссе, сплошь заминированному, его рота наверняка не прошла бы.

Капитан Угрюмов лично размещал роты по домам, заботился о раненых, проверял боевое охранение. И когда около полуночи поднялась ожесточенная стрельба, Угрюмов на мгновение представил перелесок, минное поле. По спине пробежала дрожь.

«Что бы с нами было там?» — Словно вторя мысли комбата, рядом, за углом дома, молодой красноармейский голос сказал:

— Вот бы побили нас, если бы комбат не вывел сюда из того минного поля! Это командир! С таким нигде не пропадешь!

Горячая волна радости и смущения плеснула в сердце капитана Угрюмова.

Первая контратака белофиннов была отбита. И еще были отбиты три их контратаки.

Всю ночь металось по всему горизонту зарево пожарищ. От бушующего пламени раскачивались ветви сосен. Хвоя казалась кованной из меди.

Капитан Угрюмов продумывал в эту ночь весь свой путь, тактику врага. На какой-то миг ему показалось, что война идет не один день, а многие-многие годы, и многое, словно, видел и переживал он когда-то. Так отозвалось сейчас в нем изученное, впитанное ранее.

Красноармейцы и командиры подходили к нему, заботливо предлагали ему сухари, яблоки, папиросы. Капитан Угрюмов за всем этим видел огромное чувство боевой дружбы, сплочение советских патриотов. И это поднимало и всех товарищей, и самого его.

* * *

Первый день войны в память капитана Угрюмова врезался неистребимо. Были дальше серьезные, горячие бои, яркие эпизоды. А в памяти вновь и вновь вставали завалы, минные поля и фугасы, эскарпы, коварные опушки. Запомнились и ловкие и стремительные действия командиров и бойцов, пулеметчиков и минометчиков, спаянных в железный и славный батальон.

Форсирование реки Быстрой около Хенна — это было сложное, рискованное дело. Эту задачу батальону Угрюмова поставил непосредственно представитель командования армии.

Командир полка придал батальону дивизион артиллерии, два взвода сапер, взвод полковой артиллерии.

— Строй мост! И действуй!

Капитан Угрюмов выдвинулся с командирами рот и приданных частей на опушку леса, над рекой. Внизу, в глубоком ущелье мчалась по скалам бешеная река. Мост был взорван.

На той стороне вздымались лесистые высоты. Там были позиции врага. Щипали наш берег белофинские снайперы. У капитана Угрюмова сердито сдвинулись брови. Он спросил командира-сапера:

— Вам долго мост наводить?

— День...

— Идите к командиру полка. Мне вы не нужны. День я ждать не буду.

Было уже 12.30. День был ясный и холодный. Капитан Угрюмов поставил командиру артдивизиона капитану Коренскому задачу поддержать батальон при переходе реки. И вслед за этим отдал приказ командирам рот о переходе на ту сторону реки по дрожащим мосткам, положенным на обломки свай и на скалы. Переправляться мелкими группами. Под обрывом на том берегу накапливаться. Дальше — двигаться по заданным направлениям.

И как в первый день, так и позднее, во все время войны капитан Угрюмов требовал от командиров и проверял, чтобы боевая задача была доведена до каждого бойца и была хорошо усвоена.

Вскоре артдивизион накрыл фугасным огнем тот берег, окопы врага — они были траншейного типа.

Став на переправе, капитан Угрюмов пропустил весь батальон, подбодряя бойцов веселым словом, шуткой.

Первой прошла 4-я рота лейтенанта Мухамедзянова и завязала перестрелку.

Капитан Угрюмов направил 6-ю роту в обход, вдоль берега. Рота лейтенанта Баранова ворвалась в окопы врага, отрытые по берегу, среди дач, в садах и во дворах. Тут и там серели бетонные точки. Белофинны отбивались ожесточенно. Они вели огонь и из дач, и из домов. Капитан Угрюмов увидел мелькнувшее в окне лицо врага и метнул туда гранату.

Лейтенант Светлов с бойцами быстро вошел в дом. На полу валялся убитый офицер.

Бой кипел на небольшом клочке земли, в дачном поселке, между рекой и заливом моря. Роты смешались. Капитан Угрюмов подал команду:

— Ложись!

Батальон залег. Угрюмов приказал командирам привести роты в порядок и доложить.

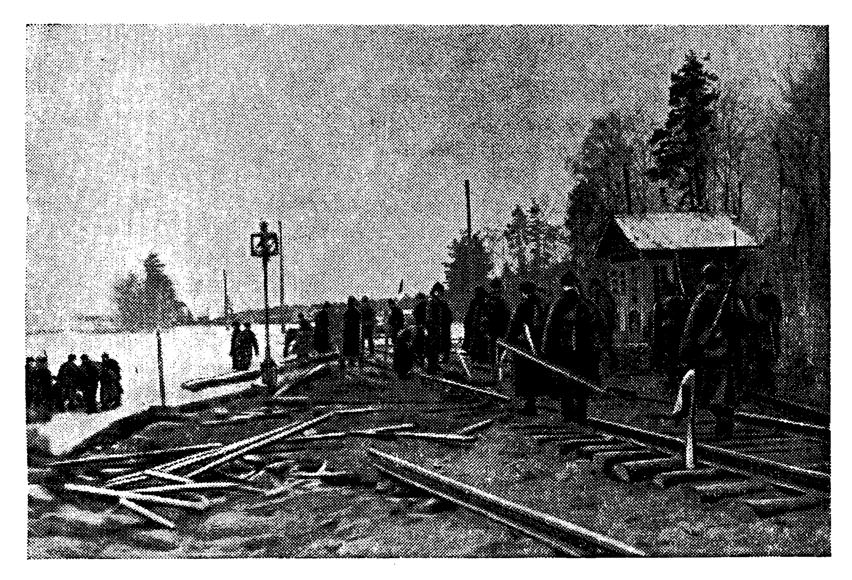
Лейтенанта Шведова со взводом он послал по берегу Финского залива. И снова — своевременным оказался маневр. Избегая обхода, противник откатился.

Белофинны, часто прибегая к засадам, к фланговым ударам, сами смертельно боятся засад и фланговых ударов. Но эти удары по врагу должны быть смелыми и стремительными.

Батальон двинулся вперед. На всю жизнь запечатлелось у капитана Угрюмова: надо действовать в полной увязке с артиллерией.

Вечером в этот же день капитан Угрюмов еще раз убедился в грозной силе минометов и навсегда полюбил это оружие.

Разведрота старшего лейтенанта Березина наткнулась под деревней Сарвелой на сильную засаду противника, залегла, неся потери.

Восстановление железнодорожных путей, взорванных белофиннами при отступлении

Меткий огонь минометов лейтенанта Хамидова сбил белофиннов. Действия минометчиков восхитили комбата. Были уже сумерки. Шел густой, липкий снег. В десятке метров с трудом можно было различить человека. Минометчики в темноте определяли угол прицела, ориентируясь по вспышкам выстрелов врага.

— Незаменимая легкая артиллерия! — с глубоким убеждением сказал Угрюмов.

Здесь же, в этом ночном бою еще раз оценил он всю силу и станковых пулеметов.

Пулеметчик Алексеев со своим расчетом быстро обошел с фланга финскую засаду и смертоносными очередями смял то, что еще уцелело после ударов наших мин.

Позднее, 24 декабря четыре станковых пулемета решили за полчаса успех всего угрюмовского батальона.

Накануне батальон с марша повел наступление на высоту 34,8. Капитан Угрюмов произвел в предшествующую ночь, сейчас же по прибытии, рекогносцировку с командирами рот. Утром еще доразведал местность.

С опушки леса он видел искусственно заболоченную низину, прорезанную рекой. Справа и слева — густой сосновый лес. За низиной — высота 34,8, очень сильно укрепленная белофиннами.

Капитан Угрюмов приказал 6-й роте обойти низину справа густым лесом, укрыто, и атаковать высоту. 5-й роте двигаться за 6-й, 4-й — обходить низину слева.

Свой наблюдательный пункт Угрюмов организовал в центре, на опушке леса. Отсюда хорошо была видна высота, поросшая густым лесом. Перед нею виднелась проволока — в три ряда. За проволокой — пять рядов траншей и четыре дзота.

Артиллерия полтора часа вела огонь по высоте.

4-я рота лесом подошла к проволоке. Белофинны весь огонь сосредоточили на ней. Подоспевшие танки проломали в проволоке проходы. 4-я рота вслед за танками проскочила за проволоку и броском ворвалась в белофинские окопы. Белофинны пытались было перейти в контратаку. 6-я и 5-я роты, укрыто пройдя лесом справа, бросились в атаку наперерез. Враги в панике бежали. Нами были захвачены шесть пленных. Они были пьяные. В окопах было много спирта, патронов, бутылок с горючей жидкостью.

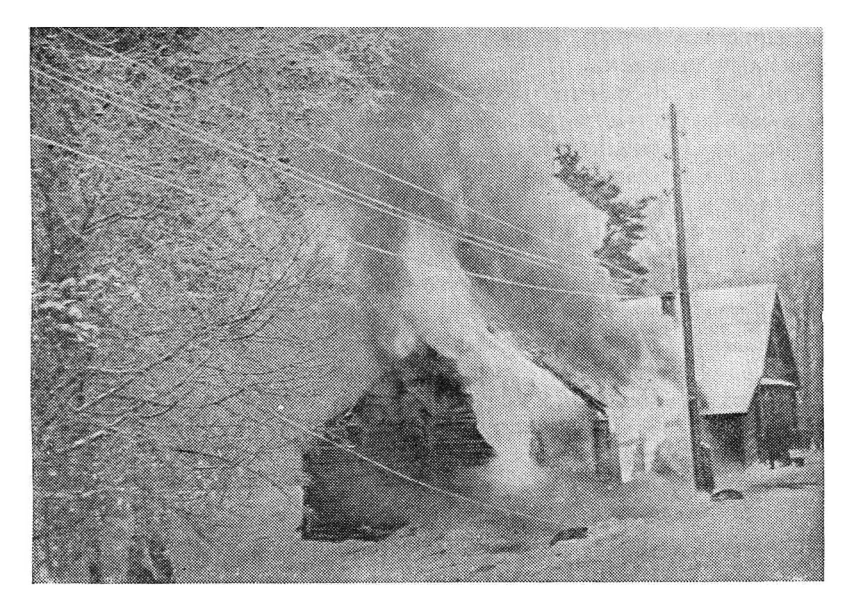
Овладев этой безымянной высотой, капитан Угрюмов продвинул батальон к подножью высоты 34,8. Наступали сумерки. Танки не могли двигаться — здесь было болото. Роты залегли и окопались.

К ночи батальон, не поддержанный соседями, был окружен. Шел жестокий бой. Из финского дзота, в котором организовал свой командный пункт Угрюмов, он видел вокруг вспышки огня.

Посылаемые им для связи с полком разведчики не возвращались.

Утром 24 декабря связи с полком не было. Белофинны нажимали со всех сторон. В это утро погиб один из лучших бойцов — пулеметчик Бачмагин. Он был рядом с командиром пульроты лейтенантом Радченко. Расчет одного из пулеметов впереди был выбит целиком. Радченко послал Бачмагина вытащить пулемет. Тот прополз к пулемету и открыл по белофиннам огонь. Его ранило в руку. Расстреляв патроны, Бачмагин ползком вернулся, забрал пулеметные ленты и, вновь пробравшись к пулемету, открыл огонь. Тут пуля через прорезь в щитке ударила его в грудь...

Разведчик Литвинов сообщил, что в тылу батальона у круглой березовой рощи появились белофинны. Капитан Угрюмов рассмотрел через окно дзота, что, верно — в его тылу движется

Пожар в Райволе

целая рота в белых комбинезонах. Свои? Враги? Но откуда тут быть сейчас своим? Угрюмов приказал лейтенанту Радченко выкатить четыре станковых пулемета и открыть огонь. Люди в комбинезонах были метрах в ста пятидесяти. Пулеметчики еще колебались: вдруг это свои?

— Огонь! — приказал Угрюмов.

И четыре станковых пулемета заработали. В окно дзота Угрюмов хорошо видел, как заметались комбинезоны, как падали они. И как только поднималась группа, тотчас по ней хлестала свинцовая струя.

Немного их ушло, белофиннов. Они оставили шесть станковых пулеметов, шесть тысяч патронов, сотни гранат, десятки автоматов.

Ничего не вышло у врага с окружением батальона Угрюмова. Один пленный белофинн, с горем пополам говоривший по-русски, насмешил весь батальон. Когда он узнал, к кому попал в плен, он затрясся:

— Угрюмов — это чорт! Наши офицеры боятся Угрюмова.

А комбат в это время приводил в порядок батальон. Посоветовавшись с неразлучным своим комиссаром старшим политруком Бариновым, Угрюмов писал рекомендации боевым соратникам, вступавшим в ряды ВКП(б). Мухамедзянов, Радченко, Арянов, Шведов, многие другие, больше двадцати товарищей, были рекомендованы Угрюмовым в партию.

Дружная боевая семья вокруг Угрюмова закалялась в боях, росла политически.

И когда 18 января 1940 года Угрюмов был назначен командиром полка, и он и все его соратники на какое-то мгновение взгрустнули: столько пройдено и пережито вместе. О боевых делах батальона уже знает страна. Землянка полна подарков, идущих со всех концов Родины. Ежедневно поступают сотни писем. Мать Николая Островского прислала книги сына «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Комбат Угрюмов оглядывал товарищей. Нехватает веселого начштаба Дорошенко — убит за Териоками. Ранены Баранов, Кучкин. Их заменили младшие лейтенанты командиры взводов Бобров и Пискунов и действуют отважно и умело.

Угрюмов мгновенно представил себе все бои, стычки, походы. Вспомнил себя мальчиком, мечтающим о подвигах. Светлокарие глаза его блеснули. Настала она — пора подвигов и больших боевых дел. Родина и партия вырастили, выпестовали. Доверие партии он, командир Угрюмов, оправдывал.

Старший лейтенант

А. ИВАНОВИЧ

Записки танкиста

Шесть часов утра. 30 ноября 1939 года. Мой танковый батальон вместе с авангардным батальоном капитана Угрюмова, ныне Героя Советского Союза, сосредоточился на исходном рубеже у финской границы.

Кругом лес и лесная предутренняя тьма.

Бойцы и командиры моего батальона бесшумно уточняют задачу, проверяют, все ли готово.

Часто поглядываем на часы, и все кажется, что время идет тягуче-медленно. Механики-водители еще раз проверяют состояние машин, хотя знают отлично, что они в полной боевой готовности.

Время идет. Часовая стрелка приближается к 8.

Тихо раздалась команда: «По машинам!» До открытия артиллерийского огня остаются секунды. Вдруг кругом все засветилось, загрохотало. Лес ожил...

Наблюдатели настороженно всматриваются в щели машин, ожидая сигнала. Неожиданно над языками пламени от орудийных выстрелов высоко поднялись три зеленые ракеты. Одновременно с командирского танка взвилась, описав дугу, красная ракета. Это я дал сигнал «В атаку!» Танки ринулись вперед и, ломая кустарник, деревья, подошли к переправе.

Рассвело.

В щель танка ясно видна река и справа — пограничный столб № 61.

Чувствуется большой наклон танка, затем танк поднимается чуть ли не вертикально и, удерживаемый умелыми руками, плавно опускается на ровную почву.

Мелькает мысль: река преодолена, и хочется крикнуть: «Молодец, механик! Вперед, вперед!»

* * *

Смотрю назад: остальные танки также успешно преодолевают первое препятствие — пограничную реку. Налево ясно видны

перебегающие фигуры бойцов капитана Угрюмова. Справа — ровной цепочкой продвигаются в белых халатах разведчики.

Усиленное наблюдение в сторону врага, руки — на механизмах наводки оружия, нога — на педали спуска, но противника не видно. Стало ясно: враг отходит. Необходимо догнать, отрезать отход. Приказываю механику: «Вперед, больше ход!» Танк стремительно несется по вражеской территории, но вдруг резкий толчок, и машина остановилась: впереди заметны бугорки, пересекающие дорогу. Решаю — это мины. Даю команду по радио:

Танки переходят границу

«Стой! Мины!» Танки остановились, укрылись в роще. Организовав наблюдение и разведку проходов через минное поле, приступили к осмотру мин.

Вот они — кругленькие, металлические, словно новые эмалированные тарелки, уложены правильными рядами и замаскированы землей.

Мысль работает быстро. Вспоминается наставление по разряжанию мин, их описание, но мины такого типа, как эти, встречаю впервые. Бойцы угрюмовского батальона уже впереди. Оставлять без танков наших пехотинцев рискованно. Надо действовать.

Справа мчится дозорный танк с донесением, что проход найден. Командую: «По машинам! Дозорный танк вперед!» и колонна танков отправилась догонять свою пехоту. Не пройдя и одного километра, я увидел сигнал дозорного танка: «Противо-

танковое препятствие!» Подхожу ближе. В перископе вырисовывается противотанковый ров метра в два глубиной, дорога заложена каменными надолбами. Препятствия не взять. А мозг сверлит мысль: «Угрюмов прошел и уже далеко впереди, вдруг понадобятся танки».

Подаю команду: «Экипажи, ко мне!»

Приказываю свернуть надолбы с дороги. Каменные глыбы полетели вниз, и через пятнадцать минут проход был свободен. Снова двигаемся вперед, и снова дозорный танк сигнализирует о препятствии.

Приблизившись, мы ясно увидели сваленные деревья: лесной завал, к тому же минированный. Нужно вновь искать обход. А впереди слышна ружейная и пулеметная стрельба. Батальон Угрюмова вступил в бой. Необходимо как можно быстрее обеспечить поддержку батальону.

Лейтенант Преображенский получает приказ со взводом танков лесом итти вперед, оказать помощь пехоте. Задача ясна. Танки двинулись через лес, который противник не заминировал, считая его и так непреодолимым для танков. Но белофинны ошиблись. Взвод лейтенанта Преображенского прошел и во-время поддержал пехоту. Когда капитан Угрюмов настиг белофиннов, они, прикрываясь противотанковым рвом, организовали оборону, ведя сильнейший пулеметный и ружейный огонь, не дававший возможности продвигаться вперед. Лейтенант Преображенский повел свой взвод в атаку и, дойдя до противотанкового рва, огнем с места уничтожил вражеские огневые точки и обратил противника в бегство.

* * *

С этого момента батальон капитана Угрюмова продвигается безостановочно вперед. Угрюмов выделил команду по разграждению пути для танков. Мы не отстаем от пехоты. Когда появляется противник, танки немедленно идут в атаку, обеспечивая своим огнем продвижение пехоты.

Батальон капитана Угрюмова, преодолевая бесчисленное множество заграждений, подошел к Териокам. Враг поджег город.

Слева от Териок — Финский залив, справа — лес и болота. И вот впервые здесь встречаемся с финскими снайперами, ведущими огонь с деревьев. Впоследствии их прозвали «кукушками» и, разгадав их хитрую тактику, научились отыскивать и уничтожать их. Но в первые дни они были неуловимы. Не предполагали наши бойцы, что огонь ведется сверху, и белофинских снайперов разыскивали на земле.

Разведка получает задачу узнать о силах противника на противоположном конце города. Вскоре является посыльный с донесением: «Противоположная окраина города обороняется про-

тивником. Имеются пулеметы, а перед фронтом — противотанковый ров и каменные надолбы».

Капитан Угрюмов принимает решение немедленно атаковать белофиннов. Короткий приказ. Задача ясна. Роты двинулись вперед. Но командир батальона озабочен. Необходимо обеспечить наступление стрелков танками. А мои танки сзади. Они обходят одно минное поле, другое, но мины всюду. Пройти нельзя, но пройти нужно. Лейтенант Преображенский видит невдалеке железнодорожную линию, идущую на Териоки. И вот приходит естественное решение — танкам двигаться по железнодорожному полотну.

Осторожно один за другим танки преодолели высокую железнодорожную насыпь и помчались прямо на Териоки. Когда подошли к вокзалу, объятому пламенем, стала слышна ожесточенная стрельба. Это наша пехота завязала бой. Танки на максимальной скорости понеслись по улицам горящих Териок. Через несколько минут выскочили на противоположный конец города, увидели свою пехоту.

— Танки, вперед! — махнул рукой капитан Угрюмов.

Сигнал ясен. Не уменьшая скорости, машины идут в бой.

Дорогу преградил противотанковый ров. Машины стали за укрытиями. Командиры отыскивают огневые точки белофиннов.

— Слева пулемет противника, — докладывает механик командирского танка. Быстрый поворот башни. Видны короткие вспышки пулемета, укрытого в дерево-земляном сооружении. Немедленно следуют три орудийных выстрела. Накат дзота осел, и пулемет умолк. Остальные танки также быстро отыскали цели и уничтожили их огнем. Пехота, обогнав танки и оставив за собой противотанковый ров, бросилась в штыки. Противник не выдержал удара, отступил.

* * *

На рассвете вышли к реке... Мосты через реку оказались взорванными. Саперы приступили к наводке моста. Это вызовет задержку на 10 часов.

Белофинны укрепились на другом берегу и не дают возможности наводить мост. Решено выслать танки с задачей подавить огневые точки врага и отыскать брод. При поддержке артиллерийского огня танки подошли вплотную к берегу и открыли огонь по белофиннам. Одна за другой умолкают вражеские огневые точки. Саперы приступили к работе. Танки прикрывают их, зорко следя за противником.

Взвод лейтенанта Преображенского тем временем нашел два брода. Пехота пройти может, но артиллерия и танки завязнут. Продолжая поиски, один из танков осторожно продвигается вперед. Но что это? Глухой взрыв, рывок, и танк остановился.

Противотанковые надолбы. Сзади чернеет противотанковая каменная стена

Механик с недоумением смотрит на командира: «Что случилось?» Командир поворачивает башню, отыскивая пушку противника, но пушки нет.

Оказалось, танк наскочил на мину. Повреждения были здесь же исправлены самим экипажем.

Командир полка получил донесение от танковой разведки о бродах и решил продолжать наступление без танков и артиллерии и до восстановления моста овладеть станцией Ино. Батальоны двинулись вперед, а танки и артиллерия остались. Подошли полковые обозы. Быстро наступает темнота. Танки устанавливают оборону и ведут наблюдение за противником.

Танкисты беспокоятся — батальоны ушли вперед без танков. В направлении станции Ино слышна стрельба. Видно пламя пожара. Надо помочь пехоте. Мост еще не скоро будет готов. Но быстро находим способ. Берег реки срезается и выравнивается, и взвод танков, переправившись через реку, продвигается к станции Ино.

* * *

Экипажи возвратились на сборный пункт к мосту. Только танки остановились, как со всех сторон раздалась стрельба. «Окружены!» — мелькает мысль. Бой у моста нарастает.

Слышны взрывы гранат. Финские ракеты освещают поле боя. Справа танки открыли ответный огонь. В ночной темноте ярко вспыхивают короткие язычки пламени пулеметных очередей. Обстановка неясна. Предполагают, что противник, пропустив пехоту, решил контратаковать ее тылы. Но не так просто захватить врасплох бойцов Красной Армии. Контратакующие группы противника, наткнувшись на губительный огонь танкистов, вынуждены были оставить свои намерения и отойти. Скоро огонь справа прекратился, но у переправы попрежнему — частая пулеметная и ружейная стрельба.

В тылу все тихо. Весь личный состав занял оборону. Часто падают снаряды, но разрывы их ущерба не приносят. Противник ведет огонь неточно — перелеты. Ночь тянется долго. Кругом патрули, секреты, а бой у моста продолжается.

Вдруг в зареве огня появилась фигура человека, идущего шатающейся походкой со стороны моста. К нему подбегают двое бойцов, берут под руки и бережно ведут. Это командир взвода танков-амфибий лейтенант Комаров. В его танк попал снаряд и осколками нанес Комарову шестнадцать ран...

К рассвету бой утих, и стрельба прекратилась. Экипажи геройски сражались всю ночь, отбили контратаку белофиннов и ликвидировали окружение. Враг вынужден был отойти, оставив на поле боя много убитых и раненых.

В сумке убитого финского офицера найдена карта. По нанесенной на карту обстановке можно убедиться, что намечался удар во фланг нашим частям. Но намерения врага были сорваны.

Утром саперы закончили наводку моста, и танки, соединившись с полком, продолжали успешно преодолевать полосу заграждений, быстро продвигаясь к главной оборонительной линии противника, так называемой линии Маннергейма.

Старший лейтенант
АНИСИМОВ

Удар по живой силе врага

Рано утром 30 ноября мы получили боевой приказ — разбомбить аэродром. Это был мой первый боевой полет.

Мы договорились с капитаном Кочевановым, что микрофоном пользоваться будем мало. Главное внимание он должен обращать на световые сигналы: продолжительный зеленый — разворот влево, продолжительный красный — разворот вправо, белый короткий — прямо и т. п.

Погоду нам предсказывали неважную: высота 100—400 метров, видимость 3—4 километра.

Взвилась зеленая ракета — старт разрешен.

С полной бомбовой нагрузкой легли на курс к «входным воротам».

Встретили истребителей. Мы дали сигнал «Я свой», и, сделав левый разворот, они ушли дальше.

На контрольном этапе я промерил ветер. Чтобы не сбиться с курса, выбирал такие контрольные ориентиры, которые по своей конфигурации и расположению можно было бы легко опознать. Производя эту работу, я старался выдерживать режим полета — курс, скорость, точность во времени при проходе над ориентирами от «входных ворот» до цели.

Двадцать одну минуту летели мы над водой. Здесь нет ориентиров. Только волны бушуют. Нас прижимает до пятидесяти метров и ниже.

— Держите курс и скорость как можно точнее, — говорю я капитану Кочеванову.

— Посмотрите на стрелки, — ответил он мне.

Я посмотрел на стрелки приборов. Они почти не шевелились, разве немного, от болтанки. Кочеванов выдерживал маршрут. Нам нужно было обязательно выйти к намеченному ориентиру, чтобы от него построить маневр подхода к цели и ухода от нее.

Полет над морем показался чрезвычайно продолжительным.

Вражеский берег появился совсем неожиданно, как будто вырос из воды. Начался лес.

Капитан Кочеванов точно выдержал рассчитанные мною скорость и курс, — через две минуты мы летели над озером с островком посередине.

Я дал сигнал — разворот влево, в район цели, подальше от населенных пунктов, чтобы внезапно появиться над врагом.

Цель уже совсем близко... Волнуюсь.

— Смотрите, Анисимов, не завезите, — говорит мне капитан Кочеванов, — что-то ничего не видно. Лес да лес.

Я проверил расчеты и отвечаю:

— До цели 6 минут... Смотрите за сигналами.

Опять уточнил снос, скорость, угол прицела.

Все установлено на прицеле и на сбрасывателе. Бросил взгляд на схему цели: она вытянута с запада на восток. Решил бомбить не с хода, а отойти километра на три юго-западнее цели и, развернувшись вправо, пройти над нею. Бомбить с хода было бы опасней, потому что пришлось бы пролететь над несколькими селами, в которых могла находиться зенитная артиллерия.

Высота 250 метров. Лес мешает издали видеть цель. Но вышли точно.

Увидев поверх деревьев крыши ангаров, капитан Кочеванов не выдержал и крикнул в телефон:

— Смотрите ангар!.. Если нет самолетов — бомбим по ангарам и по рабочему полю.

Я дал сигнал: «Внимание».

Вижу большой ангар, слева еще два ангара поменьше, служебные постройки, аэродромное поле, справа пусто. Глаза шарят по опушке леса — нет ли там самолетов? Самолетов нет. Пусть — и без них есть, что разгромить.

Левая рука — на сигнальных кнопках, правая рука и ноги работают с прицелом, для крепости я зажал его ногами. Пора! Открываю люки. Смотрю в прицел. Цель на курсовой черте, она быстро движется на меня. Щелчок петельки на треугольнике — центр цели. Нажимаю кнопку прицела. Бомбы сброшены. Сигнализирую летчику. Закрываю люки.

И тут только вижу перед самолетом красные нити. Нас обстреливает зенитный пулемет. Прошли чуть дальше и сделали разворот вправо, летчик увидел попадание, да и стрелок-радист Дементьев доложил — бомбы попали в ангары и на рабочее поле.

Над целью мы находились не больше полминуты. Обратно капитан Кочеванов решает лететь за облаками. Спрашивает:

— Сумеем выйти к «входным воротам»?

— Ну, уж раз на цель точно вышли, то на своей земле на любой перекресток дорог выйдем.

Даю курс, уходим в облака. Для облегчения ведомым ведущий включил бортовые огни. Облака пробили на высоте

800 метров. Здесь ярко светит солнце, самолеты, как лебеди, плывут в них. На душе стало весело.

Подходим к «входным воротам», надо снижаться под облачность. Опять высота 150—200 метров. Снег.

Вернулись все, потерь нет, только в одном самолете оказались две пулевые пробоины.

На разборе начальник штаба бригады полковник Тищенко отметил хорошую работу экипажей. Командование бригады и полка прислало телеграмму, поздравило с отличным выполнением первого боевого задания в сложных метеорологических условиях.

Следующий боевой вылет был 1 декабря. Бомбили скопление войск на стыке двух шоссейных дорог северо-западнее Выборга. Финские войска, идущие от Иматры, пропускали части, идущие от Лаппенранты и Хельсинки. Масса войск не могла, конечно, остаться без охраны истребителей и зенитной артиллерии. Четыре «Фоккера Д-21» уже подкарауливали нас. Но мы вошли в нижнюю кромку облачности и развернулись на цель. (Войск было очень много, такой благодатной цели я больше не встречал.) На боевом курсе, на секунду оторвав взгляд от прицела, я прямо перед собой увидел черные шары разрывов и в тот же момент почувствовал, как подбросило машину.

В первый момент мне показалось, что не прорваться сквозь сплошные разрывы снарядов зенитной артиллерии. Хотел сманеврировать, но капитан Кочеванов сообщил:

— Отворачивать некуда, бьют со всех сторон, разрывы между самолетами.

Я дал белый сигнал и в ту же секунду нажал кнопку — бомбы пошли, они разорвались в самой гуще белофиннов. Все перемешалось. Маневрируя по курсу, на повышенной скорости, с набором высоты, мы ушли в облачность и проскочили зону зенитного огня.

Зная, что за нами следят истребители противника, я рекомендовал летчику выйти за облачность и развернуться на юго-запад. И получилось неплохо: «Фоккеры» потеряли нас под облачностью, а мы по ее верхней кромке уходили домой.

На обратном маршруте, у острова Сескарь, мы наблюдали морской бой наших кораблей с кораблями белофиннов.

Припертые в бухте, вражеские суда метались от берега к берегу, отстреливаясь из орудий. Мы пожалели, что нет бомб — помочь нашим морякам раздавить это осиное гнездо. С советских кораблей нам дали сигнал: «Я свой», мы ответили тем же, обойдя их слева.

Особую трудность в этот момент представлял участок от «входных ворот» до аэродрома. У «входных ворот» нас пригнуло к земле, сплошной снег закрывал горизонт, мы шли, почти цепляясь за верхушки деревьев.

И тут я особенно почувствовал ответственность за десять самолетов, которые должен привести на свой аэродром.

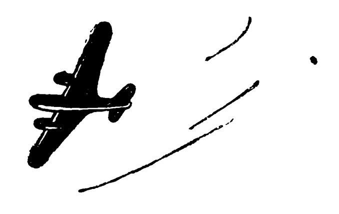
Капитан Кочеванов включил бортовые огни, передал, что он землю не видит, ведет только по приборам.

Стрелок-радист Дементьев доложил, что самолеты идут почти вплотную.

От быстрого мелькания ориентиров и снега болели глаза.

В районе аэродрома снег чуть-чуть реже, уже можно лететь на высоте 50 метров и различать ориентиры. На аэродром пришли хорошо, — только две пробоины осколками снаряда.

Пятьдесят два боевых вылета, которые я сделал на Северо-Западном фронте в разных условиях и на разных высотах, научили меня тщательно готовиться к каждому боевому вылету, продумывать каждую деталь полета, быть готовым ко всяким неожиданностям и каверзам со стороны врага.

Лейтенант

Д. ПОПОВ

Удар во фланг

Головной отряд 3-го батальона после короткого, но жаркого боя занял 3 декабря селение Пирхоланмяки. Сюда же, разгромив противника на высоте 181,8, подошли 1-й и 2-й батальоны.

Чтобы двигаться дальше на Рауту—Кивиниеми, нужно было преодолеть линию белофинских дзотов. Отброшенный к этой линии противник сосредоточил здесь гаубичную батарею, батарею минометов крупного калибра, пулеметы и автоматы. Свинцовым дождем встретили белофинны наш полк. Положение усложнялось тем, что артиллерия и танки запаздывали.

Мост у Кивиниеми, взорванный белофиннами

Оценив обстановку, командир полка майор Васильев принял решение: 2-й батальон сковывает противника с фронта, 1-й — обходит его с правого фланга, 3-й — с левого.

Зайти слева и ударить во фланг укреплениям — такую задачу поставил майор перед командиром 3-го батальона старшим лейтенантом Шутовым.

Ночью 3-й батальон круто взял влево и начал продвижение к флангу противника.

Сначала двигались, прикрываясь мелким кустарником. Попав в лес, пошли цепочками. Все распоряжения отдавались шопотом. Завладели несколькими окопами и углубились дальше в лес.

Справа непрерывно гремела канонада.

Пройдя 5 километров, батальон достиг края лощины. Лощину в 150 метров шириной и 15 метров глубиной белофинны заранее очистили от леса, покрыли несколькими рядами проволочных заграждений и противотанковыми завалами. Все подступы были пристреляны: стоило нашим разведчикам показаться на краю лощины, как белофинны открыли ожесточенный пулеметный и винтовочный огонь из искусно замаскированных дзотов.

Батальон развернулся для боя.

Казалось, что без артиллерии и танков преодолеть лощину невозможно. К тому же бойцы были сильно утомлены: двигались с боем от самой государственной границы, не спали уже третью ночь.

Но никакие трудности не могли остановить отважный батальон.

За естественными прикрытиями на краю лощины командир батальона расположил пулеметные подразделения. Тут же залегли наблюдатели. Разведчикам было приказано осторожно двигаться по самому краю.

План командира удался целиком. Решив, что начинается атака, белофинны открыли огонь из всех своих огневых точек. Наблюдатели засекли эти точки, и тогда батальон ответным огнем заставил их замолчать одну за другой.

Под прикрытием своего огня разведка спустилась в лощину, подползла к проволочным заграждениям и сделала в них проходы.

Батальон двинулся в стремительную атаку.

Белофинны не выдержали натиска. Оставив раненых и убитых, не успев захватить боеприпасы, продовольствие, обмундирование, они в панике отступили.

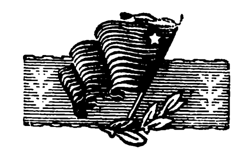
Противник, расположенный на основном направлении, узнав, что на его правом фланге идет бой, побоялся окружения и начал поспешно отступать.

Достигнув местечка Мякряля, старший лейтенант Шутов выслал к командиру полка связного с донесением, что 3-й батальон свою задачу выполнил.

На рассвете 4 декабря 1-й и 2-й батальоны закрепили успех, достигнутый батальоном старшего лейтенанта Шутова.

Путь на Рауту—Кивиниеми, вплоть до самой линии Маннергейма, был открыт.

За мужество и инициативу, проявленные в трудном ночном бою, старший лейтенант Шутов награжден орденом Красного Знамени.

Лейтенант

Г. ЛЮТИКОВ

Под огнем

Мы прибыли 6 декабря в район деревни Лоунатиоки. Дорога в этом районе была непригодна для передвижения. Мост через реку был взорван. На дороге возле реки имелись железобетонные надолбы и завалы. На том берегу, около разрушенного моста, белофинны сделали с двух сторон эскарп, чтобы затруднить проход танков и постройку объездов. А объезды и так делать было очень трудно. По обе стороны дороги тянулось топкое болото.

Чтобы обеспечить продвижение танков, артиллерии, автомобильного и другого транспорта, начальник инженерной службы дивизии военинженер 2 ранга Мерман приказал:

«Командиру саперного батальона капитану Аксенову — проложить дорогу для объезда по болоту; усилить мост, построенный для пропуска легких грузов; построить новый мост под тяжелые грузы; расчистить дорогу от надолб и завалов. Время на работу — 24 часа».

Задача была очень сложная. Она требовала большого напряжения сил. Капитан Аксенов приказал командиру роты старшему лейтенанту Стародубцеву заготовить лесоматериалы, применив всю имеющуюся технику. Командир парка старший лейтенант Кужну должен был обеспечить своевременный подвоз лесоматериалов.

Перед саперной ротой, которой командовал я, была поставлена задача: построить мост.

Для ускорения работы по забивке свай на одном берегу реки был поставлен взвод лейтенанта Титова, а на другом — взвод младшего лейтенанта Пшеничникова. 3-й взвод подносил бревна.

Работа не прерывалась ни днем, ни ночью. Младший командир Тасим и красноармеец Бохалов, надев прорезиненные костюмы, полезли в ледяную воду и пробыли там около двух часов, расчищая дно от камней. Сваи забивали вручную. Только слышались дружные возгласы: «Взяли!», «Разом!», «Эй, ухнем!», «Еще раз!», «Сама пойдет!».

Это было после длительных переходов под огнем противника, когда бойцы и командиры не спали по трое и более суток. Невдалеке горел костер. Иной боец пойдет к костру перекурить, да и заснет. Дав ему поспать с полчаса, товарищи будили его, и он с новой силой принимался за работу.

Мост был построен на два часа раньше срока. Через 2—3 дня, пройдя по этому мосту, наши части заняли Пэрк-ярви.

* * *

Зимняя ночь была на исходе. Луна освещала острые верхушки хвойного леса. Бойцы и командиры, ожидая приказа, сидели в шалашах из еловых веток и грелись у маленьких костров. Говорили вполголоса о предстоящем бое.

В этот предрассветный час я вспомнил днепровские плавни, баштаны, город Берислав, где родился и провел детство. Вспомнил, как давным-давно шли через Берислав на Каховку красноармейцы и двигались орудия, как по улице проходил один-единственный танк, и все бериславские жители, в том числе и я, тогда девятилетний мальчишка, смотрели на него, как на чудо. Вспомнил, как полураздетые бойцы гнали белых, и рассказал сейчас об этом своим бойцам. Напомнил о боевых традициях Красной Армии, разгромившей Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля, выгнавшей вон с нашей родной земли полчища интервентов. Рассказал о боях

Саперы строят дорогу на освобожденной от противника территории

у озера Хасан, на Халхин-Голе, о боях, показавших тем, кто это забыл, что славные традиции Красной Армии живут и крепнут. И мы в лесах и снегах Финляндии высоко несем и будем нести эти боевые традиции.

Подошел командир батальона старший лейтенант Земсков. Он отдал приказ об устройстве переправы на реке Косенйоки: «Произвести усиление льда для пропуска танков». Было 7 часов 30 минут.

Прежде чем приступить к устройству переправы, надо было поднести все щиты и доски к реке, на самый край опушки леса. Собрав командиров взводов, я объяснил, какую задачу поставил перед нами командир батальона и как ее выполнить. Бойцы стали подносить щиты и доски на край опушки леса. Носили их, пригнувшись, бегом или быстрым шагом. Во время работы искусно маскировались, чтобы белофинны с противоположного берега не обнаружили места подготовлявшейся переправы. Передвигались со щитами и досками небольшими группами, по разным дорожкам.

Вот подготовительные работы окончились. Каждый боец, прижавшись к земле, наблюдал за берегом противника. Ожидали приказа приступить к усилению льда.

Ко мне подходит красноармеец Голубев, спрашивает:

— Скоро ли начнем строить переправу? А то бойцы никак не могут дождаться команды.

— Скоро, товарищ Голубев. Как только подойдет наша пехота, так и начнем, — ответил я ему.

Через несколько минут была подана команда.

Напряженность ожидания разрядилась. Саперы подхватили щиты и двинулись к реке. Река текла по открытой холмистой местности. От опушки леса до берега было 200 метров. Передние бойцы находились уже на полпути. Белофинны, увидев, что начинается постройка переправы, открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Нам пришлось залечь и, толкая щиты и доски перед собой, ползти вперед. Вот поднялся младший командир Логинов, поднялись заместитель политрука Лопухов, красноармейцы Лапин, Мануйлов и другие и побежали к месту переправы.

Из-за реки, где лес подходил к берегу, слева и с фронта били белофинские снайперы и пулеметы. Вражеской пулей был убит красноармеец Иван Лапин, упали ранеными лейтенант Шулятьев, отделенный командир Гуляков и красноармеец Белоусов.

Наконец, интенсивный огонь нашей артиллерии заставил противника замолчать. Воспользовавшись этим, мы броском достигли места переправы. Только начали укладывать щиты на лед, как на нас вновь обрушился свинцовый град. Младшие

командиры Логинов, Лопухов, бойцы Голубев, Мануйлов, Шаров, Кушин, Кузнецов и другие остались работать под огнем. Работали, переползая по-пластунски. Изредка перебрасывались словами: «Давай скорей», «Забивай». Несмотря на огонь, одни из сапер продолжали усиление льда, а другие подносили щиты. Работали мы под огнем всего 20 минут, а нам показалось, что прошло очень много времени.

Так была устроена переправа в районе деревни Хопила на реке Косен-йоки. Танки быстро перешли реку и двинулись туда, где был враг. Враг отступил.

Младший лейтенант
ЧЕРНЫШЕВ

Танки форсируют реку

Приказ командира был короток; моему взводу предстояло совершить марш на станцию Ино и поступить в распоряжение командира отряда.

Я был уверен в боевой сплоченности моих людей. Утром 7 декабря повел танки по заданному маршруту. Через час дошли до реки Ной-йоки. Мост взорван, объездов нет. Все мои попытки перейти реку вброд оказались безуспешными. Тогда решаю навести мост силами взвода. Младший лейтенант Василий Груздев был за инженера, младший лейтенант Котунов на танке подвозил лес. Работу закончили засветло, и машины прошли по трясучему мосту. Марш проделали уже в сумерках, в любую минуту готовые принять бой. Но все было тихо. В лесу бродил скот, разбежавшийся из сожженных шюцкоровцами деревень.

А утром мы двинулись вперед, на захват пункта Юккола.

За нами в 100 метрах двигалась пехота. Когда мы подходили к передовой линии, мой танк внезапно скользнул под откос. Соскочила гусеница. Стоять нельзя было ни минуты, и я решил перейти к Котунову. Приказав ему с моим экипажем вывести танк, я, командуя двумя машинами, принял первый бой.

В тот же день мы заняли Юкколу и после двух суток преследования отступавшего противника быстрым ударом взяли высоту 29,21.

У нас оставалось по десятку снарядов. Задача была выполнена, и можно, казалось, отправляться в обратный путь. Но в тот же день товарищ Ф. Дудко привез мне новый приказ — следовать дальше с отрядом — и снабдил нас горючим и боеприпасами.

Утром взвод двинулся на штурм местечка Тойвола.

Я действовал с левого фланга, идя впереди батальона. Как только рассвело, мы стали спускаться с высоты 29,21. Помню слова моего боевого друга Василия Груздева (впоследствии ему было присвоено звание Героя Советского Союза):

— Многому нас с вами, товарищ командир взвода, научит это утро. Вождение, тактика, огневое дело — все тут. Приедем домой, будет чем гордиться!..

Вот уже близок противник. Впереди река, моста нет. С противоположного берега нас встретили ураганным пулеметным огнем. Танки стоят, артиллеристы ведут огонь, заработали все наши пулеметы. Пехота залегла позади нас. Но долго стоять нельзя, без нашей помощи пехота понесет ненужные потери на правом фланге. Тогда я решил сам разведать реку.

Вышел из танка и ползком пробрался к берегу. Все в порядке — река проходима, только подходы местами минированы, и нужно обходить стороной. Найден обход, теперь можно вернуться в машину.

В это мгновение меня заметил финский снайпер.

Я услышал треск автомата и почувствовал боль в правом плече. Кровь потекла в рукавицу. Всем телом прижался я к мерзлой, холодной земле. Оказывается, и правая нога ранена. Стараюсь быстрее добраться до танка. Наконец, дополз.

О своем ранении я умолчал, только крикнул Груздеву:

— Сейчас повернем вправо, река проходима!

Когда я садился в танк, третья пуля разорвала мускулы правой руки. Я упал под машину. Груздев, увидев, что я лежу на снегу, кинулся ко мне. Скрипя зубами от злости и прижав меня к груди, мой товарищ Вася Груздев крикнул:

— Командир ранен! Команду принимаю я!

Он прикрыл меня шубой и, прыгнув в танк, подал команду:

— Вперед!

Я остался на дороге под теплой шубой и вскоре услышал, как танки с ревом взяли водную преграду.

РУД. БЕРШАДСКИЙ

Герой Советского Союза Федор Дудко

Водитель танка, младший командир Федор Дудко нажал на педаль и устремился на препятствие. Оно было, казалось, совершенно непреодолимо: глубочайший противотанковый ров. Как Дудко намерен выбраться из него? Зрители недоумевали...

Но тут произошло неожиданное: Дудко разогнал танк так, что машина пропала в снежном вихре, взметнувшемся за ней. И вдруг вихрь, оторвавшись от края рва, перемахнул на другую сторону. А когда рассеялась снежная пыль, из машины вышел водитель и отрапортовал: препятствие взято...

Принимая в Кремле орден «Знак Почета», Дудко поклялся, что будет действовать в бою так же, как на учебном танкодроме.

За четыре года, прошедшие после этого, младший командир превратился в воентехника 1 ранга. Круг его дел стал шире, значительнее. Славные танкисты новых призывов упорно изучали опыт бывшего водителя Дудко. Сам Дудко, воентехник 1 ранга, помощник командира роты по технической части, редко садился за рычаги.

Но когда начались военные действия, Федор Дудко обратился к командованию с настоятельной просьбой разрешить ему в бою снова занять водительское место. Ходатайство Дудко удовлетворили...

Батальон сосредоточился на исходной позиции. Командир напряженно вслушивался в тонкий писк, раздававшийся в радионаушниках. Впереди, просматриваемые глазом, за рвами и надолбами, притаились пока молчаливые укрепления противника, и командир чувствовал, как гнев и ненависть переполняют его. Скорей бы!

Тонкий осиный писк в наушниках перекрыло властное слово команды: «Вперед!»

Командир захлопнул за собою люк.

Грозная машина рванулась вперед, бешено скрежеща гусеницами. За ней пошли другие. На ходу с башен танков слетели маскировавшие их до времени ветви елок.

Федор Дудко не слышал рева снарядов, которыми доты встретили их батальон. Он не слышал ничего, кроме рокота мотора да стука своего сердца.

Проход был узок. Дудко бросал машину вправо, влево, как кулачный боец, прошибая себе путь. Эскарп подался, и танк пробрался сквозь него прежде, чем противник успел пристреляться.

Сквозь триплекс Дудко увидел белофиннов. Они, как воронье, обсели деревья, швыряя оттуда гранатами, бутылками с бензином.

Команда стрелкам: «Огонь!»

Дудко показалось, что стрелки медлят. Распахнувши люк, он из нагана почти в упор выстрелил в одного белофинна, другого, третьего. Раненый вражеский автоматчик, свалившись в сугроб, притворился мертвым, но затем, видно, решив, что на него уже не обращают внимания, снова, как гадина, пополз к танку. Дудко видел его побелевшие от бешенства глаза.

— На тебе!

Беспощадные гусеницы накрыли врага.

Барабан нагана Дудко пуст, танк прошел уже три километра вглубь, прямым попаданием в башню убило политрука Новикова, командовавшего танком. Ненависть клокотала в сердце Дудко. Неукротимая машина неслась вперед. Замолкли орудия врага, подавленные выстрелами в упор, и вдруг Дудко снова увидел белофинских снайперов с бутылками, наполненными бензином. Враги поджидали его на деревьях. Башенные стрелки не могли их снять — им не позволял угол возвышения. Дудко с ходу остановил танк и одним прыжком через верхний люк выскочил с пулеметом. Белофинны на мгновение растерялись: один — под выстрелы всех?

Застрочил пулемет в руках Дудко, и для многих врагов мысль о советском храбреце стала последней мыслью в их жизни. Он стрелял безостановочно, быстро меняя цель. Полушубок его был прострелен, царапнуло ногу, сорвало с руки часы. Дудко выпустил два диска и перевел дух только тогда, когда увидел, что последний белофинн свалился с дерева. Один больше не поднимался, а двое других, по-заячьи петляя, удирали в лес. Дудко послал для верности очередь вдогонку, а затем бережно собрал осколки разбитых часов.

Темнело. Пора было возвращаться к своим. Может быть, противник раньше и не слыхал славного имени танкиста Дудко, но теперь на своей шкуре чувствовал, что оно значит.

* * *

На следующий день танк Дудко снова понесся первым. Пехотинцы едва поспевали за ним. На виду у противника Дудко высунулся из люка и, махнув пистолетом в сторону дота, за-

кричал голосом, который трудно было и предположить в таком маленьком человеке:

— Вперед, товарищи! Близко уже!

Пехотинцы, пригибаясь, бежали за героической машиной, которая мчалась на врага с помятой снарядом башней, но все-таки мчалась! Вперед, только вперед!

Бои были упорными.

Герой Советского Союза Федор Дудко

Через день Дудко опять повел машину в атаку. Это была седьмая атака за три дня... Как бы ни сопротивлялся враг, он будет побежден и уничтожен!

Путь преграждали надолбы, эскарпы, огневая завеса. Но часть надолб взорвали для друзей-танкистов отважные саперы, эскарпы были повреждены артиллерией.

Командир машины Савин только и ждал, чтобы противник открыл огонь.

На плечо водителя ложилась крепкая рука, сигнализировавшая: «направо», «налево». И если расчет противника не отбегал в сторону, он взлетал в воздух вместе с орудием.

Неожиданно танк пошел резко вправо, и Дудко почувствовал, что отнялась его правая нога. Ранен?

Заметил это и Савин. Сквозь грохот мотора и снарядов он закричал:

— Товарищ Дудко, заменю!

— Ничего. Ничего!

«Хорошо, что не левую, — подумал он. — Тогда бы сцеплениями не мог двинуть». Эта мысль сразу успокоила. Как будто даже боль ослабела. Но успокоение было минутным. Сапог давил все сильнее. И когда Дудко шевельнул пальцами, они захлюпали в крови.

Дудко увидел: оглушительно хлопнув о звонкую мерзлую землю, соскочила гусеница у соседнего танка. Резко затормозил: не бросать же товарищей!

А враги, освоившись с тем, как ведет борьбу танк, круто изменили свою тактику. Заметят, что башни повернуты влево, — ползут справа. Их в это время один водитель видит. А что он сделает им?!

Дудко искусал от злости губы. Эх, пулемет бы водителю! Вот они снова лезут с зелеными бутылками. Даже серные палочки можно различить! Покрутил барабан револьвера — ничего, еще не все потеряно, все семь патронов на месте. Подпустил еще ближе и, неожиданно распахнув люк, выпустил в подползающих все семь, а потом, не давая опомниться, рванул машину на залегших.

Как будто в отместку, по танкам застрекотал из лесочка пулемет.

В то же мгновение командир левой башни доложил:

— Сбили мушку, товарищ воентехник!

В броню что-то громыхнуло.

Взрывом вражеского снаряда заклинило затвор пушки.

Руки Савина были поцарапаны, лицо черно, он с ожесточением пробовал повернуть пушку. Она не поддавалась.

Дудко крикнул товарищу: — Что значит — мушку сбило? Бей без мушки! Бей!

Савин расклинил, наконец, пушку, и вражеский пулемет смолк.

Темнело. Противник пробовал подползать снова, но Дудко отгонял его меткими выстрелами из нагана. Соседний танк почему-то совсем не подавал признаков жизни, высунуться же из люка наружу, чтобы докричаться до экипажа, было невозможно: здесь была пристреляна каждая пядь.

Дудко вертел свою машину около соседа, как мог, — откликнитесь! Ну, хоть как-нибудь, покажите: живы?

Соседний танк безмолвствовал попрежнему.

Придерживая окаменевшую правую ногу рукой, Дудко полез к верхнему люку.

— Разрешите мне, товарищ воентехник, — попросил Савин, — вы хотите связаться с соседями?

Дудко отстранил Савина рукой.

— Вы командир машины. Вы не имеете права рисковать.

Напрягая иссякающие силы, Дудко открыл люк. Забарабанили пули. Выждал, пока стихнет очередь. Подтягиваясь на руках, высунул голову. Но вдруг так свело ногу, что даже вскрикнул. Соскользнул вниз.

Кто-то спросил его:

— Что с вами?

— Ничего. Ничего.

Снова принялся подтягиваться. Голову обдул свежий ветерок. Сразу стало легче. Закричал:

— Эй, друзья на соседнем! Живы?

Ударил снаряд — будто в голову, так зазвенело в ней.

Потом в памяти был провал, а затем, когда пришел в сознание, перед глазами встала внутренность танка и послышался треск пулемета. Должно быть, с соседней машины. Значит — живы.

Почувствовал, как меж лопаток ползла теплая кровь. Она щекотала. Хотел передернуть плечами, но закусил губу. Снова почувствовал, что теряет сознание. Но пересилил слабость. Сказал:

— Буксируйте соседнюю машину. Понятно?

* * *

... Дудко очнулся от ощущения тепла. Открыл глаза. Над ним было небо. Где он? Повернул голову. Его везли в тыл на люке моторного отделения танка. Танк был какой-то чужой. Откуда он взялся? И что сталось с тем, соседним?

Когда привезли на перевязочный пункт, набрался сил и встал. Врачи отделяли от спины рубашку, ставшую коркой. Дудко слышал, как один врач сказал другому:

— Не меньше, чем двадцать осколков... Не считая ранения в ногу...

Дудко до хруста сжал пальцы в кулаки.

Сквозь мутящееся сознание видел, как другой врач засуетился около него.

После перевязки Дудко заметил, что здесь же находится комиссар Кулик.

— Вы ранены, товарищ комиссар? — воскликнул Дудко, забывая о собственной боли.

— Кто вам сказал? Пустяк, царапина. А вот вы действительно герой. Правильно. Так и должен вести себя коммунист.

— Откуда вы это знаете, товарищ комиссар?

Кулик улыбнулся:

— Будете вы комиссаром, — тоже все будете знать раньше других.

Лицо Дудко неожиданно передернулось от боли.

— Вам нельзя разговаривать, — сказал комиссар. — Вам в тыл отправляться надо.

— Но я же здоров!

— Тем лучше. Счастливого пути!

— Товарищ комиссар, вы ведь тоже ранены, а остаетесь! Это же неправильно, товарищ комиссар.

— Ничего подобного, у меня раны легкие, друг дорогой. Ну, марш, марш!

— Товарищ комиссар, одно только слово: соседний танк забуксировали?

— Да, его пехота выручила. Ну ладно, успокойтесь. Раненым надо молчать.

Комиссар пожал Дудко руку и вышел наружу, откуда доносился неумолчный гул нашей тяжелой артиллерии.

«Эх, все-таки это неправильно, — зашептал Дудко,— будь я комиссаром, никому не позволил бы эвакуировать меня!»

— Что вы шепчете, больной? — спросила сестра.

— Так. Ничего. Слег я рано, говорю. Понятно?

И, обиженный, Дудко отвернулся.

Герой Советского Союза

К. СИМОНЯН

Всегда помогать товарищам!

Наш огромный танк был на фронте с первых дней войны. За предшествующий год экипаж хорошо сработался, крепко сдружился. Нас было семеро: командир лейтенант В. Груздев, водитель Ларченко, артиллерист Луппов, пулеметчики Волк и Лобастев, техник Коваль и я — радист. Мы научились хорошо маневрировать, брать препятствия. Машина была во взводе головной.

На фронте мы сперва действовали в направлении Териоки—Райвола—Бобошино. Работы, как говорится, хватало. Могучей стальной грудью наш танк сокрушал на своем пути большие деревья, преодолевал глубокие речки, на больших скоростях брал возвышенности, перепрыгивал через рвы, преодолевал надолбы и французские сетки.

Познакомились мы с хитрой тактикой белофиннов. Часто они пропускали нас вперед, не стреляя, но как только за нами появлялась пехота, они открывали по ней огонь из пулеметов и автоматов. Не раз наш экипаж вынужден был возвращаться назад, чтобы подавить вражеские огневые точки и помочь продвижению пехоты.

В конце декабря, после нескольких дней продвижения — мы в эти дни одиннадцать раз ходили в атаку, — наш взвод получил задание произвести разведку. Прошли километров на пятнадцать вперед от пехоты и приблизились к сильно укрепленным позициям врага. Здесь местность была густо насыщена фугасами и не позволяла свободно маневрировать. Каждый метр поверхности хорошо пристрелян противником. На наше несчастье, видимость отличная — стоял ясный день при 40 градусах мороза.

И вот, как только мы вышли к берегу небольшой речки, белофинны встретили нас ураганным огнем. Мы отвечали. Вдруг машина содрогнулась: снаряд пробил броню и ранил в ногу водителя Ларченко. Управление было разбито, танк остановился. Я бросился помогать раненому, а потом снова вернулся

к радио. Связи с танками нашего взвода не было. Я доложил об этом командиру.

— Ничего, мы будем держаться до последнего патрона! — сказал тов. Груздев.

Неподвижный наш танк вздыбился всей своей громадой над речкой и представлял собой прекрасную мишень для финских орудий. Вокруг кипел огонь разрывов. В эту тревожную минуту командир оглядел каждого из нас и сказал:

— Товарищи, споем «Интернационал»!

Герой Советского Союза К. Симонян

В танке раздались слова пролетарского гимна. Воодушевленные пением, мы стреляли и видели, как одна за другой прекращают стрельбу огневые точки врага. В этом неравном бою прошло минут сорок.

Неожиданно сквозь смотровую щель я заметил вдали какие-то фигуры, ползущие по снегу. Мы подумали, что это идет на выручку наша пехота, и оказались правы. Велика была наша радость! Решили помочь наступающим и стали отворачивать гайки нижнего люка, чтобы вылезти под машину. Так мы выбрались под танк, захватив с собой два пулемета, затворы от остальных пулеметов и пушки. Раненого Ларченко положили на землю. Затем зажгли дымовые шашки и открыли пулеметный огонь.

Увы! Дымовая завеса не могла скрыть нас от врага. Лейтенант Груздев, стрелки Волк и Лобастев были убиты. Оставшиеся в живых поползли навстречу пехоте. Я тащил раненого Ларченко.

По дороге я не нашел нашего второго танка, где командиром был тов. Загорулько. Оказывается, его экипаж придумал остроумную штуку. Машина загорелась, и, не имея возможности держаться внутри, они запустили мотор на медленный ход и направили танк в сторону своих. А сами шли перед ним, прикрываясь его корпусом от огня. Но все это я узнал позже.

Продвинувшись ползком в сторону наших, я встретил двух санитаров, которым и передал раненого Ларченко. А сам, вооружившись его наганом, побежал на выручку оставшимся. Был я, как в чаду, но твердо помнил, что боец Красной Армии не может оставить товарищей в беде! Вместе со мной были товарищи Полюткин и Карпов из второго танка, и другие танкисты этого экипажа поспешили за нами. Тут мне пригодились моя физкультурная тренировка и те кроссы, в которых я участвовал в Тбилиси. Перебегая и падая на снег при особенно сильной стрельбе, мы достигли третьего танка, где командиром был тов. Котунов. Возле машины мы нашли его и бойцов Семенникова и Смурикова — всех тяжело ранеными. Постепенно мы переправили их в тыл, где им сделали перевязки.

На следующий день наши части отбили у финнов поврежденные танки. Дальше я уже участвовал в боях в качестве командира танка.

Все люди нашего экипажа получили высокое звание Героев Советского Союза. Трое погибли, четверо живут и работают. Я решил стать квалифицированным командиром.

Генерал-майор
А. ФЕДЮНИН

Переправа через реку Тайпален-йоки

Указом Президиума Верховного Совета Н-ский стрелковый полк награжден орденом Красного Знамени «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество».

Полк действовал успешно, начиная с перехода границы. Он стремительно продвигался с боями по территории противника, удачно форсировал сложную водную преграду — реку Тайпален-йоки, занял и удержал на той стороне реки плацдарм, вплотную прилегавший к линии Маннергейма.

Первому сокрушительному удару по врагу предшествовала напряженная боевая учеба.

Мы уделили особое внимание вопросам взаимодействия всех родов оружия. Учебные занятия были приближены к реальным боевым условиям. Располагаясь вблизи финляндской границы, мы серьезно изучали тактику противника.

К концу 1939 года полк получил пополнение. Это были ленинградцы, крепко дорожившие славными традициями родного города.

Командование полка осуществило следующие мероприятия:

1. Командный состав был расставлен в подразделениях с учетом способностей и знаний каждого командира. Таким же образом произвели расстановку партийных и комсомольских сил.

2. Было тщательно подготовлено оружие, а также вся материальная часть, в том числе и транспорт.

3. Ввиду того что полк располагался на фронте в 25 километров и в этих условиях батальонам предстояло самостоятельно решать боевые задачи, они были дислоцированы в соответствии с их подготовленностью и устойчивостью.

4. Тщательно был изучен район будущих действий, произведена рекогносцировка. С командным составом всех родов оружия проводились совместные занятия по изучению переднего

края обороны противника, его огневой системы и танкоопасных направлений.

5. Со всем личным составом полка были проведены занятия по блокировке дотов и дзотов.

6. Партийно-политическая работа велась непрерывно и на высоком уровне.

7. Когда полку были приданы танковый батальон и 116-й гаубичный артиллерийский полк майора Турбина, состоялось практическое занятие — движение пехоты за танками.

Командование полка и приданных частей продумало вопросы взаимодействия на местности в пределах своего участка границы.

За противником и его территорией было организовано тщательное наблюдение.

* * *

30 ноября, в 8 часов 15 минут, после артиллерийской подготовки полк перешел границу.

Ночью 1 декабря одна рота 2-го батальона капитана Заломкина отважным и ловким маневром прошла к местечку Метсяпиртти и заняла его.

В течение 2 декабря батальон Заломкина сломил сопротивление белофиннов и занял два дзота между рекой Виись-йоки и озером Умпи-лампи. Были захвачены четыре станковых пулемета, 10 тысяч патронов, одно противотанковое орудие и 100 снарядов к нему.

Белофинны пытались контратаковать батальоны, но были отброшены с потерями.

К исходу 3 декабря полк вышел к озеру Суванто-ярви и на берег реки Тайпален-йоки. До батальона белофиннов, понеся урон, откатилось на ту сторону реки, уничтожив паромы.

Командующий группой поставил перед полком ответственную задачу: форсировать реку Тайпален-йоки, продвинуться на той стороне и удержать возможно больший плацдарм.

Река Тайпален-йоки представляет собою проток из озера Суванто-ярви в Ладожское озеро. Вода еще не замерзла. Ширина протока — до 180 метров, глубина — до 8 метров. На той стороне в непосредственной близости — укрепления линии Маннергейма. Подходы к реке совершенно открытые.

Задача форсирования была чрезвычайно сложна. Она требовала: тщательного расчета, рекогносцировки, прикрытия переправы с суши и с воздуха, конкретной постановки задач каждому подразделению, четкого взаимодействия с артиллерией.

Своих средств для переправы мало. Докладываю об этом, и к вечеру 4 декабря в наше распоряжение прибывает половина парка дивизии. Мы к этому времени произвели перегруппи-

Место героической переправы через реку Тайпален-йоки

ровку батальонов. Подразделения полка приведены в порядок, отдыхают в окопах, отрытых в лесу возле местечка Метсяпиртти.

Настроение всего личного состава замечательное. Воодушевленные первыми успехами, люди рвутся в бой.

Где выбрать место для переправы? Как организовать продвижение после форсирования реки?

5 декабря вместе с комбатами и артиллерийскими командирами капитаном Ивановым и майором Турбиным произвожу тщательную рекогносцировку.

Уставные положения предписывают выбирать для переправы через водные преграды укрытые спуски и выходы. В данном случае я решил, что выгоднее выбрать открытое место. Дело в том, что здесь река Тайпален-йоки делает изгиб. Центр изгиба — хотя и открытый — находился очень близко к лесистым буграм нашей стороны, а на обратных скатах этих бугров были сосредоточены батальоны.

Затем я учел, что противник менее всего будет предполагать, что форсирование реки произойдет в этом месте. Этот элемент внезапности увеличивал шансы на успех. Так это и оказалось на деле: белофинны думали, что переправа здесь ложная.

Решено было начать переправу лишь после трехчасовой

артиллерийской подготовки, состоящей из огневого налета, затем методического подавления точек и узлов обороны противника.

И все же задача представлялась исключительно сложной: предстояло за короткий срок — за 3 часа — переправить тысячи людей с огромной техникой, с артиллерией.

Кто должен начать переправу? Я решил послать вперед 1-й батальон, которым командовал вдумчивый и серьезный, тактически грамотный и храбрый капитан Смирнов.

Вечером, в сумерках я провел всех командиров рот к реке для ознакомления с местностью.

Назавтра было принято решение: переправлять через реку первым эшелоном 1-й батальон с полковой артиллерией, затем — 2-й батальон и, наконец, — 3-й.

Впереди 1-го батальона за час до его выступления выбрасывается разведка (накануне разведку за рекой не вели, чтобы не обнаруживать себя). У нас не имелось точных данных о системе обороны противника, но при одном взгляде за реку становилось ясно, что там должны быть серьезные сооружения. Это и было обнаружено впоследствии.

За ночь саперы приготовили резиновые лодки в укрытой маленькой речушке Виись-йоки и по воде пригнали их к намеченному месту переправы. В эту же ночь наш артиллерийский дивизион занял огневые позиции между сарайчиками на лугу для стрельбы прямой наводкой.

Командир 116-го гаубичного артиллерийского полка майор Турбин крепко помог мне во всей работе, особенно в подготовке данных, в расчетах. Отлично действовал начальник инженерной службы полка старший лейтенант Филипенко.

6 декабря, в 8 часов, началась артиллерийская подготовка. Орудия дивизиона капитана Иванова прямой наводкой «прочесали» сараи на том берегу, опушку соснового леса. Противник пытался отвечать артиллерийским огнем со стороны крепости Тайпале.

Полк майора Турбина вел мастерский огонь по глубине расположения противника.

В 12 часов на ту сторону Тайпален-йоки на резиновых лодках перешел разведывательный взвод младшего лейтенанта Сидорова. В 13 часов начал переправу батальон капитана Смирнова.

Белофинны открыли сильный артиллерийский огонь — осколочными снарядами и шрапнелью. На том берегу нашу продвигающуюся разведку противник встретил очередями пулеметов и автоматов.

Подразделения 1-го батальона, выскакивая из лодок, развертывались и стремительно бросались вперед.

2-й батальон (капитана Заломкина) стал переправляться без промедления, невзирая на шрапнель врага. Очутившись на том берегу, 2-й батальон начал быстро наступать на лес, правее деревни Коуккуниеми, к которой продвигался 1-й батальон.

Мой командный пункт располагался на бугре, недалеко от Метсяпиртти, в развалинах сожженного белофиннами склада. Оттуда все было отлично видно: долина реки, территория противника, смелое движение батальонов.

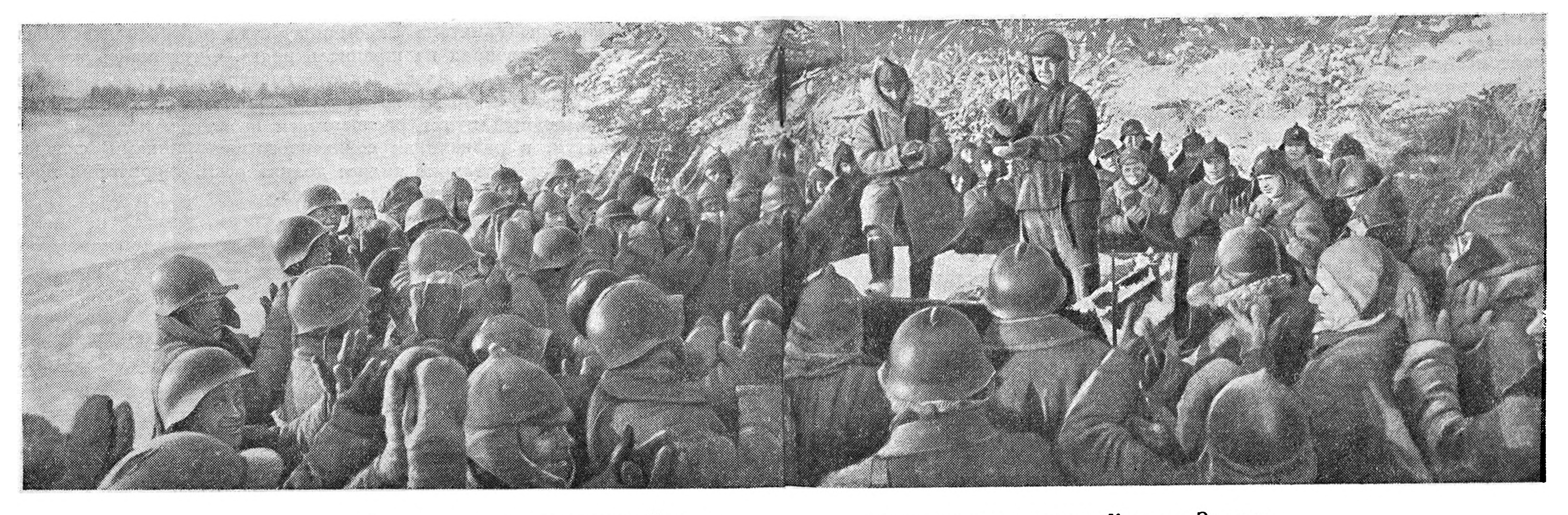
Дзоты на северном берегу Тайпален-йоки

Боевое охранение белофиннов, ошеломленное артиллерийским огнем, откатывалось. Нами были захвачены шесть пленных. Испуганные, растерянные, они дали весьма ценные сведения.

1-й батальон занял деревню Коуккуниеми. Она пылала, подожженная убегавшими финнами. Вот уже открыли огонь наши пушки на том берегу.

Переправа шла быстро и удачно. Связисты самоотверженно тянули линии вперед, связь с батальонами была бесперебойной.

Однако продвижение на той стороне реки не обошлось без ошибок. Командир 1-й роты 1-го батальона Корепанов, даже после приказа остановить движение и закрепиться на достигнутом рубеже на ночь, рвался со своей ротой вперед настолько горячо и неосмотрительно, что попал под губительный огонь белофинской засады. Рота понесла большие и ничем не оправ-

Митинг по поводу **награждения** Н-ского стрелкового полка орденом Красного Знамени

дываемые потери. Погиб политработник тов. Куликов, такой же горячий и неосмотрительный, как и тов. Корепанов.

Саперы, перебросив на ту сторону реки и 3-й батальон, приступили к наведению моста. Нашему соседу справа противник не дал возможности организовать переправу, ведя артиллерийский огонь не только из района крепости Тайпале, но также из дотов, находившихся прямо на берегу протока — над самой водой.

Наша артиллерия била по врагу. Мои батальоны с боем продвигались вперед. В наступающих сумерках повсюду блестели огни выстрелов, разрывы снарядов. Вся долина Тайпален-йоки — от Суванто-ярви до Ладожского озера — клокотала в огненном шквале.

В 18 часов, когда наступила темнота, я перенес свой командный пункт с бугров возле местечка Метсяпиртти к деревне Коуккуниеми в расположение 3-го батальона.

1-му и 3-му батальонам я приказал остановиться, закрепиться на ночь, организовав круговую оборону. Батальоны прошли уже 2,5 — 3 километра от берега реки.

Первую часть боевой задачи — форсирование водной преграды — полк выполнил за 3 часа, получив отличную оценку высшего командования.

Предстояло решить вторую часть задачи — удержать занятый плацдарм.

Наступала ночь. Командиры батальонов доносили о возрастающей активности белофиннов.

— Обходят! — доносит капитан Смирнов.

— А вы сами их обойдите! — отвечаю я.

Ведь каждому из нас, командиров, была уже хорошо известна тактика белофиннов: любят они обходить, а действуют при этом небольшими группами. Чего же тут разговаривать про обход, про окружение: бить нужно...

И опыт в этом отношении уже был у полка, боевой опыт. Немного отвлекусь, чтобы рассказать о нем.

Местечко Метсяпиртти взяла ночью 1 декабря 4-я рота лейтенанта Куликова, усиленная взводом станковых пулеметов. С ней был начальник штаба батальона старший лейтенант Шабанов.

Наткнулись на проволочные заграждения, надолбы и мины. Белофинны вели сильный огонь из автоматов с церковной ограды, из домов. Кругом полыхало кровавое зарево пожаров. Создавалось впечатление, что врагов здесь много, на самом деле — ничего подобного!

Старший лейтенант Шабанов рассредоточил роту влево по кустам. Один взвод пустил в лоб, другой — в обход. Станко-

вые пулеметы вели огонь с исходных позиций. И как только финны почувствовали нажим с фланга, — они откатились под смертоносным огнем с большими потерями.

Этот эпизод уже был известен в полку. Кроме того, до каждого бойца была доведена обстановка, и каждый хорошо понимал: надо удержаться и обеспечить переправу другим частям, идущим для развития нашего успеха.

В течение ночи на 7 декабря 1-й батальон отбил четыре контратаки белофиннов, 2-й батальон отразил шесть бешеных контратак. Ни одного метра занятой территории не было отдано.

К исходу ночи батальоны стали испытывать недостаток в патронах. Капитан Смирнов, немного волнуясь, доносил:

— Патронов нехватает...

— Приготовьте штыки, гранаты. Держитесь до последнего,— сказал я ему, одновременно приняв меры к обеспечению боеприпасами.

Капитан Заломкин сам обеспечил свой батальон патронами. Он послал бойцов к переправе, приказав им на себе поднести патроны. И храбрые патриоты, действуя глубокой ночью, с честью выполнили это поручение. Роты 2-го батальона отбивали натиск врага, подпуская его на 20—30 метров, расстреливая в упор и забрасывая ручными гранатами. Только-что с остервенением оравшие свое «хелла кюон!», белофинны выли от ужаса и бессильной злобы, пораженные метким огнем «карманной артиллерии».

К утру правее 2-го батальона продвинулись части и подразделения нашего соседа.

Через реку Тайпален-йоки по готовой переправе прошли давно уже тылы полка. Боевая задача была выполнена целиком.

Лейтенант
Т. СЫЧЕВ

Первая разведка

К началу войны против белофиннов я командовал взводом. В первый день боевых действий мне была поставлена задача — вести разведку в направлении Симола—Метсяпиртти.

В сумеречное утро 30 ноября ударила наша артиллерия. Мой взвод стоял на опушке леса, у самой границы. Все мои бойцы переживали подъем, радостное волнение. Предстояло сражаться за Родину, за безопасность советских границ и города Ленина. Кроме того, было радостно сознавать мощь нашей техники. От артиллерийской стрельбы стоял сплошной гул, было светло, как днем.

После окончания артподготовки я подал команду:

— Вперед!

И взвод перешел границу. Впереди, справа, слева и сзади у меня двигались дозоры.

Перед нами километров на семь-восемь тянулась невеселая местность: заросли мелкого кустарника, поля под снегом, сосновые рощи.

Взвод шел вдоль дороги на деревню Ванхаяма. В придорожных канавах валялись велосипеды, противогазы, снаряжение, серые куртки и шинели. Белофинны только-что удрали отсюда.

Перед деревней Ванхаяма дозорные Базян и Головин заметили справа от дороги, в саду около дома два станковых пулемета. Дозорные видели, что пулеметы маскировались, к ним подносили патроны. Заметив дозорных, белофинны открыли огонь с дистанции метров в двести — беспорядочными длинными очередями.

Базян и Головин отползли в сторону, притаились, стали наблюдать. Условными сигналами — штык вверх и взмах рукой в сторону противника — сообщили мне о замеченном.

Я тоже слышал выстрелы. Сразу же положил взвод. И, оставив за себя командира 1-го отделения Минасяна, ползком про-

брался к дозору в кусты. Дозорные показали мне врага. В заборе сада были выбиты доски, торчали дула пулеметов. Вправо был овраг с кустами, он тянулся в сторону сада и домика, обходя его справа. Влево была высотка. Белофинны могли вести огонь вдоль высотки и по высотке.

Я послал командира отделения Павлова по оврагу в тыл врага с задачей забросать белофиннов гранатами и выставил в кусты к дороге за укрытие два ручных пулемета. Они начали постреливать, отвлекая белофиннов.

Тем временем Павлов с своим отделением пробрался по оврагу и напоролся на колючую проволоку. Не теряя времени, он приказал бойцу Головину с его автоматом выползти из оврага и уничтожить прислугу двух финских пулеметов. Отважный красноармеец Головин, ловко маскируясь, выбрался из оврага и открыл огонь. Трое белофиннов были убиты на месте, двое успели убежать. Нам достался один станковый пулемет, а от другого — только станок, тело враги утащили.

Захватив всю высоту с домиком, я послал донесение комбату. Он приказал двигаться вперед. Я тоже понимал, что надо двигаться вперед, притом как можно быстрее: противник в панике убегает, и эти два пулемета выставил как прикрытие.

Я быстро продвинулся со взводом километра на три. Тут комбат приказал остановиться. Я выставил боевое охранение и стал наблюдать.

Двинулся я дальше уже после того, как подошел батальон, выставивший сторожевое охранение и остановившийся пообедать.

Перед деревней Симола дозорные донесли мне, что они заметили на открытом поле каменные надолбы в четыре ряда. Я положил взвод, а сам выдвинулся к дозору.

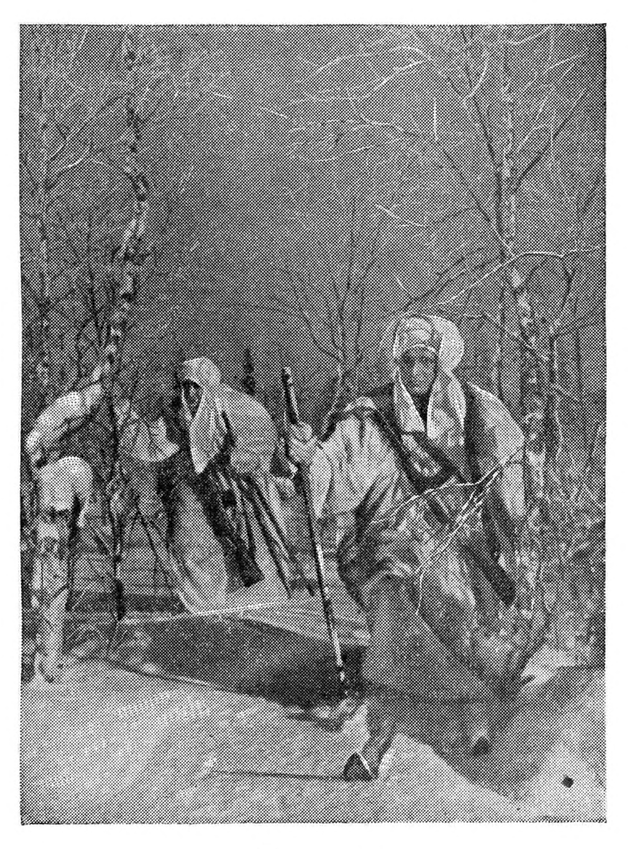
Впереди я разглядел и надолбы и проволоку в несколько кольев, а на ровной высотке — снежные бугры. Я подумал, что это белофинские дзоты. Надо было выявить огневые точки врага. Я выставил вперед ручной пулемет, определил дистанцию — до 700 метров.

С первой же очереди пулеметчик Базян попал в снежный бугор. Оттуда, видимо, из блиндажа ответил станковый пулемет. Я определил это и по звуку, и по тому, что на снегу у бугра появилось черное пятно — это от копоти.

Меняя положение, мы обстреляли бугры и выявили два станковых пулемета, стрелковые окопы. Я донес об этом комбату капитану Заломкину, который находился от меня в километре. Он поставил задачу батарее полковой артиллерии разбить блиндажи.

Батарея стала бить прямой наводкой. И отсюда белофиннам пришлось удирать, побросав снаряжение, много патронов и даже котелки с кашей.

На другой день, рано утром, мой взвод опять пошел в разведку впереди батальона. Мы двигались мелким сосняком. Мне бросилось в глаза, что стволы сосенок снизу от земли и на высоту до полутора метров — голые. Присмотрелся. Сучья сре-

В разведке

заны недавно. Значит, противник недалеко. Это он подготовил для себя и наблюдение и обстрел.

Я остановил взвод в укрытии и с отделением Минасяна осторожно двинулся вперед. Смотрю — лес стал реже. Снег был неглубокий. Я приказал разрыть снег и посмотреть, нет ли пеньков. Пеньки нашлись. Мне стало ясно, что здесь противник вырубил, проредил лес.

Вскоре впереди показалась поляна шириной метров в двести. Я подумал, что тут уж наверняка встречу белофиннов.

Подняв руку, подал сигнал, и взвод быстро, ползком двинулся ко мне. В 150 метрах от поляны я положил взвод. И все быстро окопались. Еще до войны, готовя свой взвод, я на все обращал самое серьезное внимание. И сейчас с удовлетворением видел, что взвод зарылся в землю за две минуты.

Отделение Минасяна двинулось ползком вперед, на опушку леса — разведать врага.

Красноармейцы Базян и Головин заметили, как на противоположной опушке леса из домика пробежали и скрылись за деревьями два белофинна.

Я прополз на опушку к Минасяну. Со мной был ручной пулемет.

На поляне валялись срубленные сосенки, некоторые даже с необрубленными сучьями. Ясно, что противник очистил, подготовил полосу обстрела. Я разглядел на той стороне занесенные снегом блиндажи. Но амбразуру увидел только одну. Вправо виднелись каменные надолбы. Через поляну тянулись рядком колышки в четверть метра над снегом. Что это за колышки? Базян и Головин разведали ползком — это, оказывается, были сосновые колья — крепление, чтобы песок не осыпался со стенки противотанкового рва. Самого-то рва нам с земли не было видно.

Двигаться вперед нельзя. И я принял решение разведать противника огнем. Выбрал себе в канаве на опушке леса наблюдательный пункт, голову в куст — отсюда хорошо наблюдать. Ручному пулеметчику Базяну показал несколько рубежей, приказал ему переползать быстро с одного рубежа на другой и с каждого обстрелять короткой очередью белофинские блиндажи.

Как только Базян дал первую очередь, белофинны открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов.

Я очень хорошо видел, как из одной амбразуры бил станковый пулемет противника. Неустрашимый пулеметчик Базян с нового рубежа послал в ту амбразуру меткую очередь, и вражеский пулемет замолк.

Мне теперь стало ясно, что передо мной — не менее усиленной роты противника в блиндажах, прикрытых проволокой, надолбами и противотанковым рвом.

Свою задачу я выполнил. Товарища Базяна я отозвал в укрытие. Комбату послал донесение.

Наш батальон захватил здесь два станковых пулемета, одно орудие (оно было далеко на опушке леса, я обнаружил его уже в бою). Несколько белофиннов было убито, остальные побросали снаряжение, десятки винтовок, патроны и убежали.

В эту первую разведку красноармейцы Базян и Головин показали себя замечательными патриотами, смелыми разведчиками. И потом они дрались геройски. По заслугам наградило их правительство: Базяна орденом Красного Знамени, а Головина — орденом Ленина.

Для меня же первая разведка была серьезным экзаменом. Многому научился я в день моего боевого крещения.

Лейтенант

Н. СИЗОВ

Прямой наводкой

Батарея противотанковых орудий, которой я командовал, была придана 2-му батальону. 1 декабря в 10 часов утра батальон получил задачу наступать на местечко Палкеала.

5-я рота под командой младшего лейтенанта Николаева получила задачу — обойти противника слева и ударить с тыла. Два взвода моей батареи оставались с основными силами батальона, а 3-й взвод двинулся с 5-й ротой. Впереди лежало поле, пересеченное глубоким противотанковым рвом, а за ним начинались высоты и овраги, покрытые лесом. Противник огня не вел, и рота, быстро преодолев ров и поле, подошла к лесу. Орудия, встретив на пути ров, немного задержались и отстали от роты. В это время на командном пункте батальона, где я находился, было получено донесение, что 5-я рота натолкнулась в лесу на сильный пулеметный огонь с высоты, лежавшей перед ней.

Получив это донесение, я решил во что бы то ни стало выдвинуть орудия вперед, так как они отстали и не могли вести огня: мешал лес, а роте нужна немедленная помощь. Доложил командиру батальона. Он одобрил мое решение. Вскоре мне удалось с одним орудием пробраться в роту. Впереди находилась небольшая высота с лесом, рота залегла на скате высоты. Огонь противника не давал двигаться, пули сыпались сплошным дождем. Я оставил орудие в лощине, а сам, натянув на себя белый халат, вместе с наблюдателем ползком пробрался между деревьями на высоту. Ко мне подполз политрук роты, и мы вместе стали наблюдать, откуда бьет противник. Впереди лежала лощина, а за ней поднималась вторая высота с лесом. Все кругом было занесено снегом.

На скате высоты я заметил подозрительную насыпь с небольшим черным отверстием, похожим на амбразуру. Услышав сухую очередь пулемета и заметив дымок, я окончательно убедился, что это скрытая огневая точка противника. Я подал сигнал орудию продвинуться вперед.

Расчет, укрываясь за щит орудия, выкатил орудие на гребень высоты. Противник орудия не замечал, несмотря на то,

что оно было только в 200 метрах от него, потому что на орудие был натянут белый чехол. Я стал указывать наводчику цель, но ни командир орудия, ни наводчик не смогли ее увидеть: мешали густые ветви деревьев. Тогда я прыгнул к орудию и встал на место наводчика. Стволы деревьев заслоняли цель. Я навел орудие в цель в промежуток между деревьями, расчет зарядил орудие осколочным снарядом. Выстрел. Снаряд

Противотанковые орудия на огневой позиции

ударил в ствол дерева, стоявшего впереди метров на восемьдесят от орудия, и сбил его.

Цель была теперь хорошо видна. Я выстрелил второй раз; снаряд с резким лязгом разорвался около амбразуры, не причинив ей вреда. Противник заметил теперь орудие и перенес огонь на него.

Длинная очередь ударила по щиту, и пули с визгом отскочили в сторону. Был ранен подносчик Матвеев. Я снова дернул рукоять спуска. Снаряд ударил перед самой амбразурой и закрыл ее пылью и дымом. Пулемет противника смолк, но через несколько секунд снова открыл огонь по орудию. Пули на этот раз лишь взрыли снег впереди орудия.

По резкому звуку разрывов и по тому, что снаряд рвется на поверхности, не зарываясь в землю, я определил, что имею дело с каменным или железобетонным укреплением. Я приказал зарядить орудие бронебойным снарядом и произвел выстрел. Снаряд, ударившись в стенку амбразуры, разрушил ее. Большая

каменная глыба скатилась вниз с насыпи. Амбразура стала шире. За этим снарядом последовал следующий, он попал прямо в амбразуру и разворотил ее.

Но рота все еще не могла продвигаться, так как слева из сарая, находившегося метрах в четырехстах от нас, бил второй пулемет. Я решил перенести огонь туда, но густой лес мешал стрелять. В это время уже подошло мое второе орудие с командиром отделения Вовненко. Оно выдвинулось на 50 метров левее первого, на высоту, откуда был хорошо виден сарай. Я приказал командиру орудия открыть огонь по сараю. Несколько снарядов разорвалось в стене сарая, но пулемет не прекращал огня. Тогда я приказал вести огонь по крыше сарая и разрушить его. После нескольких снарядов соломенная крыша загорелась, и пулемет смолк. Рота начала продвигаться и с успехом выполнила свою задачу. Противник был выбит и быстро откатился. Батальон занял Палкеалу. Проходя мимо разбитой мною первой огневой точки, я решил ее осмотреть. Там оказался глубокий блиндаж, стороны которого были обложены крупными камнями, а сверху сделан накат из толстого соснового леса, на котором был слой земли и крупных камней. Внутри у амбразуры лежал убитый офицер и разбитый пулемет. Мой снаряд разорвался прямо под пулеметом. В блиндаже белофинны оставили 18 ранцев, несколько шинелей и 10 тысяч патронов.

Отделенный командир
П. ГОЛОВИН

Провод привел на колокольню

Во взводе связи 3-го батальона я был отделенным командиром. 1 декабря 1939 года наш батальон наступал на местечко Метсяпиртти.

Старший лейтенант Сидоренко приказал мне проложить связь на командный пункт артиллеристов и передать приказ о подавлении артиллерии противника, которая обстреливала батальон из-за реки Тайпален-йоки.

В течение нескольких минут вместе со старшим телефонистом тов. Васильевым мы провели связь и передали приказ.

Наша артиллерия открыла огонь и заставила белофинские орудия замолчать.

Ночью линия связи была перебита осколками вражеских снарядов. Мне было приказано восстановить линию, и я это выполнил. Тут же я обнаружил телефонный провод противника. Дело было так. Я шел по своей линии — сначала лесом, кустами, потом открытым местом. Вскоре я спустился к речке. Наш провод лежал на снегу. Я стал подвешивать его над тропой. И тут наткнулся на связь белофиннов, — их провод, тонкий и черный, был как раз подвешен в этом же месте. Я немедленно подключил телефонный аппарат. Подслушиваю — да ведь это же белофинны болтают!

Тогда я отключил телефон от линии противника и, включившись в свой провод, доложил обо всем командиру батальона. Он приказал мне проследить, куда идет линия противника. При этом он предупредил меня, чтобы я был осторожнее и не попал в лапы белофиннам.

Я пошел по линии противника, предварительно вырезав кусок провода — метра два-три: пусть больше не болтают.

По вражескому проводу я добрался до местечка Метсяпиртти. От пожара было светло, как днем.

Тщательно маскируясь, я продолжал двигаться по местечку, не упуская из виду провод. И вот я увидел, что провод поднялся на колокольню церкви. Я стал наблюдать за колокольней

и тотчас заметил, что наверху мигает огонек. Для меня стало ясно, что на колокольне — белофинский наблюдательный пункт и что наблюдатель сигнализирует светом: провод-то его я ведь обрезал!

Поспешно вернувшись, я доложил об этом командиру батальона.

По колокольне ударили наши снаряды, и она запылала...

С. КЛАВДИЕВ

Захват первых железобетонных точек

Части Красной Армии под сильным огнем противника успешно форсировали реку Тайпален-йоки. 3-й батальон под командой капитана Василия Гавриловича Нетребы в два часа дня на лодках переплыл реку и завязал бой на противоположном берегу.

Одна из рот Нетребы попала под сильный фланкирующий пулеметный огонь.

«Вблизи, повидимому, неприятельская бетонированная точка», — подумал Нетреба. И он не ошибся. Разведка обнаружила низко сидящую в земле квадратную амбразуру, скрытую небольшим кустарником. Нетреба приказал одной из рот захватить эту огневую точку.

Подкатив противотанковое орудие, артиллеристы прямой наводкой открыли огонь по амбразуре. Белофинны, видя свое безвыходное положение, оставили укрепление. Заняв его, рота нашла в нем ручные пулеметы, шинели, патроны, сухари, одеяла, чайники.

Так был взят первый пулеметный полукапонир с одной амбразурой.

Почти одновременно другая рота блокировала и захватила второй пулеметный полукапонир у речки Карнаа-йоки.

Это было 11 декабря. Батальон капитана Нетребы овладел первыми двумя железобетонными точками.

Продвигаясь дальше, батальон натолкнулся на проволочные заграждения. Бойцы окопались и пролежали под сильным огнем целый день.

В ночь на 12 декабря белофинны открыли сильный ружейный и пулеметный огонь с фланга. Огневые точки противника были искусно замаскированы. Разведка поползла на выстрелы. Вдруг из подземелья разведчики услышали финскую речь. Подобрав двадцать храбрецов, Нетреба решил произвести атаку. Во главе с ним бойцы ползком приблизились к вражескому укреплению.

Капитан Нетреба поднимается во весь рост, командует «Рота вперед!», бросается к массивной стальной двери и открывает ее.

Велика была его досада, когда он убедился, что дот пуст и противник скрылся по подземному ходу в овраг.

В бетонированном каземате тикали часы.

Тотчас же по занятии дота Нетреба приказал сделать проходы в проволочных заграждениях, выставил усиленную охрану. Саперы начали тщательно обследовать захваченный дот.

Герой Советского Союза В. Нетреба

Вокруг дота — окопчик, позади ходы сообщений, ведущие к речке Карнаа-йоки. Дот двухэтажный. В нем несколько амбразур. Справа и слева лестницы. Входы на верхнюю площадку закрываются стальными дверями. В нижнем этаже расположены двухъярусные койки без матрацев. Это спальня. Кроме того, здесь склад боеприпасов. Потолки покрыты гофрированным железом. Стены железобетонные от полутора до двух метров толщиной.

Всюду еще были видны следы пребывания бывших хозяев. Валялись цинковые коробки с патронами, фляги из-под водки, ящики с запасными пулеметными частями, телефон, галеты, стояла бочка с клюквой. На одной из коек лежал журнал. Внутри журнала нашли карту. Авторы этой карты «прирезали» к Финляндии огромную северо-западную территорию СССР вместе с Ленинградом.

Бойцы по-хозяйски исследовали убежище, осматривали верхнюю площадку дота, откуда недавно вели огонь белофинны. Эта площадка была с трех сторон окаймлена толстой стеной. В стену был вделан стальной щит двенадцатимиллиметровой толщины, в нем 36 отверстий для стрельбы.

При артиллерийском обстреле дота команда скрывалась в нижнем этаже.

После захвата сооружения капитан Нетреба выдвинул роты вперед.

Ночью взбешенные белофинны открыли ожесточенный артиллерийский огонь по бывшим своим дотам.

Гулкие взрывы вражеских снарядов вызывали у бойцов немало насмешек.

С одной из коек, на которых отдыхали бойцы в убежищах дота, послышался голос красноармейца:

— Э, братки, что с возу упало, то пропало.

В доте раздался веселый смех.

* * *

Батальон Нетребы в последующих боях захватил еще несколько железобетонных сооружений.

Правительство присвоило Василию Нетребе звание Героя Советского Союза.

Старший лейтенант

П. НАХАЛОВ

Пять рейдов в тыл врага

Три экипажа получили задание уничтожить железнодорожный узел. Операцией руководил командир-орденоносец тов. Завражный. За ним шли два самолета. Одним из них управлял я.

День выдался скверный. Низкая облачность и частые снегопады заставили нас в начале пути лететь на высоте от 30 до 100 метров. У подступов к Финскому заливу удалось подняться до 300 метров, но едва мы прошли над берегом, как сплошная завеса опустилась до самой воды. Самолет ведущего начал пробивать облачность, и мы поднялись на 1 500 метров. Теперь над нами ярко светило солнце, а под самолетами плыли густые серые облака. С каждой минутой мы приближались к цели.

Это был мой первый боевой полет. Я напряженно следил за самолетом командира, недоумевая, почему он не идет на снижение. Мне казалось, что мы уже давно над целью. Неожиданно самолет Завражного ушел в облака. Не отрывая глаз от ведущего, я вслед за ним пробил облачность и снизился до 400 метров. На этой высоте мы летели между двумя укрепленными островами противника.

С островов открыли зенитный огонь. На уровне самолетов и недалеко от них поминутно появлялись клубы черного дыма. Чтобы не быть расстрелянными, мы изменили направление по курсу и высоту.

Над укреплениями противника облачность была низкая — до 200 метров. С такой высоты запрещено сбрасывать бомбы. Я с беспокойством думал, какое же решение примет Завражный. И в это время он вошел в облака и поднялся на 400 метров. Я последовал за ним. Сквозь редкую облачность стали видны склады, судоверфь, пароходы. Мы были над целью! Трудно передать те чувства, которые охватили меня. Не утерпев, я крикнул в телефон штурману Турченко:

— Глядите в оба! Сейчас дадим жизни!

Бомбежка белофинского железнодорожного узла.

С картины худ. А. Мизина

Но предупреждать его не нужно было. Едва от флагманской машины оторвалась первая бомба, Турченко нажал гашетку, и бомбы — первые наши бомбы — полетели вниз. Флагштурман Дрожжин не ошибся в расчетах: внизу вспыхнул пожар, и все скрылось в дыму.

Командование высоко оценило нашу работу. Мой экипаж получил благодарность. Это радовало меня. Я извлек из полета много ценного. Главное же, я вел машину в боевых условиях, впервые шел в строю сквозь густые облака и туман.

Этот опыт я закрепил вторым боевым вылетом.

По метеорологическим условиям второй вылет не отличался от первого. Над целью шли на высоте 200—300 метров. Противник открыл зенитный пулеметный и артиллерийский огонь. Мы вошли в редкие облака и с высоты 300 метров сбросили бомбы. Они разрушили станцию и уничтожили воинский эшелон, стоявший на путях. Этот полет показал, что можно бомбить противника и с 300 метров.

В третий вылет условия были совсем плохие. Порой казалось, что густая облачность опускается до самой земли. Когда мы пересекали фронт, высота не превышала 100 метров. Я едва видел ведущий самолет, но все же не потерял его.

Над целью туманная завеса внезапно приоткрылась. Мы воспользовались этим и мгновенно сбросили весь груз бомб. Потом все снова исчезло за серой, непроницаемой пеленой. Туман так сгустился, что я потерял ведущего. Пришлось впервые самостоятельно вести самолет в облаках. Чтобы избежать возможного столкновения с машинами товарищей, я повернул на 15 градусов вправо, а через минуту полетел по приборам параллельно прежнему курсу. Тут я окончательно убедился, насколько важно для летчика отличное знание приборов.

Вскоре попробовал пробивать облачность. Когда машина вышла из облаков и летела на высоте 200 метров, вражеские зенитки открыли сильный огонь. Штурман Турченко передал мне:

— Набирайте скорость. Уходите в облака!

Машина взмыла вверх. Земля снова скрылась. Только над Финским заливом, уже на нашей территории, я вышел из облачности. Во время полета у нас прервалась телефонная связь. Тогда штурман воспользовался световой сигнализацией, и я благополучно посадил машину на нашей площадке.

Во время четвертого полета прекрасная видимость позволила нам лететь далеко в тыл противника и подняться над его территорией на высоту 2 500 метров. Снаряды зениток рвались значительно ниже наших самолетов. Разрушив неприятельские объекты, мы повернули обратно. Зенитки тщетно пытались нас обстрелять.

Пятый полет происходил в еще лучших условиях. Над территорией противника мы летели на высоте 4 200 метров. Белофинские снаряды и на этот раз не достигали цели. Наши бомбы обошлись им дорого: были уничтожены железнодорожный узел, два паровоза, десятки вагонов.

Первые пять рейдов в тыл врага научили меня многому...

Свыше 50 боевых вылетов совершил я со своим экипажем — штурманом Ларионом Турченко и стрелком-радистом Василием Кашуриным. 25 раз наш самолет был ведущим — я вел звено в тыл врага.

В нашем боевом активе — две уничтоженные железнодорожные станции, десятки паровозов и вагонов, несколько зениток, пять воинских эшелонов, скопления конницы, пехоты.

Младший командир

А. КОЗЛОВ

Отважный сапер

Авангардные подразделения нашей пехоты, отбрасывая белофиннов, занимали деревню за деревней. Но вот они остановились перед высотой, опоясанной проволочными и минными заграждениями и надолбами. Надо было срочно проделать проходы в надолбах и проволоке. Задача — ответственная и опасная.

— Товарищ капитан, — обратился к командиру батальона сапер Дарвин, — разрешите мне проделать проходы. Я комсомолец, и с бойцами своего отделения выполню задачу отлично.

— Хорошо. Идите. Но будьте осторожны!

Капитан показал саперу, как лучше подползти, как делать проходы.

Наступила лунная ночь. Мягкий иней опушил деревья, при свете луны он казался голубым.

Мороз крепчал.

— Кто хочет итти со мной? — спросил младший командир Дарвин у своего отделения.

Все бойцы выразили готовность принять участие в опасном деле. Но всем итти не пришлось. Дарвин взял с собой только трех человек.

Знакомя их с предстоящей задачей, он сказал:

— Путь, где мы будем продвигаться, — под наблюдением и под огнем врага, надо быть осторожным. До самого леса будем итти дорогой. Она ведет к финским укреплениям. Потом свернем с дороги и на лыжах двинемся лесом...

Командир отделения оглядел трех смельчаков.

— Приказываю, — заключил он, — каждому взять с собой лыжи, толовые шашки, ножницы. Все, что требуется для взрыва надолб, погрузить на салазки.

Перед тем как тронуться в путь, Дарвин проверил, все ли подготовлено и хорошо ли уложено. Затем подал команду:

— За мной.

Было тихо. Лишь где-то вдалеке, левее дороги, слышались отдельные ружейные выстрелы да изредка стрекотал «Максимка».

Когда саперы повернули в лес, Дарвин негромко сказал:

— Итти будем цепочкой, 3—4 метра друг от друга. Салазки с толом везти по очереди.

Бойцы надели белые халаты, встали на лыжи и двинулись лесом.

Дарвин шел впереди. Через каждые 100 метров он останавливался, вслушивался, смотрел на карту и компас и шопотом спрашивал у бойцов:

— Не устали?

— Нет, товарищ командир, — тихо отвечал красноармеец Федоров, который шел вслед за командиром. Было видно, что Федоров устал. Он поминутно вытирал перчаткой пот с лица. Но ему не хотелось выказывать хотя бы малейшую слабость, и он, преодолевая усталость, не отставал ни на шаг. Федоров, молодой слесарь одного из ленинградских заводов, в это время уже имел награду — медаль «За отвагу». Он считал своим долгом быть примером для других.

Миновали лес. Впереди расстилалась ровная местность, а за нею черной стеной снова вырисовывалась лесная опушка, где засели белофинны.

Дарвин остановился и тихо проговорил:

— Отдохнуть. Дальше будем пробираться ползком...

Небо было чистое, звездное. Когда луна стала уже цепляться за верхушки сосен, Дарвин сказал:

— Теперь пора!

И четверо отважных бойцов поползли по снежной равнине. Их белые халаты сливались со снегом.

Дарвин нащупал первый ряд проволочных заграждений и шопотом подал команду:

— Приступить к работе.

Быстро и уверенно работали ножницами саперы. Двое бойцов, лежа на спине, резали проволоку, а Дарвин и один красноармеец наблюдали за местностью.

Сделав пять проходов, бойцы поползли к гранитным надолбам, которые чернели на фоне пепельного горизонта.

В этот момент белофинны заметили сапер, открыли ружейный и пулеметный огонь, а затем стали бить из миномета. Мины рвались правее, метрах в двадцати — двадцати пяти. Один пулемет застрочил трассирующими пулями.

Дарвин скомандовал:

— Окопаться и ждать прекращения стрельбы!

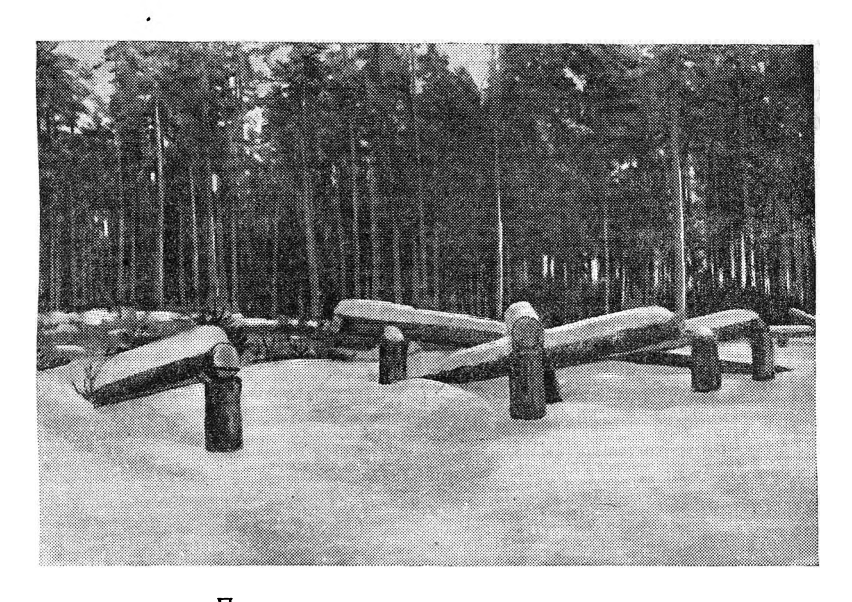
Но белофинны не прекращали, а усиливали огонь. Вместо одного миномета заработали два.

Ночь была уже на исходе, и Дарвин решил переменить тактику. Он отполз назад. Бойцы последовали его примеру. А затем, выждав немного, все четверо стали подползать к надолбам

значительно левее, чем прежде. Белофинны продолжали вести огонь в прежнем направлении.

Видя, что врага удалось перехитрить, Дарвин приказал подложить заряды. Бойцы, быстро передвигаясь от одной надолбы к другой, в точности выполняли приказание командира, который переползал вслед за ними и проверял их работу.

Белофинский снайпер заметил действия наших сапер и открыл стрельбу. Пули ударялись в гранитные надолбы, высекая, словно огнивом, маленькие желтые огоньки. Вслед за снайпером

Противотанковые минированные завалы

заработал вражеский пулемет. Но было уже поздно. Отважные саперы, прикрываясь надолбами, отползали вправо.

Рассекая предрассветную мглу, грянул взрыв, за ним другой, третий. Белофинны, словно обезумев, открыли беспорядочный ураганный огонь по тем местам, где произошли взрывы. Саперы к этому времени уже отползли гораздо правее и залегли за надолбами.

Дарвин подал команду:

— Переползать вправо от надолбы к надолбе.

Чем дальше продвигались наши бойцы вдоль вражеских надолб, тем слабее становился огонь белофиннов. А когда саперы продвинулись вправо метров на сто, то заметили, что совсем выбрались из зоны огня. Только отдельные шальные пули, словно осы, жужжали иногда над головой.

Свернув на поляну, саперы благополучно добрались до своего батальона.

— Благодарю вас, товарищ Дарвин! — сказал комбат и, протянув руку, спросил:

— А как остальные?

— Ни одной царапины, товарищ капитан!

Через несколько минут перед глазами Дарвина развертывалась незабываемая картина.

...На равнину вышли наши мощные танки, вслед за ними двинулась неутомимая пехота. Войска устремились в ворота, проделанные ночью руками отважных сапер. Враг, не выдержав натиска, покинул высоту, на которой Дарвин и его бойцы при свете утреннего солнца ясно увидели развевающийся красный флаг.

Старший лейтенант
Д. ЯЦКОВ

Бои в зоне заграждений

С волнением вспоминаю о боях в оперативной зоне заграждений. Многого мы тогда не знали, много допускали ошибок и на этих ошибках учились. На ходу изменяли методы борьбы с противником, наносили ему чувствительные удары.

* * *

Помню вечер 8 декабря.

По узкой дороге тянулись колонны войск.

Противник был недалеко. Но, чтобы сблизиться с ним, нужно было преодолеть полосу инженерных заграждений. Пытаемся подобраться к ним. Финны открывают бешеный огонь. Упорно двигаемся вперед. Наконец, нам удается пройти через заграждения.

Противник отступает, взрывая мосты, минируя дороги, делая лесные завалы.

Перед авангардом — задача: преследовать отходящие отряды противника и уничтожать их, не давая возможности уйти к основной оборонительной полосе.

Батареи продвигались по дороге, ведущей к селению Антерола. Ночь холодная. Сильный ветер. Неожиданно вдали возникло зарево. Белофинны на подступах к Антероле подожгли дровяной склад, находившийся на перекрестке шоссейных дорог. Колонна, не задерживаясь, шла вперед.

Головная походная застава залегла в 150 метрах от противника. Отойти назад было нельзя. Мы потерпели бы большой урон. Решили использовать надолбы, окопаться и ждать выручки.

Всю ночь противник держал нас под обстрелом.

Для установления огневых точек противника организовали разведку. К рассвету она вернулась, но без нужных данных. Бойцы, оказывается, были не подготовлены к ведению ночной разведки на лесисто-болотистой местности, и обнаружить огневые точки им не удалось.

Каменная стена с противотанковым рвом

Селение Антерола было расположено на возвышенности, окаймленной лесом. Слева от него находилось открытое, поросшее кустарником болото, справа — озеро. Пехота заняла ночью рубеж на другой возвышенности, по соседству с Антеролой, но пехотинцы не учли одного важного обстоятельства: этот рубеж днем хорошо просматривался противником.

В 9 часов утра 9 декабря туман рассеялся. Вот когда мы, наконец, поняли, что враг видит нас. Но было уже поздно. Воспользовавшись нашей ошибкой, враг открыл огонь по залегшей в 300 метрах от него нашей пехоте.

Пехота перевалила через высоту и спустилась в лощину. Противник усилил ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь. Сильный огонь противника послужил, однако, нам на пользу. Мы обнаружили его огневые точки.

Гром наших пушек заглушил беспорядочную стрельбу белофиннов.

Настроение у пехоты поднялось. Наши снаряды буквально избороздили район расположения противника.

В батарею пришел командир нашего артиллерийского полка майор Степанов. Бесстрашный командир, он заставлял нас забывать об опасности. Вражеские гранаты ложились буквально рядом, а бойцы моей батареи продолжали спокойно посылать все новые и новые снаряды на головы врагов. Было отрадно

Противотанковые и противопехотные заграждения

видеть, как в районе расположения противника поднимаются к небу черные клубы густого дыма.

Но вот разведка донесла о том, что укрепившийся в домах противник ведет пулеметно-ружейный огонь по нашей пехоте. Командиры 8-й и 9-й батарей младший лейтенант Самарин и лейтенант Смирнов открыли по этим домам уничтожающий огонь. Дома, превращенные белофиннами в огневые точки, разлетались в щепы.

Командир полка майор Степанов обнаружил в левом углу рощи неприятельское дерево-земляное укрепление. И вот на том месте, где раньше стоял дзот, образовались груды дымящихся развалин. Бревна, камни, остовы развороченных орудий, трупы солдат — все смешалось в кучу.

Пехота поднялась и с возгласами «За Родину, за Сталина!» пошла в атаку.

Озверевший противник, отступая, начал было поджигать дома, расположенные на берегу озера. Но ему помешали. Батальон пехоты ворвался в деревню Антеролу. Подтягивалась артиллерия. Бой кончился.

Это был наш первый крупный бой и первая серьезная победа, одержанная благодаря тесному взаимодействию артиллерии с пехотой.

* * *

Батальон преследовал отступающего противника. За деревней пехота наткнулась на минированное поле. Пришлось искать обходного пути. Внезапно лес кончился. Перед нами была деревня Варпулила. Никаких признаков жизни нельзя было в ней заметить.

Батальон вошел в деревню. Оказалось, что враг приготовил ловушку. Он засел в домах, и как только наши бойцы очутились в центре деревни, со всех сторон застрочили пулеметы. Была подана команда:

— Залечь и окопаться!

Наша артиллерийская разведка засекла цели. Но быстро оказать помощь пехоте артиллеристы не смогли, так как орудия, застревая на узкой лесной дороге и в завалах, отстали. Но вот, наконец, вначале одна батарея, а затем другая подтянулись к деревне и заняли в лесу огневые позиции.

Как только артиллерия открыла огонь, бандиты начали поджигать дома.

Наша пехота, освещенная огнем пожаров, была отличной мишенью для врага. Противник был от нас в каких-нибудь 20—25 метрах. Он ловко прятался за горящими домами.

Моя батарея стала бить по горящим домам. Когда снаряд попадал в горящее здание, поднимался столб дыма и пламени. Миллиарды искр взлетали вверх.

Наконец, враг не выдержал, дрогнул и побежал, оставив на поле боя десятки трупов.

Из одного дома выскочила группа белофиннов и хотела задворками уйти в лес, но нарвалась на нашего пулеметчика, который их всех уничтожил.

Батальон, взяв деревню Варпулила, на плечах обезумевшего врага ворвался в соседнюю деревню. Стремительный удар пехоты не дал врагу закрепиться, и он отступил по направлению к деревне Ливанула, но и оттуда мы его выкурили. Финны ушли за озеро.

Мы подходили к главной оборонительной полосе противника...

Военфельдшер
А. ЧАЧИЛО

Профилактика

С минами мы встретились в первый же день. Мин было очень много. И, правда, казалось, куда ни сунься, — всюду тебя подстерегает присыпанная снегом, скользкая и зеленая, как жаба, металлическая коробка.

С минами боролись по-разному, боролись, как умели. И я не мог, конечно, остаться в стороне от дела, которым жили бойцы. Но, с другой стороны, как медику бороться с минами? Вот был бы я сапер, или, скажем,.. химик.

Оставалось как будто одно: дожидаться, пока доставят раненых после взрывов.

«Лентяй! — мысленно ругал я себя. — Чему тебя учили? Что является основой советской медицины? Профилактика! Значит, и предупреждай заболевания, друг дорогой!»

Рассудив так, я с легким сердцем ушел от своей роты вперед — к саперам, расчищавшим путь войскам. Рота пока двигалась во втором эшелоне, в соприкосновение с неприятелем не вступала и потому некоторое время спокойно могла обойтись без помощи фельдшера.

К концу первого же дня я уже знал, как вывинтить детонатор, догадывался, какими отметками чаще всего пользовались белофинны, маскируя мины снегом и ветвями.

Вернулся в свое подразделение вечером. В качестве трофея притащил собственноручно обезвреженную противотанковую мину. Мою популярную лекцию на тему «Как бороться с уловками врага», сопровождавшуюся демонстрацией «наглядных пособий», в подразделении выслушали с большим интересом.

— Понимаете, товарищи, — говорил я бойцам, — профилактика — великое дело. И поэтому я считаю необходимым объяснить вам сейчас, как обращаться с минами, чтобы потом не объяснять, как обращаться с индивидуальным пакетом для перевязок. К тому же и мне будет меньше работы.

По рядам прошел веселый шопот:

— Да, вот это профилактика!

☆

Заместитель политрука
С. ДЖИГИРЕЙ

Поддержали свою пехоту

Я был командиром противотанкового орудия. Поскольку танки противника почти не появлялись, нам приходилось чаще всего при поддержке пехоты подавлять огневые точки, стрелять в амбразуры дотов, бить по живой силе белофиннов.

15 декабря наш батальон, которым командовал старший лейтенант Токарев, должен был наступать на противника у озера Куолема-ярви.

Белофинны занимали очень выгодные позиции на другой стороне озера. Там была возвышенность с кустарником и небольшой рощицей. На этой возвышенности противник соорудил блиндажи, дерево-земляные огневые точки и т. д. Все это было тщательно замаскировано. Например, дзот имел форму обычного крестьянского погреба. Он был размещен или рядом с настоящим погребом или впереди, обязательно возле дома, сарая или колодца.

В этом районе была произведена разведка, по данным которой мы и ориентировались. Батальон расположился в отлогой низине, покрытой лесом и хорошо наблюдавшейся со стороны противника. Все дороги, подходившие к озеру, также находились под наблюдением белофиннов и были точно пристреляны ими. Стоило появиться где-либо повозке, лошади, группе людей, — и туда сразу же падали снаряды.

Лучшим подступом к противнику был покрытый густым сосняком мыс, вдающийся в озеро с нашей стороны. Пройти туда днем через открытую да еще заболоченную местность было невозможно. Дорога, которая вела на этот мыс, тоже все время находилась под обстрелом.

Наступила ночь. Бойцы за день отдохнули и теперь подготовились занять исходное положение, чтобы перейти в наступление утром. Нашему взводу противотанковых орудий и взводу полковой артиллерии было приказано выдвинуться на мыс и занять огневые позиции в расположении пехоты.

Орудия у нас — на механической тяге. Подъезжать на машинах в непосредственной близости к противнику — значит

обнаружить себя. Тогда командир взвода лейтенант Филатов направил посыльного в тыл батальона. Там находились наши зарядные ящики на конной тяге. Через час прибыли две пары лошадей. Мы прицепили орудия и бесшумно пробрались в густой лес. Отцепили пушки, отослали лошадей с передками в укрытие, а сами на руках перебросили орудия на огневые позиции.

Батальон тоже скрытно перебрался на мыс и начал окапываться. Разговаривали все шопотом, рубили сосны в глубине

На огневой позиции

леса (чтобы стук топоров не выдал) и подносили их к окопам для маскировки. Срубленные сосны противник мог обнаружить, потому что они были без снега, зеленые. Приходилось и на стоящих вблизи деревьях стряхивать снег.

Ночь прошла в напряженной и кропотливой работе. Мы хорошо замаскировали орудие, вырыли окопы для расчета и с нетерпением ожидали рассвета. Справа и слева от нас, окопавшись, лежала пехота. Противник находился в 200 метрах.

Ровно в 10 часов 16 декабря два дивизиона, которые поддерживали наш батальон, начали артиллерийскую подготовку. Они расположились в лесу, километра за два с половиной от нас. Выстрелы были слышны слабо, но зато мы хорошо видели разрывы снарядов в расположении противника. Моему орудийному расчету было приказано непрерывно наблюдать за про-

тивником, чтобы потом подавить обнаруженные огневые точки. Перед нами, на другой стороне озера, — сараи, жилые дома, ряд небольших возвышенностей. Какая из них действительная огневая точка и какая ложная, определить пока было трудно. Мороз пробирал до костей, приходилось все время шевелиться.

Когда наша артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника, пехота поднялась, стала продвигаться вперед. В этот момент противник открыл огонь из пулеметов и автоматов. Я приметил, что стреляют из дзота, расположенного как раз напротив нашего орудия. Я подал команду:

— По амбразуре осколочным, прицел три, огонь!

Снаряды точно ложились в цель. После этого я приказал открыть огонь по сараю. Нужно сказать, что расчет был у меня натренированный и слаженный. Основные номера, комсомольцы Козаченок, Лагутин, Новицкий, всегда отлично выполняли свои обязанности.

Из сарая выбежала группа белофиннов — человек пятнадцать. По ним стало стрелять шрапнелью стоявшее рядом с нами полковое орудие, и все они были уничтожены. Вскоре огневые точки противника замолчали. Наша пехота вновь двинулась вперед.

Стреляли мы всего 2—3 минуты. После этого я подал команду «отбой». Орудие на руках перебросили к лошадям. На покинутой нами огневой позиции стали рваться белофинские снаряды.

Так наши орудия помогали пехоте продвигаться. То, чего не смогла разбить тяжелая артиллерия, стрелявшая с закрытых огневых позиций, подавила наша, противотанковая. Противник вынужден был отступить.

Младший лейтенант

В. МАКАРОВ

Через все преграды

Было морозное декабрьское утро, когда наша часть получила донесение, что дорога, идущая к Выборгскому шоссе, заминирована. Мне приказали расчистить дорогу и отметить красными флажками минные поля.

Мы еще не знали, что представляют собой вражеские мины, как они действуют, как с ними бороться.

В составе двух отделений вышли к району минного поля. Ночью выпал снег, но под его легким покровом отчетливо вырисовывались то еловая ветка, то пучок соломы. Здесь, видимо, находились мины. Это были приметы, оставленные финскими саперами, чтобы пропустить через минные поля свои отступающие части.

До нашего прихода по этой дороге шла разведка, и подорвались два всадника. Рассматривая воронки от взрывов, мы поняли, что мины нажимного действия. Но как их разряжать?

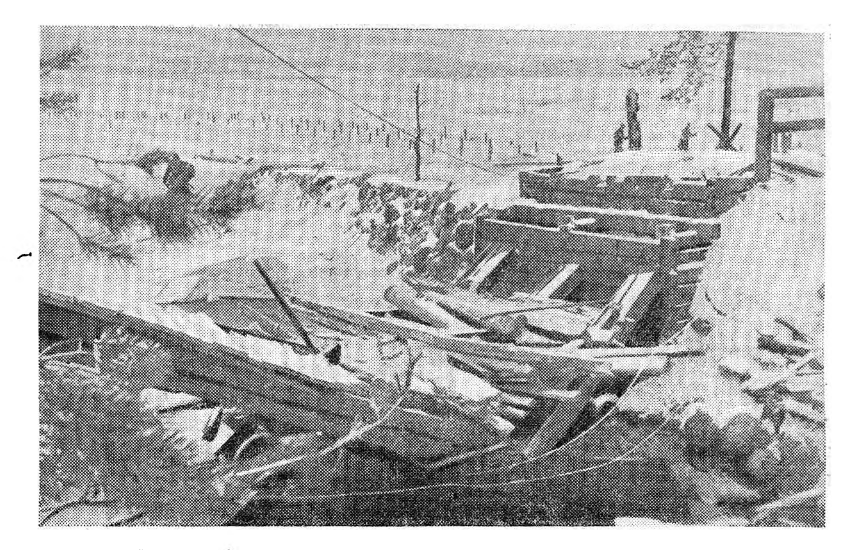
Осторожно принялись за работу. Сгребли снег, сняли солому и увидели мину. Она была круглая, диаметром в 25, высотой в 7—8 сантиметров. Посредине блестела медная гайка с болтиком.

Внимательно осмотрев мину со всех сторон, но не трогая ее с места, я тихо, без нажима, стал отвертывать болтик. Но болтик не поддавался. Тогда я принялся вывинчивать гайку и вместе с ней вывинтил капсюль.

Так мы впервые познакомились с финскими (а вернее, с английскими) минами. На это нам потребовалось 30 минут. Еще через 40 минут мы уже обезвредили около 35 мин. Это было в районе станции Куоккала.

Наши части продолжали наступать. Минные поля попадались чаще. Но это не отзывалось на темпах движения: наловчившись, мы теперь гораздо быстрее справлялись со всевозможными минами и фугасами.

Стрелки тоже освоились с обстановкой. Иной раз они пересекали минные поля, идя гуськом след в след. Шедший в голове осторожно прощупывал снег штыком.

Мост через противотанковый ров, наполненный водой. Разрушен белофиннами при отступлении

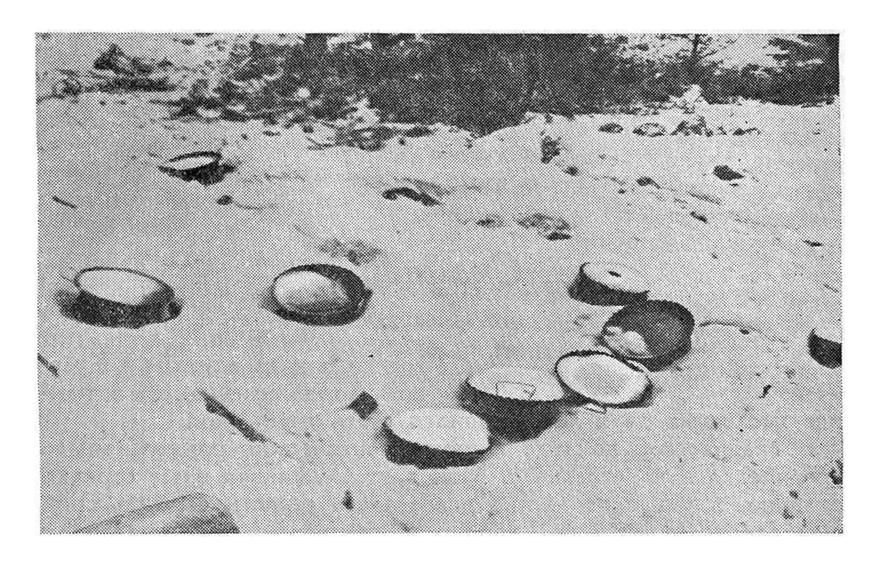
Работа по разминированию дороги или подступов к реке обычно усложнялась тем, что противник обстреливал сапер. Тогда саперы двигались в обход заминированного участка и сбивали финских автоматчиков, засевших где-нибудь на елках.

Надо все-таки сказать, что разминирование — кропотливая, тонкая работа! Иной раз приходилось на коленях, медленно, шаг за шагом, ползти целый километр, прощупывая каждую пядь земли. Варежки надо было часто снимать, и руки коченели: морозы в эту зиму стояли суровые.

Противник перегораживал дороги завалами из деревьев, из дров, даже тушами убитого скота, облитыми водой и примороженными к полотну дороги, как это было под поселком Халила. Конечно, завалы густо минировались. Саперы растаскивали завалы и вручную, и механической тягой. Уничтожали мины, разряжая и взрывая их.

Особенно досаждали ложные мины. Вообще враг изощрялся в разнообразных хитростях: ставил металлические мины вверх дном, дублировал способы их действия. Некоторые мины взрывались и при помощи тока от электрической батарейки.

Однажды в разведке саперы заметили провода, идущие под снегом. Сапер Бабанов перерезал их, и мы обнаружили, что они идут к дороге, по которой ожидалось большое движение наших транспортов и частей. Следуя вдоль проводов, мы вышли почти к самой дороге, и здесь стало ясно, что провода должны были, по замыслу белофиннов, передать электрическую

Мины, обезвреженные нашими саперами

искру в электродетонаторы, установленные в больших зарядах мелинита и тола, заложенных в камнеметы.

Камнеметы — это глубокие ямы, вырытые наклонно. Они были как бы каналами громадных пушечных стволов.

Белофинны уложили на дно каждой из этих ям около 100 килограммов взрывчатых веществ. Взрывчатка была прикрыта щитами, сверху которых противник навалил груды камней.

Белофинны рассчитывали дождаться, когда дорогу заполнят наши войска, затем включить в провода ток и швырнуть всю эту массу камней на дорогу. Каменный град смел бы все на своем пути. Саперы предотвратили коварный замысел белофиннов.

Противник всячески стремился тормозить продвижение наших частей. Он использовал для этого любую возможность. Возле одной переправы белофинны облили водой крутой спуск к реке. Спуск покрылся льдом, и по нему нельзя было двигаться ни автомашинам, ни повозкам, ни артиллерии.

Саперы скололи лед, посыпали спуск песком, и движение наших войск вперед продолжалось.

Ничто не могло остановить нас — ни холод, ни лед, ни мины, ни коварные уловки врага.

☆

Заместитель политрука

Т. ЩУКЛИН

Снайпер

Стрелял я и до службы в Красной Армии неплохо. А в течение последних двух лет готовился стать снайпером.

В снайперской команде я изучил оптический прицел, много тренировался на стрельбах. Мой друг Олейников тоже стрелял отлично, и у нас постоянно разгоралась страсть соревнования. Мы работали над собой упорно и настойчиво, перегоняя друг друга, радуясь каждой новой удаче. Когда началась война с белофиннами, Олейников и я попали в один батальон.

...Батальону было приказано обойти врага с левого фланга и ударить в тыл. Перед операцией все мы, бойцы, командиры и политработники, осмотрели и вычистили оружие, запаслись патронами, гранатами и продуктами.

— Ну, Щуклин, — сказал мне Олейников, — береги оптический прицел. Кажется, нам предстоит серьезная работа.

— А ты не забудь, — возразил я, подшучивая над Олейниковым, — не забудь, что расстояние между глазом и оптическим прибором во время прицеливания не должно превышать 8,5 сантиметров. А то я дам тебе сто очков вперед...

— Посмотрим...

Разведка нащупала свободный проход, и мы двинулись. Густые кроны вековых сосен закрывали от нас небо. Под ногами хрустел и поскрипывал снег. Ухо ловило каждый посторонний шорох, глаз искал в лесной чаще признаки вражеской жизни.

Мы с Олейниковым держались возле командира батальона капитана Подставкина. Снайперы обязаны в любой момент защитить своим метким огнем командира, если он подвергнется опасности.

Во второй половине дня батальон, углубившись в белофинский тыл, круто свернул направо. Где-то здесь находилась шоссейная дорога, по которой шло боевое питание. Вскоре наша разведка вернулась, обстрелянная с деревьев.

— Щуклин и Олейников, — позвал нас капитан Подставкин, — очистить путь для батальона. Пробирайтесь осторожно, не делайте переполоха раньше времени...

Мы протерли оптические прицелы, разошлись на десять шагов друг от друга и стали продвигаться вперед. Наша дружба с Олейниковым, сработанность, взаимное понимание — облегчали выполнение задачи.

Кивнув Олейникову, чтобы он продолжал ползти, я тем временем тщательно обследовал в оптический прицел впередилежащую местность, особенно деревья, густые кроны их, покрытые снегом. Затем Олейников наблюдал, я полз. Так мы, взаимодействуя и оберегая друг друга, пробрались к небольшому озеру.

Лежа в кустарнике, смотрели несколько минут на тот берег, шарили по верхушкам деревьев. Именно там должна быть «кукушка», обстрелявшая нашу разведку.

— Есть, — шепнул Олейников, не отрывая глаз от оптического прицела. — Вижу.

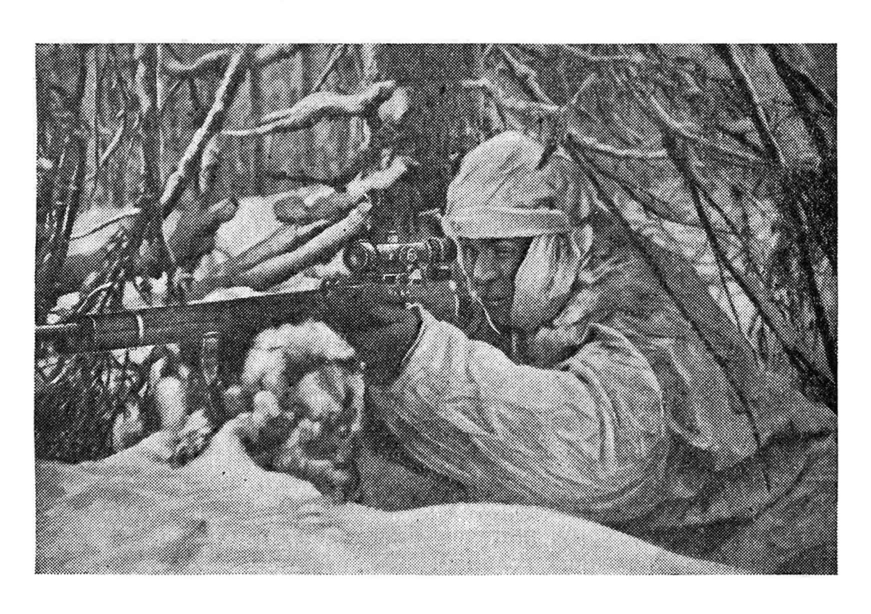
— Где? — спросил я также полушопотом.

— Прямо перед нами отдельное дерево... Фигура человека хорошо замаскирована, но виден черный ручной пулемет.

— Ага, — я тотчас увидел в оптический прицел шюцковца в белом халате на самой верхушке сосны.

Олейников, продолжая наблюдать, сказал:

— Шестьсот метров. Веди огонь.

Снайпер А. Сополов

Я поставил дистанционную шкалу на 600 метров, прицелился и выстрелил.

— Ранил в ногу, — заметил Олейников, — дернулся, как чорт, схватился за пьексу...

В этот момент раненый шюцкоровец открыл из пулемета огонь по нас. Стрелял он хорошо, пули зарывались в снег рядом с моей головой.

Я быстро и незаметно переменил место. Дал знак Олейникову: «Веди огонь», и стал наблюдать.

После выстрела Олейникова шюцкоровец выронил из рук пулемет, медленно отделился от дерева и полетел вниз. С веток поднялся белый столб снежной пыли.

Мы еще раз внимательно обследовали местность и, вернувшись, доложили капитану Подставкину:

— Путь свободен.

Батальон продолжал свой путь. Впереди снова шла разведка. А мы с Олейниковым опять заняли места возле командира.

Когда солнце уходило за горизонт, разведка донесла, что обнаружен противник силой до батальона. Наш батальон развернулся в боевой порядок. Я и Олейников поместились на левом фланге, между станковыми пулеметами и капитаном Подставкиным.

Не доходя до шоссейной дороги, увидели в лесу группу белофиннов. Раздались одиночные выстрелы с нашей стороны и ответная стрельба врагов. Я стрелял, перебегая от дерева к дереву. Белофинны рассыпались и, пригнувшись, стали удирать.

Вот, наконец, показалась за елками шоссейная дорога. Огромный финский конный обоз и сотни грузовиков с боеприпасами тянулись к фронту. За дорогой стояли красный домик пункта боевого питания и длинный лабаз с плоской крышей, полный ящиков со снарядами. Белофинны метались у обозов, у домика, у лабаза, стреляли из придорожной канавы.

Наши станковые пулеметы застрочили по обозам. Началась жаркая перепалка.

— Щуклин, бейте по легковой машине! — крикнул мне командир роты старший лейтенант Шленский.

Я увидел легковую машину с офицерами, мчавшуюся к домику, и открыл огонь. Машина остановилась, шофер выскочил из нее и скрылся в лесу. Два офицера были убиты в кузове, третий открыл дверцу, пытаясь бежать, но свалился на подножку с простреленной головой.

В этот момент по нашим пулеметам стали стрелять «кукушки». Они с умыслом пропустили нас и вели огонь в спину.

Старший лейтенант Шленский скомандовал:

— Щуклин и Олейников, бейте по «кукушкам».

Я взглянул вверх, но никого не заметил. Снег плотно облегал макушки деревьев, а стрельба раздавалась повсюду, и не было возможности быстро определить, откуда бьют.

Вдруг я увидел младшего лейтенанта Колосова, подползавшего к дереву. Раненый, он продолжал стрелять из пистолета вверх. Бросившись к нему, я заметил на ветках шюцкоровца, стрелявшего из автомата. Это с ним дрался младший лейтенант Колосов.

Я быстро прицелился и нажал спуск. Шюцкоровец выронил автомат и повис на суку.

Сразу же стали стрелять и по мне. Я отполз назад и притаился за сваленным деревом. Отсюда заметил вторую «кукушку». На высокой сосне, почти у самого лабаза, стоял во весь рост шюцкоровец в серой куртке. Он стоял на мостике из досок и стрелял из ручного пулемета.

Я сбил его первым выстрелом, и он растянулся на своих досках, опустив одну ногу, точно хотел спрыгнуть на землю.

Бой разгорался. Мы продвигались вперед, занимая дорогу и окружая пункт боевого питания. Наши бойцы уже забирались на грузовики, с которых вели огонь.

Но мы с Олейниковым никак не могли еще справиться со всеми «кукушками». То там, то здесь раздавался треск автомата, и мы искали врага, стиснув зубы, сгорая от нетерпения покончить скорее с этой задержкой.

Вот на маленькой густой елке что-то шевельнулось. Я немедленно взял ее на прицел. Выстрел, другой по подозрительной точке, и на землю летит фигура в белом халате.

Я переползаю немного ближе к дороге и вижу Олейникова. Мой друг, вывалявшись в снегу до того, что и брови его стали белыми, палил из маленького окопчика по елкам.

— Смотри, Щуклин, автоматчик задерживает перебежку, — крикнул он мне, указав в сторону залегших бойцов, а сам выстрелил в другую сторону: с дерева, треща сучьями, полетел белофинн.

Я стал приближаться к залегшим в снегу бойцам, но автоматчик перенес огонь на меня. Пули запели над головой. Я быстро спрятался за толстый ствол ближайшего дерева и стал осторожно выглядывать. Да, на соседней елке ветер шевелил полу белого халата.

Этого мне было вполне достаточно. В следующую секунду грохнул выстрел. С елки упал в снег автомат. Потом медленно стала валиться белая фигура. Она была привязана веревкой поперек туловища и потому повисла вниз головой. Шюцкоровская шапка слетела, по ветру растрепались длинные рыжие завитые волосы.

— Женщина?! — вскрикнул я удивленно.

— Молодец Щуклин, — похвалил командир пулеметного взвода, видевший, как ловко была подрезана шюцкоровка.

Теперь я переполз в придорожную канаву, откуда наши выбили врага. Всюду на снегу валялись трупы белофиннов. Но сопротивление еще продолжалось. Несколько бойцов было ранено возле меня.

Боец Галуза закричал:

— Смотрите, с крыши бьет.

Я взглянул на крышу лабаза. Там лежал, постреливая, шюцкоровец. В тот момент, когда я дослал патрон и хотел прицелиться, пуля дзинькнула по моей каске. Враг поспешил опередить меня, но промахнулся. Я поднял сбитую каску, прицелился и выстрелил. Шюцкоровец выронил автомат и, перевернувшись на спину, остался на крыше недвижим.

— Чистая работа, — сказал Олейников, прыгая в канаву рядом со мной. Он все время внимательно наблюдал за вражеской позицией и вдруг крикнул:

— Пулемет на чердаке. Ударим его, стервеца, вместе!

Из маленького чердачного окошка в красном домике, окруженном нашими бойцами, гремел станковый пулемет. Мы с Олейниковым выстрелили почти одновременно, и пулемет затих.

Домик тотчас был занят красноармейцами. Остатки белофиннов рассеялись в лесу. Вся дорога чернела трупами лошадей и людей.

В конце боя я заметил быстро удалявшегося по придорожной канаве белофинна. Голова его то ныряла за бугорком, то снова показывалась на другом месте. Несомненно, куда-то направлялся связной.

Я подождал, когда связной выскочит из канавы, и уложил его метким выстрелом...

Капитан Подставкин приказал запастись патронами и гранатами, а затем взорвать захваченные боеприпасы, уничтожить все, что представляло ценность для врага.

Приказ был немедленно выполнен.

В это время младший командир Микулин, наблюдавший за подступами к пункту боепитания, доложил, что с фронта движутся крупные силы противника.

Наступала морозная ночь с крепким, пронизывающим до костей ветром. Свистела поземка. Звезды изредка показывались из-за туч.

С левого фланга заработал наш пулемет навстречу шюцкоровцам.

— Не стреляй по своим, бери левее! — загорланили по-русски белогвардейцы.

Но эти голоса только помогли пулеметчику вернее нащупать цель.

Перестрелка продолжалась до глубокой ночи. А тем временем капитан Подставкин отводил назад одно подразделение за другим. Наконец, незаметно снялись с фронта последние бойцы. Батальон построился в том же порядке, как шел сюда, и двинулся обратно, в обход вражеских сил.

Белофинны скоро догадались о нашем уходе. Они послали вслед за нами лыжников. Но мы ловко сманеврировали, отвлекли их на озеро, а сами ушли лесом.

Через четыре дня с боями мы вышли к своим передовым позициям. Задача, поставленная командованием — разгром белофинского тыла, — была выполнена.

Герой Советского Союза

И. УЛЬЯНОВ

Разведчик

Я — парикмахер. С девятьсот тридцатого года. А до тридцатого года был беспризорником. Сбежал из детского дома и шесть лет беспризорничал. Весь СССР объехал.

В тридцатом году мне было пятнадцать лет. И задумался я над своей жизнью. Вижу, так продолжать нельзя — пропадешь. Поехал я в Малую Вишеру, а там единственный мой родственник жил, двоюродный брат, парикмахер. Встретил он меня хмуро, потом послал помыться и говорит:

— Дай честное слово, что будешь работать!

Делать нечего, дал я ему честное слово. И стал он меня учить своему ремеслу. Уже через три месяца я получил кресло с клиентом. Стригу и брею, стригу и брею, — по началу не очень хорошо, для столицы бы и не сгодилось, а для провинции ничего, сошло.

В 1936 году я был взят в армию. Повели нас, призывников, в баню, начали стричь. Гляжу, — у одного из стригунов ребята морщатся, кряхтят.

— Давай-ка, — говорю, — сюда машинку.

Надел я халат, принялся за дело. Поглядел командир на мою работу и говорит:

— Вот это специалист!

Так меня и зачислили в часть парикмахером.

Служу я на военной службе, стригу и брею, стригу и брею.

В 1939 году, когда меня опять призвали в армию, — опять пришлось стричь и брить.

Стояли мы на самой финской границе. Вот брею я однажды командира разведки и давай ему жаловаться:

— Никак от бритвы не уйти. Я и в гражданской жизни брею, и на военной службе брею. Возьмите меня к себе в разведчики!

Он посмотрел на меня и говорит:

— Ну, что ж, возьму.

Стал я учиться как разведчик. Учился с азартом, быстро познакомился и с винтовкой, и с ручным пулеметом.

И вот — война.

Приходит командир полка, читает приказ. Наша дивизия первой переходит границу, наша разведка действует первой.

— Пойдете, — говорит, — утром вместе со взводом пограничников.

Пограничников нам дали в провожатые.

Позавтракали. Подогнали на себе снаряжение, все уложили, подтянули, чтобы не брякало. Пошли к реке Сестре.

В 8 часов началась артиллерийская подготовка. В 8.10 наша разведка стала переправляться через реку. У нас уже заранее были приготовлены срубленные деревья, по ним и перебрались на ту сторону.

Тихо. Противника не видно. Перебегаем от дерева к дереву, тянем связь, даем по телефону донесения.

Вошли в деревню Помпола. Пусто. Ни одного человека. Здесь пограничники нас оставили:

— Дальше,— говорят,— и мы дороги не знаем. Счастливого пути, товарищи.

Идем, идем, верст семь прошли — все никого. И вдруг навстречу пули. Заговорили, слышим, станковые пулеметы. Мы залегли. Ползем и видим: перегорожена дорога, нивесть что наворочено! Противотанковые рвы, надолбы, проволока, завалы из толстенных сосен. Не пройти.

Мы отползли назад, засели в лесу. Ждем, пока подойдет полк.

Ждем. Уже темнеет. Полка нет. Выставили дозоры и боковое охранение.

Наконец, подошел 1-й батальон полка.

Докладываем командиру батальона: так и так. Командир батальона подумал и говорит:

— Нужно завалы обойти.

Приказал нам поискать обход справа. Пошли мы вправо. Все лес да лес. Темно, еле видно. Через некоторое время стали забирать налево. Берем все левее и левее. Часа через два вышли на какую-то дорогу. Наш командир долго смотрел на карту, прикрыв в темноте фонарик шинелью, и сказал:

— Пожалуй, это продолжение той самой дороги, вдоль которой мы продвигались днем. Мы обошли финнов с тыла.

Присели мы немножко отдохнуть, перед тем как двигаться назад. И вдруг — стрельба. Несколько пулеметов сразу. Но полета пуль не слышно. Значит, стреляют не по нас. Стали мы осторожно шарить по лесу и увидели в ночном воздухе огненные шнурки. Трассирующие пули! Теперь картина ясна. Это с завала, который мы обошли, стреляют по нашему батальону. А мы сзади у финнов.

Но темно, ничего не разглядишь. Никак нельзя действовать! Притаились мы, решили дождаться рассвета.

Когда начало рассветать, тут мы и увидели финское укрепление. Все оно обращено туда, в другую сторону, а с нашей стороны совершенно открыто. Пулеметчики лежали к нам спиной, в бревенчатых гнездах, и мы видели их пятки.

Финны опять стали обстреливать расположение нашего батальона. Бросились мы на них. «Ура!» В деревянном гнезде лежит передо мной пулеметный расчет — три человека. Граната, взрыв — и нет ни пулеметчиков, ни гнезда. Кругом рвались гранаты. Финны в панике разбегались.

Новое «ура» — это батальон пошел в атаку. Заграждение было взято.

Вот первый бой, в котором я участвовал.

Вскоре нашу роту разведчиков распределили взводами по батальонам. Так при 1-м батальоне я и остался.

5 декабря, продолжая наступление, наш полк вышел к озеру Ахи-ярви. Заночевали. Еще перед рассветом нас, разведчиков, накормили горячим завтраком и поставили нам задачу: разведать дороги, с тем чтобы обойти озеро, которое едва покрылось льдом.

Командир взвода вывел нас на опушку леса, здесь развилка дорог. Разделились. Я пошел в головном дозоре вместе со своим товарищем Ивлевым. Только-только начинало светать. Метрах в ста-ста пятидесяти сзади двигались застава и боковые дозоры. Еще дальше сзади — основное ядро с командиром взвода. Все мы в белых халатах, с винтовками и гранатами. Дорога вьется. Сумерки. Ивлев осматривает правую сторону дороги, я — левую. Подходим к каким-то большим камням. И вдруг мне послышалось, будто Ивлев что-то тихонько сказал. А на нас каски, подшлемники, слышится туговато.

Шопотом его спрашиваю: «Что?» Он на меня удивленно смотрит, и я начинаю понимать, что это не его я слышал. Я мигом — за камень. Ивлев — за другой. С одной стороны камня держу винтовку, с другой стороны гранату — «бутылку».

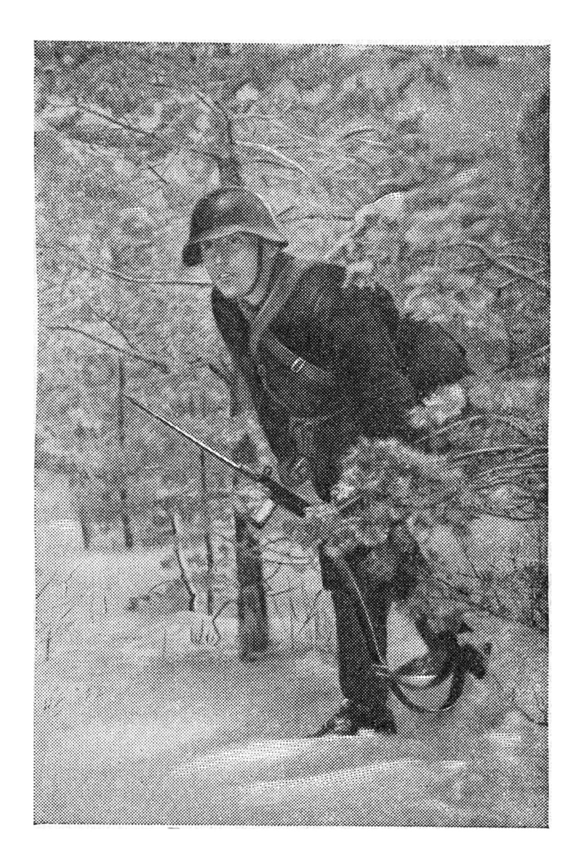
И вдруг вижу: в 10—15 метрах от меня со снегу поднимается какая-то фигура. Слышу резкий голос, подающий команду.

Я выстрелил. Фигура рухнула в снег. Вижу — их уже целая группа. Поднялись и по глубокому снегу идут ко мне. Я снова выстрелил. Еще один свалился. Остальные продолжают приближаться.

Я — винтовку в сторону, схватил гранату. Подождал несколько секунд, рассмотрел, где они покучнее, и бросил гранату им на головы. Взорвалась удачно. Я — рукой в сумку, за гранатой Ф-1, которая полюбилась мне еще по первому бою: оборонительная граната огромной разрушительной силы. Швырнул Ф-1. Еще удачнее! Финны, вижу, растерялись. Бегут.

— Ползи к командиру взвода, — шепчу я Ивлеву. — А я их здесь задержу, не выпущу на дорогу.

Ивлев пополз. Лежу один. Смотрю — финнов нет. Куда они девались, не знаю. Вдруг справа, позади слышу — длинная пулеметная очередь. Я насторожился. Это не ручной пулемет,

Герой Советского Союза И. Ульянов

у ручного нехватит диска на такую длинную очередь. Это станковый. А у нас в разведке станкового пулемета нет, только ручные. Значит, стреляют финны. По кому же это они бьют?

Подумал, подумал и пополз на звук пулемета. Пробираюсь болотом, кустарниками. Звук все ближе. И вот вижу: замаскированный срубленными елочками стоит в снегу пулемет и палит по дороге, по тому месту, где должны проходить наши, за которыми пополз Ивлев. А у пулемета три белофинна.

Я за винтовку. Но, думаю, нет — стрелять нельзя. Убьешь одного, а другие двое на тебя!

А то разве штыком? Нет, и штык не годится, — штыком тоже с тремя не управишься. Полез я в сумку за гранатой. А граната только Ф-1, большого радиуса поражения. И я теперь не за камнем, а только за кустом. Но делать нечего. Бросил Ф-1, а сам поскорее бух в снег, чтобы меня поменьше задело.

Оглушительный взрыв. Однако и меня тряхнуло здорово. Щеку поцарапало, на спине шинель осколками пробило и из ватника вату повыдергивало. Но цел!

Дым рассеялся. Смотрю: от всего пулемета один каток опрокинутый, ствол в снег зарылся, три трупа лежат.

Пополз я назад, к батальону. Уже совсем рассвело. Реденький лесок кругом. И вдруг вижу — несколько финнов устанавливают какую-то треногу. Что бы это такое? Фотографы они, что ли?

Нет, не то. Бак рядом пристраивают и шланг какой-то.

Я засел в кустах, выжидаю. Тут я увидел лыжи, а на лыжах стоит пулемет. Они поднимают пулемет и укрепляют его на треноге.

Ага, вот это какие фотографы! Я швырнул под треногу гранату. Взрыв. Выглядываю из снега — и следа белофиннов не осталось. Чисто сбрил!

Между тем из глубины нашего расположения стала доноситься беспорядочная стрельба. Я поспешил к батальону. Пробираюсь леском. В левой руке винтовка, в правой граната. Идя на выстрелы, вышел... к нашему обозу.

А тут полная паника. Люди под кухнями, под повозками. Стреляют слева, стреляют справа, а кто куда ведет огонь — не поймешь.

Я бросился в канаву, где залегло несколько красноармейцев.

— Что тут такое? Куда стреляете?

А мне человек показывает, зажмурившись и упрятав голову в плечи:

— Туда...

— Куда туда?

Перебегаю от одного к другому, от канавы к кухне, от кухни к повозкам, — всюду пальба, и ни от кого не добьешься никакого толку. А людей, вижу, много — сила, если их собрать!

Я и давай сколачивать обозников.

— За мной, кричу, товарищи! Давай за мной!

Не идут.

Я тогда одного поднял: «Становись!» Другого поднял: «Вставай рядом, если пропасть не хочешь!» Третьего уже легче удалось поднять, четвертого — еще легче.

Повеселели, закуривают под моим началом. Какой ни есть, а командир объявился. Все больше и больше у меня людей. Как перестали стрелять, так и вообще оказалось, что тут делать нечего. Ни одного белофинна. Видимо, финны сделали на обоз налет, посеяли панику, а сами — дальше.

Но только перестали обозники палить, как сразу же стала слышна стрельба в другом месте, и совсем недалеко — в расположении нашей полковой батареи... Это уже дело посерьезнее.

— Вперед, — кричу, — за мной!

Побежали мы лесом и вскоре так и выскочили на белофинских автоматчиков.

Они били по нашим из-за деревьев. Мы зашли с фланга — «ура!» и смяли автоматчиков. Те побросали оружие да как пошли удирать, только пятки засверкали. Я с командой — за ними, в погоню! Но на бегу попробуй-ка их взять! Как зайцы, туда, сюда увертываются финны от штыка. Да и налегке они, а мы в снаряженье.

Метров сто-двести мы их так преследовали, а потом они забежали в чащу, вскочили на лыжи, которые были там припрятаны, и сразу пропали в лесу.

А мы — тоже не лыком шиты! Обложили лес и пошли шаг за шагом его прочесывать. Теперь местность мне вся была знакома, стал я прижимать белофинских зайцев к нашему батальону. Батальон взял их огнем с одной стороны, я с другой. Тут их и положили. Часть из них кинулась удирать по льду озера, а лед-то слабый. Эти провалились, ушли под лед.

Закончив свое дело, я распустил обозников. Отправились они приводить в порядок свои кухни и повозки.

Остался я один. Хожу туда, сюда: к кому примкнуть?

Тут встретился мне инструктор политотдела дивизии. Расспросил меня, кто я, что тут делаю, — и сразу к комиссару дивизии. Гляжу и комиссар тут же.

— Орел! — говорит. — Да вы, — говорит, — товарищ Ульянов, своей находчивостью и отвагой боеприпасы отстояли и продовольствие, и весь обоз от налетевшего врага!

После этого еще во многих боях я был — и все разведчиком. Сначала рядовым бойцом, потом младшим командиром. Командование несколько раз предлагало мне поехать учиться — я уже был Героем Советского Союза.

Но как же, думаю, оставить своих разведчиков? У меня уже свой отряд был — из смельчаков, добровольцев. Как же я их, товарищей-то своих боевых, оставлю?

Так и не поехал учиться, пока не кончилась война. А теперь другое дело. Теперь я в военном училище...

Когда шли бои на главном рубеже обороны белофиннов, у линии Маннергейма, я попросил, чтобы мне разрешили сформировать группу разведчиков исключительно из добро-

вольцев. Командование очень одобрило мое предложение, и вскоре я стал во главе отряда.

Тут я распорядился людьми, как подсказал боевой опыт. Отряд разбил на три группы. Сам и названия для них придумал: группа захвата — основная, она имела обычно задачу — разведывая, достать «языка»; группа отвлекающая — она отвлекала на себя внимание противника, чтобы обеспечить успех группы захвата; группа прикрытия — она прикрывала обе первые группы огнем и для этого снабжалась двумя станковыми пулеметами.

Построив этим способом работу разведки, я сразу увидел, что тактика моя правильна: и результаты мы стали давать ценные, и потери резко снизились.

Теперь — о снаряжении бойца-разведчика. Границу мы перешли крайне перегруженными. На каждом, например, был вещевой мешок с двумя парами запасного белья, котелком, кружкой. К чему это? А в то же время гранат на каждом было однадве. Дальнейшее показало, что гранат надо разведчику иметь при себе не меньше пяти штук. Я лично только с полудесятком гранат чувствовал себя в разведке уверенно. Значит, вещевые мешки с разведчика — долой, но прибавить в сумку ему гранат.

Винтовка, конечно, обязательно нужна, и со штыком. Патронов вначале мало давали — 50—60, а надо разведчику не меньше 120—150 штук. Случалось по двое-трое суток в окружении действовать. Расстреляешь патроны, хоть зубами отгрызайся!

Наганы должны быть у разведчиков. Ножи — в обязательном порядке; мы все сами финками вооружились.

Разведчик на лыжах должен отлично ходить.

Валенки были у нас — не годятся они разведчику. Промочишь раз, после и не просушишь, пока на отдых не попадешь. И днем и ночью у тебя ноги стынут от промерзших валенок. Я лично обзавелся такой обувью: хромовый сапог, а переда и подметка — все резиновое. Наденешь две пары шерстяных носков да обернешь еще ногу байковой портянкой — ногам всегда тепло, как на печке. И тепло, и легко, и удобно.

Скажу еще о продовольствии разведчика. Свежий хлеб зимой не годится. Замерзнет в ледяшку, его и не оттаешь: на костре только горит. И колбаса в ледяшку превращается, и консервы.

Хорошо давать галеты, шоколад и самое разлюбезное дело — ржаные сухари, — они не приедаются. Паек разведчику надо давать не суточный, а не меньше, чем трехсуточный.

Вот так должен быть снаряжен разведчик.

☆

Политрук
БУЕМБАЙ АТИБЕЕВ

Сбили „кукушку"

Был у нас в батальоне боец Богоудинов. Прибыл он к нам в часть из Татарии. Спокойный, аккуратный боец, — он пользовался в батальоне большим уважением. Расторопный и быстро схватывающий все объяснения командиров, он хорошо изучил автоматическое оружие. Винтовку-автомат и оптический прибор к ней он знал на-зубок, и когда начались боевые действия, это ему здорово помогло.

Перед рассветом я лежал в одном окопе с Богоудиновым, наблюдая за противником. Морозно было в этот день, деревья в лесу потрескивали от холода. Окоп наш был вырыт за плетнем, у опушки леса, сквозь плетень мы и наблюдали за белофиннами, которые расположились метрах в трехстах от нас. Чуть рассвело, с финской стороны послышались одиночные выстрелы.

— Ага, «кукушка» закуковала! — подумал я и стал следить.

Глаза уже устали, заслезились, но я никак не мог обнаружить белофинского снайпера. Всматривался во все местные предметы на финской стороне, проверил все бугорки, кустики, заборы, за которыми мог укрыться снайпер, но ничего заметить не удалось.

Постреливает белофинн то и дело, а откуда — не видно. Хитрая, значит, «кукушка». А наших бойцов видит хорошо; только зашевелятся они, сразу же — «жик, жик», — посылает по ним снайпер пули.

— А может с поля, с открытого места бьет? — подумал я и сразу перевел бинокль на белое, засыпанное снегом поле.

И только посмотрел туда, как вижу — что-то шевельнулось, точно белая кочка приподнялась на мгновение и снова опустилась, сливаясь с землей.

— Ага, есть молодчик!

Оказалось, снайпер, думая перехитрить нас, вырыл себе окопчик на самом что ни на есть открытом месте. Вырыл да и засел там — выглянет на мгновение и снова спрячется. Сам

бы его снял, да у меня обыкновенная винтовка, без оптического прибора. Толкаю Богоудинова и шепчу:

— Видите птичку?

А он даже вздрогнул весь. Ведь все время тоже эту самую «кукушку» искал, все глаза проглядел.

— Смотрите! — говорю Богоудинову и показываю по ориентирам направление. Не видит.

Да и в самом деле очень трудно так сразу разглядеть. Дал я ему бинокль. Заметил. Вернул мне бинокль и говорит:

— Следите за результатом попадания, товарищ политрук! И стал целиться.

Долго целился. И как назло «кукушка» присела в своей норе и носа на свет не показывает. Но вот зашевелились наши на левом фланге. Видим — снайпер приподнялся, поглядел и открыл огонь. Стреляет и не чует молодчик, что уже на мушке у Богоудинова сидит.

Мой сосед выстрелил. Вижу в бинокль, как пораженный первой же пулей Богоудинова повалился белофинский снайпер на бок и винтовка его отлетела в сторону.

— Результат хороший! — говорю Богоудинову.— Но, может, притворяется?

Следим мы теперь за «кукушкой», а в то же время повыше глазами забираем. Смотрим — там, выше, на бугре, тоже зашевелились финны. Только они стали перебегать, Богоудинов снова начал стрельбу. Один финн нырнул в снег, другой схватился за ногу и завертелся волчком на одном месте. Кусачие, значит, наши пули!

Финны разозлились и открыли по нас артиллерийский огонь. Один снаряд упал метрах в десяти, но не разорвался — только снегом нас засыпало. Ну, против снега мы не возражаем — жить можно! Пролежали четыре часа, подползает к окопу смена.

— Ползите, Богоудинов! — говорю я бойцу.

— Разрешите, я еще останусь! — отвечает он.

— Что такое?

— Аппетит появился. Может, еще какую «кукушку» подобью!

И остался. До темноты просидел он в окопе, сбивая финнов меткими выстрелами.

Когда Богоудинова наградили орденом Красного Знамени, командование батальона послало в его родной колхоз, в Татарию, поздравительное письмо. Вскоре получаем ответ, подписанный всеми колхозниками. Радуются вместе с нами награде и благодарят Красную Армию за то, что воспитала из их земляка Богоудинова отличного бойца.

Забыл сказать, что снайпер, убитый пулей Богоудинова, был первой «кукушкой», которую обезвредил наш батальон.

☆

Младший командир

А. КОЗЛОВ

Как Андрей Гудзь перехитрил белофинского снайпера

Служил в нашем саперном батальоне младший командир Андрей Гудзь. Он заведывал складом боевого питания и так хорошо содержал боевую технику, что лучшего заведующего складом нельзя было и пожелать. Как только началась война с белофиннами, Андрей Гудзь заскучал. Его потянуло в бой.

— Прошу направить меня на передовую линию фронта, — обратился Андрей Гудзь к командиру батальона тов. Чудесенко.

Не хотелось командиру терять образцового заведующего складом, но отказать в настойчивой просьбе бойца он не мог.

Так Андрей Гудзь оказался на передовой линии фронта. С первых же дней боевых действий он проявил себя неустрашимым и очень находчивым воином.

Я хочу рассказать об одном хорошо мне известном случае из боевой практики этого отважного сапера.

Однажды Андрей Гудзь вызвался сделать проходы в проволочных заграждениях. Вместе с одним танкистом пополз он к логову врага. Тщательно маскируясь, они почти подползли к цели. Но тут их заметил белофинский снайпер и повел огонь.

Андрей Гудзь и его товарищ зарылись в снег и притаились. Снайпер не прекращал огня. Пули ложились рядом, взвивая кверху хлопья снега. Не поднимая головы, Гудзь огляделся по сторонам и заметил неподалеку убитого белофинна.

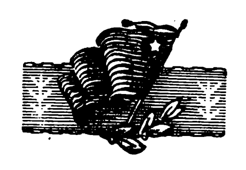
— Ползем к нему, — сказал Гудзь товарищу, указывая глазами на труп белофинна.

Разгребая снег руками впереди себя, сапер и танкист прокладывали в снегу канаву и так искусно продвигались в этой снежной траншее, что белофинский снайпер не заметил, как они переменили место. Он продолжал обстреливать участок, где впервые заметил двух наших бойцов. А они подползли к убитому белофинну и начали понемногу то приподнимать

его, то опускать. Заметив это движение, финский снайпер начал палить по трупу своего коллеги. Разведчики быстро переменили место, но установить точно, где находился враг, все не удавалось. Наконец, белофинн, видя, что на его выстрелы никто не отвечает, поднял голову. Гудзь и его товарищ немедленно взяли врага на прицел. И когда тот высунулся из-за камня, раздались два выстрела. Белофинская «кукушка» откуковала навсегда.

Сняв снайпера, разведчики тихо подползли к проволоке, сделали в ней проходы и так же незаметно вернулись обратно.

Андрей Гудзь совершил десятки не менее смелых, очень тонких и хитрых операций подобного рода. Родина высоко оценила его боевые заслуги. Он награжден орденом Красного Знамени. Партийная организация батальона приняла героя-сапера в ряды большевистской партии.

Герой Советского Союза лейтенант
Н. ТОЛМАЧЕВ

Бдительность, хладнокровие, мужество

Первые дни войны научили нас осторожности. Многих бойцов и командиров мы недосчитались вскоре после начала военных действий только потому, что они забывали про обыкновенную саперную лопату. Некоторые простились с жизнью потому, что караул около блиндажей или землянок выставлялся лишь в направлении фронта, а тыл оставался открытым. Были и такие «герои», которые ниже своего достоинства считали прятать голову от финских пуль.

Бдительность и осторожность, — вот чему учила нас война.

В декабрьские дни наблюдательный пункт моей батареи был выдвинут на правый берег озера Пуннус-ярви. Наше наступление в этом районе приостановилось. Стыки между частями в то время были обеспечены плохо, и белофинские лыжные группы иногда просачивались в глубину нашего боевого порядка. Об этом мы знали. На наблюдательный пункт я взял с собой станковый пулемет и в двух-трех метрах отрыл окопы для охранения.

Мы стояли на косогоре в полусожженном доме. На пункте, кроме меня и командира разведки дивизии, находились пулеметный расчет и часть взвода управления.

Была темная ночь. Мы сидели за развалинами, разговаривали шопотом, а в это время, как потом удалось установить, 25 финских лыжников стояли полукругом в 50 метрах от нас, медленно смыкая кольцо вокруг пункта.

Трое часовых, охранявших пункт, не заметили их.

Один финский разведчик пополз вперед. Он полз, очевидно, долго, — это мы установили потом по следам. Через каждые 5—6 метров в снегу оставалась глубокая ямка. В этих местах, видимо, белофинн задерживался, прислушивался, ждал подхода своих.

Начальник разведки дивизиона первым заметил противника. Финны бросились вперед, но пулеметная очередь заставила их отойти.

Пришлось задуматься: если бы пулемет открыл огонь даже пятью секундами позже, белофинны успели бы подобраться вплотную.

В этой схватке был убит один наш товарищ. Товарища мы похоронили. Здесь же у могилы пришлось напомнить бойцам о бдительности и осторожности.

Этот случай был для нас хорошим уроком. Мы приняли дополнительные меры охранения, пустили по озеру лыжные патрули, посты усилили, выставили часовых на большем удалении от охраняемых пунктов.

* * *

Любопытно, что и после того, как фланги наших соединений и частей сошлись вплотную, все же наблюдалось, хотя и не в такой степени, просачивание мелких снайперских групп белофиннов в наши тылы. Где они могли проходить, — оставалось неизвестным до тех пор, пока мы не обнаружили под снегом норы, в которые при подходе наших частей зарывались белофинские снайперы. Они сидели там, пока наши части не продвигались вперед, а потом открывали огонь с тыла.

Хорошим приемам никогда не мешает учиться; и мы тоже попробовали «жить» под снегом. Оказалось, это не так трудно: тепло и не дует. На участке Кююреля батальон, на передовой линии которого находился мой наблюдательный пункт, пошел в наступление, но был остановлен сильным огнем. С рассветом батальон получил приказ о частичном отходе. Мне отходить было невыгодно. Не теряя времени, следовало прикрыть артиллерийским огнем отход стрелков! Мы с телефонистом закопались в снег. Наблюдательный пункт моей батареи оказался чуть ли не в тылу противника, но мы остались незамеченными и успешно провели огневой налет по наступавшим финнам.

Этот опыт заставил меня подумать о возможности укрытия в снегу довольно значительных групп. При наступлении противника иногда будет выгодно оставлять под снегом несколько групп снайперов и пулеметчиков, которые наносили бы короткие удары в тыл наступающим. Несомненно, эти группы надо максимально рассредоточивать, чтобы каждая ячейка была способна к самостоятельному бою.

* * *

Немало ценного опыта я приобрел за семь суток бессменного управления огнем батареи из артиллерийской воронки, где находился мой наблюдательный пункт.

Мы так приспособляли воронки под наблюдательные пункты: стенки подравнивали, делали в них ниши, стереотрубу приподнимали над снегом, то и дело убирая ее, чтобы снайперы не вывели ее из строя.

Наш наблюдательный пункт не был виден на местности. Но уже на второй день белофинны обнаружили нас и все шесть суток, не переставая, обстреливали артиллерийским и минометным огнем.

Как нас обнаружили? Очевидно, по работе радиостанции. Белофинны запеленгировали ее настолько точно, что их сна-

Командный пункт батареи в лесу

ряды и мины рвались в нескольких шагах от нас. Однако мерзлая земля была настолько крепка, что не обваливалась даже при близких разрывах 76-миллиметровых снарядов.

* * *

При подготовке прорыва переднего края главной оборонительной полосы противника мои артиллеристы загрустили. Подходили части тяжелой артиллерии. Что могли сделать наши 76-миллиметровые пушки против мощных железобетонных укреплений?

Но оказалось, что работы и нам хватило. Наша батарея вела огневую разведку, разрушала проволочные заграждения, уничтожала живую силу противника.

В районе Кангаспелты мы получили задачу — взаимодействовать с дивизионом орудий большой мощности. Это обрадовало нас. В борьбе с дотами противника и для нас находилось место.

Доты еще держались. Но когда открыли огонь тяжелые гаубицы и стали отскакивать стальные купола, белофинны перестали рассчитывать на прочность дотов. Если даже снаряд не пробивал железобетонной стенки дота, то удар был настолько силен, что от сотрясения воздуха у находившихся в доте лопались барабанные перепонки, текла кровь из ушей, рта и носа. Белофинны пробовали покидать укрепления. В этот момент наша батарея уничтожала их фугасными гранатами и шрапнелью. В этом и заключалось наше взаимодействие с тяжелой артиллерией.

* * *

Морально-политическое единство советского народа — огромная сила. В боях эта сила руководила нами и сказывалась во всем: в мужестве людей, в спайке, во взаимной выручке.

Однажды на наблюдательном пункте был тяжело ранен в плечо разведчик Зыков. Оставить его с нами — значило умертвить. Вынести из боя — значило умереть самому, чуть ли не с еще большей вероятностью. И вот командир отделения Пинаус сказал мне:

— Товарищ лейтенант, разрешите отлучиться.

И он взвалил на себя раненого разведчика и пошел. Как он остался цел, трудно понять. Но мало того: Пинаус вернулся вскоре обратно, в самое пекло боя.

Мой коновод красноармеец Ершов однажды, при выходе из окружения, как-то все время жался ко мне. Я долго не мог понять в чем дело, но потом повернулся, различил направление обстрела и заметил, что Ершов нарочно держится с правой стороны — со стороны огня. Он прикрывал меня своим телом.

— Бросьте это, — сказал я ему. — Ползите вперед!

— Нехорошо, — ответил он.

— Что нехорошо?

— Нехорошо, — ответил Ершов, — если батарея останется без командира.

Разрывная пуля ранила его в плечо. Эта пуля предназначалась мне. Вдвоем с одним из разведчиков мы долго тащили его по снегу. Но нам не удалось вынести с поля боя самоотверженного красноармейца. Осколок снаряда нанес Ершову еще одну, на этот раз смертельную рану. Через несколько минут он умер.

Лейтенант
Л. НУРГАЛЕЕВ

В первом боевом полете

Мы давно уже готовы к боевому вылету. Все проверено: бомбы подвешены, пулеметы заряжены. Винты на приглушенных моторах метут под самолет колючий снег. Сегодня уже 19 декабря, а вылетов из-за плохой погоды сделано совсем не много. И некоторым, в том числе и мне, еще не выпало счастья ударить по ненавистному врагу.

Но вот в избушку вошел наш комиссар Черномаз и говорит:

— Приказ на вылет получен, товарищи летчики! Наземные части ждут вашей помощи. Сейчас командир эскадрильи капитан Локотанов получает в штабе боевую задачу. Выполним же ее на отлично!

Каждому из нас захотелось сразу же броситься на аэродром. Мы дружно крикнули: «Ура товарищу Сталину!»

Через несколько минут мы уже знали задачу. Предстояло разрушить железнодорожную станцию Рист-Сеппяля.

Старт. Взвивается ракета. Капитан Локотанов подходит к каждому, чтобы дать последние указания. Он прекрасно знает всех нас, и теперь, за несколько минут до взлета, успевает поговорить с каждым, напомнить, как надо вести себя над целью, под зенитным обстрелом. Не растягиваться и не отставать! Над озером Суола-ярви эскадрилья сделает разворот.

Самолеты один за другим пошли в воздух. Моя очередь через 2—3 минуты. Я еще раз проверил приборы.

— У меня все в порядке, — говорю по телефону командиру экипажа младшему лейтенанту Леденеву.

Взлет прошел прекрасно. Скоро на высоте 3 200 метров перелетели Финский залив. Отсюда, как с высокой горы, он казался ровным снежным полем. Справа остался Ленинград, прекрасный наш город, защищать который послала нас Родина.

И вот мы уже над территорией противника. Теперь будь на-чеку! Каждую минуту может хлынуть огонь зениток, могут налететь истребители противника. Только я подумал об этом, как вдруг перед самолетом повисли дымовые шапки.

Это зенитный обстрел! Сразу вспоминаю правила поведения в этот момент. Эскадрилья начинает маневрировать: самолеты расходятся в стороны, то набирая высоту, то снижаясь, ни на миг не теряя боевого порядка. Несколько минут, и мы вырываемся из зоны обстрела без единой потери.

Показалась цель — станция. На многочисленных путях скопилось множество вагонов и платформ с военными грузами.

Бомбы сброшены. Они молниеносно летят вниз.

Опять зенитка! Мы летим вперед. Наконец, разворот. Станция видна, как на ладони. Она полыхает гигантским костром.

В эту незабываемую минуту я с невиданной еще отчетливостью осознал, до чего сильна и могуча моя Родина. Я понял, как хороши наше оружие и наши самолеты: они работают прекрасно даже в той огненной мешанине, какая была в воздухе, когда начала обстрел зенитная артиллерия.

С этого дня началась моя боевая работа. За 35 боевых вылетов я сбросил белофиннам порядочно «подарков», сыгравших также свою роль в разгроме врага.

ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВА

Молоко

Отступая, белофинны уводили с собой население, деревни сжигали, скот резали или выгоняли в лес.

В лесу около Райволы бойцы поймали пять одичавших, исхудавших коров. Голодные, с потрескавшимся выменем, животные не давали и капли молока.

— Молоко необходимо тяжело раненым, — сказал начальник госпиталя, — кто возьмется быть дояркой?

Все молчали. Мы только-что приехали из Ленинграда, где работали в госпитале. Никто из нас не умел ухаживать за коровами. Но кому-то надо было этим заняться.

Когда-то я гостила в деревне, и там мне пришлось раза два доить корову. Я вызвалась быть дояркой. Мне дали в помощь бойца и одну из приехавших женщин.

Прежде всего надо было полечить и откормить коров, потом уже ждать молока.

Мы начали приводить в порядок свою «ферму». Боец крепко держал корову за ноги, а я мыла растрескавшееся вымя теплой водой и густо смазывала вазелином. Корова мычала и косилась на нас, недоверчиво и испуганно. Каждый день я пробовала доить, но молока не было. Только на третий день в котелок брызнули первые струйки молока.

Полтора литра от пяти коров — это был первый удой. Несколько раненых — самых слабых — получили по стакану молока. Но с каждым днем молока становилось больше. Каждый день надо было принести и нагреть двадцать пять ведер воды, принести сена, собрать остатки пищи на госпитальной кухне и приготовить сытное пойло, убирать и чистить коров. Работы много, но люди были нужны, и я отказалась сначала от услуг бойца, потом и от помощницы.

Мои коровы начали давать 40—45 литров, и госпиталь был обеспечен молоком.

Но не хотела я быть только дояркой. У меня было желание работать в госпитале еще и сестрой. Я лучше распределила

свое время, старалась пораньше принести воду и сено, чтобы успеть вымыть полы в операционной и вскипятить инструменты. Тем временем врачи научили меня накладывать бинты, делать уколы.

Так и пошло: я стала работать в палатах, помогать в операционной и вместе с тем не прекращала ухода за коровами, которые все время давали прекрасный удой.

Командир взвода

Н. ГАЙДАШ

Случайное открытие

По-разному мне советовали товарищи: кто говорит — горячего чаю напейся, а шею чем-нибудь потеплей обмотай. Кто советовал прямо на полковой пункт медицинской помощи отправиться и показаться врачу. Я уже не рад был, что сказал о своей болезни. Правда, больно было глотать. Но думаю: где там к врачу ходить, когда с часу на час ожидается наступление.

Однако чувствую, горло болит все сильнее и сильнее, хотя я и решил не обращать больше на это внимания.

— А я всегда сам себя лечу в таких случаях, — говорит один из моих связистов. — Насыпаю горсть соли в стакан, крутым кипятком заварю, да этим рассолом и полощу. День-другой — и как рукой снимет!

Сидели мы в землянке, проверяли и чинили телефонные аппараты и батарейки для их питания. Было это 21 декабря, часов в двенадцать. Жарко топилась печка, в землянке тепло, а за дверью — сорокаградусный мороз!

«Попытка — не пытка,— думаю.— Может, и в самом деле от рассола все сразу пройдет».

Раздобыл я соли, набил в кружку снега и поставил поближе к огню — пусть соль растворяется. Сам аппараты осматриваю и в то же время снадобье себе приготовляю: то щепочкой помешаю, то горсточку соли подбавлю, чтобы покрепче, посолоней было.

Вода в кружке горячая стала, вот-вот закипит. А на самом дне соль — крупинка к крупинке, не растворяется больше. Значит, решаю, достаточно. Вздумал было тут же горло прополоскать, да об горячий край кружки чуть губы себе не обжег. Взял кружку и выставил за дверь — пусть минутку постынет.

Только вернулся обратно, вызывают к телефону: предлагают срочно явиться в штаб.

«Наступать будем», — подумал я. О горле и о кружке мигом позабыл.

В штабе полка получаю приказ: срочно подготовить все необходимое для связи. Скоро пойдем в наступление.

Старший лейтенант Мельников предупредил меня:

— Смотрите, товарищ Гайдаш, чтобы связь работала безотказно. Снабдите телефонистов запасными капсюлями. Мороз вон какой!

Мороз, действительно, был жестокий и, казалось, с каждой минутой крепчал.

— Есть, — отвечаю, — чтобы связь работала безотказно.

А про себя думаю: не выдержат мои водоналивные элементы, промерзнут. А сухих батарей для питания телефонных аппаратов недостаточно. Опозорюсь!

Подбегаю с этими мыслями к землянке, чтобы передать приказание связистам и останавливаюсь в удивлении: стоит перед дверью моя кружка с соляным раствором и, несмотря на такой мороз, вода не замерзла. Пока я в штаб бегал, да там был, потом назад возвращался, — минут двадцать прошло. За это время на таком морозе не только кружка, — бочка с водой замерзнет. Неужто, думаю, вода еще не остыла? Сунул палец в воду, а она до того ледяная, что палец занемел сразу.

Тут меня словно осенило.

Вбегаю в землянку и, прежде чем сообщить о приказе, во все горло кричу:

— Вода не замерзает, ребята, ура!..

Недолго думая, приказал я одному из своих связистов отправиться к походным кухням и принести соль. Жарче запылала наша печка. Мы энергично принялись топить в котелках снег, приготовлять насыщенный соляной раствор и заполнять им водоналивные элементы.

Работа шла дружно. Вскоре все необходимые средства связи были доставлены на исходное положение...

Во все время боев в районе реки Косен-йоки, при морозах, доходивших до 46 градусов, всюду, даже на льду, наша связь работала безупречно.

У телефонистов, правда, промерзали капсюли, но у каждого были еще и запасные.

А болезнь горла у меня прошла сама по себе.

Старший лейтенант

П. ЛЯШЕНКО

Домик на том берегу

Говорят, будто озера Куолема-ярви и Хатьялахден-ярви в летнюю пору выглядят особенно хорошо. Вода прозрачная, берега золотым песком усыпаны, а лес подступает к самой воде и вековые сосны, словно стражи, охраняют покой озера.

Может, они и впрямь красивы, эти озера. Только мне их красоту увидать не пришлось, потому что дело происходило зимой, мороз сковал озера льдом, а ветер намел высокие сугробы снега. Да к тому же любоваться пейзажем особенно не приходилось, — противник сидел под боком.

От озера к озеру тянулся узкий пролив, через него мост, а дальше шоссейная дорога, и вела она, как говорится, в самое вражеское пекло. Но об этом мы потом уже узнали, на утро, — после того, как ночью стрелковая рота лейтенанта Мухомедзяна и поддерживающая ее моя батарея заняли указанный нам район.

Местность незнакомая. Ночь. Противник еще не разведан, но знаем, что должен быть где-то здесь, поблизости. В таком случае лучше всего занять круговую оборону и произвести ночной поиск. Так и сделали.

В ночной поиск пошел с группой бойцов командир отделения разведки Петрушин. Это человек большой отваги. Ему лет под тридцать. Вид у него всегда суровый, будто сердится на что-то, а сам такой душевный, карие глаза из-под густых бровей светятся мягко. Петрушин повторил мое приказание и пропал в ночной темноте.

Проходит час, другой, третий — нет Петрушина.

«Пропал, — думаю, — парень».

И так мне жалко стало отличного разведчика. А Мухомедзян успокаивает:

— Как такой человек может пропасть? Он никак не может пропасть. Он обязательно придет.

Тут из секрета боец является и спрашивает:

— Есть у вас такой — Петрушин?..

А нужно сказать, моя батарея только накануне встретилась с ротой Мухомедзяна, и артиллеристы не успели еще как следует познакомиться с пехотинцами.

— Есть, — говорю, — Петрушин. Что случилось?

— А мы задержали его, с ним еще несколько человек. Подозрительными показались... Раненого несут, а откуда раненый? Как будто никто не стрелял...

Вскоре показался Петрушин со своими разведчиками. Не вытерпел я, обнял его крепко. Так рад был, что он вернулся.

Петрушин доложил, что мост через пролив взорван. У берега обнаружено минное поле, у взорванного моста нашли раненого бойца.

Рассветать стало. Время дорого — надо рекогносцировку сделать. Вышли мы с командиром роты и политруком, достигли мелкого сосняка, что на опушке леса. Каждый себе из снега бугорок сделал и залег за ним. Осторожно выглядываем, смотрим, что на другом берегу делается. А там, сквозь утреннюю дымку, видно движение. Вот двое белофиннов подошли к сожженному дому и скрылись в его развалинах. Недалеко от этого места, на берегу озера, — остатки другого сожженного дома. И возле него шевелятся: подойдут двое-трое и словно в преисподнюю провалятся, а через некоторое время выходят поодиночке.

Что, думаю, им делать у сожженных домов?

Продолжаю наблюдать: возле развалин земля тронута, видно, вскопал ее кто-то. Да никак финны оборудуют огневую точку? А развалины сожженных домов вроде как бы маскируют их!

Радостно на сердце стало, что вражескую хитрость разгадал. Ладно, думаю, ройте, кроты, свои темные норы, там и конец себе найдете.

Около трех часов наблюдали мы за врагами. Еще одну огневую точку нашли поодаль от берега, ближе к лесу. Здесь же дом деревянный стоял, и очень интересный дом оказался. Выкрашен он был в красную краску, из трубы дым вьется, на окнах занавески висят. Чем не мирная картинка! Только слышим, затарахтели вдруг из этого дома зенитные пулеметы и смолкли. Смотрим, а в небе наш самолет. Ему не видно сверху этого бандитского гнезда, сосны прикрывают. Вот вам и мирный домик! А тут к дому финны на машине подъезжают, другие — на лошадях.

Ну, мы сообразили, в чем тут дело, посоветовались и решение приняли.

Был у меня в батарее командир орудия Алексеенко, а наводчиком при этом орудии комсомолец Мячинский. Наводчик первого класса, до войны три премии за отличную стрельбу получил. Шустрый такой боец, что ни прикажешь, — все мигом сделает. Приказываю я скрытно выкатить орудие для

стрельбы прямой наводкой. Батарея в лесу надежно укрыта, а одно орудие к опушке подтянули. Здесь большая осторожность требовалась, чтобы не выдать себя противнику.

Минут сорок продвигали орудие на огневую позицию: где лопатой путь расчистишь, где потихоньку деревцо срубишь, а где на руки возьмешь орудие. Выкатили, установили. Для укрытия расчета траншейка готовая тут же оказалась — ее финны вырыли для своих надобностей, и нам она пригодилась.

Финны, пока мы занимались этим, копошились у своих нор, ничего не подозревая. А Мячинский уже приник к буссоли, довернул немного орудие. Вот щелкнул замок.

Первый снаряд высоко поднял вверх куски дерева, камни, комья земли. Он ударил прямо в огневую точку, и из-под развалин повалил густой дым. Оттуда выскочили уцелевшие финны и, не понимая, в чем дело, стали озираться. В этот момент у развалин разорвался второй снаряд, а с фланга ударил наш пулемет. Финны заметались, не зная, куда скрыться. Некоторые бросились было ко второй огневой точке, но отпрянули, словно ошпаренные: снаряды рвались уже на ней, разбрасывая в стороны камни и бревна. А слева по финнам хлестанула еще пулеметная очередь.

Но на этот раз не удалось добить вторую огневую точку. Вступили в действие минометы противника. Снег вокруг орудия Алексеенко стал черным от разрывов мин. Осколки царапают орудие. Рисковать жизнью бойцов дальше не стоит. Приказываю уйти в укрытие. Траншейка пришлась как нельзя кстати.

Мячинский сидел в траншее, глаза его горели. Он был возбужден до предела, но молчал. Молчали и другие. Так прошло несколько минут. Потом Мячинский, стряхнув с рукава кусок прилипшей земли, тихо сказал, будто ни к кому не обращаясь:

— Снаряды все. Придется подбросить пару лотков, не оставлять же так...

Он боялся, что я прикажу отвести орудие в глубь леса, и ему не удастся добить врагов.

Белофинны долго вели минометный огонь, но видя, что мы не отвечаем, решили, что все кончено, и затихли. Чтобы подбросить к орудию еще четыре лотка снарядов, потребовалось немного времени. Правда, тащили их ползком, за веревку, чтобы без шума, — враг был настороже. И вот «программа» повторяется. Первый же снаряд накрывает уцелевшую еще вторую огневую точку врага. Туда, для верности, посылается еще пара снарядов, а потом огонь переносится на красный дом.

Неудача. Орудие стоит на пригорке, и дом тоже на пригорке. Наводчик немного не рассчитал, и первый выстрел дал недолет. В тот же момент враг снова открыл минометный огонь.

Осколок мины ударил в колесо орудия. Надо опять уходить в укрытие.

— Сию минуту все будет сделано, — крикнул Мячинский.

Его слова заглушил выстрел, и на том берегу над красным домом вспыхнуло пламя.

Финны вели огонь, пока не стемнело. Когда расчет вышел из укрытия, он мог еще видеть на другом берегу замерзшего озера догоравшие остатки красного дома. Среди бесформенной черной груды обуглившихся бревен прыгали язычки пламени. Казалось, они исполняют какой-то причудливый танец. Ночью мы отвели орудие в глубь леса.

Бригинженер
И. КУСАКИН

Разведка под Хотиненом

До 16 декабря у командования нашего корпуса были неполные и отчасти разноречивые сведения о противнике под Хотиненом.

Чтобы выявить точное расположение и характер заграждений и укреплений противника, систему его огня и противотанковых препятствий, был создан разведывательный отряд из добровольцев-сапер, достаточно сильный по численности и вооружению. Известно было, что противник противодействует разведке очень активно. Поэтому для поддержки разведывательного отряда была назначена рота пехоты и дана соответствующая задача полковой артиллерии.

Старшие командиры разведывательного отряда должны были произвести тщательное наблюдение и дать возможно полные и точные данные о силах, огневых средствах и действиях противника, о характере местности и ее инженерном оборудовании. Особое значение командование придавало разведке противотанковых препятствий и системы пехотного огня противника.

В задачу отряда входило достижение заграждений, обследование их в глубину и по фронту и уточнение их флангов. Кроме того, отряд должен был попытаться проделать в заграждениях отдельные проходы, для чего, помимо оружия (винтовки, гранаты, ручные и станковые пулеметы), отряд взял с собой несколько лыжных повозок с взрывчатыми веществами.

В состав разведывательного отряда включили меня как представителя штаба корпуса. Включение это вызывалось необходимостью иметь непосредственно, лично добытые данные о противнике перед принятием командованием корпуса решения о бое.

...Едва забрезжил жидкий северный рассвет, разведывательный отряд двинулся в путь. Тишина. Только снег скрипит под ногами. Высокие сосны низко опустили свои мохнатые лапы. Близ опушки леса, против оставленной противником деревни Васси рота залегла.

Командир разведотряда капитан Гинзбург договаривается с командиром роты старшим лейтенантом Лебедевым и артилле-

рийским наблюдателем о деталях взаимодействия и затем ведет отряд краем леса к деревне Васси.

Проходит немного времени. Мы продвигаемся вперед без каких-либо препятствий. Вдруг командир отряда настораживается. Справа в лощине мелькают белые фигуры. Одна, две... пять. Это белофинские разведчики пробираются к нам в тыл, надеясь обмануть бдительность советского разведотряда.

Но не тут-то было. Тов. Гинзбург дает приказание одному из командиров захватить или уничтожить вражеских лазутчиков.

Немедленно пять сапер бросаются наперерез белофиннам. Те пытаются скрыться в лесу, но меткие пули бойцов настигают их всех. На снегу, широко раскинув ноги, лежит убитый офицер, в руке у него зажат пистолет, недалеко от него раскинулись на снегу убитые солдаты.

— Надо сократить путь, — говорит командир отряда. — День короток, впереди еще много работы.

Посоветовавшись со мной, командир принимает решение итти в деревню Васси не в обход лесом, а напрямик, по полузанесенным снегом канавам, по открытому полю. Он первым пускается в путь. За ним — остальные.

Противник не стреляет: не видит нас или готовит ловушку?! Отряд приближается к деревне. Белофинны при отступлении до тла сожгли ее, остались лишь каменные цоколи строений и печи с высокими трубами.

Саперы обыскивают развалины. Деревня пуста. Отряд продолжает двигаться вперед — по обочине дороги — на переднюю окраину деревни.

И вот впереди, метрах в ста-ста пятидесяти от нас, показались глыбы красного гранита.

Это надолбы, первая их полоса перед укрепленным узлом Хотинен...

Мы подползаем вплотную к надолбам. В моем блокноте появляются первые записи и кроки.

Тов. Гинзбург посылает дозоры по пять человек на оба фланга вражеских заграждений. Ядро нашего отряда просачивается между камнями к расположенному далее противотанковому рву.

Кругом стоит такая тишина, что слышно дыхание расположившихся вблизи товарищей.

Поступает первое донесение левофлангового дозора: гранитные надолбы упираются в болотистую низину.

— Так и знал, — замечает командир отряда. — Там болото.

Он наводит бинокль на далекий бугор впереди. За ним что-то виднеется.

Вдруг на нас обрушивается огненный шквал. Десятки мин одна за другой рвутся в расположении ядра отряда. Мины

летят из-за бугра. Но отряд не прекращает разведки. Командиры лишь плотнее прижимаются к колющему морозному снегу и под свистом пуль ползут вперед, продолжая за камнями и бугорками наносить кроки, каждый на своем участке...

Из леса налево доносятся крики на чужом языке. Белофинны пытаются обойти наш левый фланг.

Это им не удается.

Взвод пехоты, подтянувшейся за разведчиками, устремляется наперерез противнику. В лесу завязывается горячий бой. Минометы врага не прекращают огня по надолбам и по передней окраине деревни.

Справа из леса один за другим выходят пять наших разведчиков и ползут по открытому полю к центру отряда. Приблизившись, они доносят, что надолбы в лесу переходят в завалы, обстреливаемые пулеметным огнем. Огневая пулеметная точка врага оттуда ясно видна.

Обстановка осложняется. До самого леса впереди местность открытая, слева группа противника все увеличивается и настойчиво обходит наш отряд. Вскоре мы обнаруживаем, что, несмотря на стремительный натиск нашего стрелкового взвода, белофинны успели просочиться по лесу в тыл разведывательного отряда.

Надо быстро принимать решение... Но что это за люди пробираются из тыла направо по окраине леса? Вскоре узнаем,— это наш артиллерийский наблюдатель; следом за ним связисты разматывают провод. Два сапера подбегают к наблюдателю и информируют его о замеченных в расположении противника целях.

Проходят минуты, и наша батарея открывает сокрушительный огонь по врагу, и пулемет белофиннов справа умолкает...

Наши снаряды рвутся впереди — там, где отрядом замечены огневые точки противника. Разрывы переносятся еще левее, и высоко летят обломки дерева и черные тучи земли. Это наш снаряд попал в дерево-земляную огневую точку врага и уничтожил ее. Еще и еще левее рвется наша шрапнель, поражая противника, бегущего на подмогу банде, обходящей наш левый фланг.

В морозном воздухе, на левом фланге в лесу перекатывается мощное «ура» бойцов, перешедших в штыковую атаку. Белобандиты не выдерживают стремительного натиска наших людей и разбегаются по лесу, оставляя убитых и раненых.

На землю спускаются сумерки.

Задача выполнена. Потери минимальные.

Подсчитав своих и убедившись, что никого не осталось впереди, отряд возвращается на свой исходный пункт.

* * *

На следующий день, 17 декабря, двумя саперными ротами, под командой майора Ляшенко, при поддержке пехоты, артиллерии и танков была предпринята операция по устройству проходов в разведанном нами накануне заграждении.

Участники вчерашней разведки действуют и сегодня. Мы продвигаемся вперед так, как полагается людям, знакомым с дорогой и твердо уверенным в победе.

Геройски работают саперы, подталкивая на лыжах заряды к надолбам и взрывая их. Взлетают высоко осколки гранита и мерзлой земли. Ожесточенный минометный, пулеметный и артиллерийский огонь белофиннов не останавливает отважных советских сапер.

Проходит немного времени, и через полосу заграждений прорываются первые наши танки.

Горячий бой разгорается по всему фронту на подступах к Хотиненскому узлу сопротивления.

Старший лейтенант
В. ИГНАТЧЕНКО

Перехитрили врага

Моя батарея была придана в помощь стрелковому батальону, занимавшему оборону в районе деревни Пасури.

Участок был трудный. Севернее Пасури находился стык, соединявший озеро Вуокси-ярви с рекой Вуоксен-вирта, который выдавался мысом выше деревни Оравaниеми. Мыс вел к переправе-дамбе, взорванной белофиннами при отступлении. По северному берегу тянулся укрепленный район противника, шедший на восток, вдоль всей водной системы: Вуоксен-вирта — Суванто-ярви — Тайпален-йоки и до самого Ладожского озера. Укрепленный район белофиннов начинался за хутором Коверлахти.

Занимаемый нами участок Муомяки — Пасури — Ораваниеми — Лавола находился под систематическим обстрелом противника. Огонь велся с трех сторон: артиллерийский — из районов Коверлахти и Хейкканен, артиллерийский и минометный — из-за Контори, выше переправы. А у самой переправы торчала наблюдательная вышка противника. Сбить ее можно было только прямой наводкой, но открытое место возле переправы не позволяло установить там орудие.

Наш весьма важный участок надо было удерживать во что бы то ни стало. И перед моей батареей стояла задача — засекать огневые точки противника и подавлять их. В этих условиях бесперебойная связь играла решающую роль.

* * *

Мыс у переправы занимали два стрелковых отделения. Условия наблюдения здесь были прекрасны, и в этом месте я организовал передовой наблюдательный пункт. Огневая позиция находилась в лощине, юго-западнее деревни Пасури. В самой деревне помещались основной наблюдательный пункт и промежуточный узел связи. Сам я обосновался на передовом наблюдательном пункте. Этого требовала обстановка.

Белофинны ночами просачивались на наш берег из района Контори — чаще всего для совершения диверсионных актов.

Проникали они небольшими группками и раза два-три нарушали связь между моей батареей и стрелковым подразделением. Финны связь перережут, пошлешь связистов восстанавливать линию, — а на дороге засада. Очень жалко было терять людей. Следовало что-то придумать, чтобы связь работала бесперебойно, — перехитрить врага. И вот явилась такая идея. Я дал связистам задание — от передового наблюдательного пункта до промежуточного (в деревне Пасури) провести три линии связи: основную, которую я приказал закопать в снег, и две подвесные, контрольные: первую — по деревьям, вторую — по изгороди.

Ночь. Дежурный телефонист все время поддерживает связь с огневой позицией через контрольную линию. Оттуда отвечают. Проходит час, два, — все в порядке... Вдруг связист настойчивее начинает вызывать условным кодом огневую позицию, дует в трубку телефонного аппарата.

— Что там?

— Обрыв линии, товарищ командир! — докладывает он.

Белофинны перерезали подвесной провод. Они уверены в своем успехе. Возможно, они перережут и тот, что протянут вдоль изгороди. Но теперь я уже не волнуюсь, как день-два назад.

— Напрасно ждете, гадины! — мелькнуло у меня в голове.— Подохнете на морозе, а ни чорта не дождетесь!..

Отдаю приказание связисту включить основную линию. Связист включает и вызывает огневую позицию.

— Ну, как? — спрашиваю.

— В порядке, товарищ командир! Отвечают!

Так белофинны остались в дураках.

Однажды, когда они сделали попытку захватить наш мыс, третья линия связи нам здорово помогла. Не зная о ее существовании и перерезав контрольные линии, белофинны думали нас окружить и внезапно атаковать. Они начали наступление превосходящими силами. Но, включив основную линию, я быстро связался с огневой позицией, и батарея открыла огонь прямо по наседавшему на нас врагу. Снаряды рвались метрах в ста от нас, как раз по тем местам, где залегли белофинны. Они растерялись и начали в панике отходить. Их по пятам преследовал огонь батареи, которым я управлял, а вдогонку летели меткие пулеметные очереди.

Белофинны были отбиты.

Майор
В. БЕЛОУСОВ

Миномет — грозное оружие

Вот мы на месте жарких боев. Я доложил командиру о нашем прибытии и отрапортовал, что мы, минометчики, готовы приступить к своим обязанностям.

Получив от командира боевую задачу, я стал готовиться к бою и выбирать место для расположения минометов.

Вокруг тянулся хвойный лес. Влево от позиции лежало замерзшее болото, края его поросли тростником. Мы расположились в глубоком овраге, по дну которого протекал ручей.

— К бою! — скомандовал я.

И сразу вокруг все ожило, все пришло в движение. Наши расчеты проворно стали снимать минометы с повозок и подносить их к району огневых позиций. Метрах в пятнадцати позади располагали буссоли, стереотрубы. Кто выгружал плиту, кто снимал ящики с боеприпасами. Минометы установили «веером», навели на цель. Бойцы быстро копали блиндажи, погребки для боеприпасов, укрепляли их деревом, маскировали. Связисты тянули провод, обеспечивая огневые позиции двойной двухпроводной связью с передовым наблюдательным пунктом. Выслали разведку.

Я в бинокль осмотрел место обстрела. Перед нами тянулось снежное поле, такое белое и чистое, точно его только-что выстирали. На этом блистающем покрове не видно ни пятнышка. Куда стрелять?

Все походило на «экзамен». Когда разведка уточнила данные о противнике, вокруг меня для наблюдения за боем собрались командиры. Обращаясь к ним, я сказал:

— Ну, сейчас я вам дам концерт своего оркестра.

И, повернувшись к минометам, подал команду:

— По окопам противника, мина осколочная, заряд третий, буссоль 5-70, прицел 3-20. Первому один снаряд — огонь!

Началась пристрелка.

После 8—12 выстрелов мины стали попадать прямо в цель. Из нащупанного укрытия противника полетела щепа, тряпье,

солдатские каски. Такого действия минометов не ожидали даже те бойцы и командиры, которые и раньше с уважением относились к этому виду оружия.

Белое поле покрылось глыбами вывороченной земли, почернело. Наши мины ложились рядом, одна за другой, — это был высший класс артиллерийского дела. И таким сильным было первое впечатление от меткой стрельбы наших минометов, что красноармейцы и командиры стали аплодировать!

Белофинны отвечали нам огнем. У них на вооружении было много минометов. Мины их ложились по откосам нашего оврага, не достигая минометов. Пострадал один только наблюдательный пункт, расположенный ближе к позиции и не имевший перекрытия.

Метким и мощным огнем минометов мы подавили лисьи норы, окопы и траншеи врага, порвали колючую проволоку.

— Путь расчищен, — сказал я.

Командир уже отдавал приказ.

Пехота продвинулась вперед...

Командиры и бойцы наглядно убедились в колоссальной эффективности действий минометов и в точности, с которой мы выпускали мины по намеченным объектам. Командиры подходили к минометчикам, жали им руки, благодарили за помощь, а один командир сказал мне:

— Вы действительно со своим оркестром устроили нам замечательный концерт. И особенно хорошо его почувствовали белофинны...

Минометы служили грозным оружием ближнего боя в руках наших славных бойцов.

Капитан

А. ГОНЧАРОВ

Огневой мешок

Невдалеке от селения Ойнала пролегал передний край обороны противника. Разведка нашего полка приблизилась к селению, а затем вклинилась в стык обороны белофиннов. Увлеченная успехом своих действий, разведывательная рота проникла в лес на 400 метров восточнее Ойналы.

Белофинны понимали, что если разведке удастся пройти по восточной окраине Ойналы, то вся их система обороны — не только переднего края, но и глубины — будет обнаружена, расшифрована, а огневые точки немедленно засечены.

Наша разведка действовала настолько успешно, что заставила белофинский авангард отойти в лес на 500 метров северо-восточнее Ойналы. Отход вынудил противника обнажить свой левый фланг.

Финское командование спешно подтянуло резерв из деревни Кююреля, который сразу же был брошен в контратаку против нашей роты. Резерв финнов — батальон отборных войск — действовал весьма решительно. Но замысел контратакующей группы мы разгадали без труда. Финны хотели отрезать путь отхода нашей разведке, окружить ее и уничтожить.

В числе разведчиков нами были впервые посланы представители от артиллерии. В их задачу входила не только разведка противника, но и организация связи с наблюдательным пунктом командира группы.

И вот в воздух взвилась черная ракета. Это был условный знак. На наблюдательном пункте командира группы сигнал, показывающий опасность, был принят.

Расстояние от наблюдательного пункта до рубежа накапливания белофиннов было не более 2 километров. Я решил подготовить огонь всей артиллерийской группы с таким расчетом, чтобы не только задержать контратаку противника, но и отрезать ему путь отхода.

Порядок ведения артиллерийского огня пришлось немного перестроить. Нужно было иметь подготовленные данные по

всем рубежам вероятного наступления и отступления белофиннов. Вместе с командирами батарей я уточнил на местности план действий.

Установили тщательное наблюдение за противником. План был понятен каждому: подпустить белофиннов поближе к нашей пехоте (но в пределах безопасности для наших разведчиков, чтобы они не пострадали от разрывов снарядов) и уничтожить их в огневом мешке.

Разбитый артиллерией наблюдательный пункт белофиннов

Белофинны перешли в контратаку двумя группами. Главный удар, как мы и предполагали, они направили на юго-восточную окраину Ойналы, чтобы отрезать путь отхода нашей разведке.

Наступили решающие минуты. За финнами следили прильнувшие к биноклям десятки глаз. На всех наблюдательных пунктах — тишина. Насторожились разведчики, готовые каждую минуту сигнализировать...

Медленно движутся враги. Вот они уже совсем близко от того смертельного рубежа, который мы для них подготовили. Командиры следят за работой наводчиков. Момент ответственный. Малейшая неточность в наводке может стоить жизни нашим разведчикам.

Все ближе подходят финны к расположению разведки. И когда между ними и нашей пехотой осталось 300—350 метров, я скомандовал:

— Огонь!

30 секунд спустя вижу, как в окулярах бинокля вырастают грибообразные столбы разрывов...

Снаряды ложатся с математической точностью: именно там, где нужно. Частокол разрывов неприступной стеной преграждает путь финскому батальону. Враги пытаются прорваться через эту стену огня вперед, понимая, что чем ближе они подойдут к нашей пехоте, тем слабее будет артиллерийский огонь. Но этого им сделать не удается. Четкость и быстрота действий огневых расчетов, безупречная работа связи, отличная служба наблюдения обеспечивают своевременную корректировку огня.

Особенно хорошо работают орудийные расчеты 2-й и 6-й батарей. Вот орудие Хамбалеева. Вражеская пуля выводит из строя наводчика, но огонь ни на минуту не прекращается. На место выбывшего бойца становится сам командир орудия.

Поворачиваю бинокль в сторону белофиннов. Мощная огневая завеса окончательно преградила им дорогу. Растерянные, обезумевшие от страха, они пытаются скрыться в разных направлениях. Но нами все рассчитано. И снаряды один за другим настигают врагов.

Теперь нужно решить вторую половину задачи: отрезать белофиннам путь к отступлению. Открывают огонь батареи, подготовленные к стрельбе по рубежам отступления. Теперь белофинны уже в настоящем «огневом мешке». Они несут огромные потери.

В воздух летят пулеметы, винтовки и трупы врагов в развевающихся белых халатах.

Через несколько минут я вижу, что основная часть контратакующей группы уже уничтожена. Задуманный план осуществлен. Нужно добить уцелевшую горстку белофиннов, пытающихся прорваться к лесу.

Благодаря заранее подготовленным данным наша артиллерия имеет возможность поражать даже мелкие группки белофиннов. Снаряды немедленно ложатся там, где появляются враги. Огневое преследование ведется методично и беспощадно.

От контратакующей группы не осталось ничего. Наша разведка спокойно вернулась в расположение своих частей.

Политрук
Г. РАДЬКОВ

В тылу противника

Отдельному разведывательному батальону 17 декабря была поставлена задача — прорваться в тыл противника с правого фланга нашей стрелковой дивизии.

Уже несколько дней правофланговый стрелковый полк без успеха атаковал в лоб укрепленные позиции противника, расположенные в узком дефиле между двумя озерами. Прорыв отдельного разведывательного батальона и приданного ему 1-го батальона под командой капитана Тураева преследовал цель: зайти в тыл противнику, оборонявшему дефиле. В случае успеха немедленно обеспечивалось продвижение полка вперед.

Задача была нелегкой. Единственным путем, где мог быть совершен прорыв, являлась дорога, которая пересекала сильные позиции противника, расположенные по берегу реки Безымянной, и вела далее, через селения Колккала и Ютиккала, на станцию Пуннус. Никакое обходное движение не было возможно. Как раз в месте пересечения неприятельских позиций, по речке Безымянной, дорога почти вплотную прижималась к правому берегу озера, по другую сторону которого и находилось дефиле. Правее же, метрах в четырехстах, параллельно проходила железная дорога, также пересекавшая речку Безымянную. Около станции Пуннус обе дороги сближались. Получался замкнутый треугольник, ограниченный в основании речкой, с расположенными на ней сильными позициями неприятеля, а с боков — проселочной и железной дорогами, находившимися (после того как они пересекали речку) в руках неприятеля. Вся территория до речки Безымянной была в наших руках.

Следовательно, наша задача состояла в том, чтобы, двигаясь по проселочной дороге, захватить переправу через речку Безымянную и, продвигаясь по дороге дальше, через селения Колккала и Ютиккала, выйти к станции Пуннус и отсюда угрожать с тыла белофиннам, защищавшим междуозерное дефиле.

Повторяю, это был единственный путь для прорыва, других не было.

Он был очень труден. И труден не только потому, что позиции белофиннов, защищавшие переправу через речку, были сильно укреплены (проволочные заграждения, ряды окопов, для огневых точек были использованы каменные фундаменты сожженных домов), но и в силу сочетания природных условий.

Дело в том, что перед речкой Безымянной дорога проходила по высокому гребню и, подходя к переправе, круто спускалась вниз, а затем, по ту сторону речки, опять круто поднималась. Таким образом, высшая точка гребня подвергалась идеальному обстрелу со стороны белофиннов. Один пулемет мог бы скосить целые полки пехоты, если бы они вздумали проходить высшую точку гребня под обстрелом неприятеля. Между тем эту точку нельзя было миновать, нельзя было обойти, так как узкая дорога на гребне обрывалась по обе стороны крутыми и глубокими оврагами, не доступными даже для пешехода. В довершение всего белофинны ухитрились заблаговременно вырыть в наиболее узком месте дороги три огромные ямы, сделавшие ее непроходимой для танков.

Вот обстановка, в которой мы приступили к выполнению боевой задачи.

* * *

Утром 17 декабря, поднявшись к высшей точке гребня, танки начали артиллерийскую дуэль с противником. Одновременно, под прикрытием танков, мы стали закапывать ямы.

Ямы удалось закопать быстро. Но на этом и застряли.

17-го, 18-го и часть дня 19 декабря продолжалась артиллерийская дуэль. Я должен отметить превосходную точность танковых орудий. Так, например, утром 17 декабря дуэль началась с того, что первым же выстрелом была сбита вышка на командном пункте белофиннов. На другой день в расположении белофиннов показалась повозка — ее тоже сбили с первого выстрела.

Тем не менее продвижение батальона Тураева к переправе через Безымянную было попрежнему невозможно. Мы продолжали топтаться на месте.

Днем 19 декабря в расположении белофиннов неожиданно вспыхнула красная ракета. Мы не могли понять ее значения. Вдруг белофинны на наших глазах стали покидать окопы и отходить.

Немедленно 1-й батальон двинулся к переправе и захватил ее. Развивая успех, мы в тот же день заняли селения Колккала и Ютиккала и к вечеру были уже севернее Ютиккала, на выходе к станции Пуннус, т. е. достигли того рубежа, откуда

могли реально угрожать тылу белофиннов, сдерживавших стрелковый полк в междуозерном дефиле.

Для меня до сих пор не решен вопрос: почему белофинны покинули позиции по речке Безымянной? Действительно ли они не выдержали огня танковой артиллерии или же думали заманить нас в глубину замкнутого треугольника, а потом неожиданным ударом со стороны железной дороги вновь захватить позиции по речке Безымянной и, взяв нас в кольцо, уничтожить. Я скорее склоняюсь к последнему предположению, потому что, как выяснилось впоследствии, белофинны оставили в районе покинутых позиций по Безымянной скрытого наблюдателя-телефониста.

Но почти столь же вероятно и предположение, что белофинны действительно не выдержали артиллерийского огня танков и отступили, так сказать, всерьез. В этом случае только наша серьезная ошибка была причиной того, что у белофиннов родилась мысль отрезать нас, пробравшись вдоль речки Безымянной. Ошибка наша состояла в следующем. Продвинувшись очень быстро, в течение половины зимнего дня, от переправы через Безымянную до рубежей, выводящих к станции Пуннус, мы, увлеченные успехом, оставили без защиты самую переправу. Это было совершенно непростительно, тем более, что правая сторона треугольника, т. е. железная дорога, оставалась в руках неприятеля от самой Безымянной до станции Пуннус и далее к северу.

В сущности, мы освободили противника от необходимости захватывать вновь переправу через Безымянную силой оружия, попросту подарили ее противнику, тем самым беспечно оставляя себя в кольце.

Но о последствиях ошибки — потом.

Выйдя на рубеж севернее Ютиккала на выходе к станции Пуннус, мы здесь заняли оборону и расположились на ночлег. В центре обороны была пехота, а на флангах поставили бронемашины, тщательно их замаскировав.

Южнее, в самом селении расположился штаб. Для охраны штаба были оставлены моя машина и кавалерийский эскадрон.

А еще южнее — самая переправа через речку Безымянную, повторяю, была оставлена без всякой охраны.

На ночь мы выслали разведку в направлении станции Пуннус.

* * *

Разведка вернулась перед рассветом. Из 18 человек возвратилось трое. Остальные были убиты.

Вот что сообщили вернувшиеся.

Белофинны за ночь успели вызвать бронепоезд со значитель-

ным пехотным десантом. Часть десанта должна высадиться у речки Безымянной и занять прежние позиции, отрезав нас от переправы. Другая, меньшая часть десанта высаживается в районе платформы Корпиоя (если речку Безымянную принять за основание треугольника, в котором мы находились, то платформа Корпиоя расположена на правой стороне этого треугольника, как раз напротив селения Ютиккала) и наносит удар по нашему штабу. Атака основных белофинских сил будет, очевидно, направлена на нашу пехоту, занявшую рубеж севернее, на выходе к Пуннус. Что же касается бронепоезда, то он может курсировать по линии, обеспечивая задачу своих пехотных сил.

Перед отправкой в боевую разведку

План, надо сказать, был неплох.

Рассвет уже наступал, когда разведчики доложили обо всем этом командиру разведывательного батальона Филиппову. Комбинированный удар белофиннов мог начаться каждую минуту. Медлить было нельзя.

Как уже было сказано, я находился со своей машиной в селении Ютиккала. В данную минуту это была единственная машина в распоряжении командира батальона, да и она нужна была для охраны штаба, которому угрожало нападение белофиннов.

Но командир не колебался ни секунды:

— Товарищ Радьков, — обратился он ко мне, — как можно быстрее выскочите на своей машине к переправе и не давайте противнику занять ее.

— Есть как можно быстрее выскочить к переправе и не давать противнику занять ее! — отвечал я.

Мороз доходил до 45—46 градусов. Но мотор, конечно, был прогрет. Я дал полный ход и уже через 10 минут приблизился к переправе.

«Успел или не успел противник занять ее?» — думал я.

Рассвет еще только начинался. Я сбавил ход, зорко вглядываясь в предрассветный сумрак. Как будто все спокойно.

Вот и развалины командного пункта... Да, белофиннов еще нет... Я с облегчением вздохнул. Переправа в наших руках, вернее... в моих. Ну, что ж, постараюсь, чтобы противник не занял ее...

Я внимательно оглядел местность, выбирая удобную позицию.

Нашел превосходную позицию: в лощине, между разрушенным командным пунктом и белофинскими окопами. Танк, выкрашенный в белый цвет, здесь отлично маскировался. Обстрел обоих направлений, откуда могли появиться белофинны, был великолепный.

Когда занял оборону, посмотрел на часы. Прошло восемь минут с того момента, как я подъехал к переправе.

Буквально не прошло и двух минут, как вдруг я увидел выходившую из леса группу людей. Их было человек пятнадцать, все в белых халатах. Они направлялись к разрушенному командному пункту, т. е. прямо к моей машине.

Здесь надо предупредить, что мы еще не знали о гибели 15 разведчиков. Трое вернувшихся сообщили, что они просто разошлись с товарищами. Только позднее мы нашли их тела.

И вот мне вдруг показалось, что идут свои, идет потерявшаяся разведка. Обрадованный неожиданной помощью, я высунулся из люка и закричал:

— Не открывайте огня! Здесь свои. Скорей сюда!

Однако эффект от моего гостеприимного приглашения получился странный. Люди в белых халатах стремглав бросились к окопам. А один из них стал устанавливать ручной пулемет на подвернувшейся изгороди.

Я мигом захлопнул люк, бросился к пулемету и открыл огонь по белофиннам, бежавшим к окопам. Но было уже поздно: они успели скрыться в окопе.

— Зарядить осколочный снаряд, — скомандовал я башенному стрелку.

— Есть зарядить осколочный снаряд!

Выстрел. Снаряд дал перелет на 2 метра.

Второй выстрел был точен — прямо по окопу.

Белофинны разом выскочили и бросились в лес. Но на этот раз я был наготове у пулемета и огонь открыл своевременно. Половина бежавших осталась лежать на снегу, другие успели скрыться в лесу.

Еще когда я вел стрельбу по бежавшим белофиннам, пулеметчик-радист и механик-водитель доложили:

— С правой стороны колонна в халатах направляется по берегу к окопам.

Ящики с минами, брошенные белофиннами при отступлении

Я взглянул. На расстоянии метров семисот, в направлении от железной дороги, колонна в белых халатах двигалась по берегу реки с очевидным намерением захватить переправу.

Поскольку я еще был занят своей группой белофиннов, я приказал пулеметчику-радисту вести по ним огонь из лобового пулемета, чтобы они не заняли окопы.

Когда же я освободился, то увидел, что белофинны изо всех сил бегут к окопам. Было ясно видно, что они несут большие потери от нашего огня. И все же они продолжали движение. Часть колонны, — примерно человек шестьдесят, — успела добежать до окопов и занять их.

Я приказал открыть по ним огонь из орудия.

...Между тем белофинны одновременно, правда, незначительными силами, произвели нападение на штаб батальона. Остав-

шийся для охраны штаба кавалерийский эскадрон легко их отбил. Это дало возможность тов. Филиппову направить кавалерийский эскадрон ко мне на помощь.

При появлении эскадрона белофинны по одному стали выскакивать из окопов и удирать в направлении платформы Корпиоя, где стоял их бронепоезд. Наш пулемет работал, не переставая. Отступление обошлось противнику дорого. В окопах мы захватили большое количество оружия, в том числе несколько новейших английских пулеметов.

Теперь, когда переправа была прочно занята, штабные машины получили возможность отхода за переправу. Но едва они стали подходить к речке, как бронепоезд, находившийся за лесом на расстоянии 3—4 километров, открыл сильный и очень точный артиллерийский огонь (огнем, несомненно, управлял скрытый наблюдатель-телефонист). К счастью, вблизи реки, между дорогой и озером, находился крутой обрыв. Машины осторожно сползли туда и таким образом надежно укрылись от огня. Только благодаря этому обстоятельству у нас почти не оказалось потерь: легко была подбита лишь одна машина и ранен один боец. Через полчаса бронепоезд прекратил огонь.

На передовом рубеже, где был расположен батальон капитана Тураева, имевший на флангах нашу механизированную роту, в это время происходило следующее.

Белофинны сосредоточили здесь вдвое превосходящие силы (свыше двух батальонов) и, уверенные в успехе, со штыками наперевес, ринулись в атаку. Несмотря на тщательную разведку, они, однако, не знали, что на флангах батальона замаскирована механизированная рота. Когда они приблизились на достаточное расстояние, пулеметный огонь этой роты с обоих флангов резко охладил их наступательный порыв. Но дело все же дошло до штыкового боя. Впрочем, белофинны — не мастера штыкового боя. Первая атака была отбита.

Противник на этом не успокоился и возобновил атаки. Особенно яростно он обрушился на 3-ю роту. Одно время 2-я и 3-я роты даже вынуждены были несколько отступить с тем, чтобы, перегруппировавшись, снова нанести удар. Потеснив 2-ю и 3-ю роты, противник быстро перебросил основные силы в расположение 1-й. Вот уже 1-я рота очутилась почти в окружении. Отдельные, наименее устойчивые бойцы начинают отступать.

Видя это положение, младший командир Черных поднимает свое отделение для штыкового удара. С криком «ура!» он бросается в атаку. Черных собственноручно распарывает живот белофинскому офицеру. Пробежав еще несколько шагов, Черных падает, сраженный пулей.

Но отважный бросок отделения Черных уже превратился в неудержимый штыковой удар всего батальона. Смерть Черных

еще больше разгорячила бойцов. Белофинны не выдерживают. Отступление их переходит в паническое бегство.

Бронепоезд же, после неудачи всей операции, стал отходить к станции Пуннус. Но тут, весьма своевременно, появился в воздухе наш бомбардировщик и разбомбил этот бронепоезд, который через короткое время был нами захвачен.

Так закончилась эта интересная операция с заходом в тыл противнику. Здесь было осуществлено взаимодействие почти всех родов оружия: пехоты, кавалерии, мото-мехчастей, самолета.

Командование армии высоко оценило операцию. К наградам были представлены 22 участника боя, — все они награждены.

Капитан

В. КОРЕНСКИЙ

Высота „Знаменитая"

Перед батальоном тов. Угрюмова стояла задача — занять высоту Безымянную, которая была важнейшим звеном узла сопротивления Кархулы.

От противника батальон отделяло большое болото, через которое протекала речка. С опушки леса, примыкавшего к болоту, высота Безымянная, господствовавшая над окружающей местностью, хорошо просматривалась. Она была покрыта лесом, опоясана двумя рядами колючей проволоки в пять кольев, в четыре ряда громоздились надолбы. Имелись сведения, что на высоте расположены дерево-земляные укрепления.

Времени до начала наступления оставалось немного. Надо было использовать его, чтобы получше разведать огневую систему противника. Наши разведчики проникли по болоту к речке и по нескольку часов вели наблюдение.

Условия для наблюдения были плохие. Финны запрудили речку, и она, выйдя из берегов, затопила болото. Заболоченную местность тонким слоем покрыл снег, а под ним была еще не успевшая замерзнуть вода. Часами лежали разведчики в воде. Возвращались они промокшие, продрогшие, но каждый раз приносили ценные сведения о противнике. Один докладывал, что заметил в лесу костер, другой сообщал о движении отдельных групп противника, третий обратил внимание на то, что в одном месте на стволы сосен изредка падает красноватый свет. Усилили наблюдение за этим местом и определили, что свет падает через открывающиеся двери дзота.

Из мелких деталей, из отрывочных сообщений складывалась цельная картина расположения противника и его огневых точек. Она дополнялась и личным наблюдением командира батальона. Его наблюдательный пункт находился на скатах небольшой высотки. Разрыв авиабомбы вырыл здесь большую воронку. Ее расширили, сделали накат из бревен, установили стереотрубу, протянули связь.

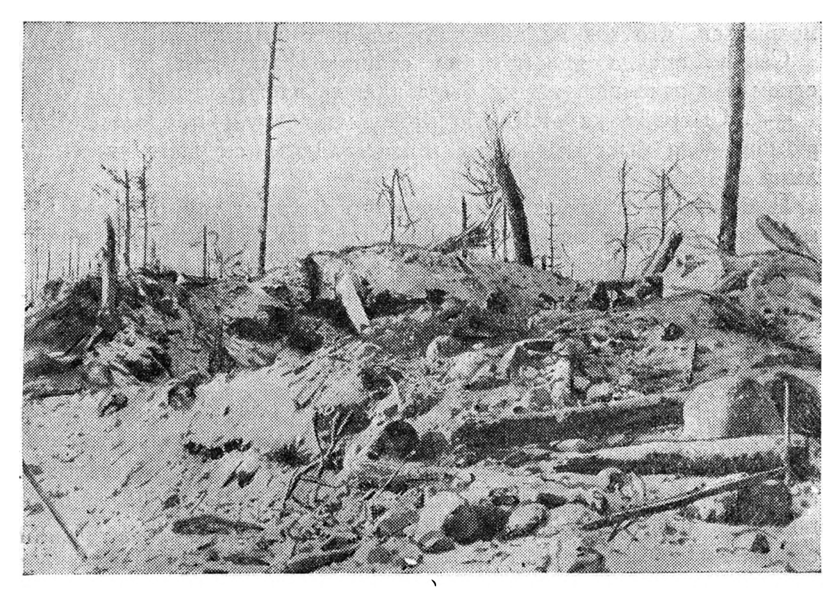
Отсюда в бинокль иногда можно было наблюдать, как между деревьями шныряют финские секреты. Вот за толстой сосной

прячутся две фигуры в белых халатах, к сосне прибиты планки, а повыше, в кроне, устроена деревянная площадка. Это финский наблюдательный пункт.

— Товарищ Угрюмов, а белофинны-то наблюдают за нами, — говорю я Угрюмову.

Не отрываясь от бинокля, глядя на верхушку сосны, в которой прячется наблюдатель, — Угрюмов отвечает:

— Пускай посидит до утра, мы ему весточку пришлем.

Высота Безымянная после боя

Утром в самом начале артиллерийской подготовки над толстой сосной вспыхнуло желтоватое облачко. Ударил град шрапнели, ломая ветви, что-то рухнуло на землю. Длинный белый лоскут, зацепившийся за сук, долго еще болтался на ветру, напоминая об уничтоженном белофинском наблюдателе.

Еще с ночи ударил мороз. Намокшие шинели замерзли, полы торчат во все стороны.

Мой дивизион вел артиллерийскую подготовку, «обрабатывая» укрепления и траншеи противника. На высоте Безымянной бушевал огненный ураган. Снаряды ложились в районе расположения вражеских огневых точек. Огонь ослепил белофиннов, они не могли вести прицельной стрельбы. А наши роты уже двинулись вперед. Бойцы ползли по снегу, совершали короткие перебежки, снова ползли, разгребая одной рукой снег, а другой осторожно вынося вперед винтовку.

4-я рота, действующая на левом фланге, преодолев речку, стала втягиваться в лес, а 5-я рота и наступающая за ней уступом 6-я вышли на правом фланге к березовой роще.

Дивизион уже перенес огонь в глубину вражеской обороны.

— Товарищ Коренский, — окликает меня Угрюмов, — глядите, сарайчик-то ожил...

Сарайчик находился у березовой рощи на равном расстоянии от нас и от противника. Полуразваленный, с покосившейся крышей, он имел вид давно заброшенной постройки и так примелькался, что мы не обращали на него внимания.

Сейчас оттуда яростно бил станковый пулемет, и под его огнем 5-я рота вынуждена была залечь, зарыться в снег.

— ...Сыграйте-ка отходную этому мерзавцу,— продолжал Угрюмов, — да быстрее, не то мои молодцы скучают, в снегу лежа...

Я бросился к телефону. Командир батареи тов. Карпач немедленно перенес огонь по сарайчику. После третьей очереди снаряд разнес вражеское гнездо, сарайчик загорелся. Бойцы 5-й роты, проползая мимо тлеющих обломков, видели исковерканный пулемет, перевернутую и разбитую лодку с нерасстрелянными пулеметными лентами. Тут же валялись трупы двух вражеских пулеметчиков.

Когда роты достигли надолб, а смельчаки уже подползли к проволоке и стали прорезать проходы, открыли бешеный огонь два новых дзота. Они находились на высоте в глубине леса и не обнаруживали себя до последнего момента. Огонь не позволял нашим бойцам поднять головы. Наблюдатели по вспышкам засекли эти огневые точки. По дзоту, что был перед фронтом 4-й роты, открыла огонь батарея Карпача, а по тому, что на стыке 4-й и 5-й рот, — две другие батареи.

Через наши головы с визгом полетели снаряды.

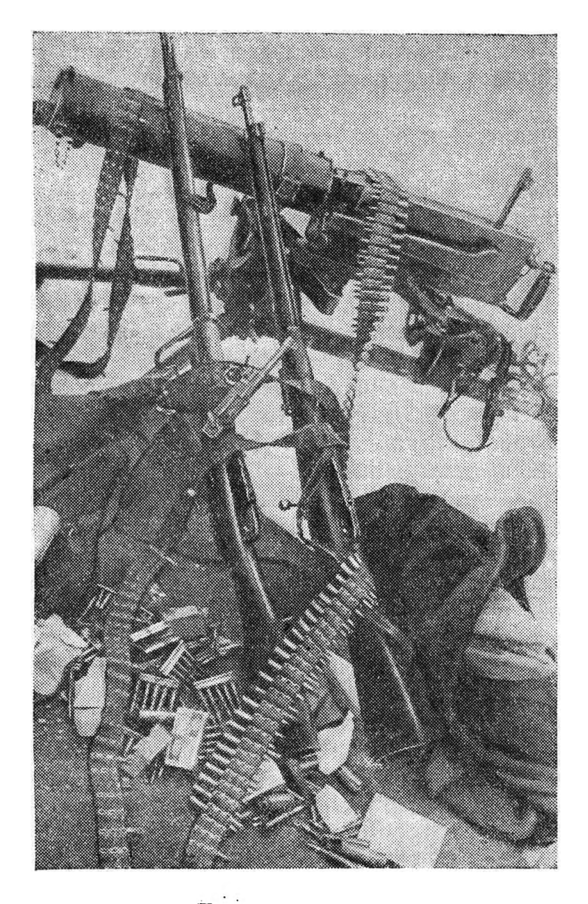
...Наблюдательный пункт уже вынесен за речку, к отдельной сосне с бугорком. От артиллерийских залпов дрожит земля, с сосны осыпается иней. Сосредоточенный огонь батарей заставляет огневые точки противника умолкнуть.

Роты уже прорезали проволоку, и до нас доносится «ура». Сначала приглушенно, потом все громче и громче несется победный клич. Чувствуешь прилив новых сил, когда слышится радостное «ура» уже с высоты, из глубины леса. Бойцы штыком и гранатой уничтожают врага во всех щелях.

Бой закончен к исходу дня. Высота Безымянная полностью очищена от противника. Пьяный офицер, прислонившийся к стенке траншеи, бессмысленно выпучив водянистые глаза, еще пытается разрядить в красноармейца свой пистолет, но валится, оглушенный крепким ударом приклада.

— Умри, гадина!

В траншеях в беспорядке разбросаны бутылки из-под вина, оружие, боеприпасы. Полторы роты белофиннов похоронены под развалинами дерево-земляных укреплений и в траншеях на высоте Безымянной.

Трофейное оружие

...Уже давно стемнело. Батальон Угрюмова, захватив высоту, оказался далеко впереди своих соседей. Их наступление на правом и левом флангах задержалось. Выяснив обстановку, Угрюмов решил занять круговую оборону. До глубокой ночи он отдавал распоряжения, обходил позиции своих рот, осматривал захваченные трофеи.

До рассвета оставалось часа три. Можно было вздремнуть. Мы примостились в одном дзоте на площадке, где раньше стоял пулемет, амбразуру закрыли соломой, легли рядом и даже укрылись одеялом, брошенным финскими вояками.

На фронте, известно, какой сон. Смежишь глаза, и перед тобой проплывают картины только-что отгремевшего боя, грезится, будто это уже новый бой и ты решаешь новые задачи. Откроешь глаза, прислушаешься и снова впадаешь в забытье.

Едва рассвело, нас разбудил командир батареи тов. Ляшенко.

— Белофинны, — говорит, — прорвались и скапливаются в березовой роще.

Враг, выходит, у нас в тылу. Вытащили солому из амбразуры, глядим. Верно, — большая группа белофиннов мелькает в роще. Пулеметы — на лодочках, в руках — автоматы. Значит, ночью они проникли сюда, а теперь готовятся двинуться на высоту.

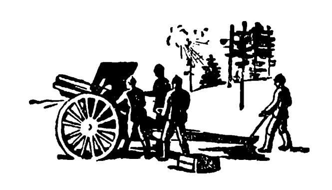
Времени терять нельзя. Надо накрыть врага в роще, не подпустить к Безымянной.

Связь! Есть ли связь с батареями? Вызываю первую, вторую — все в порядке. Батареи готовы к открытию огня. Нас отделяет от врага каких-нибудь 150—200 метров. Но твердо верю в своих артиллеристов.

Батареи ударили разом. Белые халаты заметались по роще, кинулись к опушке. Но по опушке хлестнули пулеметы.

Новые вихри железа и огня налетали на рощу, выметая оттуда начисто белофинскую нечисть. Через 30 минут все было кончено. Враг нашел себе могилу в березовой роще. Вся группа белофиннов была уничтожена.

Высоту Безымянную прочно держал в своих руках батальон Угрюмова. В боях за эту высоту батальон взял семь станковых и тринадцать ручных пулеметов, несколько сот винтовок и автоматов, много патронов. Финны потеряли около батальона. Вот почему бойцы, шутя, называли потом эту высоту не Безымянной, а Знаменитой.

Н. ЖУРАВЛЕВ

Подготовка самолетов к боевым вылетам

В лучах зимнего солнца над заснеженным аэродромом проносятся самолеты. Люди в синих молескинках на меху с восхищением смотрят на небо.

— Мои топают! — радостно кричит один из них. — Давай, давай, орлы, приземляйся!

— А как узнал? — с любопытством спрашивает Козлов, молодой парень с обветренным лицом.

— По штурману. Он у нас маленький, только голова и торчит...

Жмурясь от яркого солнца, Козлов всматривается в даль. Неожиданно он начинает энергично махать руками.

— Косякинцы идут! Мои!

— А ты как узнал?

— Я-то? По походке... — шутит Козлов. — Командира Косякина из сотни узнаешь! У него свой стиль полета. А вот рядом с ним — это не иначе Горшков...

Люди в синих молескинках — инженеры, техники, механики, мотористы, — те, которые, работая на земле, готовят летчикам победу в воздухе.

Когда летчик отдыхает, хозяином машины становится техник. Техник осматривает и проверяет каждую деталь, каждую заклепку. Вот он, заканчивая осмотр, взобрался на гладкое полированное крыло самолета. Привычным глазом осматривает поверхность, — все в порядке. Теперь нужно проверить мотор. К утру машина должна быть готова к боевому вылету. Летчик может отдыхать спокойно. Материальная часть, подготовленная руками его боевых помощников — инженеров, техников, механиков, — никогда не подведет!

В дождь и снегопад, в пургу и мороз, нередко по нескольку суток без сна, готовили техники боевые машины к вылетам, опрокидывая все представления о нормах и сроках.

Техники звена тов. Воробьева восстановили машину за 14 часов ночной работы при 50-градусном морозе, тогда как по всем данным на восстановление ее требовалось не менее трех суток.

Однажды машина летчика Дуюнова, попав в зону сильного зенитного огня неприятеля, была серьезно повреждена. Считали, что восстановить ее удастся лишь дней за восемь, за десять. Каково же было радостное изумление летчика, когда на другой же день рано утром техник Царев доложил ему:

— Машина в порядке, можете лететь спокойно!

Дуюнов несколько раз пошуровал рулями, включил моторы. Потом посмотрел на приборы. Механизмы работали, как часы. Выключив моторы и спустившись на землю Дуюнов схватил Царева и, обняв его, крепко расцеловал.

— Как это получилось? За одну ночь! Ведь это почти немыслимо!..

Оказалось, Царев привлек к ремонту всех незанятых техников, механиков и мотористов из других подразделений.

— Как можно допустить, чтобы машина была в простое? Десять суток на ремонт, разве это мыслимо? Да за это время вы двадцать раз слетаете и сто вражеских укреплений на воздух поднимете! — горячился техник.

Как-то на одном самолете надо было срочно заменить мотор. Надвигалась ночь. Дул холодный и резкий ветер. Мороз сковывал пальцы, ветер сбивал с ног. Под открытым небом целую ночь работал инженер Чернов с техническим экипажем самолета, и к утру машина вышла на боевое задание.

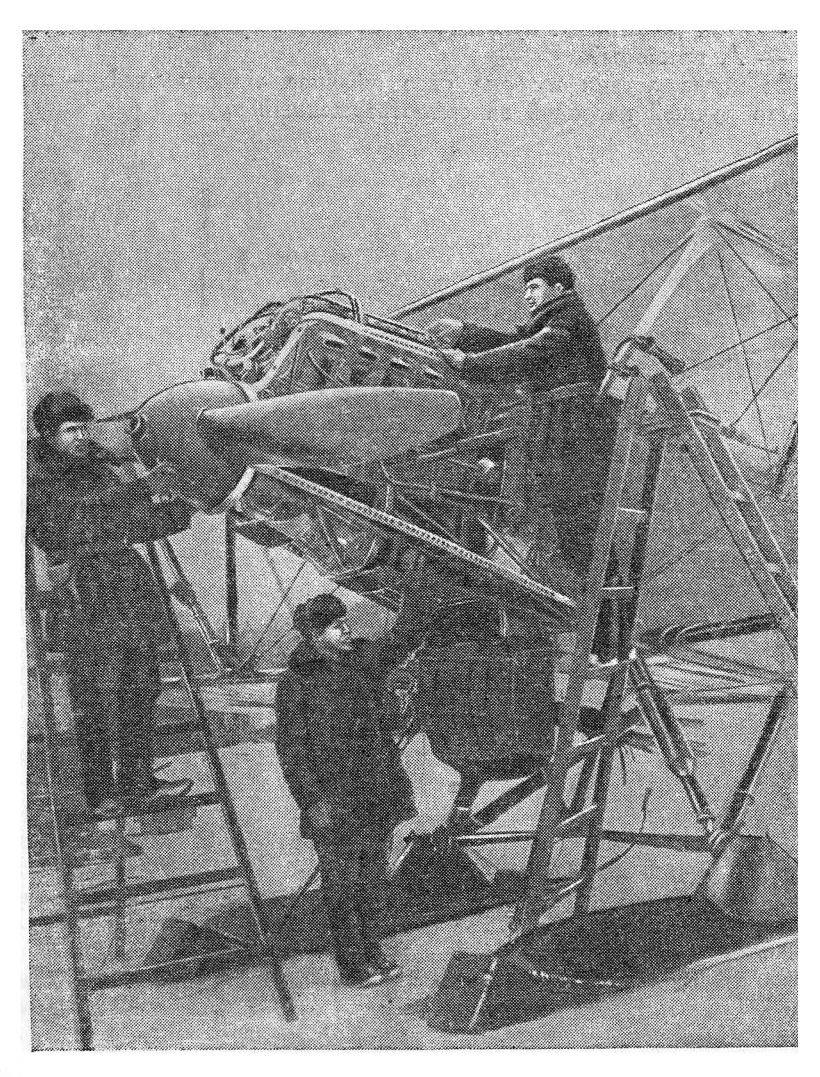
Особо напряженными были дни боев во время прорыва укрепленного района противника. В трудных метеорологических условиях требовалось бомбить по нескольку раз в день. Нужно было максимально сократить время на подготовку самолетов в промежутках между вылетами и при первом запуске.

Обычно каждый экипаж готовит свой самолет самостоятельно. При такой системе заправка топливом, маслом и водой занимала много времени. Я предложил свой метод заправки машин, над которым работал с первого дня войны. Он заключается в том, чтобы одновременно заправлять большую группу самолетов.

Боевой актив инженеров, техников, механиков и мотористов непрестанно будил творческую мысль остальных. Десятки замечательных предложений, выдвинутых нашим активом, были практически осуществлены.

Инженеры Лапшин и Шмелев изобрели электрообогреватель пулемета стрелка-радиста. Пулемет стал действовать безотказно при 50-градусном морозе. Техник Кубрак предложил способ, который давал возможность стрелкам-радистам стрелять из турельного пулемета, не снимая перчаток. Техник по вооружению Гужва сделал приспособление к кинжальным пулеметам, давшее возможность вести стрельбу с помощью ноги.

День и ночь самоотверженно работали инженеры, техники, механики и мотористы, повышая боеспособность самолетов. Не

Подготовка самолета к боевому вылету

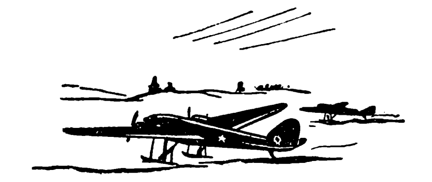
успевала еще машина приземлиться, как они бежали ей навстречу и забрасывали экипаж вопросами:

— Хорошо ли работали моторы?

— Как действовал пулемет?

— А приборы?

И когда летчик говорил свое обычное «Нормально!» — это было лучшей наградой за самоотверженный труд.

Старший лейтенант
П. КОПЫТИН

Товарища в беде не оставлять

С утра 20 декабря падал мокрый, тяжелый снег. Но потом рваные клочья низких облаков стали быстро уплывать на восток. К полудню облачность поднялась до 100—150 метров.

Получен боевой приказ. Нашему звену предстояло разрушить железнодорожную станцию Хейниоки. Маршрут давно изучен. Проверено знание сигналов: «сомкнись», «разомкнись».

— Товарищи! — говорю я перед тем, как занять свое место в самолете. — Если кто-нибудь из звена начнет отставать — не улетать, беречь товарища, итти на меньшей скорости!

Над аэродромом взвилась ракета. Эскадрилья за эскадрильей стали подниматься в воздух и ложиться на курс. Мое звено идет под облаками, почти совсем у земли.

За Финским заливом погода резко изменилась. Над головой развернулось ясное, безоблачное небо, как говорят летчики, — «с неограниченной высотой».

У озера Муола-ярви на звено обрушились зенитные батареи противника.

— Разомкнись!

Летчики быстро исполнили эту команду. Чтобы окончательно запутать белофиннов, я на ходу беспрерывно меняю скорость и направление. Через несколько секунд снаряды стали рваться в стороне от самолетов.

— Станция близко! — кричу я в микрофон штурману.

Самолет лег на боевой курс. Вдруг горсть снега ударила меня по очкам. Это штурман открыл бомбовые люки, и примерзший к стенкам снег рвануло вверх.

Теперь, несмотря на усиленный зенитный обстрел, необходимо 15—20 секунд строго выдерживать горизонтальный полет, чтобы бомбы попали точно в цель. Какими долгими кажутся эти немногие секунды! В ушах почему-то звучит мотив «Не спи, вставай, кудрявая...», и невольно я начинаю его напевать.

Но вот я почувствовал, что штурман сбросил бомбы и самолет стал легче.

— Сомкнись!..

Зенитный огонь врага не смог отрезать нам путь. Справа видна железнодорожная станция Хейниоки, окутанная дымом и пламенем.

Перелетаем линию фронта. Облака опять прижимают самолеты к земле. Я веду свое звено над самыми верхушками деревьев и вдруг замечаю, что левый ведомый летчик Остаев отстает. Я сбавил скорость, но ведомый отстал еще больше. С экипажем явно неблагополучно! «Если ранен летчик, — подумал я, — экипаж может погибнуть», и решил немедленно сесть на аэродром соседней части, над которым мы пролетали.

Я не ошибся. Летчик Остаев и стрелок-радист Погребняк были действительно ранены. Остаев моментами впадал в полуобморочное состояние, но быстро приходил в себя. То, что мы находились все время рядом, оказало ему большую моральную поддержку. Летчик, преодолев боль и напрягая все усилия, благополучно посадил машину.

Он сам говорил потом:

— Вижу, как все приноравливаются ко мне, берегут меня. И это прибавляет сил. Чувствуешь себя крепче, бодрее, забываешь о ране...

* * *

С утра ждем вылета, чтобы разгромить деревню, где скопилась большая группировка противника.

Погода крайне неустойчивая. По нескольку раз в день солнце скрывается за тучами, начинается метель. Во второй половине дня, когда солнце выглянуло в один из просветов, был отдан приказ лететь.

По пути мы попали в сплошную облачность. Долго и упорно пробивались, твердо уверенные в успехе. Проходили долгие минуты, а просвета все не было. Вдруг мы вырвались из белесой мглы. Над нами сияло солнце, голубело небо.

Легли на боевой курс. Ударила вражеская зенитка. Трассирующие снаряды пролетали огненным дождем между самолетами.

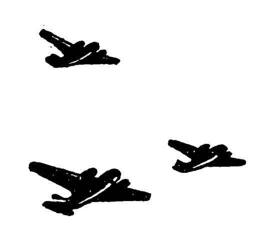
Неожиданно мою машину качнуло — сначала влево, а затем вправо. Эскадрилья сделала маневр, я оглянулся и увидел, что правое крыло пробито и поврежден левый элерон. Самолет сильно кренило вправо.

Я удерживал его изо всех сил, стараясь дойти до цели и сбросить бомбы. Это мне удалось, но разворот от цели стоил больших усилий. Разворачиваясь, все же успел заметить, что цель поражена.

Постепенно мой самолет начал отставать, все более кренясь на правое крыло. И тут произошло то же, что было когда-то

с Остаевым. Летчик Гонтаренко, придержав свою машину, махнул мне, чтобы я выходил вперед. Когда я вышел, он и Остаев пристроились по бокам. Я оказался ведущим. Звено сбавило скорость. Заметив это, командир эскадрильи капитан Тараненко сделал то же самое. И вся эскадрилья, приноровившись к скорости моего самолета, вместе дошла до своего аэродрома.

Так наша эскадрилья воспитывалась в духе товарищества и боевой дружбы.

Герой Советского Союза

С. КОМЕНДАНТ

Ночью...

Побывал я на Халхин-Голе, на польском фронте, а тут война — с Финляндией. Стал я просить командование отправить меня добровольцем. Мою просьбу удовлетворили. Попал я в 1-й батальон.

Начальник штаба полка тов. Москвин вызывает меня и спрашивает:

— Вы кем были?

— Был, — отвечаю, — и командиром отделения и командиром взвода.

— Ну, куда пойдете?

— Куда, — говорю, — потяжелее, туда и пойду.

— Пойдете вы в разведку!

— Есть пойти в разведку!

Разведывательной группой командовал старший лейтенант Березин. Он был опытным разведчиком и лично подбирал людей в свою группу. Собрал он нас и стал нам рассказывать, в чем заключается работа разведчика. Я сразу почувствовал, что тов. Березин любит свою опасную работу и старается нам внушить эту любовь. Когда он говорил о разведке, то не только нас увлек своим рассказом, но и сам увлекся. Глаза горят. Волнуется... Говорит со всеми, а смотрит на меня:

— Чтобы быть хорошим разведчиком, помимо личного героизма, бесстрашия и отваги, надо обладать железными нервами, волей, находчивостью, умело ориентироваться в любой обстановке. Надо иметь хорошую память, быть физически выносливым, знать компас, хорошо владеть всеми видами оружия. А самое главное — быть верным и преданным сыном Родины, не щадить своей жизни для ее блага!

Потом вдруг обращается ко мне:

— Правильно я говорю?

— Очень даже правильно, товарищ старший лейтенант.

— Пойдете моим помощником? — снова говорит он мне.

Вначале я не понял. То ли он спрашивает меня, то ли приказывает.

— Я никогда в разведке не работал, товарищ старший лейтенант. Боюсь не справиться...

— Дело за вами! Захотите — научитесь. Вот сегодня ночью в разведку пойдем... Присматривайтесь, учитесь! Наша работа опасная и нужная. Понятно? Собирайтесь! В 23 часа выступаем. — Командир дружески посмотрел на меня и ушел...

Темной ночью мы отправились в разведку, и эту ночь я буду помнить всю жизнь.

Снег отливал синевой и хрустел под ногами. Мы шли гуськом. Впереди старший лейтенант Березин. Наши белые халаты сливались со снегом. Шли молча, настороженно. Я иду последним. Стараюсь не терять из виду впереди идущего и одновременно вглядываюсь в темноту, хочу первым заприметить врага.

На опушке молодого леса Березин дал нам знак залечь и тихо прошептал:

— Там, левее, проволочные заграждения. Нужно перерезать проволоку. Сделайте проходы для наступления пехоты. Еще требуется разведать огневые точки противника и нанести их на карте. Понятно?

— Понятно, товарищ старший лейтенант, — ответил старший дозора.

Березин отобрал трех разведчиков и под командой старшего направил их выполнять задание. Они взяли с собой ножницы и исчезли в темноте.

Лежу я на снегу и провожаю взглядом товарищей. За себя не волнуюсь: немало мне пришлось пережить на Халхин-Голе. А вот за ребят, за этих четырех, с которыми познакомился только сегодня и которые стали мне близкими и родными, очень волнуюсь, хоть и стараюсь скрыть свое волнение, потому что вижу, как командир за мной наблюдает. Прислушиваюсь. В лесу тишина такая, что в ушах от нее звенит...

Вдруг слышу выстрел... другой... третий... Заработал автомат, как будто град бьет по железной крыше.

— Обнаружили! — шепчет Березин.

Стрельба смолкла так же неожиданно, как и началась.

Напряженно ждем. Прислушиваемся к каждому шороху. До боли в глазах всматриваемся в ночной мрак...

Внезапно около меня раздался шелест ветвей, шуршание снега и легкий стон. Я сначала растерялся. Дергаю за халат Березина, а он тоже услышал и делает нам знак «приготовиться». Вынули мы наганы и приникли к самому снегу.

— Свои! — шепчет Березин и поднимается, встречая разведчиков, которые несли на халате раненого бойца.

У меня от сердца отлегло, когда увидел своих товарищей.

— Товарищ старший лейтенант, задание не выполнено. У самой проволоки нас обнаружил финский секрет. Обстреляны. Ранен один боец.

— Куда ранен? — спрашивает Березин старшего разведчика.

— В плечо.

— Перевязку наложили?

— Да! Только намокла она от крови.

— Двоим отнести раненого на медицинский пункт, — приказывает Березин.

— Есть отнести раненого, — повторяет приказание старший разведчик и вместе с другим бойцом уносит раненого.

Снова ждем. А нет ничего хуже, как ждать ночью в разведке.

Березин снова отбирает троих, дает им ножницы и посылает перерезать проволоку. Они уходят. Лежу я рядом с командиром и вижу, как он волнуется, а от нас хочет скрыть свое беспокойство. Мне было обидно, что бойцы не сумели выполнить приказание старшего лейтенанта. Сам бы пошел, да боюсь просить разрешения, не пустит...

По лесу прокатился металлический звон, и сейчас же, как и раньше, застрекотал автомат.

— Опять обнаружили, — зло шепчет Березин, — не спят, черти! Теперь нам надо уходить отсюда. На этом участке ничего не выйдет.

Скоро вернулись и бойцы, высланные вперед. Березин обрадовался, что они пришли без потерь.

— Мороз сильный, товарищ старший лейтенант. Проволока под ножницами так и звенит. Финны по звону и бьют. Насилу ушли...

— Товарищ, старший лейтенант, разрешите, пойду я, — обращаюсь с просьбой к командиру.

— А перережете? — пытливо спрашивает меня Березин.

— Конечно! Иначе я и не вернусь! — отвечаю я уверенно.

— А вы знаете задачу? Знаете? Ну хорошо, идите. Только поосторожней. Они теперь на-чеку! Вдвоем пойдете.

— Есть итти вдвоем, товарищ старший лейтенант.

Взял я ножницы и пополз вперед. Вслед за мной направился и боец, один из только-что возвратившихся красноармейцев, выделенный командиром мне в помощь.

Недолго ползли мы по лесу, а я уже здорово устал с непривычки. Надо пробираться без шума, чтобы самого себя не слышать, а тут все кругом мешает: и холод, и винтовка, и ветки, что на дороге лежат.

Добрался я до опушки, вижу небольшую высотку. Вокруг нее густой кустарник. Туда нужно пробираться через заснеженную лужайку, а она открыта со всех сторон.

Я приподнялся, маскируясь ветками, осмотрел местность, а потом подполз к бойцу и шепчу ему на ухо:

— Будем опушкой до проволоки добираться. Лужайка наверное пристреляна финнами. Сколько там проволоки?

— Семь колов, — отвечает мне боец.

Думал я, думал, и пришла мысль обмануть белофиннов. Да только за товарища своего боялся — выдержит ли он? Решил его испытать. Подвинулся к нему еще ближе, обнял его и дружески спрашиваю:

— Женат?

Красноармеец смотрит на меня удивленно и отвечает:

— Нет.

— Родные есть?

— Отец, мать, сестра в школу ходит, брат в армии политруком, — шепчет он мне в ответ, но чувствую, что парень озадачен моими вопросами.

— Комсомолец?

— Да! С 1936 года.

— А ты парень рисковый? — спрашиваю его.

— Что? — переспросил он.

А я решил ему план мой выложить и в упор говорю:

— Не трус ты?

— Я в Красной Армии служу! Понятно? — обиженно шепчет он. — В разведке говорить не полагается. Что ты ко мне пристал с расспросами? Если за старшего назначен, приказывай...

Вижу, — парень обижен и раздражен, но делаю вид, что ничего не замечаю.

— Вот это правильно, — говорю ему, — ты возьмешь немного вправо. Окопайся поглубже и бей лопатой по проволоке, что есть силы, делай вид, что режешь ее. Финны по тебе огонь откроют, ты пережди, а потом снова бей. Пусть они думают, что это ты режешь проволоку. Понял?

— Понял! А ты, я вижу, со смекалкой, — шепчет он мне.

Ну, думаю, дошло до парня, понял он мою хитрость.

— Давай, двигай, — говорит он мне.

Поползли мы по опушке до проволоки. Оставил я его чуть правее, а сам дальше пополз к самым кольям. Забрался под проволоку, взял в обе руки ножницы и стал приспосабливаться, как удобнее резать. Сообразил, что если лечь на спину и резать вытянутыми руками, то это всего безопаснее: и для финнов мишенью не будешь и проволока колючками не издерет. Только для этого надо большую физическую силу иметь, а я этим похвастаться не мог, особенно после ранения на Халхин-Голе.

Все же решился испробовать. Лег на спину, вооружился ножницами и жду сигнала.

Проволока, скованная морозом, как струна, зазвенела от сильных ударов моего помощника, и тут я начал действовать. Сразу же перекусил ножницами проволоку. Она, свертываясь клубком, как змея, заныла на все лады, оглашая скрежетом и

звоном воздух. Тут же застрекотал автомат. Его поддержали пулеметы. Но финны били только в направлении, где был мой товарищ, ибо моей работы они не замечали. Как только мой помощник смолкал, стрельба прекращалась, но чуть он снова начинал бить по проволоке, они открывали огонь. Я же терпеливо продолжал резать проволоку, продвигаясь на спине все дальше и дальше, перегрызая острыми ножницами, как зубами, колючую изгородь. Наконец, сделал два прохода.

Выполнив первую часть задания, я решил пойти дальше в разведку и выявить огневые точки противника. Но раньше я решил захватить с собой бойца, который продолжал дубасить по проволоке, не зная, что я уже кончил свое дело. К тому же он каждую секунду рисковал жизнью.

В момент, когда финны прекратили огонь, я дополз до него и крепко пожал ему руку.

— Спасибо, браток! Молодец! — шепчу ему. — Если бы не ты, вовек бы эту проклятую проволоку не перегрызть. Они ее тут столько намотали, что у меня руки отнялись, пока ее резал.

Боец был очень доволен моей похвалой.

— А теперь пойдем в разведку. Дорожку сделали, легко будет итти, — сказал я ему и пополз к проходу, который только-что был прорезан.

Финны, уверенные, что уничтожили нас, прекратили огонь. Мы ползли по снегу, перекатываясь с боку на бок. О нас можно было подумать, что это ветер поднимает снег и метет его перед собой.

Только переползли через проход, как мой товарищ зацепил винтовкой конец срезанной проволоки; она издала легкий звон. Финны сразу обнаружили нас и открыли огонь трассирующими пулями.

Я увидел, как пуля попала в моего товарища.

«Убили!» — решил я и вмиг зарылся в снег. Вдруг услыхал шорох. Обернулся, вижу мой «убитый» ползет ко мне.

— Ранили? — тихо спрашиваю его.

— Нет! Только шинель испортили! Прожгли, сволочи!

— Тише, — предупредил я его и пополз к небольшому бугру, который заметно выделялся на снежной целине. Чуть подползли туда, боец тащит меня за халат и головой показывает в сторону. Метрах в десяти от нас пристроился финн с автоматом.

Мой товарищ вынул гранату. Я его поймал за руку, удержал.

— Нельзя, — шепнул ему. — Обнаружим себя, сведений не принесем, а уничтожить его всегда успеем.

Боец подчинился, но шопот мой выдал нас. Финн повернул автомат и открыл огонь по бугру, за которым мы прятались.

Лежим без движения. Только бугорок нас и спасает, а финн строчит из автомата, не жалея патронов.

Вдруг я почувствовал удар в плечо.

«Ранили», — подумал я, но сильной боли не почувствовал и продолжал лежать, как мертвый. Вот тут-то до меня дошли слова Березина о том, что много выдержки нужно разведчику. Только у моего товарища по молодости лет ее мало было. Несмотря на стрельбу финна, он вдруг пополз от меня влево, и вскоре я увидел только его ноги.

«Что с ним? — думаю. — Ранен или пополз в яму? Надо его выручать, если ранен».

А финны, как назло, ведут такой огонь, что я сдвинуться с места не могу.

Мой товарищ пролез в канаву и пополз по ней, решив прорваться за проволоку к своим. Но увидел, что по канаве к нему навстречу ползут финны, чтобы окружить нас и взять живьем. Он пополз обратно и предупредил меня.

— Мы, кажется, попадаем в плен! — шепчет он мне и рассказывает, что увидел в канаве.

— Не может быть!

— А вот смотри!

Он показал на ползущих по канаве финнов и тут же застонал. Я повернулся к нему, спрашиваю:

— Тяжело?

— Тяжело, — шепчет он со стоном, держась за бок.

— Можешь отползти назад?

— Попробую, — отвечает и ползет вниз.

— Старайся, браток, старайся отползти, а я их тем временем задержу, — обнадеживаю я своего товарища, хотя понимаю, что дело почти табак.

Вынул гранату и лежу. Подпустил финнов поближе и бросил в самую гущу...

А финн-автоматчик заметил моего товарища и открыл по нему огонь. Я в автоматчика вторую гранату, — от него только мокрое место осталось. Отползаю назад. Финны рычат, на меня скопом лезут. Я в них гранату... они отступают. Ползу назад, а мысли — о товарище.

Отполз он до середины проволоки или нет?

— Потерпи, браток, сейчас помогу, — шепчу ему, как будто он может меня услышать.

Вдруг у меня потемнело в глазах.

«Ослеп, что ли? — думаю. Почему же глазам не больно?»

«Каска», — догадываюсь я. Она надвинулась мне на глаза, и я ничего не вижу. Поднимаю, а она снова на глаза лезет, сдвинуть совсем не могу, ремешком под халатом у подбородка стянута. Приподняться нельзя — убьют, а проход никак не найдешь. И ползаю я у проволоки, как слепой щенок, пока

проволока не зацепила меня за халат и не опутала колючками, словно паук. И вот я уже не могу вырваться.

«Ну, теперь живьем возьмут! Лучше смерть, чем плен», — думаю, а сам пытаюсь освободиться от проволоки. Но паники — никакой. Соображаю, что винтовка вылезла вверх и видна. Я ее под себя. — Опасаясь, что могут быть видны черные перчатки, прячу их... Мозг работает, как часы. Маскируюсь халатом, стараясь слиться со снегом. Лежу, не дышу. Чувствую, как финны проходят мимо, ищут меня и не могут найти... Проходят во второй раз — совсем близко. Слышу, как бьется мое сердце. Крепко сжимаю в руке наган...

«Дорого, гады, я продам вам мою жизнь!» — думаю про себя, а биение сердца остановить не могу. Мне кажется, что оно бьется слишком громко, и его услышат.

Финны отходят все дальше и дальше. Они уже метрах в двадцати. Напрягаю последние усилия и вырываюсь из проволоки, оставляя на ее прожорливых зубьях клочья белого халата и тела своего с кровью. Вскоре нахожу проход, посредине которого лежит мой боец. Подползаю к нему, прикладываю ухо к сердцу... Убили, гады! Такая меня злость взяла! Какого парня ухлопали!

Финны снова по мне огонь открыли. Взвалил я на себя мертвого товарища и пополз к нашим.

В это время меня одна пуля ударила в бок, другая в руку. Сжал зубы и ползу, — убитого не выпускаю. Не оставлять же мне его на растерзание этим волкам. Погиб комсомолец смертью храбрых. Я и решил, что мой долг — спасти его тело, чтобы хоть после смерти отдать ему должное за мужество и героизм.

Еще два ранения получил я... Чувствую, что истекаю кровью, а товарища не бросаю. Отдохну и дальше ползу, а главное — стараюсь не потерять сознания, чтобы донести старшему лейтенанту об огневых точках, которые я разведал.

Березин, как услыхал стрельбу, прибежал на помощь и нашел меня уже в лесу. Я ему все доложил и тут же сознание потерял — больно много крови ушло из меня.

Пролежал я несколько дней в госпитале и вернулся в разведывательную группу...

Теперь я знал, что такое разведка, понял, как нужна моя служба Родине, а потому, вернувшись из госпиталя, снова попросился в разведку. Но повторяю — этой ночи я никогда не забуду.

Старший лейтенант

К. ВИКЕНТЬЕВ

Инициатива и бдительность

Когда наш полк достиг поселка Кивиниеми на берегу Суванто-ярви, противник занял оборону по северному берегу озера и реки Вуоксен-вирта. Отступая, белофинны взорвали железнодорожный мост и укрепились в четырех дотах, построенных у северного берега водопада Кивиниемен-коски. Это был мощный узел сопротивления. Он давал возможность простреливать все окрестные ложбины, дороги и тропы.

Под покровом ночи, при круговом охранении, у самого берега водопада нами был вырыт глубокий окоп с мощным перекрытием. От ближайшего дота его отделяло не более 150—200 метров. Ночью же командир батареи полковой артиллерии старший лейтенант Стрельбицкий занял этот наблюдательный пункт и в течение следующего дня детально просмотрел расположение дотов и их амбразуры.

На другой вечер Стрельбицкий доложил о своих наблюдениях начальнику полковой артиллерии и предложил смелый план. Речь шла о том, чтобы вывезти противотанковое орудие по дороге к водопаду, пользуясь темнотой, и с наступлением рассвета обстрелять амбразуры ближайшего дота. На случай, если орудие попадет под артиллерийский и минометный огонь противника, решили подготовить 76-миллиметровую батарею к стрельбе с закрытых огневых позиций.

План был одобрен.

На рассвете 25 декабря, когда начали выдвигать пушку, командир орудия Иванов привязал к лафету длинный, прочный канат и оставил его концы в 100 метрах позади, за бугром. Впоследствии его инициатива принесла немалую пользу.

Стало светать. Орудие открыло меткий огонь по амбразурам дота. Послышались глухие взрывы. Из амбразур показался дым. Орудие успело выпустить около 30 снарядов. Затем, как мы и предполагали, оно подверглось сильнейшему огню из фланговых точек противника. Всю свою огневую силу белофинны направили против одного небольшого орудия.

Расчет принужден был покинуть орудие и залег в соседней лощинке.

Убедившись, что около орудия никого нет, противник прервал огонь. Белофинны стали выжидать, уверенные, что расчет скоро вернется, чтобы забрать орудие. Тут-то и пригодилась выдумка Иванова.

Враг просчитался! Расчет воспользовался передышкой и, искусно применяясь к местности, пробрался назад, к концам каната.

— Раз, два, взяли! — скомандовал Иванов.

Белофинны сразу заметили, что орудие тронулось с места. Снова открыли они сильнейший ружейный и пулеметный огонь, а вскоре ввели в действие и минометы. Но, к недоумению противника, орудие продолжало откатываться все дальше.

Враг понапрасну израсходовал большое количество боеприпасов. Орудие было благополучно оттянуто в укрытие. Наша артиллерия с закрытой позиции продолжала интенсивно обстреливать те огневые точки белофиннов, которые дополнительно обнаружили себя при попытке уничтожить загадочное «самодвижущееся» орудие.

* * *

Темная ночь. Полное безмолвие на северном берегу реки Вуоксен-вирта. Местность кажется вымершей. Но это впечатление обманчиво. Бойцы и командиры 4-й роты, расположенной на противоположном берегу, знают, что враг хитер. Белофинны тщательно замаскировались и ждут удобного случая для нападения.

Неоднократно противник пытался небольшими группами просочиться через этот участок. И каждый раз он наталкивался на наши полевые караулы и засады.

Рота вместе с приданным ей взводом полковой артиллерии должна была обеспечивать стык двух полков. Ночью 12 января рота, как и всегда, занимала боевой порядок, имея систему полевых караулов, засад и патрулей. Часть бойцов, свободная от нарядов, отдыхала в землянках. Взвод полковой артиллерии стоял на своих огневых позициях под охраной бойцов из одного орудийного расчета.

Часовые прислушиваются к малейшему звуку. Все также безмолвен северный берег Вуоксен-вирта. Но вот бойцу Алексееву послышалось, будто что-то зашуршало в лесу... Потом все стихло, и снова раздался шорох, сдавленный кашель...

— Гляди в оба, Ситников, а я сообщу командиру взвода, — шепнул Алексеев товарищу и быстро направился по ходу сообщения к землянке.

Командир взвода лейтенант Глазунов подал команду. Бойцы немедленно заняли свои места у орудий.

Проходили секунды. Они казались бесконечно долгими. Но нужна была выдержка. И вот лейтенант разглядел ползущих белофиннов. Они двигались вперед, стараясь полукольцом охватить роту.

Как выяснилось потом, это был большой отряд, численностью до батальона. Он форсировал Вуоксен-вирта на соседнем участке, чтобы, пользуясь ночной темнотой, неожиданно ударить с тыла.

Враги были видны уже совсем отчетливо.

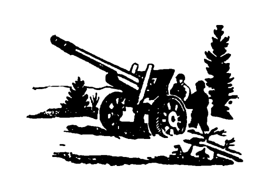
— Картечью, беглый огонь!

Не прошло и секунды, как густой сноп картечи ударил по врагу. Белофинский офицер, вскочив, в бешенстве закричал:

— В атаку!

Но быстрота артиллеристов и внезапный огонь ротных пулеметчиков сделали атаку невозможной. Новый сноп картечи. Груды убитых и раненых. Снова картечь...

Неся огромные потери, враг обратился в паническое бегство. Хитрость не удалась. Стык двух полков попрежнему оставался недоступным для белофиннов.

Майор
С. МИХАЙЛОВ

Танкисты

Бурно течет полноводная красавица Вуоксен-вирта. Стремительно низвергаясь через гранитную преграду, она образует водопад Кивиниемен-коски. Зажатая скалами, река вливается в продолговатое озеро Суванто-ярви.

Над рекой не смолкают громоподобные раскаты артиллерийской канонады. Над противоположным берегом вспыхивают молнии шрапнелей. Высоко вздымаются черные фонтаны земли, с треском валятся на снег стволы столетних деревьев. За лесной завесой раздаются одиночные ружейные выстрелы. Перебивая их, вторят нестройным хором пулеметные очереди... Вдоль обрывистых берегов Вуоксен-вирта тянется линия фронта.

В глубине леса бело-зеленой вереницей выстроились танки. У машин энергично хлопотали танкисты — весельчак командир роты, любимец части, воентехник 2 ранга Григорий Руфов, совсем юный лейтенант Иван Прошин, широкоплечий водитель Никита Русин. Танкисты ползали по снегу, заглядывая под машины, проверяли механизмы.

Головная командирская машина ушла вперед к бревенчатой финской избушке, затерянной в лесу. Из люка танка ловко, по-кавалерийски выпрыгнул полковник Дмитрий Данилович Лелюшенко — командир бригады.

Он вышел на опушку леса у реки, пригнулся, лег и пополз к наблюдательному пункту.

Смельчаки-пехотинцы уже делали попытку на лодках прорваться на тот берег, но сильный вражеский огонь возвращал их обратно. Познакомившись с обстановкой, Лелюшенко пополз обратно к своему танку. Противник, следивший за ним, уже успел его засечь. В минуту, когда он садился в машину, снаряды и мины рвались впереди. Один из них рикошетом ударил в башню. Раздался стальной звон. Снаряд упал вблизи, не разорвавшись.

Полковник приказал водителю дать задний.

Три снаряда разорвались впереди — перелет.

— Попали в вилку, — предупредил полковник водителя. Полный вперед!

Белофинны продолжали вести ураганный огонь по пустому месту.

Полковник прильнул к смотровой щели. От него не ускользнул подозрительный дымок над лесом. Впоследствии разведка обнаружила курсирующий за лесом белофинский бронепоезд.

Двадцать машин вели огонь осколочными через реку. Они метко посылали снаряды в домики на опушке леса, вызывали огонь врага, засекали появляющиеся огневые точки. Данные немедленно передавались артиллеристам.

В грохоте канонады танкисты уловили гулкие звуки тяжелых орудий. Это вел огонь тот самый вражеский бронепоезд, который был обнаружен полковником. Скоро дуэль танков с бронепоездом прекратилась. Бронепоезд, как донесли разведчики, ушел в направлении Кивиниеми.

Два дня танкисты действовали на берегу, как подвижная, надежно закованная в броню артиллерия. Они подавляли огневые точки, и под прикрытием их огня смелые пехотинцы форсировали Вуоксен-вирту.

* * *

Целые сутки Лелюшенко с капитаном Двиняниновым находится на наблюдательном пункте в районе Тайпален-йоки. На карте появляются цифры, обозначающие цели.

Район высоты 13,2 является загадкой. Но данные подтверждают, что здесь — передний край укрепленного района. Высота 13,2 — ключ, огневая ось района.

Против высоты стояли пехотные подразделения капитанов Нетребы и Фролова, старшего лейтенанта Михеева, лейтенанта Луценко; в стыках действовали танкисты.

Капитан Нетреба к этому времени уже врезался в расположение противника и занял первые железобетонные точки. На участке шли кровопролитные бои.

Вечером в командирской землянке, при свете вздрагивавшей от артиллерийских выстрелов керосиновой лампы, собрались танкисты. Мигающий свет блуждал по черным кожанкам и шлемам с белыми от изморози очками.

Прямо перед Лелюшенко сидел Руфов. Прислонившись к стене, лейтенант Гудзенко старательно вносил очередную запись в маленькую книжечку, с которой никогда не расставался. Рядом с ним сидел лейтенант Прошин. Капитан Волков, политрук Шарендо, заместитель политрука Константинов и другие, которых нельзя было рассмотреть в полумраке, стояли у входа в землянку, завешенного плащ-палаткой.

Капитан Двинянинов кратко изложил итоги наблюдений за прошедшую ночь и указал по карте танкопроходимые места.

Полковник сообщил о своем решении завтра, в 10 часов, начать глубокую разведку боем высоты 13,2. Он подробно

объяснил Руфову, Волкову и Моисееву поставленные им задачи.

— Вот рвы, противотанковые эскарпы, ряды колючей проволоки... минные поля... И где-то здесь, — полковник показывал пальцем, — предполагаются доты...

Прошин с волнением следил, как пальцы Руфова скользили по зеленому полю карты. Ему было не по себе. «Неужели, — думал он, — для меня не найдется задачи?!»

— Лейтенант Прошин...

У Прошина екнуло сердце. Насколько позволял низкий потолок землянки, он привстал перед полковником.

— Вы будете...

— «В резерве», — мысленно подсказал Прошин, и губы его обиженно дрогнули.

Полковник точно прочел его мысли. Сдерживая улыбку, спросил:

— Вы знаете Луценко?

— Знаю, товарищ полковник. Вместе учились... — ответил Прошин и подумал «К чему это он?!»

— Вот и хорошо! — многозначительно произнес Лелюшенко.

Ничего не понимавший Прошин приготовился к худшему. Они с Луценко были добрыми друзьями, часто встречались в Ленинградском Доме Красной Армии. Затем пути их разошлись. И вот — возмужавшие товарищи встретились на фронте. Прошин стал танкистом, лейтенант Луценко командовал одной из стрелковых рот, находившихся на фланге. Прошин уже посетил школьного товарища. Он провел в обществе друга, участника героической переправы через Тайпален-йоки, несколько радостных часов.

— Вы будете действовать с Луценко. Понятно?

— Понятно, товарищ полковник, — сказал просиявший лейтенант.

* * *

С озера Суванто-ярви на поляну, где укрытые хвоей и брезентом стояли танки, потянул туман. Он шел волнами, затягивая сырой белой, почти ощутимой завесой и небо, и лес, и притаившиеся стальные громады танков...

Измазанный сажей Никита Русин ходил вокруг машины, как бы сожалея, что делать больше нечего, — все подготовлено и проверено. Он направился к соседней машине — помочь товарищу. Но в его помощи не было надобности. Тогда Русин набрал горсть снега и с остервенением начал тереть закопченные руки и лицо.

В утренней дали зарокотали моторы. Вздрогнул лес от гула. Полковник вышел из землянки. Он, как всегда, был свеж,

подтянут, хотя этой ночью не сомкнул глаз. Быстро обошел он строй машин.

Руфов стоял на танке. Перед собой он видел родные лица товарищей, плотно обступивших машину, чувствовал, что его слова горячо отзываются в их сердцах.

— Поклянемся, товарищи танкисты, итти только вперед, — закончил он свою речь. — За Родину! За нашего Сталина!

В тумане не шелохнутся стройные ели. Вот проплыли грозные боевые машины. Танкисты пошли в бой.

Герой Советского Союза генерал-майор Д. Лелюшенко

По лесной опушке, подминая молодые деревья, мчалась командирская машина. У открытого люка сидел полковник.

Гудзенко при появлении полковника почему-то быстро спрятался за танк. В руке лейтенанта болтался окровавленный кончик размотанного бинта.

— Вы ранены?

Лейтенант, не появляясь из-за машины, громко ответил:

— Пустяки, товарищ полковник, — прищемило люком.

Едва машина ушла, Гудзенко юркнул в свой танк и захлопнул крышку люка. Стрелок Моторин сделал ему перевязку.

Раненый Гудзенко остался в строю.

Руфов со своей ротой вырвался вперед. Его танк уже вблизи белофинской точки. Прорваны три ряда проволочных заграждений. Он влетает в ров, в самую гущу белофиннов, давит их

тяжестью танка. Башня машины вращается то вправо, то влево. Град осколков осыпает врагов. Вслед за танком Руфова — десятки таких же грозных машин.

Первая огневая точка подавлена. За ней вторая, третья.

Руфов мчится вперед.

Вражеские снаряды рвутся рядом. В ушах надоедливый звон от ударов пуль и осколков о броню. Руфов видит впереди белофинское противотанковое орудие. На огромной скорости летит туда грозная машина.

— Огонь! — кричит Руфов стрелку.

Но огня не последовало... Вышли боеприпасы...

Руфову остается одно. Телом танка раздавить орудие.

Машина уже у цели...

В это мгновение танк вздрогнул. Бронебойный снаряд ударил прямо в башню. Гул разрыва потряс машину. Поникла голова Руфова. Ручьи крови залили одежду. Навсегда закрылись глаза. Вместе с командиром погиб стрелок Швалов.

Под танком, вмятое в мерзлую землю, валялось белофинское орудие, раздавленное вместе с прислугой.

Водитель уцелел чудом. Он был тяжело контужен. В голове шумело. Невероятным усилием воли он приподнялся, открыл люк. В танк ворвалась струя чистого воздуха. Водитель выбросился из горящего танка. «Еще несколько мгновений и взорвутся баки», — промелькнула мысль. Пригоршнями снега водитель стал забрасывать огонь. Пламя зашипело и погасло.

— Ни машины, ни товарищей врагу не оставлю.

Водитель снова садится в танк. Машина ожила. Медленно отошла назад, к своим.

А в это время на врагов стаей налетели танкисты товарищи Руфова, — Ширяев, Гудзенко... За ними, со штыками наперевес, устремились пехотинцы.

Красноармейцы уже хозяйничали в белофинских траншеях. Только тогда Гудзенко почувствовал, как по лицу медленно ползли теплые капли. Он был ранен вторично...

* * *

Лелюшенко лежал на опушке леса. Белый маскировочный халат полковника казался продолжением небольшого холмика.

Полковник следил, как из укрытия, вздымая бешеные снежные вихри, в атаку помчались танки.

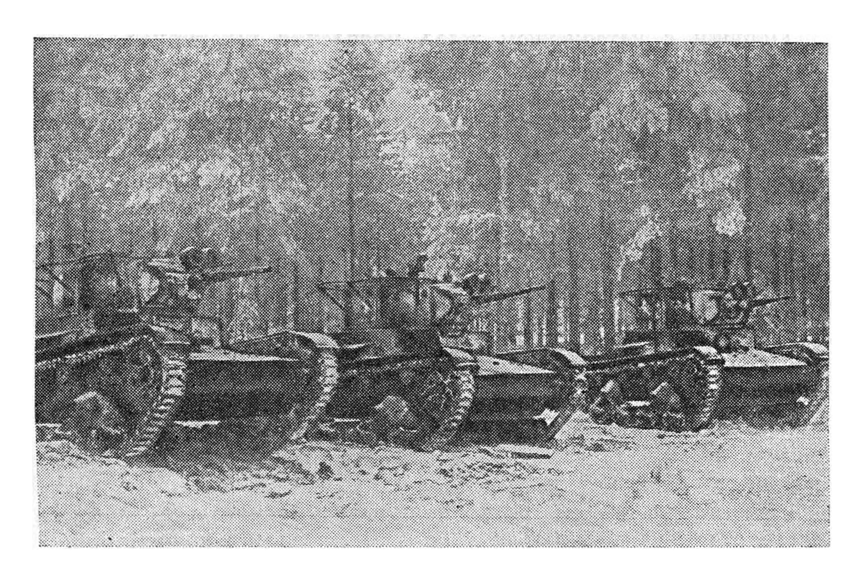
Он узнал машину Прошина. Она была впереди. Танк лейтенанта плыл, как ледокол, то взлетая, то исчезая в глубоких оврагах и ямах. Послушная воле водителя, машина преодолела глубокий ров, занесенный снегом, и поднялась по крутому скату вверх, прямо на обезумевших от неожиданности врагов.

Справа — обгоревший домик. Пулеметчик-белофинн обстреливал машину Прошина из-за уцелевшей печной трубы.

Будто невзначай повернулась башня прошинской машины. Раздался выстрел. Труба рухнула на пулеметчика. Взвился столб пыли.

Прошин мчался по следам бегущих врагов.

Он направил свой танк на ряды колючей проволоки и прорвал заграждения.

Танки перед атакой

Невдалеке шел танк Пальченко, другие машины пока еще находились во рву. Прикрываясь их огнем, сюда подтягивалась рота Луценко.

Прошин обнаружил долговременную огневую точку.

Подвижная бронированная крепость вступила в единоборство с хорошо замаскированной подземной крепостью врага, защищенной прочной толщей железобетонных стен.

На танке, ведомом мастером-водителем Русиным, Прошин подошел к доту. Противник наглухо задвинул амбразуры.

Спасая осажденную точку, белофинны открыли сильный орудийный огонь из глубины.

— Надо быстро рассредоточить танки и подтянуть пехоту вперед, — решил Прошин.

Он отбрасывает люк. Наполовину высовывается из танка.

— Немедленно занять ров! — приказывает он пехотинцам.

Прошинская машина рванулась вперед. Вслед за ней остальные танки на стремительном ходу лавиной проскочили в тыл белофиннов. Но вдруг командирский танк передней частью свесился над отвесной стеной оврага.

— Ловушка?

Русин был достойным учеником своего командира. Он резко затормозил. Танк покачнулся, отполз назад, затем рванулся вперед вдоль оврага, осыпая белофиннов дождем осколков. За ним шли остальные машины.

Но где Луценко?

Прошин с нетерпением ждал появления пехотинцев.

— По какой причине они остались позади?!

Где-то сбоку трещали пулеметы. Прошин понял: фланговым пулеметным огнем финны отсекали пехоту от танков; Луценко со своей ротой остался в первом овраге. Тогда Прошин принял необычное решение. В канаве между двух рвов он выстроил стенкой танки. В сторону противника направлены башни, ведущие беспрерывный огонь.

Прикрываясь стальным забором, Прошин лично вывел пехотинцев вперед.

Во втором овраге завязался рукопашный бой. Слева открыл огонь фланкирующий пулемет врага. Одним прыжком Прошин подскочил к ближайшему танку.

— По пулемету слева — огонь!

Прошин следил за разрывами и корректировал стрельбу.

Тем временем стрелки в овраге приканчивали остатки неприятельской пехоты.

Надвигался вечер. Под прикрытием темноты белофинны снова стали накапливаться у оврага. Загорелся ночной бой.

Пехотинцы нуждались в срочной помощи танкистов. Путь через овраг был рискован. Танк Янушкина, сорвав гусеницы, чинился, загородив единственный путь.

Прошин приказывает водителю итти напрямик через овраг. Русин дает газ. Машина «клюнула». Не останавливаясь, уверенно взобралась по противоположной крутой стенке. Едва она выползла наверх, по броне дробно застучали пули невидимого во мгле, изготовившегося к броску в атаку врага.

— Ночь темна, но побеждает тот, кто лучше видит.

Прошин приказывает водителю Русину включить фары.

Декабрьскую ночь на мгновение разорвали лучи яркого света. Прошин увидел ползущих белофиннов и повел по ним прицельный огонь. Несколько раз машина разворачивалась, снова вспыхивали фары и снова град пуль обрушивался из танка на врагов...

Контратака финнов захлебнулась.

На рассвете Прошин проверял свои машины.

— В порядке! — сказал он, сосчитав все до последней.

* * *

Командирская машина находилась на соседнем участке, где действовало другое подразделение танков. Из-за гребня сюда доносились яростные звуки ожесточенной схватки, а пехотинцы медлили.

Дорога каждая минута! Около пехотинцев на полном ходу остановился танк. Из него выпрыгнул Лелющенко. Полковник скомандовал:

— За Сталина! Вперед!

Батальон дружно поднялся.

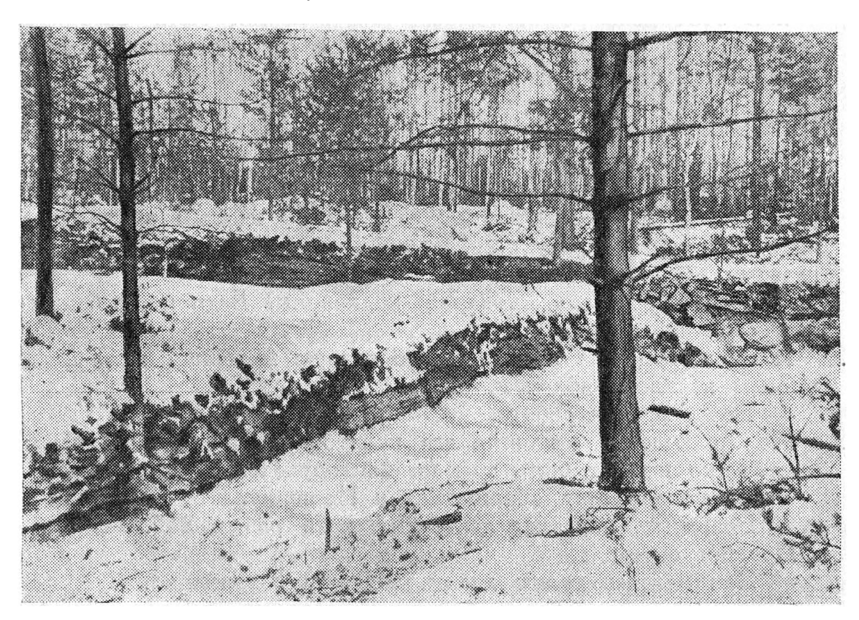
Со штыками наперевес вперед устремились пехотинцы. Они завершили атаку танкистов.

До конца боя вместе с пехотинцами с револьвером в руке шел полковник-танкист.

Когда на новых рубежах пехота окопалась, Лелюшенко возвратился к своей машине, следовавшей невдалеке. Потом он скрылся в лесу.

Он стоял в землянке, нагнувшись над картой, распахнув комбинезон, опираясь обеими руками на стол. Глаза его были закрыты. Он вздремнул стоя...

Очнувшись, полковник вышел на морозный воздух, на сборный пункт, куда прибывали машины. Занимался вялый, влажный, матово-бледный рассвет.

Противотанковый ров протяжением в несколько километров

Вернулось подразделение старшего лейтенанта Волкова, вслед за ним подразделение Моисеева.

Подошел обезображенный, как оспой, следами сотен пуль и глубокими вмятинами от осколков снарядов танк Баскакова. Баскаков славно поработал. Он разгромил две белофинские огневые точки и уничтожил множество врагов в захваченных траншеях.

Весь под впечатлением боя возвратился лейтенант Прошин.

Привел целиком свой взвод дважды раненый лейтенант Гудзенко.

— Все, нет только Руфова...

Но вот появилась машина Руфова. В башне зияло отверстие.

У всех еще теплилась надежда.

— Жив?

Но недвижим Руфов, погиб Швалов. Тела погибших товарищей бережно вынесли танкисты. На темносинем комбинезоне Руфова алели следы замерзшей крови.

Вырвался вздох:

— Прощай, Руфов...

— Прощай, Швалов...

Потом из танка, поддерживаемый товарищами, качаясь, вышел водитель. Ноги его подкосились. Он упал в объятия друзей...

... В этот день район высоты 13,2 перестал быть загадкой. Танкисты и пехотинцы боем выяснили расположение дотов и огневую систему противника.

* * *

Каждый раз, когда машины уходили в бой, писарь Косетченко волновался больше всех. Всегда он первым выскакивал из землянки навстречу прибывающим машинам и близорукими глазами искал полковника Лелюшенко.

— Какой я писарь, товарищ полковник? Ведь я же башенный стрелок.

И он вытаскивал замусоленную старую мишень с продырявленным насквозь яблоком.

— Вот она, моя работа.

Но Лелюшенко отклонял его просьбы о переводе на танк: Косетченко не мог быть там по близорукости.

Тогда писарь стал обращаться к Прошину.

— Возьмите, товарищ лейтенант, хоть раз в бой.

Прошин отвечал:

— Занимайтесь своим делом, товарищ Косетченко.

Случилось, что заболел башенный стрелок на одной машине. Прошин потребовал замену. Начальник штаба капитан

Ситников прислал ему нового стрелка. Быстрой походкой танкист подошел к Прошину.

— Товарищ командир роты, башенный стрелок Косетченко прибыл в ваше распоряжение...

— А... писарь, — разочарованно бросил Прошин. — Стрелять-то хоть умеете?

— Отлично умею, товарищ лейтенант.

Герой Советского Союза танкист Н. Русин

Прошин недоверчиво посмотрел на Косетченко. Они приблизились к машине.

— Ставьте прицел... угол возвышения... — скомандовал Прошин.

Проворные руки писаря быстро установили нужный прицел.

— Противник слева... огонь...

Башня, повинуясь стрелку, послушно развернулась. Орудие грозно нацелилось влево.

— Справа пулемет.

Косетченко виртуозно развернул башню вправо.

— Ну ладно, — примирился Прошин. — Будете следовать за мной неотступно. Ведите наблюдение за моим танком...

Полчаса спустя рота Прошина вновь пошла в бой. Прошин зорко следил за машиной необстреленного еще писаря. Машины проскочили первый ров. У деревушки начался подъем. Прошин насторожился: где-то здесь неприятельская бетонированная точка, которую нужно разведать. Прошин приказал уклониться влево. Грохот вражеских снарядов усиливался. Резкий удар в башню. Бронебойный снаряд пробил лобовой щит, повредив подъемный механизм.

— Полный вперед! — приказал Прошин и выпустил два снаряда по противотанковому орудию.

Теперь, чтобы вести огонь, танкисту приходилось плечом поднимать и опускать орудие, набирая нужный угол склонения пушки.

На полном ходу танк врезался в опушку леса. У окопов противника остановился. Почему же противник умолк? Прошин обратил внимание на то, что писарь с места куда-то посылает снаряд за снарядом. Догадался: писарь бьет по амбразуре точки, вот почему она прекратила огонь.

Прошин смотрит в щель.

— Троньте вперед, — приказывает он Русину.

Приоткрыв люк, Прошин метнул гранату в кучу ползущих на танк врагов, затем вторую, третью.

Тем временем рядом с прошинской машиной остановилась машина писаря. Оба танка бросились на вражеские блиндажи, давили пехоту в ходах сообщения.

Поддерживая друг друга, истребляя врагов, они продвигаются вперед. Надо проскочить на виду у вражеской точки. Прошин открывает огонь по амбразуре. Косетченко, сразу поняв замысел командира, продолжая стрелять, идет вперед. Затем писарь, замаскировавшись за деревьями, в свою очередь начинает класть снаряды в амбразуры. Этим пользуется Прошин и присоединяется к Косетченко.

Отсутствие снарядов вынуждает их возвратиться обратно.

Впереди взорванный мост. Из глубокого оврага торчат лишь сваи, на которых лежат толстые перекладины.

— Русин, проведете? — спрашивает Прошин водителя.

Путь по перекладинам рискован. Русин смерил ширину моста. И машина понеслась над пропастью по двум перекладинам, как по рельсам. Гусеницы наполовину повисли в воздухе. Ошибись водитель на несколько сантиметров, и машина ринулась бы вниз.

За Русиным успешно прошла вторая машина...

На сборном пункте Прошин обнял писаря.

— Вы настоящий танкист, — похвалил его лейтенант.

* * *

Дни и ночи героические танкисты вместе с пехотинцами, артиллеристами и летчиками штурмовали вражеские укрепления. В боевой обстановке командир бригады полковник Лелюшенко учил бойцов, командиров и политработников искусству побеждать.

Полковник Лелюшенко с неизменным успехом командует группой развития прорыва, сокрушает две линии железобетонных укреплений. Танкисты захватывают Кирку Муола, Муола-Ильвес, Хейкурила, Хейниоки.

В железобетонном поясе танкисты пробивают широкую брешь для стремительного марша в глубокий тыл врага...

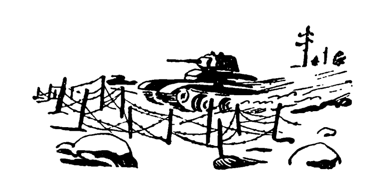
Два месяца непрерывных боевых действий в глубоких снегах, при лютых морозах, борьба в укреплениях, построенных по последнему слову военной техники, — позади...

Об этих героических днях напоминает сейчас боевое знамя бригады с приколотым к нему орденом Ленина — наградой правительства. На груди генерал-майора Лелюшенко, капитана Прошина, у водителя Русина — горят золотые звезды Героев Советского Союза.

Такой же высокой наградой правительство отметило водителя моисеевского танка — участника двадцати двух танковых атак младшего командира Серебрякова.

Грудь многих танкистов украшают ордена и медали.

Так Родина отблагодарила своих верных сынов — героев Карельского перешейка.

Механик-водитель
Д. ЗАТУЛАВИТЕР

В первой атаке

Сначала мы ехали колонной за машиной нашего командира взвода. На опушке леса он высунул из башни желтый флажок и помахал им направо и налево. Это была команда развернуться. Мы приняли боевой порядок углом вперед. Вырвались на открытое место и пошли в атаку. У нас была задача — поддержать пехоту, помочь ей выбить белофиннов, которые засели в укреплениях в лесу за рекой Тайпален-йоки.

Едва мы вышли из леса, как сразу же застучали по броне пулеметные очереди.

Я был совсем еще молодой водитель и в бой шел в первый раз. Было непривычно вести машину с закрытым люком. Через узкую смотровую щель все, что проходило мимо, было видно какими-то кусочками. Далеко впереди за оврагом темнел лес и перед ним какие-то сараи. Это и была первая цель нашей атаки. Говорили, что там прячутся финские пулеметчики.

Так дошли мы до проволочного заграждения и легко поломали его. Машина даже не тряхнулась. Прошли поляну, заваленную камнями... Наконец, подошли к овражку. Здесь машины развернулись, кто вправо, кто влево, чтобы найти проход. Командир приказывает взять влево. Конечно, он не говорит: в танке трудно докричаться, чтобы тебя услышали, а просто носком толкает в левое плечо. Это и значит — поворачивай.

Когда мы пошли вдоль оврага, я увидел впереди покосившийся сгоревший танк, подбитый белофиннами еще накануне. Я нет-нет, да и поглядывал на него. А лучше было не глядеть. Был он весь искареженный, черный. Катки сгорели, гусеницы рассыпались, а пулеметный ствол торчал перекрученный, как простая железка.

Наконец, я нашел проход через овраг. И только сунулся в него, командир застучал носком по спине часто и быстро. Это значит — проезжай скорей, место опасное. Может быть, белофинны нарочно оставили этот проход, а где-нибудь неподалеку поставили противотанковое орудие. Я вспомнил сгоревший

танк, и понеслась моя машина, как шальная, подскакивая на кочках.

Проскочили, вышли в ложбину. Сараи были теперь совсем близко. Я подошел к ним с правой стороны и сбавил скорость для точного прицела. Командир дал один выстрел и снова подтолкнул меня — вперед. Подъехали ко второму сараю, прошли дальше через лесок и попали на открытое место. Здесь бой был в самом разгаре. Откуда-то справа появились наши танки. На опушке лежали красноармейцы в маскировочных халатах. Очень сильный огонь был на этой полянке, и пули стали стучать по броне, как дождь по стеклу. И увидел я, как один боец приподнялся, крикнул что-то, оглянувшись на наш танк, и показал рукой вперед. А впереди, метров за четыреста, стояла еще какая-то большая постройка. Я понял, что оттуда белофинны ведут огонь и что надо эту постройку уничтожить. И хоть плохая была местность, попадались камни, бугры и воронки от снарядов, но дал я машине третью скорость и понесся вперед.

Метров сто оставалось до сарая, и уже примечал я, как бы удобнее к нему подойти, когда вдруг нестерпимый гул раздался в ушах, и танк загремел так, как будто его броню вспарывали по швам. Я успел только выключить мотор, нажать тормоз... И вдруг увидел, что у меня под ногами, рядом с педалью акселератора, маленький раскаленный предмет... Дрожь прохватила меня, когда я понял, что это — бронебойный снаряд. «Вот, значит и конец,— подумал я: сейчас он разорвется, тут и смерть моя будет...»

Но снаряд не рвался. И я сидел, не двигаясь, и смотрел на него, пока не пришел в себя. Затем откинул его носком в сторону. Снаряд опять подкатился ко мне. Тогда я осмелел — прижал его ногой, и от сырого валенка пошел пар.

Обернулся назад, хотел посмотреть на командира, узнать, что с ним, и показать, какой со мной случай произошел. Повернулся к башенному:

— Где командир?

— Контужен. Нам башню снарядом пробило.

— Да снаряд вот он, в ногах у меня валяется.

И вдруг снова удар. Второй снаряд. Машина заглохла, и башенный закричал:

— Ранили...

Посмотрел назад — в танке огонь. Снаряд пробил резервуар, башенного обрызгало, и огонь по ватнику змейками ползет. Вытащили командира, вывалились сами из горящего танка...

Много раз я слушал рассказы о том, какие бывают на войне страшные случаи. Только недавно смотрел я на сожженный танк, и было мне не по себе. А когда случилась такая же беда со мной, как будто и страху не стало. Очень много сразу забот

появилось. И огонь надо на ватнике загасить, и за командиром уследить — где он, жив ли, и товарищу плечо перевязать — его осколком немного ранило. А когда сделал все это да увидел, что командира соседний танк забрал, новая забота появилась: жалко стало пулемет оставлять в танке. Да и плохо среди боя без оружия оставаться. Подполз я к переднему люку, попробовал сунуться в машину, но ничего не вышло. Успел только взять наган, который за сиденье зацепился, а сам едва не задохнулся. В машине горело все — краска, резина, одежда, масло, бензин... Залез я снова под танк, но чувствую, что долго там не усидеть. Жарко становится, и снег начинает таять. Башенный толкает меня:

— Давай побежим к своим...

— Обожди. Не торопись. Давай оглядимся.

Огляделся. До нашей пехоты метров триста-четыреста. Место открытое, все под огнем. А неподалеку от танка бугор и густой кустарник. До него метров двадцать. Пополз я туда и башенному скомандовал — за мной.

Легли мы в кустах и смотрим, что дальше будет. Над нашим танком целая туча поднялась. И дом видим, до которого не доехали. Так мы лежим за бугром и посматриваем, а в кустарник все время пули залетают. Как будто кто-то невидимкой пробегает мимо и ножиком прутья скашивает. И опять башенный толкает меня:

— Пошли к своим. Поймают здесь нас...

— Обожди, — говорю. — Куда ты торопишься. У нас еще наган есть. Даром не дадимся.

А к нам еще танкист подползает, из той машины, которая обстреливала дом.

— Ты кто такой, — спрашиваю.

— Водитель Назаренко.

— Ну, здравствуй. Я тоже водитель. А командир твой где?

— Убили. И танк загорелся.

— Ну, — говорю, — ложись с нами. А башенного не слушай. Сейчас пойдешь дальше — зря убьют. Он все торопится, а надо подождать до ночи.

А башенный все-таки пополз дальше, и больше мы его не встречали. И остались мы вдвоем — водители с подбитых машин. Забрались с ним в кусты поглубже и вдруг увидели небольшой колодец. На дне его было еще немного воды, она даже не успела замерзнуть.

— Вот нам и квартира. Сырая немного, обидно валенки мочить, а все лучше, чем под пулями.

Так и засели мы с ним в эту яму. Нет-нет, да высунемся и поглядим на танки. Мой танк горит до конца, и патроны в дисках уже рвутся. А его только дымится, как трубка. И интересно мне поглядеть, что же с ним такое...

Долго сидели мы в колодце. Я даже прикурнул немного, дремота меня взяла. И почудилось мне, будто я у себя в колхозе взял лошадь, чтобы ехать куда-то, а обратно хватился — лошадь увели. И никак мне нельзя без нее возвращаться... Это все танк у меня в голове вертелся. Очнулся я — сосед меня в бок толкает:

— Ну, вот и темно стало. Стреляют меньше. Пошли.

— Обожди, — говорю. — Приехали мы сюда на машинах, а обратно, что же — пешком?

— Мне самому обидно пешком. А что же, по-твоему, делать?

— Давай посмотрим. Моя машина пропащая. А твою надо поглядеть. Может еще и живая.

— А вдруг подстрелят нас, когда шуметь начнем. Ночь-то светлая, заметят...

— Чего же бояться. Начнут стрелять,— снова в кусты спрячемся.

Мы, согнувшись, подбежали к машине и обошли ее кругом. Как будто все в порядке.

— Ну,— говорю,— залезай. Посмотри, отчего там дым идет.

Он сунул голову в люк, и тут же обратно, а в руках обгоревшая куртка. Снова сунулся и вытащил ватники, которые еще дымились. Мы открыли все люки, выпустили дым, закидали снегом остатки огня. Оказалось, что снаряд пробил в машине маленький бензобак. Бензин вспыхнул, загорелись ватники, а дальше огонь не пошел... Ну, значит машина в порядке, теперь надо заводить.

Он к стартеру — стартер отказал. Я взялся за рукоятку, стал крутить, а машина захолодела, масло остыло и не расшевелишь. А тут еще стрелять начали. То и дело свистят пули, щелкают по танку. До того крутил — мочи больше нет. Залез я под машину отдохнуть, и даже слезу у меня прошибло от досады. Отдохнул, вылез и говорю:

— Давай сначала.

И стали крутить сначала. И вдруг пошел мотор. Заработал. Застучал. Сначала на двух свечах, потом на трех...

— Ну,— говорю,— залезай в башню. Будь за командира. А машину я сам поведу. До того она мне дорога стала — никому не отдам...

Включил сцепление. Загрохотала машина, качнулась и пошла. А когда отъехали мы немного, стали нам попадаться раненые — и танкисты и пехотинцы. Мы их брали на заднюю броню, потому что она над мотором, и там лежать тепло и удобно. А потом стали класть и на переднюю. Одного раненого взяли с собой, был он сильно контужен и итти не мог. И вел я машину между камнями и кочками осторожно, чтобы раненых не потревожить. А когда вышли на дорогу, перевел ее на третью ско-

рость, а потом и на четвертую, и понеслась она во всю мочь, как живая.

— Ну, думаю, прощайте пока, белофинны. Только мы к вам еще вернемся и посчитаемся за этот день.

И возвращался я к ним еще много раз. Много раз наши танки ходили в атаку на белофинские доты. И научились мы распознавать повадки врагов, уходить от их пушек. Научились налетать на доты, корпусом закрывать амбразуры и выбивать врагов из укрытий.

А машину, которую увел я у белофиннов, отремонтировали и снова пустили в бой. И хотя ходил я на других танках, но не раз еще встречался с этой машиной и узнавал ее по маленькой заплатке, которую наши ремонтники поставили на ее броне так чисто и аккуратно, как будто привесили ей боевую медаль.

АЛЕКСАНДР ГУТМАН

Полет был нормальным...

На большой высоте, откуда едва доносится гул ревущих моторов, человек парит над миром. И земной наблюдатель, прикрыв ладонью глаза от слепящих солнечных лучей, с восхищением разглядывает самолет.

— Высоко... красиво летит!..

Человек завидует человеку!

А летчик в этот момент меньше всего думает о пафосе своего полета. Он наблюдает за приборами, выверяя высоту и скорость, посматривает на землю, чтобы ориентироваться, и ведет свой самолет по заданному маршруту...

Спросите любого летчика, как он летал.

Если летчик не новичок, а мастер своего дела, не ждите от него захватывающего рассказа о борьбе с грозовыми тучами и обледенением, сковавшим крылья.

— Полет был нормальным! — скажет он.

И в этих словах — не ложная скромность, а ощущение профессии.

Да, полет прошел нормально.

Когда Алексей Остаев полюбил авиацию — в горах ли Южной Осетии, где он мальчиком пас овец, или позже, когда он стал молотобойцем в кузне, — установить трудно. Да и сам он это плохо помнит.

Был он молодым, и было у него много сил. Жизнь не баловала его. Но он и не просил у нее снисхождения. Он брался за любую работу. Много профессий переменил Остаев, и ни одна не стала его последней, пока, наконец, его не призвали в армию.

И здесь суждено ему было найти себя. Он стал мастером своего дела, мастером авиации...

Это было в самом начале войны.

Остаев получил от командира первый боевой приказ. Кончена стрельба по фанерным мишеням; кинопленку в пулемете сменила лента с боевыми патронами; под широкими крыльями бомбардировщика повисли тяжелые бомбы.

И Остаев полетел...

Эскадрилья построилась под облаками и легла на боевой курс. Все шло, как обычно. Остаев стремился выдерживать дистанцию, скорость, прислушивался к оглушающему рокоту моторов. Он поступал точно так же, как если бы это было при учебном вылете. И только в глубине груди таилось волнение.

Все-таки — впереди враг, впереди бой.

В наушниках прогремел голос штурмана:

— Прошли линию фронта, летим над территорией противника.

Остаев невольно взглянул вниз: черные перелески, подернутые дымком пожаров, заснеженные озера. Как будто не ступала нога человека на этой мертвой земле.

«Ушли под землю», — подумал Остаев.

До цели было еще далеко. Эскадрилья набрала высоту и неслась на полной скорости к железнодорожной станции.

— Скоро станция, — сообщил штурман.

Эскадрилья развернулась и пошла со снижением к цели.

Вдруг впереди самолета в воздухе повисли голубые и белые дымки, разноцветными кляксами упавшие на безоблачную морозную синеву. Мелькнули огоньки разрывов.

«Зенитка, — решил Остаев. — Ну, бей, бей! Кто кого!»

Станция была уже совсем близко. Разрывы участились. Оглушительный взрыв подбросил самолет. Остаев почувствовал острую боль в ноге. На секунду он закрыл глаза и крепко сжал челюсти. Он понял, что снаряд попал в самолет. Но уже через секунду он обратил внимание на то, что отстал от товарищей. Этого нельзя было допустить.

Маневрируя, он проверил работу руля поворота, элеронов, рулей глубины. Они были в исправности. Остаев прибавил скорость и занял свое место в строю.

Неожиданный вихрь ворвался в кабину. Это штурман открыл бомбовые люки. Они летели уже над станцией. Остаев видел, как соседние самолеты сбросили бомбы. Когда через несколько мгновений он оглянулся назад, в воздухе висели черные тучи земли. Вагоны были охвачены ярким пламенем и взрывались.

Остаев облегченно вздохнул. Самое главное было сделано.

Он связался со штурманом — у того все в порядке. Затем вызвал стрелка-радиста Погребняка. Радист не отвечал.

«Что с ним, — тревожно подумал Остаев. — Не ранен ли?» Он послал записку пневматической почтой. Ответа не было.

Это еще больше взволновало Остаева. Может быть, Погребняк тяжело ранен и ему нужна быстрая помощь. Скорее домой, скорее на свой аэродром.

Унта пропитана кровью. Нога глухо болела, и он уже не мог нажимать ею на педаль. Ослабевший от потери крови, Остаев все же продолжал уверенно управлять машиной.

И вот показался аэродром. Остаев пошел на посадку. Машина бежала уже по снегу. Летчик не позвал на помощь, хотя имел на это право. Он сделал то, что делал всегда: прибавил газ, чтобы зарулить на якорную стоянку.

Навстречу ему бежали техники, скрестив над головой руки. Это означало — рулить нельзя.

Когда Остаев вышел из самолета, он увидел, что колеса исковерканы осколками снаряда.

Погребняк вышел вслед за командиром корабля. Он был ранен. Обоих отправили в госпиталь.

Через полчаса Остаеву сообщили количество пробоин. Их было семьдесят пять. Осколки раздробили кислородные приборы, лонжероны, турель, патронный ящик.

Остаев пролежал в госпитале десять томительных дней. Больше там оставаться он не хотел и вернулся в часть. Его машина еще была в ремонте. Командир предложил ему отпуск.

— Нет, — сказал Остаев, — отдыхать не время. Прошу дать мне другую машину.

Командир посмотрел на летчика и не стал настаивать.

Опять начались для Остаева боевые дни.

В ожидании, когда его машина встанет в строй, он летал на других самолетах. Каждый полет закалял его. Уже пропало волнение, ощущавшееся в первых боях. Глаз стал вернее, воля тверже.

Однажды над Выборгом, после бомбежки, на него напали истребители. Остаев увидел струи трассирующих пуль. Они летели, как искры из трубы гигантского паровоза.

«Фоккеров» было девять. Они кружились вокруг шестерки бомбардировщиков, шедших сомкнутым строем.

Остаев заметил знаки стрелка-радиста ведущей машины. Тот указывал ему рукавицей кверху. Остаев понял и набрал высоту.

«Фоккеры» вели настойчивые атаки. Огненный ливень обрушился на машину Остаева. Пули застучали по кабине. Он резко набрал высоту, потом опять спустился. Маневрировал, но машина уже была поражена. Удушливый запах гари заполнил кабину, мешал дышать. Из разбитых радиатора и маслобака вытекали вода и масло.

Атака «Фоккеров» не удалась. Мощный огонь наших стрелков создал непроходимую завесу. «Фоккеры» начали отходить все дальше и дальше, пока, наконец, не отвалились.

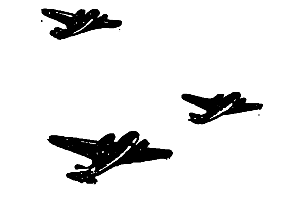
Моторы машины Остаева дают резкие перебои. Термометры масла и воды показывают нуль. Сквозь колпак Остаев видел, как на крыле дымится краска. Сейчас вспыхнет пламя, и тогда...

Он быстро выключил мотор. Что ж — правый мотор отказал, зато ведь есть левый!

Это было на высоте 2 тысяч метров. В такие минуты земля совсем не кажется приветливой. Можно было спланировать на одно из многочисленных озер и отсидеться там до прибытия помощи. Но Остаев решил тянуть до конца. Он положился на свои силы, на свой опыт, на машину, которая продолжала слушаться руля...

Через полчаса он сел на своем аэродроме.

Утомленный боем, он не ушел отдыхать, а стал помогать техникам менять развороченные пулями баки, плоскости, мотор...

Герой Советского Союза полковник

Н. ТОРОПЧИН

Истребители

В декабре на Карельском перешейке дни совсем короткие: рассвет наступает около 10 часов, а в 15 часов 30 минут уже сумерки. Все же мы успевали производить по три-четыре вылета в день. Летали в любую погоду. Летали, не считаясь ни с чем. И добивались успеха.

Взаимопомощь, взаимная выручка в бою — главное. В таком духе воспитывались все наши летчики.

Однажды наши истребители сопровождали бомбардировщиков. В этом полете два наших «чижика» (истребителя) отстали от своих товарищей, и на них накинулось 12 белофинских истребителей.

Старшие лейтенанты Казаченко и Соколов (ныне Герой Советского Союза), пилотировавшие самолеты, вступили в неравный воздушный бой. Отражая атаки противника, отважные летчики внимательно следили друг за другом. Все попытки белофиннов зайти в хвост какому-либо из наших самолетов окончились неудачей. Измотав врагов, друзья стали наносить им удар за ударом. Они сбили четыре «Фоккера» и невредимыми вернулись на свой аэродром.

Ни на секунду не терять из виду товарища и никогда не оставлять его в беде — это было нашей заповедью во всех полетах и боях.

Чуть ли не каждый раз мы возвращались на аэродром с победой. 19 декабря звено капитана Костенко сбило в воздухе звено финских истребителей. 23 декабря звено капитана Журавлева уничтожило три финских истребителя и два разведчика. Звено капитана Суворова однажды заметило двух финских истребителей, сопровождавших «Дуглас». Атаковав их, наши летчики сбили все три самолета.

В феврале, во время прорыва укрепленного района, наш полк нередко заставлял артиллерию противника прекращать огонь. Мы обстреливали белофинские батареи, и пикировали, сбрасывая бомбы. Так летали с рассвета до наступления темноты.

Не помню точно, 18 или 19 февраля наши танки не могли пройти по дороге к селению Лейпясуо, так как с опушки леса вели огонь противотанковые орудия противника. Мы вылетели в составе девятки и обстреляли лес. Потом повторили атаку. После второго налета стрелковые части, следуя за танками, заняли селение Лейпясуо.

В другой раз наша наступающая пехота была сильно обстреляна из финских окопов. Увидев, что наши стрелки залегли, мы атаковали позиции белофиннов и заставили их прекратить огонь. Воспользовавшись замешательством противника, пехотинцы сразу же бросились на него в атаку.

Мы радовались, когда удавалось чем-либо помочь наземным войскам. Видели в этом проявление нерушимой боевой дружбы между различными родами войск, являющейся залогом успеха в бою.

В то время как наши войска готовились к прорыву линии Маннергейма, мы поддали белофиннам жару. Налеты советской авиации заставили противника совершенно прекратить дневное движение в радиусе 100 километров от фронта. Летаешь над территорией Финляндии, кругом мертво, пустынно.

Но когда наши части, прорвав укрепленные районы, стали подходить к станции Кямяря, финны начали лихорадочно подбрасывать войска на Карельский перешеек. Теперь уже они везли солдат и днем и ночью — время не терпит.

От пленных нам удалось узнать, что в вагонах воинских поездов полы покрыты слоем песка в 0,5—0,75 метра. В случае появления нашей истребительной авиации поезда останавливались, и солдаты прятались под вагоны: песок предохранял их от пуль. Но эта хитрость не помогла им. Мы стали заходить сбоку эшелонов и стрелять под вагоны. Солдаты выскакивали из-под них, как суслики из норы, когда туда нальешь воды. Так уничтожали мы белофинские воинские эшелоны.

Летать было нелегко, в особенности над крупными населенными пунктами. Летишь, а вокруг тебя зеленые и красные ленты трассирующих и зажигательных пуль, рвутся снаряды малокалиберных зениток. Ощущение не из приятных.

Помню, 27 февраля погода стояла плохая. Шел снег. Прилетели на станцию Тали. Произвели две атаки. При выходе, после второй атаки я заметил колонну пехоты противника. Собрал звенья и хотел зайти для атаки в хвост колонны. Тут-то нас и заметили вражеские зенитчики. Чувствую взрыв. Оглушило меня. Потряс головой, открыл глаза. Нюхаю — не пахнет ли бензином? Нет. Значит, еще ничего. Но догадываюсь, что пробит масляный бак. Посмотрел на манометры — не работают...

В таких случаях единственное желание — поскорее добраться до линии своих войск. Садиться на территории противника никому не охота. Долетели домой. Подсчитали — 32 пробоины.

Бывало разное. Прилетит летчик с задания, самолета не узнать — весь изрешечен. Спрашиваешь:

— На чем прилетели?

— На советском воздухе, товарищ командир.

Хороший, надо сказать, воздух. Легко на нем летать.

Герой Советского Союза
полковник Н. Торопчин

Истребители много раз специально направлялись в тыл противника, искали врага, навязывали ему бой. Бомбили аэродромы, бомбили мосты и другие военные объекты.

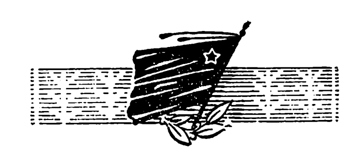
2 февраля был бой над станцией Иматра. Наших — 12 самолетов, а финских — 18. Бой продолжался 15—20 минут. Мы не потеряли ни одного летчика. Только после боя требовался ремонт для пяти машин. У одной даже шасси пробило, пришлось летчику садиться на «пузо». В этом бою мы сбили 12 финских самолетов.

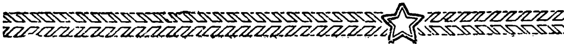
На Карельском перешейке разведку большей частью вели истребители. Летчики у меня были молодые, не опытные еще в разведке. Ночью, после полетов, я обучал их, как определять вражеские подразделения и части по длине колонн, как ориентироваться по карте крупного масштаба и т. д. Так мы отдыхали после дневной боевой работы.

Любовь к Родине, к партии Ленина — Сталина давала нам, летчикам, силы для борьбы, вдохнула в нас смелость и мужество, необходимые для победы. Было и еще одно замечательное обстоятельство: вера летчиков в советскую материальную часть. Верили. Любили ее. Твердо знали, что она не откажет. И не было у нас случая, чтобы материальная часть подвела. Ходили на полный радиус — и ничего, возвращались в полном порядке.

На Карельском перешейке мы сбили 52 самолета противника, а сами в воздушных боях не потеряли ни одного.

Советское правительство наградило наш полк орденом Красного Знамени.

Старший лейтенант

Н. БЛОХИН

Минометы помогли разведке

Мы находились перед укрепленным районом противника — Сипрола, входившем в западную часть линии Маннергейма.

Долго вели разведку наблюдением и, наконец, пришли к выводу, что на высоте справа от нас находятся два и слева один дзот, по некоторым признакам, с длинным ходом сообщения. Ни один из этих дзотов огня не вел; финны не хотели преждевременно себя обнаруживать.

Однако все эти данные, добытые наблюдением, нас не удовлетворяли. Батальон должен предпринять наступление, но вести его, не имея точных и проверенных сведений, нельзя.

Решили выслать разведку во главе с командиром отделения тов. Дориенонашвилли.

Видим: разведка ползет по открытому месту, но противник молчит. Он открыл огонь, когда разведчики уже находились в 100 метрах от правого дзота. Мы его точно засекли, и больше нам от финнов ничего не надо было.

Тов. Дориенонашвилли приказывает разведке отойти за большие камни, расположенные между правым и левым дзотами. Бойцы поползли к камням, но оттуда финны повели огонь из автоматов.

Разведка очутилась под перекрестным огнем. Нельзя продвинуться ни вперед, ни назад. С трудом удалось укрыться за бугром, что метрах в тридцати от камней.

Укрылись. Лежать трудно. Нельзя поднять головы.

Надо помочь разведке артиллерийским огнем.

Задача, конечно, трудная. Ведь в тридцати метрах от цели находится наша разведка. Как бы не задеть ее... Тут от артиллериста требуется очень точная, я бы сказал, изящная работа.

Артиллерия открыла огонь. Разведчики потом рассказывали, что осколки падали очень близко, но никого не задевали.

Артиллеристы работали точно, но ничего не добились.

Нужен был навесный огонь. Обратиться к гаубичному дивизиону? Но что получится, если наша 152-миллиметровая

гаубица обрушится на камни? От наших разведчиков и следа не останется.

Единственным оружием, которое могло здесь помочь, был миномет.

Командир минометного взвода лейтенант Синаев выбрал хороший наблюдательный пункт, подготовил точные данные и приказал открыть огонь.

Первая мина разорвалась — недолет.

Вторая мина разорвалась — перелет.

— Батареей огонь!

И финны за камнями были уничтожены.

Тем временем пушка «ослепляла» вражеский дзот.

А наша разведка? Как только начал работать миномет, тов. Дориенонашвилли приказал «готовиться к отплытию». Десяти минут не прошло, как смельчаки были уже с нами.

Надо помогать своей разведке. Плох тот командир, который, отправив разведку, забывает о ней. Нет, ты сумей организовать помощь разведке огнем. Ведь разведке вернуться зачастую труднее, чем продвинуться вперед.

А сведения разведки, о которой я сейчас рассказывал, были очень интересными; разведчики многое сумели заметить.

20 декабря, учтя эти данные, мы, имея впереди себя танки, повели наступление, сильно потрепали финнов, выбили их из дзотов и заняли высоту.

Политрук
Н. ПАНЯГИН

На выручку товарищу

Засев в укрепленном районе вдоль северного берега реки Вуоксен-вирта, белофинны, под прикрытием ночной темноты, мелкими группами проникали в наше расположение. Группы эти имели задание — нарушать связь, нападать на штабы и на обозы, подбрасывать контрреволюционную литературу.

В двадцатых числах декабря командир роты решил организовать небольшой подвижной отряд из смелых и инициативных товарищей, коммунистов и комсомольцев, для борьбы с диверсионными шайками противника. Это был наш боевой актив. Командиром этой группы был назначен старшина Игнашев.

23 декабря командир и я собрали группу и поставили перед ней задачу: произвести разведку берега в районе мыса Лехтиниеми, откуда чаще всего просачивались белофинны. Мы уже собирались разойтись по землянкам, как вдруг на командном пункте роты раздался телефонный звонок. Говорил командир батальона капитан Фирстаков.

Оказалось, что белофинны подбили наш самолет. Он не смог дотянуть до своего берега и сделал вынужденную посадку на льду реки Вуоксен-вирта, в расположении противника, метрах в пятидесяти от вражеского укрепленного берега. Командир батальона отдал приказание — спасти летчика и не допустить, чтобы самолет попал в руки врагу.

Мы решили выполнить это задание силами созданной нами группы.

Заместитель политрука Пучков, Игнашев и еще несколько смельчаков облачаются в маскировочные халаты, запасаются гранатами, берут автоматы, ручной пулемет и в 16 часов выступают по льду реки в указанном направлении. Погода благоприятствует им. Крутит метель, вьюга вздымает тучи снега, и можно незаметно подобраться к берегу противника.

Проходит минута, другая, и группа исчезает из виду. С берега ее поддерживают огнем две батареи, которые бьют по укрепленным позициям противника. Не отстают и минометчики.

А следом за группой высылаются на середину озера два станковых пулемета, чтобы прикрыть ее отход после выполнения задачи.

На сердце тревожно. Как-то справятся наши смельчаки с этим труднейшим делом? Напряженно вглядываемся в запорошенную снегом даль, прислушиваемся. Слышно только, как рвутся наши снаряды.

Но вот со стороны противника раздалось несколько винтовочных выстрелов. Застрочила пулеметная очередь.

— Началось!..

* * *

Группа продвигалась по льду, все ближе подбираясь к намеченной цели. Уже бойцы были недалеко от самолета, когда с берега раздались первые выстрелы.

— Заметили, дьяволы!..

По приказу Пучкова, бойцы залегли на снегу, не обнаруживая себя, а Пучков с Игнашевым начали подползать к самолету. Стрельба с финского берега усилилась. Из дотов, расположенных там, был открыт перекрестный огонь. Но заместитель политрука и старшина уже подползли к темневшей на льду машине.

Летчик оказался рядом. Выяснить положение было делом нескольких секунд. Самолет подбит, шасси поломано, и тащить машину к нашему берегу нет ни сил, ни возможности. Радист убит, сам летчик ранен. Надо спасти летчика и уничтожить самолет.

Темнело. Не видя цели, белофинны стреляли наугад. Пули свистели со всех сторон. Пучков и Игнашев отползли вместе с летчиком к залегшим на льду бойцам и передали раненого товарища красноармейцу Петельникову.

— Отправляйтесь назад и доставьте командира на командный пункт.

— А вы, товарищ заместитель политрука?

— Мы с Игнашевым будем заканчивать боевое задание. Надо еще уничтожить самолет.

И два смельчака снова поползли вперед.

Скоро с берега мы увидели пламя горящего самолета.

* * *

Огонь противника стал еще сильней. Это был настоящий ливень свинца. Но приказ уже выполнен, и Пучков с Игнашевым медленно, вплотную прижимаясь ко льду, начали отползать к своему берегу. Вдруг Игнашев тихо вскрикнул.

— Чего ты?..

— В ногу ранили, гады!..

Положение осложнилось. Спасти товарища, друга, — вот что стало для Пучкова новым боевым заданием.

Ползти пришлось медленнее. Задерживал движение и взятый с собой ручной пулемет. Все же Пучкову удалось оттащить старшину метров на двести от горящего самолета. Остановились. Трудно ползти, а подняться под бешеным огнем противника было попросту невозможно.

— Переждем тут маленько! Скоро стемнеет! — шепнул Пучков товарищу.

И верно. Вскоре стемнело. Огонь белофиннов стал утихать. Но едва смельчаки решили двигаться дальше, к своему берегу, как увидели приближающиеся к самолету со стороны мыса силуэты врагов.

Надо было быстрей уходить. Пучков снова потащил раненого товарища, не выпуская из рук пулемета. Он выбивался из сил.

Вдруг белофинны заметили смельчаков. Они что-то залопотали по-своему и стали рассыпаться цепочкой. Пучков понял, что враги хотят обойти их и взять в плен.

В минуту опасности мысль стала работать особенно отчетливо. Быстро родилось решение. Направив ручной пулемет на чернеющие вдали фигуры белофиннов, Пучков громко скомандовал:

— Рота, приготовиться к атаке! Пулеметы, огонь! — и сам открыл стрельбу из ручного пулемета.

Белофинны растерялись и, вообразив, что перед ними действительно превосходящие силы, начали поспешно отходить к своему берегу.

Хитрость удалась. Воспользовавшись замешательством противника и наступившей темнотой, Пучков снова потащил Игнашева, который сам уже почти не мог двигаться. Но и силы Пучкова иссякли. Особенно стеснял движение пулемет. А надо было спешить.

— Человек — дороже пулемета. Прежде всего нужно спасти товарища... Но и пулемета враг не получит!

Быстро, насколько позволяли окоченевшие руки, Пучков разобрал пулемет по частям и разбросал их в разные стороны, подальше одну от другой.

— Поползли, друг, дальше!..

* * *

Вот уже и свой берег. Вправо и влево тянется лес. Людей не видно и не слышно. Но на душе уже спокойнее. Главная опасность позади.

Пучков осматривает местность. Соображает, что они немного сбились с направления и вышли правее. Надо срочно добраться до роты, но Игнашев не может: раненая нога слишком дает себя чувствовать, да и руки обморожены. Как быть?

— Я тебя тут укрою, а сам добегу до роты. Захватим носилки и придем за тобой, — говорит Пучков товарищу.

И он оттаскивает Игнашева в прибрежные кусты, поудобней укладывает его, закрывает хворостом.

— Для маскировки. Да и теплей будет...

* * *

Мы долго прождали Пучкова и Игнашева в условленном месте. По перестрелке у вражеского берега старались угадать, что там происходит. Как долго их нет! Грустные мысли проносятся в голове:

— Неужели погибли? Эх, жаль! Такие замечательные, боевые товарищи!..

И вдруг раздается знакомый голос Пучкова:

— Разрешите доложить, товарищ политрук! Боевое приказание выполнено!

Радости нет конца: выполнено задание, и оба товарища живы. Быстро снаряжаем группу за Игнашевым. Впереди, указывая дорогу, идет Пучков...

* * *

За мужество и отвагу заместитель политрука Пучков и старшина Игнашев награждены орденами Красного Знамени.

Старший лейтенант
А. КУРЫМОВ

Инженерные сооружения в обороне

Части нашей дивизии занимали оборону по фронту Ойнала — Кююреля — станция Каринони на протяжении примерно 10—15 километров. В условиях лесистой, болотистой местности удерживать такую полосу трудно.

Саперному батальону было приказано соорудить противопехотные и противотанковые препятствия, а также построить блокгаузы.

В ночь на 28 декабря роты приступили к устройству проволочной сети. Главное внимание было обращено на стыки полков у озер Паркилан-лампи и Ропек-ярви.

Мне с двумя взводами сапер была дана задача устроить заграждения на участке между озерами Паркилан-лампи и Иск-ярви.

Бойцы и командиры, лежа в снегу под огнем противника, работали, не покладая рук, стараясь во что бы то ни стало выполнить боевой приказ.

Мы проложили проволочные заграждения в три ряда кольев общей длиной в 4 километра.

Саперы в белых халатах умело применялись к местности, бесшумно ползли за передовые линии своих частей. Тишина стояла полная. Только чуть шуршала проволока. К исходу ночи саперы свалили десятки деревьев для устройства завала против вражеских танков.

За саперами шла группа подрывников, расставляя фугасы и «сюрпризы» впереди наших позиций. Вскоре передний край обороны превратился в неприступную крепость.

Трудная и почетная задача — преградить путь белофиннам через озеро Иск-ярви — была выполнена в рекордно короткие сроки.

Работа по инженерному обеспечению части, находящейся в обороне, дала нам большой опыт. В мирных условиях мы, например, делали проволочную сеть на льду так: замораживали колья или долбили лунки для них. Но, как показал боевой опыт, оба эти способа были непригодны: огонь противника не

давал возможности прибегать к ним. Тогда я предложил делать в тылу звенья по 3 метра и доставлять их на озеро, а там уже ставить каждый кол на треногу.

Однажды взятый нами в плен финский солдат так охарактеризовал наши заграждения.

— Никто из наших солдат не знал, что Красная Армия может так быстро и так основательно строить укрепления. Из-за этого я и попал к вам в плен, запутавшись в проволоке, а многие мои товарищи попали на ваши фугасы.

Так оно и было в действительности. На одном из участков белофинны повадились ходить в разведку. Но саперы под носом у противника построили проволочную сеть. Финны по привычке пошли было по старой дорожке, попытались обойти проволочные заграждения и попали на наши фугасы. Больше 10 солдат во главе с унтер-офицером взлетели на воздух.

Работы по заграждению подходили к концу. Двумя ротами сапер за 12 дней было сделано 15 километров проволочной сети и минных полей. Десятки и сотни сосен были срублены и спилены саперами для устройства завалов.

Второй этап работы заключался в постройке взводных и ротных блокгаузов, траншей и просек для круговой обороны и системы огня.

Затем за 10 дней наш батальон построил 100 блокгаузов типа капонира с большим количеством амбразур для пулеметов и винтовок. Блокгаузы выносились на передний край, и, следовательно, саперы при их постройке неминуемо должны были находиться под обстрелом противника. Саперам при этом часто приходилось вести бой с белофиннами, которые пытались их атаковать. 5 часов сдерживали отважные саперы роты тов. Спицына натиск противника, метко поражая врагов пулеметным и ружейным огнем. Белофинны были отбиты, задание выполнено точно в срок.

Так создавались укрепления переднего края. Они способствовали обороне наших частей на широком фронте. Попытки противника перейти в наступление неизменно кончались для него поражением.

Старший лейтенант
А. ЖЕМКОВ-КОСТЯЕВ

Как пулеметчики захватили в плен белофинского офицера

Случай этот произошел во время ожесточенных декабрьских боев на Вяйсяненском участке Карельского перешейка.

3-й батальон несколько дней вел бой, наступая вдоль озера Муола-ярви. Противник яростно защищался, окружив свои берлоги-доты рядами проволоки, системой надолб и минных полей.

В ходе боя красноармейцы и командиры заметили, что враг имеет где-то поблизости от нашего батальона наблюдателей, которые сообщают в укрепленный район обо всем, что делается у нас. Стоило нам однажды построиться, как у белофиннов сирена заиграла тревогу: «Все по местам», а вражеские снайперы-«кукушки» начали стрелять с деревьев разрывными пулями (при стрельбе разрывными пулями слышится двойной звук: треск выстрела и звук разрывающейся пули, — и такую стрельбу легко отличить от обычной).

Наши пулеметчики решили найти финского наблюдателя. Сначала они прощупывали всю местность впереди батальона, потом — вправо и влево, но никого не нашли. Поиски все же продолжались.

Наконец, некоторые бойцы заметили провод, подвешенный на вершинах деревьев. Решено было порвать провод и на этом месте устроить засаду. «Должны же белофинны притти починять провод», — рассудили наши пулеметчики.

Сказано — сделано. В засаду вызвался пойти пулеметный расчет, в который входили бойцы Михайлов, Мамедов, Волохов. С вечера они вырыли окоп, поставили пулемет, тщательно замаскировались.

Глубокая тишина стояла в лесу. Превозмогая лютую стужу, бойцы, не шевелясь, лежали в окопе и всматривались в сумрак леса. После полуночи мороз усилился. Так, в напряженном ожидании прошла ночь. Когда же наступил рассвет, бойцы, ни на миг не ослаблявшие наблюдения за лесом, заметили

Станковый пулемет на огневой позиции

тень, мелькнувшую между деревьями. Через несколько минут к месту, где был порван провод, приблизилась группа белофиннов. Михайлов подпустил ее метров на сорок и только тогда открыл пулеметный огонь.

С громкими криками белофинны рассыпались, залегли и открыли ураганный огонь из нескольких пулеметов и автоматов.

Пули сбивали пушистый иней с веток и словно горох постукивали о щит. Наводчик Михайлов, ни на секунду не отрываясь от пулемета, продолжал вести меткий огонь.

Наконец, белофинны не выдержали огня славного «Максимки» и бросились бежать. В спешке они оставили не только убитых, но и одного раненого. Этот раненый, видимо, был в полном сознании: он подползал к исправному, готовому для ведения огня пулемету.

— В случае необходимости поддержи меня, — сказал Михайлов, передавая пулемет Мамедову, и вылез из окопа. Он бросился к раненому в ногу белофинну, который уже достиг пулемета. После короткой борьбы Михайлов скрутил врага и принес его на руках.

Командование наградило бойцов Михайлова и Мамедова именными часами. За подвиги в боях с белофиннами правительство удостоило тов. Михайлова высокой награды — он получил орден Красного Знамени.

☆

Герой Советского Союза
Г. ЛАПТЕВ

Жаркая схватка

Нам предстояло обстреливать маннергеймовские укрепления и подавлять огневые точки противника.

Батарея заняла огневую позицию примерно в десяти километрах севернее станции Пэрк-ярви.

Лютая зима. Глухая лесная поляна, редкий ельник кругом. Впереди, метрах в трехстах — лес, лес и по сторонам и сзади. Командир батареи старший лейтенант Маргулис пустил по нескольким радиусам в стороны от батареи тракторы, которые примяли кустарник. Обзор для караулов несколько улучшился.

Связь батареи с внешним миром держалась на телефонном проводе. Не было живой связи и с расположенной в 2—2,5 километрах передовой линией наших войск. В случае непосредственного нападения противника надо было рассчитывать только на свои силы.

Учитывая обстановку, командир батареи подтянул как можно ближе к огневой позиции и отделение тяги (тракторы, лошади) и взвод управления, откуда в случае нужды можно было быстро бросить к батарее вооруженных бойцов. Землянки взвода управления отстояли от орудий всего на 50—70 метров и были тщательно замаскированы в лесу, так же как тракторы и лошади.

Там же находился и командный пункт командира батареи.

Особенно тщательно мы работали над оборудованием огневой позиции. Две пушки из четырех были установлены в специально вырытых артиллерийских окопах. Две другие стояли за прочными земляными брустверами, укрепленными бревнами и политыми по скату водой.

На окружавшей нас поляне рос ельник. Для маскировки позиции от наблюдения из леса мы натыкали елочек вокруг орудий. Неплохо были укрыты орудия и от воздушного наблюдения. Над ними были поставлены на столбах жердевые навесы, которые припорошил сверху снег, а мы еще по снегу разбросали ветки.

Слева и справа от орудий были устроены блиндажи с амбразурами для двух легких пулеметов. Позади фронта батареи, против каждого орудия, мы выкопали щели в рост человека. Это — на случай внезапной атаки танков противника.

Расчеты жили тут же, в землянках. От землянок к орудиям вырыли ходы сообщения.

Так была оборудована позиция батареи.

Между нашими землянками и землянками взвода управления, на снегу, в ящиках находился запас снарядов. С каждым днем штабели ящиков раздавались вширь: нам все добавляли снарядов, и к моменту нападения белофиннов на батарею этот запас достиг 1 500 выстрелов.

Нападение на батарею произошло так.

23 декабря на рассвете командир батареи получил по телефону сообщение из штаба артиллерийской группы:

— Будьте готовы. Чéрез наше расположение просочился отряд белофинских лыжников. Человек тридцать...

В этот момент телефон перестал работать. Связь была прервана, — как после оказалось, линию перерезали белофинны.

Командир батареи вызвал расчеты к орудиям.

Я был наводчиком третьего орудия. Командир приказал мне проверить, все ли у меня наготове (снаряды, заряды), исправны ли механизмы. Проверив все, я опустил ствол орудия к горизонту, чтобы встретить врага прямой наводкой.

Командир усилил караулы вокруг батареи подчасками за счет бойцов из взвода управления. Бойцов орудийных расчетов он предупредил, чтобы они были готовы итти в контратаку.

Приготовились. Ждем. Мороз за 30 градусов, снег, метет поземка. Выбрали белофинны погодку!

Ждать гостей пришлось недолго. Сразу же после полудня раздался винтовочный выстрел: правофланговый дозор дал сигнал о замеченных им белофиннах.

Старший лейтенант Маргулис тотчас вывел на батарею человек пятнадцать красноармейцев, рассчитывая одним ударом ликвидировать диверсантов. Мы полагали, что их всего три десятка.

Но белофиннов оказалось не 30, а, как выяснилось уже в самом бою, свыше 300, к тому же отлично вооруженных автоматами и пулеметами.

Противник сразу начал окружать батарею.

Мы все отстреливались из винтовок. Непрерывно били оба наши легких пулемета, но огонь врага был неизмеримо сильнее. И если бы не самообладание командира и отвага бойцов, — не знаю, чем бы кончилась эта схватка.

Финны с криками пошли на батарею. Мы встретили их

дружным огнем пулеметов, винтовок и револьверов. Финны отступили.

— Батарея, огонь! — скомандовал старший лейтенант.

Все наши четыре орудия ударили с короткой дистанции. Земля дрогнула, и на опушке леса взлетели, кувыркаясь в воздухе, огромные деревья. Огненный шквал смел группу подбиравшихся к нам белофиннов.

Финны на мгновение притихли. Но вслед за этим снова еще яростнее пошли на нас в атаку, только уже не в лоб, а со стороны, где их не могли достать наши орудия.

Герой Советского Союза Г. Лаптев

Кричу:

— Товарищ старший лейтенант, финны слева!

А командир, старший лейтенант Маргулис, лежит раненый.

— Лаптев, дайте мне винтовку! — слышу его голос.

Я раздобываю винтовку, но подползти к командиру не могу — сплошной ливень пуль.

Заряжаю винтовку и перебрасываю ее командиру. Он снова начинает стрелять. Метким огнем укладывает одного белофинна за другим.

Глянул я, — а белофинны пробрались уже к нашему складу снарядов. Они швыряют бутылки с горючим. Уже вспыхнули и горят несколько ящиков.

Что делать? Вот-вот взлетим на воздух. Ведь на складе 1 500 снарядов...

Кричу не своим голосом:

— Товарищ старший лейтенант, горят снаряды!

А он спокойно в ответ:

— Прямой наводкой, огонь! Снаряды без нас потушат.

И действительно, младший лейтенант Сидоров с несколькими бойцами разбросал горящие ящики по снегу и потушил начинавшийся пожар.

— Есть бить прямой наводкой!

И тут-то мне пришлось поработать.

Один я остался у своего орудия. Часть людей выведена из строя, остальные обороняют батарею справа, слева, сзади, действуя винтовками.

А у меня орудие. И тоже надо бить из него одному, как из винтовки. Огромная 122-миллиметровая пушка превратилась в мое личное оружие...

Финны на поляне перед орудием. Финны у опушки. Стреляют, собираются группами, перебегают с места на место. Вражеские пулеметы и автоматы, сея пули, не дают мне возможности голову поднять.

Я свернулся клубочком между железными станинами орудия, раздвинутыми на снегу в форме ласточкиного хвоста.

К панораме подойти — и думать нечего. Да и лишне. Стреляю прямой наводкой. Поднимаю над головой руку, открываю затвор. Поднимаю снаряд и закладываю. Таким же порядком посылаю заряд. Затем, действуя одновременно поворотным и подъемным механизмами, ловлю белофиннов «на мушку», а попросту сказать, прикидываю на-глаз, куда, в какую группу выгоднее ударить.

Финны — ни минуты на месте. Все время перебегают. Я это учитываю. Навожу не в бегущих, а перед ними.

Навел. Раз! — дергаю за шнур, конец которого тут же, у меня на коленях.

Выстрел.

Осторожно бросаю взгляд вперед, проверяю исполнение.

Разнесло белофиннов впрах...

Опять тянусь рукой вверх, открываю замок. Вываливается на меня стреляная гильза.

Опять заряжаю орудие. Опять, улучив момент, стреляю по скоплению противника.

Кончаются снаряды, а раскупоривать новый ящик долго, канительно. Схвачу целый ящик, подниму — да ребром о станину орудия. Хрясь! — снаряды вылетают из ящика.

Я закладывал снаряд в орудие, даже и не глядя — свернут колпачок или не свернут. Где уж тут колпачки сворачивать, — станешь разбираться, так самого свернут.

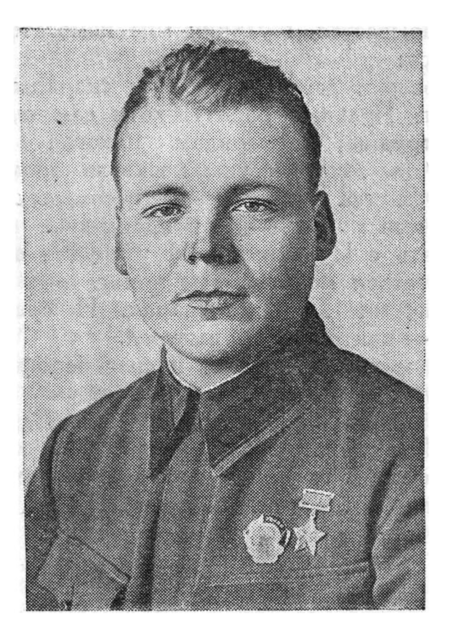

Батарея Героя Советского Союза старшего лейтенанта Д. Маргулиса отражает нападение белофиннов.

С картины худ. Н. Никифорова

Финны то тут, то там. Работаю, а сам только и оглядываюсь по сторонам. То и дело приходилось пускать в ход винтовку или револьвер. Тут у меня на станине, как на полочке, — и ружейные патроны и револьверные. Полный арсенал наготове.

Идет бой. Жарко.

Герой Советского Союза Г. Пулькин

Командир дивизиона капитан Хоменко, собрав позади с десяток бойцов, прибежал с возгласом:

— Товарищ Маргулис! Иду на помощь.

Раненый командир тотчас скомандовал:

— В атаку! За Родину! За Сталина!..

И бросился, возглавляя горстку бойцов, вперед.

Но и после этой атаки финнов оставалось еще немало, и они продолжали свои попытки захватить батарею, действуя против нас группами по 15—20 человек.

Гляжу — одна такая группа с криками бросилась прямо к моему орудию.

Я успел выстрелить из орудия, и от наскочивших финнов ничего не осталось, но своим же снарядом я едва не вывел из строя пушку, — так близко разорвался снаряд. Осколки перекорежили щит.

Вдруг слышу сзади шорох. Я обернулся с наганом в руке.

— Кто?

— Не стреляй, Лаптев. Это я, Пулькин, кузнец.

Вижу — верно, Пулькин. Удивился я: как же это он прополз сюда, когда над снегом головы не поднять. Весь снег кругом так и вихрится от белофинских пуль.

Но расспрашивать некогда.

Приполз, оказывается, Пулькин мне помогать.

Я обрадовался:

— Давай, говорю, давай, — подноси снаряды.

Облегчил мне Пулькин работу, хотя сам он и был всего кузнецом — к орудию, к снарядам никогда не прикасался. Здорово облегчил. А то я уже насквозь промок — словно в бане побывал. Шутка сказать — за восьмерых один работал. Тут и 30 градусов мороза — не в прохладу...

Стали работать с Пулькиным. И у орудия он мне облегчил работу, и отбиваться по сторонам помог.

Подал, помню, мне Пулькин снаряд. И сразу у меня над ухом: — Хлоп! — винтовочный выстрел.

Оглянулся я и вижу — падает в снег белофинский офицер и граната в руке. Это его Пулькин стукнул.

Поработал со мной парень, поработал. Вдруг я оглядываюсь, — где Пулькин?.. А он уже пошел в атаку.

...Бой с белофиннами продолжался несколько часов. Враги были отброшены от батареи. Только ушло их очень немного.

Летчик

А. ПАХОМОВ

Сталинская вахта

Сталин!.. С этим именем начинал свой трудовой день 21 декабря советский народ. С этим именем встретили свое боевое утро летчики и техники.

В этот день нам первым предстояло вылететь на сталинскую вахту для охраны Ленинграда от возможного воздушного нападения противника.

В морозном рассвете еще не потухли мириады звезд. Декабрьское утро сулило хорошую летную погоду. От холода мы вынуждены были прятать лицо в меховые маски. Они сделали всех летчиков похожими друг на друга. Но ведь все советские летчики и в самом деле похожи своими смелыми делами, мужеством, а главное — преданностью Родине.

Сколько сил вложили в свою работу техники и мотористы! В эти штурмовые дни, когда ртуть в термометре падала до 40 градусов ниже нуля, когда от одного прикосновения к холодному металлу сходила с пальцев кожа, техники добирались до сердца своих «ястребков» — до моторов — и отогревали их.

Дан сигнал к вылету на боевую вахту. Заревели моторы. Стальные винты взметают тучи снежной пыли.

Миг — и самолеты в воздухе. Закутанные в мех, крепко перетянутые ремнями сидят в кабинах летчики.

Подразделения ведет москвич Виноградов, бывший арматурщик. У него горячее сердце советского патриота, железное спокойствие и непреклонная воля. Под теплым комбинезоном на его груди — орден, награда правительства за выполнение особо важных заданий. Много раз Виноградов видел смерть так близко, что, казалось, до встречи с ней оставались секунды. Но выдержка, воля и смелость побеждали.

Рядом с ним летит лейтенант Неуструев. Слева от него молодой летчик Яковин. Оба они специалисты по зениткам. Как только заметят,— камнем на них.

Плывут под самолетами перелески и поля. Вот и Ленинград. Он спокоен и горд. Испещренный водными магистралями, стоит он на берегу Балтики, дымя сотнями заводских труб. Блестит

залитый солнцем золоченый купол Исаакия. Чудесный город! Даже с высоты 4 тысяч метров чувствуется его кипучая жизнь.

Я снова смотрю на город: он ласкает взор величественной, беспримерной красой. Невольно вспоминается его героическое прошлое: 1905 год, приезд Ленина, Октябрьская ночь 1917 года, Сталин — руководитель обороны Петрограда, и все, что связано со славными делами рабочих этого исторического города.

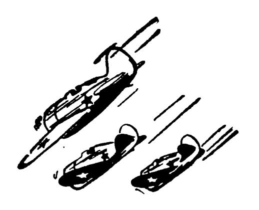
За этот город мы скорее отдадим всю свою кровь, каплю за каплей, чем позволим врагу нарушить спокойствие великой приморской столицы.

Летим на большой высоте. Мороз уже далеко перевалил за сорок. Внимательно просматриваем все вокруг. Никакая хитрость врага нас не проведет. Над этим городом врагу никогда не летать.

Время нашей сталинской вахты подходит к концу. Вот уже в голубой дымке показалась смена. Словно белые лебеди, плывут самолеты нашей второй группы.

Мы сдаем боевую сталинскую вахту товарищам. Резко снижаясь, идем на посадку. Через два часа мы полетим в тыл врага.

Сегодня будем штурмовать его так, чтобы Сталин сказал: «Спасибо!»

Капитсч
К. ГОЛУБЕНКОВ

В честь любимого Сталина

За много дней до получения приказа о вылете наше подразделение было в полной готовности. Летный состав приготовил карты к полету, технический состав проверил материальную часть. В боевом листке была помещена короткая заметка летчиков Шведова и Голубя. В ней говорилось: «Выполним любой боевой приказ командования, уничтожим данную нам цель!» Эти два летчика уже получили боевое крещение на Халхин-Голе, оба они награждены орденами.

Работа шла более четко, чем в мирное время. Даже обычно медлительные Зимин, Поздня, Семенов проявляли исключительную напористость и энергию.

Только одно нас угнетало: не было летной погоды. «Небесная канцелярия» путала все наши карты.

Мы с жадностью читали первые сводки с фронта и в один голос твердили:

— Эх, погода проклятая! Помочь бы ребяткам килограммчиками, угостить бы белофиннов уральским металлом.

Сумрачные дождливые дни сменились морозом и пургой. Как назло, ни одного дня хорошей погоды. Трудно передать, как доставалось метеорологу за то, что он не предсказывал хотя бы удовлетворительной погоды!

Но вот на синоптической карте показался край циклона, и на 19 декабря была обещана погодка, правда, по оценке нашего командира майора Алексеева, «в полоску», но все же летная.

19 декабря, как и всегда, мы вышли на аэродром в 5 часов 30 минут. В темноте опробовали моторы, проверили пулеметы, дежурный метеоролог грустным голосом прочитал нам сводку погоды и, как положено ему по штату, высказал массу сомнений, «расставил» снег, туман и бурю по всему маршруту, так что радоваться было нечему.

В 12 часов 30 минут в воздух взлетела белая ракета. На аэродроме сразу все ожило. Летный состав надевает парашюты, техники готовят моторы к запуску.

Через пять минут взлетели две белые ракеты, а еще через минуту сто с лишним моторов гудели на разные лады, нарушая тишину маленького городка, примыкающего к аэродрому.

Одна за другой пошли на взлет машины, и летчики, которые были еще на земле, мысленно называли счастливцами своих товарищей, уже поднявшихся в воздух.

На высоте 100 метров флагман исчез в облаках, за ним скрылся и другой самолет. Сердце сжалось от обиды: «Неужели не выпустят?» Очень уж плохо взлетать последним: вечно приходится ждать, а потом догонять.

Руководитель взлета поднял красный флажок, потом показал крест двумя флажками. Сердце сжалось от досады.

Машина флагмана села, за ней еще две. Но что такое? Одно звено построилось в клин и на высоте метров в семьдесят отвернуло от аэродрома и сразу же скрылось из вида.

Куда они? Почему не пускают других? Через 30 минут ведущий улетевшего звена тов. Серегин передал радиограмму: «Иду на цель, высота 600 метров». Но теперь аэродром закрыло туманом. Значит, там погода есть, а здесь мы сидим, как раки на мели.

Мы ждали возвращения ушедшего в бой звена. Погода стала немного улучшаться, видимость по горизонту увеличилась до 2 километров, высота облачности метров сто—сто пятьдесят. Последний срок вылета группы прошел. Был дан отбой, но с аэродрома никто не уходил. Кто успел, тот занял себе место в землянке и занялся шахматами, кто устроился под самолетом, все ждут, всем хочется встретить «первых ласточек».

Вот на горизонте показались самолеты. Притихший аэродром сразу ожил. Когда самолеты сели, все побежали взглянуть на летчиков — героев дня, пожать им руки, даже наш «Кутум» — щенок, которого мы дней десять назад спасли от голодной смерти, вылез из землянки и залился звонким лаем.

Теперь у нас только и разговоров было, что о первом полете. Участники полета делились своими впечатлениями, описывали виденное. Но все это не то, хотелось самому уничтожать врага.

20 декабря, канун дня рождения товарища Сталина, мы провели у самолетов. Вылета опять не было. Лишь к вечеру погода стала улучшаться, и мы впервые за двадцать дней увидели розоватую полоску заката. Каждый радовался улучшению погоды, каждому хотелось отметить день шестидесятилетия великого Сталина боевым вылетом. Метеоролог Мельниченко попрежнему высказывал сомнения, говорил о «соединении двух облачных фронтов» в районе Луги, о возможных осадках, а между тем стояла тихая морозная ночь, небо было усеяно звездами.

Стенная газета и боевой листок вышли, как всегда, любовно оформленные Поповым. В них было множество заметок летчиков, радистов, штурманов, техников и авиамехаников с самыми сердечными пожеланиями дорогому товарищу Сталину в день его шестидесятилетия. В каждой строчке чувствовалась безграничная преданность наших людей Родине, делу Ленина — Сталина. В этот день машины были готовы к вылету еще до рассвета. Стоял 25-градусный мороз. Чистое небо радовало всех. Но с рассветом стали появляться разорванные облака на весьма подозрительной высоте — метров сто пятьдесят—двести. И к восходу солнца все небо закрылось облачками, сильно ухудшилась горизонтальная видимость.

Настроение, как говорил мой штурман Шведовский, опустилось ниже нуля. Неужели Мельниченко прав? Неужели не будет вылета? Эта мысль томила всех нас.

Но вот снова появились разрывы облачков, видимость увеличилась. На аэродроме началось оживление.

Командира подразделения майора Алексеева вызвали к командиру полка вместе со штурманом. Через 15 минут командир полка сообщил летному составу боевой приказ: «Вылетаем в 10.30 в составе 9 экипажей. Цель: головной склад противника, что южнее Выборга 18 километров, в 2 километрах восточнее железнодорожной станции. Маршрут на карту наносить, курсы, расстояние и время даст штурман при подходе к заливу, записи уничтожить. В случае посадки на вражеской территории в плен не сдаваться. В тылу противника сделать все, что можно, для облегчения действий нашей пехоты».

Штурман эскадрильи коротко рассказал о признаках цели, дал курс, расстояния, а также указания на случай отрыва коголибо от строя.

Комиссар эскадрильи товарищ Догадин окинул взглядом летчиков и спросил:

— Все ли здоровы?

Больных не оказалось.

— Всем ли понятно задание?

— Всем! — ответили мы хором.

— Ну, так желаю вам успеха, время до вылета 20 минут.

Сегодня нашей эскадрилье разрешили вылететь первой. Когда после взлета легли на курс, погода не радовала. Облачность была до 200 метров, видимость стала ухудшаться, но это не страшило. Должна же быть хорошая погода, раз это предсказал Мельниченко! Пролетев минут тридцать, неожиданно вышли из-под облаков, и над нами открылось голубое небо. Лучи декабрьского солнца весело играли на серебристых машинах. Но впереди лежала черная гряда облаков, видно было, что она несет с собой снегопад.

Командир эскадрильи принял решение итти над облаками. Полет над ними продолжался не больше часа. Показался край облачности, а за ним и вражеская земля.

Трудно описать нашу радость, но забыть ее нельзя. Вот под нами северный берег Финского залива. Высота 5 тысяч метров. Хорошо виден Выборг. По земле стелется дым пожарищ. Больше с такой высоты ничего нельзя разглядеть.

— Скоро цель, — сказал мне штурман Шведовский по телефону и занялся своим делом.

Говорить о минутах, которые переживаешь при подходе к цели, очень трудно. Не подберешь слов, чтобы объяснить это человеку, который никогда не был над целью, а кто был, тот это легко поймет.

Все девять самолетов идут в плотном строю, как это не раз бывало, когда мы летали на парад.

Вот у ведущего открылись люки. Нервы напряглись; кажется, будто секунды идут гораздо медленнее, чем обычно. Говорю штурману;

— Люки, думблер, предохранитель.

От ведущего самолета оторвалась первая бомба, за ней пошли и остальные. Все самолеты сбросили свой грозный груз. Сразу стало легче, веселее.

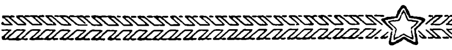
Все девять самолетов плавно развернулись. В это время Шведовский подскочил к соединяющему нас окошку и с такой заразительной улыбкой показал мне два больших пальца, что я тоже заулыбался, глядя на него.

Обратный маршрут был гораздо сложнее. Погода окончательно испортилась. Последние 70 километров шли в снегопаде, высота не больше 100 метров. Чувство радости, что цель уничтожена, покрывало все трудности. Вот и аэродром. Мы дома.

Этот первый боевой вылет, совпавший со днем шестидесятилетия товарища Сталина, мне никогда не забыть.

Я четырнадцать раз летал в глубокий тыл противника, мы с Шведовским были под ураганным огнем зенитной артиллерии, не раз встречались с вражескими истребителями, но первый вылет навсегда останется в памяти.

Политрук

П. МАТЮШИН

Первые дни перед линией Маннергейма

После занятия селения Бобошино части 123-й дивизии 10 декабря получили приказ двигаться правее Выборгского шоссе по дороге, соединяющей Бобошино со станцией Кямяря. Эта дорога имела для противника важнейшее значение: по ней финны питали огневыми средствами весь центральный узел своей обороны. Занятием станции Кямяря прерывалась железнодорожная магистраль, а вместе с ней и многие другие стратегические пути. Понятно, почему финны обороняли с таким ожесточением каждый километр дороги, по которой следовала дивизия. Завалы, минные поля, фугасы, «кукушки» на деревьях по сторонам дороги,— вот с чем мы столкнулись, как только двинулись из Бобошина.

Утром 12 декабря передовой полк дивизии вышел на северную опушку рощи «Зуб». Дальше, не разведав местности, двигаться было нельзя. Впереди лежала широкая, километра на полтора, голая лощина, замыкаемая с севера высотой, помеченной на карте 65,5. За высотой виднелся лес: роща «Фигурная», так мы ее назвали потом. Справа от дороги к лощине подходила вторая роща, обозначенная на карте в форме молотка, роща «Молоток» (под таким названием она вошла в историю боев). Слева от высоты, по направлению к Сумме, тянулось низкое, покрытое мелким и чахлым кустарником болото, замыкаемое с севера возвышенностями (высота «Язык»), правда, невысокими, но весьма удобными для обстрела местности.

На высоте 65,5, на возвышенности «Язык» и слева от нее, а также в рощах «Молоток» и «Фигурная» враг возвел сильные укрепления. Высота 65,5 имела два железобетонных дота, соединенных между собой подземной бетонированной траншеей-тоннелем, где размещался батальон солдат. В глубине, по направлению к роще «Фигурная», стояло мощное железобетонное укрытие. На возвышенности «Язык» — укрепление, тоже из железа и бетона, с артиллерийскими и пулеметными установками.

В роще «Молоток» железобетонный дот поддерживало большое количество дзотов.

Огневые позиции минометов были устроены повсюду. Артиллерию скрывал сосняк рощи «Фигурная». Все пространство между дотами было изрезано хорошо замаскированными траншеями, по которым финны, оставаясь незамеченными, могли перебрасывать силы на любой участок оборонительной полосы. Траншеи проходили через укрепленные землянки, рассчитанные на размещение до 100 солдат в каждой. Огневые точки всей укрепленной полосы, скрещиваясь, поражали каждый метр лощины и в то же время взаимно обороняли одна другую. А ко всему этому следует добавить целую систему заграждений: надолбы, противотанковые рвы, колючая проволока и минированные участки. Лощину перехватывал широкий пояс надолб, дотов, а за ним лежал глубокий ров, и по ту сторону рва подступ к дотам замыкали пять рядов проволочного заграждения.

Таков был характер укрепленного района, через который лежал наш путь к Кямяря. Выйдя к лощине 12 декабря, мы не знали еще, что именно здесь, вот на этом участке нашего пути, начинаются укрепления линии Маннергейма. Ни дотов, ни дзотов, ни железобетонных артиллерийских сооружений, ни землянок, ни траншей — ничего не было видно. Доты гнездились глубоко в земле, торчали над ними сосенки, пеньки, а то и могучие сосны.

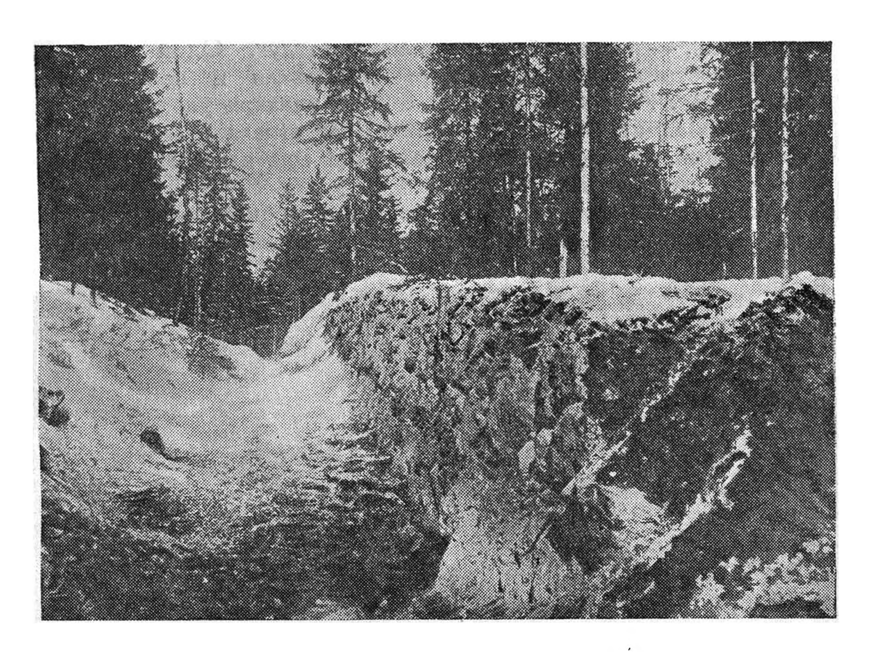
Ничто не указывало на наличие вражеских укреплений на высоте 65,5. Однако перед нами лежала лощина, замыкаемая высотой и двумя рощами («Фигурная» и «Молоток»), и этого было достаточно, чтобы мы не сделали ложного шага.

Батальоны выделили разведчиков. Десятка три крепких, мужественных людей, надев белые халаты, поползли по снегу. Зарываясь в снег, как кроты, все дальше и дальше углублялись они в лощину. И вот остановились: путь им преградили малозаметные препятствия — сплошная паутина колючей проволоки. Сунешься в нее — так не скоро вырвешься.

Весь следующий день мы уничтожали малозаметные препятствия в лощине. Враг не выдержал: открыл из-за надолб огонь из пулеметов и автоматов. Отлично! Это был уже большой результат: значит, финны защищают лощину, не оставили ее.

С утра 14 декабря 2-я рота 1-го батальона провела разведку боем. Роте были приданы два танка. Задача: обнаружить огневые точки врага в надолбах. Рота рассыпалась по лощине, поползла. Из-за надолб застрекотали пулеметы и автоматы. Рванулись вперед наши танки, но откуда-то из-за высоты по танкам стали бить минометы.

Пояс разрывов мин все шире и шире охватывал местность перед надолбами. Бойцы залегли. Танки отошли, лавируя меж-

Каменная стена с противотанковым рвом

ду разрывами. Минометы врага стали охотиться за танками, и вот тут-то наши бойцы рванулись вперед, к надолбам. Впереди — отделение младшего командира Бурмагина. Враг стреляет, а опытный и сметливый Бурмагин засекает его огневые точки. Потом отделение отползло, прикрываясь огнем станковых пулеметов, а через полчаса танки, снова лавируя среди разрывов мин, уничтожили огневые точки, обнаруженные отделением Бурмагина.

Высота 65,5 в эти дни молчала. Молчали и железобетонные логовища на возвышенности «Язык» и в роще «Молоток», не подавала голоса артиллерия, скрытая в роще «Фигурная». И выходило: перед нами только надолбы, противотанковый ров, проволока, пулеметы в надолбах да минометы за высотой.

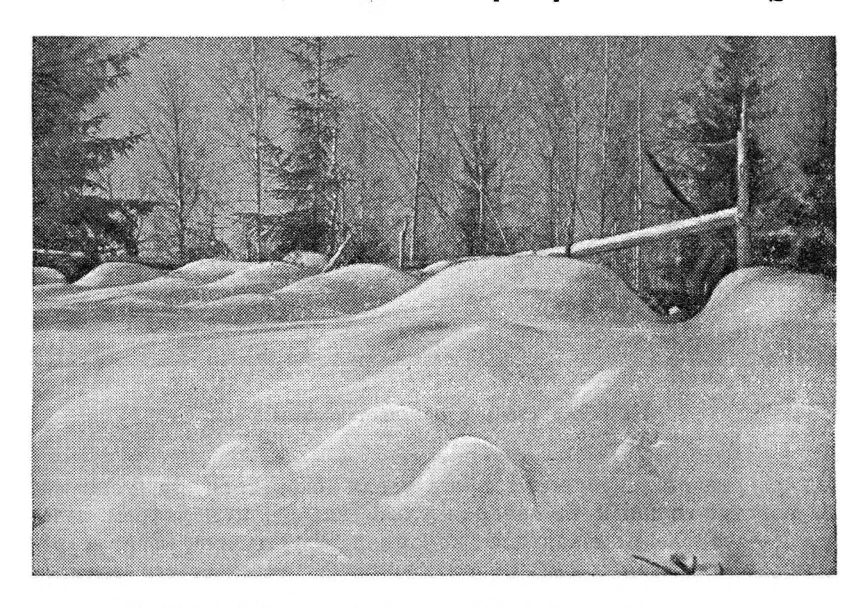
На 17 декабря было назначено общее наступление. Наш 1-й батальон наступал на возвышенности несколько левее высоты 65,5.

Утро выдалось мягкое. Покрытое облаками небо низко висело над землей. На елках и березах за высотой — кружевные узоры инея.

Наши артиллеристы прошлись по надолбам беглым огнем. Потом в воздух взвились ракеты, и первым ринулся к высоте саперный взвод младшего лейтенанта Баранова. Килограммы

взрывчатки, — и надолбы полетели в воздух. Один пролом, второй, третий. Отважные саперы прорезали и проволочные заграждения. А высота молчит, словно никаких укреплений на ней нет. Молчит роща «Молоток». Враг стреляет лишь с задних позиций, от рощи «Фигурная». Да еще из-за высоты ведут огонь минометы.

В воздух взвилась вторая ракета, и в лощину вышли танки, а за танками — пехота. Танки быстро проскочили по лощине,

Внешний вид вражеских траншей с бойницами у дотов

прошли через проломы в надолбах, на мгновение спрятались в противотанковом рву, а через минуту были уже на высоте 65,5, не зная, что под ними в земле железобетонные логовища врага. Вскоре на высоту ворвалась и пехота — бойцы 2-го батальона. Наш 1-й батальон занял возвышенность слева от высоты 65,5. 3-й батальон идет в атаку справа. И вот тут-то враг и привел в действие всю систему огневых точек укрепленного района, все пулеметы, минометы, артиллерию. Пули повизгивают, с грохотом рвутся мины и снаряды. По приказу бойцы откатываются с высоты в ров, оттуда — в надолбы.

Мы — в блиндированном укреплении. Выходы из него закрыты перекрестным огнем врага. Ловушка! Укрепление пристреляно, из него не выйдешь. Приказываю выставить станковые пулеметы у входов на случай атаки. Наблюдаю из узкой щели под крепкими накатами бревен: враг отчаянно бьет, но

ни одной огневой точки обнаружить невозможно. Все укрыто, замаскировано. Огонь чертовский! Полк откатывается через лощину, в рощу «Зуб», на свое исходное положение. Мы — примерно полторы роты 1-го батальона — остаемся в блиндаже. Темнеет. Едва делаем попытку вырваться из блиндажа, — убийственный перекрестный огонь из невидимых точек снова заграждает выход.

Только через пять дней мне удалось вывести бойцов из этой ловушки. Полк окапывался, рыл землянки. Предстояла стоянка. Стало ясно: за этой заснеженной лощиной на высоте 65,5 и на возвышенностях слева от нее, и в роще «Молоток», что справа, и в глубине рощи «Фигурная» — укрепленный район врага.

ПОДГОТОВКА ШТУРМА ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Полковник

П. ГРУЗДЕВ

Товарищ Тимошенко на передовых позициях

Стремительно перейдя границу и преодолев серьезно укрепленное предполье, мы подошли вплотную к линии Маннергейма.

Со всех концов нашей необъятной страны в части Действующей армии шли взволнованные, горячие письма. Советские патриоты выражали в них пламенную любовь к своим славным защитникам. Эта любовь согревала нас в самые лютые морозы. В трогательных, заботливых строках к нам нередко обращались с вопросом: а скоро ли вы окончательно разделаетесь с врагом?

Нетерпение было естественным, им горела вся страна, которая ничего не жалела для своей родной Красной Армии, но по праву требовала взамен, чтобы мы отвечали не только обещаниями, даже не только героизмом, но — прежде всего — победами. И каждый из нас чувствовал, как велика наша ответственность перед советским народом.

* * *

Командующий Северо-Западным фронтом командарм 1 ранга товарищ Тимошенко приказал начать штурм Хотинена. Слова его приказа прозвучали для нас приказом всего советского народа—незыблемым приказом партии, правительства, Сталина.

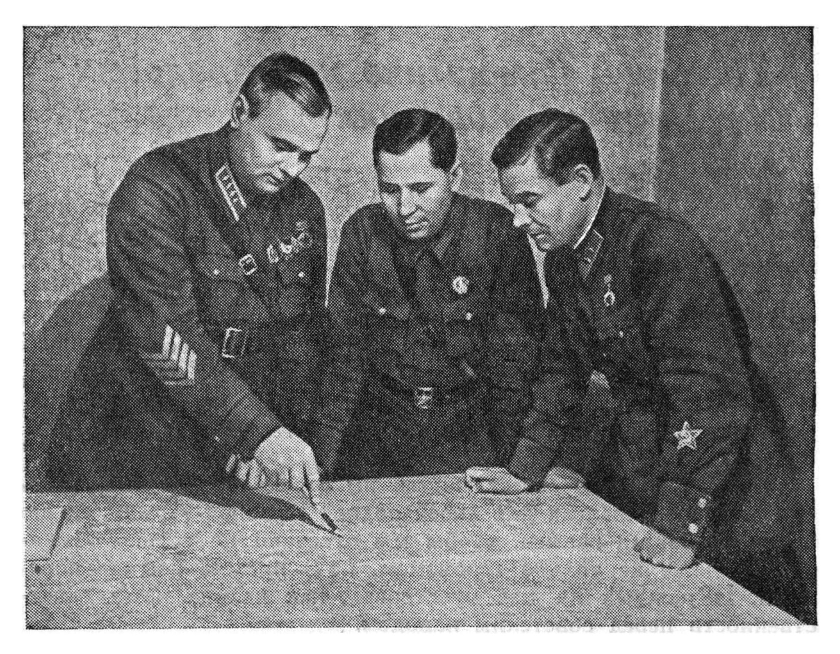
...Блиндаж штаба дивизии. Два часа дня. Вскоре начнется трехчасовая артиллерийская подготовка, а за ней и штурм.

Дверь растворяется, но она низка для входящего: ему приходится нагнуться. Войдя со света в блиндаж, он щурится и прищуренными глазами пристально всматривается в тех, кто находится в блиндаже. Вслед за ним входят в штаб командарм 2 ранга Мерецков, член Военного Совета армии корпусный комиссар Вашугин, комкор Воронов, комдив Парсегов.

Неужели на долю нашей дивизии выпала такая честь, что в решающие минуты штурма Хотинена командующий фронтом товарищ Тимошенко будет с нами?

Так и есть, — это он!

Стараясь совладать с охватившими меня радостью и волнением, рапортую товарищу Тимошенко. Но командующий фронтом не ограничивается принятием рапорта. Указывая на командиров, находящихся в блиндаже штаба, спрашивает о каждом в отдельности, кто это такой.

На снимке (слева направо): командующий N-ской армией К. Мерецков и члены Военного Совета Т. Штыков и Н. Клементьев

Представляю:

— Врид начальника 1-й части штаба дивизии капитан Лихолетов, начальник артиллерии дивизии комбриг Губернев, командир полка полковник такой-то...

— Так это вы? — сразу обратился к названному мной полковнику товарищ Тимошенко.

Полковник вытянулся еще старательнее. Видимо, его подкупило, что только-что назначенный командующий фронтом товарищ Тимошенко уже знает его фамилию.

— Я, товарищ командарм 1 ранга.

Затем товарищ Тимошенко потребовал доклад от комбрига Губернева о готовности артиллерии.

— То, что вы доложили, — подытожил товарищ Тимошенко, — хорошо. Но пока это только слова. А вот если на деле вы

пропустите сигнал и первый выстрел отстанет хоть на секунду от сигнала...

Товарищ Тимошенко не закончил фразу, но все мы отчетливо поняли, что от нас ждут теперь не слов, а дел, и что на счету каждая секунда.

Вслед за этим наступила очередь моего доклада. Товарищ Тимошенко приказал доложить все детали подготовки операции. Он особенно тщательно проверил, насколько точно знают свою задачу части, притом не вообще, а в отдельности: стрелковые полки, артиллерия, танки. Я подробно рассказал, как спланирован бой, как организовали свою работу штабы. Товарищ Тимошенко обратил мое внимание на такое ответственное звено, как низовая, ротная ячейка управления. Сейчас трудно, конечно, восстановить в памяти подлинные слова командующего фронтом, но сущность их я запомнил на всю жизнь: как бы ни был подготовлен бой в целом, но если низовая ячейка управления не подготовлена к четкой и бесперебойной работе, — под ударом успех всего боя.

Незадолго перед тем как должны были раздаться первые выстрелы наших орудий, товарищ Тимошенко оставил блиндаж штаба дивизии и направился на артиллерийские позиции наблюдать работу артиллеристов и стрелков.

Понятно, что испытал в эти минуты каждый из командиров, находившихся в штабе. Командующий рисковал жизнью: артиллерийские позиции находились под непрерывным огнем противника.

Я попробовал сказать товарищу Тимошенко, что мы не имеем права допустить его на передовые позиции. Но командующий фронтом решительно возразил мне:

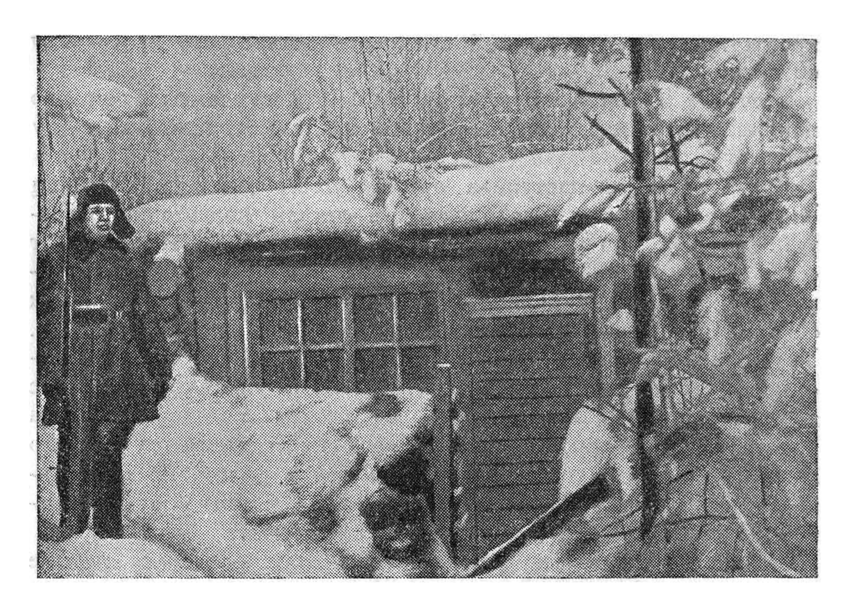
— Я провел гражданскую войну и никогда не пропускал случая наблюдать за работой командиров и бойцов лично. Это необходимо командиру любого ранга!

Как только артиллеристы увидели, что к ним на позиции пришел сам командующий фронтом, темп огня возрос максимально. Люди сбросили полушубки, чтобы поживее управляться у орудий, — а мороз стоял в 37 градусов! Сама земля, казалось, загудела от нашего огня.

Товарищ Тимошенко сравнил их действия с работой слаженного механизма на хорошем заводе.

— Четко работают! Быстро работают! — несколько раз повторил он.

Но еще быстрее, чем работали артиллеристы, распространилась по всей дивизии весть о том, что к нам прибыл командующий. С энтузиазмом встретили всюду эту весть наши славные воины.

У штабной землянки

* * *

После артиллерийской подготовки части нашей дивизии преодолели первую полосу прикрытия обороны Хотиненского узла и вышли за линию надолб, противотанковых рвов и проволочных заграждений.

Падение Хотинена было уже не за горами.

Бригадный комиссар

Г. АКСЕЛЬРОД

Ознакомление с тактикой противника

Опираясь на мощные укрепления линии Маннергейма, используя сложные условия местности и суровый климат, белофинны в действиях против наших войск применили особую тактику.

У немногочисленных дорог и лесных троп финны выставляли растянутое в глубину охранение с большим количеством полевых караулов. Финская разведка действовала мелкими группами и была вооружена автоматами. Разведчики ходили на лыжах растянутым в глубину строем, выбирая для своих вылазок преимущественно плохую погоду.

На всем протяжении предполья финны создали минные поля, различные противопехотные и противотанковые препятствия — рвы, надолбы, ледяные валы, завалы, обеспеченные мощным огнем. На лесистой, трудно просматриваемой местности они устанавливали сеть стрелков-автоматчиков, так называемых «кукушек», которые вели огонь с деревьев. Их задача заключалась в том, чтобы внезапным фланкирующим огнем сдерживать наступающих или стрельбой с тыла сеять среди них панику. За валунами, которыми была усеяна вся местность, укрывались финские пулеметы и пушки. Эти же камни служили щитом для автоматчиков. В скалах таились минометчики.

Особенно укрепился враг в районе Хотинена, являвшегося одним из самых сильных районов линии Маннергейма. Интересно, что во время наших артиллерийских подготовок финны применяли такой прием: с первыми же артиллерийскими выстрелами они покидали свои оборонительные сооружения — пулеметные гнезда, снайперские укрытия, траншеи — и прятались в глубокие ниши, сделанные в стенах траншей, но как только наша артиллерия переносила огонь в глубину обороны, финны вновь занимали свои места и встречали наступающих ураганным огнем.

Многое в тактике противника было ново для нас. Перед нами стояла задача как можно скорее изучить особенности

финской тактики и ознакомить с ними всех командиров, политработников и бойцов.

Я расскажу о некоторых формах работы, использованных в нашей дивизии для ознакомления личного состава с коварными приемами финской тактики и своеобразными условиями борьбы на Карельском перешейке.

Собираясь в землянках на коллективные читки, командиры и политработники изучали приказы и инструкции командования, критически продумывали брошюры по вопросам тактики, изданные в Финляндии и переведенные на русский язык («По финским взглядам», «Партизанские действия», «Действия зимой»).

Знакомясь с военной литературой противника, наша дивизия одновременно приступила к изучению и распространению собственного боевого опыта.

Коварству врага наши войска противопоставили русскую смекалку, красноармейскую хитрость. У нас накапливался богатый боевой опыт. Бойцы и командиры часто сводили на-нет уловки врага. Мы приступили к широкой популяризации этого опыта.

Старший лейтенант Ватагин (ныне Герой Советского Союза) руководил блокировкой дота № 34. Блокировочная группа окружила дот, незаметно доставила к нему взрывчатые вещества, подорвала его и вернулась без потерь, захватив с собой пленного. Это был первый из 18 разрушенных нашей дивизией дотов Хотиненского узла. Поэтому операция блокировочной группы старшего лейтенанта Ватагина вызвала огромный интерес среди бойцов и командиров дивизии. На собраниях партийного актива частей Ватагин и его боевые спутники подробно рассказали о действиях своей группы. Такой обмен опытом принес большую пользу.

Столь же широко были обсуждены в дивизии действия разведывательной группы лейтенанта Свекровина, обнаружившей два дотоле неизвестных дота. Свекровин выступил на комсомольских собраниях, на совещании разведчиков и т. д.

С этого времени разведывательные подразделения стали действовать заметно активнее.

Внимание дивизии приковал подвиг пулеметчика Калашникова. В бою у озера Хатьялахден-ярви он отразил нападение группы противника, прорвавшегося в тыл нашего батальона. В секторе обстрела его пулемета осталось около 80 трупов. О своих действиях, о приемах стрельбы и об уходе за пулеметом в морозы Калашников рассказал на совещании пулеметчиков.

«Разить врага по-калашниковски» — стало лозунгом пулеметчиков.

И до последнего дня войны наши пулеметчики вели себя геройски. В наступление они всегда шли рядом с пехотой, не отставая от нее ни на шаг. По-калашниковски действовала группа пулеметчиков во главе с лейтенантом Перегудой. Шестнадцать часов она вела бой с противником, численно превосходившим ее во много раз, и вышла из боя без потерь.

Всякая новая уловка врага, новый тактический прием немедленно становились известны всей дивизии. Наши саперы быстро овладели миноискателем и безошибочно обнаруживали мины. Но однажды поздним январским вечером из разведки вернулись взволнованные саперы, держа в руках впервые найденную противопехотную мину в деревянной оболочке. Такими минами было усеяно целое поле. Стало ясно, что враг вместо мин с металлической оболочкой, которые легко «выуживались» нашими миноискателями, начал применять мины в деревянных ящичках.

Тут же было организовано инструктивное занятие с командирами саперных подразделений о способах борьбы с новыми минами. Те в свою очередь провели занятия с бойцами. Новые способы, примененные на практике, целиком оправдали себя. Саперы не только сами научились находить минные ловушки, но обучили этому делу и пехотинцев. Часто можно было видеть такую картину: стоит сапер, окруженный стрелками, держит в руках мину и рассказывает своим слушателям, по каким признакам можно найти в снегу этот «гостинец» и как его обезвредить.

В борьбе с противником вырабатывались новые приемы нашей тактики. Артиллерийскую подготовку мы стали вести с перерывами. Когда финны, решив, что артиллерийская подготовка закончилась, вылезали из ниш, на них снова неожиданно обрушивался шквал орудийного огня. Важнейшим из этих приемов оказалось движение за огневым валом. Быстрому освоению такой тактики способствовало тесное взаимодействие пехоты с артиллерией. Мы всячески поощряли непосредственное общение между этими двумя могущественными родами оружия. На совместных совещаниях пехотинцы и артиллеристы отрабатывали вопросы взаимодействия. Бойцы приучились к мысли, что успех дела зависит от бесстрашного движения за огневым валом, как можно ближе к нему. При прорыве укрепленного района это в значительной мере содействовало нашей победе.

Старший политрук

А. КОСЕНКО

Трое отважных

Командир роты Ватагин кончил специальные курсы разведчиков. Он был незаурядным снайпером. Больше того, обучал все снайперские команды в полку. О нем как о командире нельзя было сказать ничего дурного. Тем не менее вначале совершенно не было уверенности, что это действительно тот человек, которого можно поставить во главе разведывательной группы полка. Кто знает, чем это объяснить. Пожалуй, очень уж обманчива была внешность Ватагина. Невысокого роста, худенький, он производил впечатление мальчика, наряженного в военную форму. Да, кроме того, был слишком скромен, старался держаться в тени; голос его вообще был слышен редко.

И вот Ватагин стал во главе разведывательной группы полка. Группу он сформировал из добровольцев. Помощником себе назначил командира взвода Герасименко. На хорошем счету у Ватагина был командир отделения Кириллов, только-что окончивший полковую школу и пока не проявивший себя ничем особенным.

Чуть ли не каждую ночь отправлялись разведчики в расположение противника, каждую ночь бывали там. Возвращаясь, докладывали об огневых точках белофиннов, о путях подхода к дотам. Все это казалось обычным, и, надо прямо сказать, работа полковой разведывательной группы вначале многих не удовлетворяла. От нее ждали более ощутимых результатов.

Но вот однажды разведчики заставили заговорить о себе. Герасименко сумел добыть два пулемета, оставленных нашими в предыдущих боях на «ничьей земле». Много раз пытались мы вытащить оттуда эти пулеметы, но противник днем и ночью держал их под обстрелом как приманку.

Пулеметы были минированы. Герасименко, установив это, потихоньку вернулся назад и в следующую ночь пополз на «ничью землю», захватив соответствующие инструменты для разминирования.

Какую стрельбу открыли финны на утро, когда обнаружили, что приманка исчезла, а «угощение», заложенное под ней, никому не нанесло вреда! Лишь этой бесплодной стрельбой они и могли утешить себя.

Между тем разведчики тщательно изучали передний край обороны противника: и в ночных поисках и при дневном свете. По целым дням просиживали они в замаскированных укрытиях, внимательно фиксируя каждый шаг белофиннов, каждое их движение. Все эти наблюдения показали, что прямо перед нами находится какой-то очень мощный дот. Это был так называемый «Миллионный» дот, который противник считал ключом ко всему Хотиненскому узлу обороны.

Ватагину было приказано добыть «языка». Командир разведывательной группы справедливо рассудил, что добывать «языка» в районе такого мощного дота — почти безнадежное дело. Он предложил иной план, на первый взгляд более сложный и трудный: добыть «языка» не на переднем крае обороны, а в глубине ее, где находился небольшой дот, уже подробно разведанный. Командование согласилось с этим предложением.

11 января, как только стемнело, группа Ватагина отправилась по лесу в свой опасный путь.

Вообразите себе лес, состоящий не из деревьев, а из столбов, лес без признаков ветвей на деревьях — только ободранные стволы остались на второй месяц беспрерывной бомбардировки! Вот по такому лесу и ползли двенадцать разведчиков. То вывороченная коряга преграждала им путь, то цепь воронок, то завал из деревьев, сбитых снарядами...

Уже остался позади дот № 45 (тот самый, что финны называли «Миллионным»). Разведчики зашли в тыл противника и с фланга подобрались к намеченной огневой точке.

Так и есть, расчеты были правильны: в тылу противник менее осторожен — ни одного часового!

Расставив часть людей вокруг дота для наблюдения за амбразурами, Ватагин с Герасименко и остальными бойцами направился к двери дота. Попытались открыть ее ломом — не удалось.

Загремели пустые консервные банки под ногами одного из разведчиков. Внутри каземата послышались голоса. Затем оттуда что-то громко спросили по-фински.

Разведчики промолчали.

Из дота раздалось (уже по-русски):

— Кто там? Что нужно?

Ни Герасименко, орудовавший ломом, ни кто другой из разведчиков не посмеялся над неожиданной наивностью вопроса — не до этого было.

Герасименко закричал:

— Открывай дверь.

В ответ из каземата раздалась отборная русская брань, произносимая, правда, с явным финским акцентом. И почти вслед за ней откуда-то из финского тыла прилетел грохнувший неподалеку снаряд: должно быть финны, что сидели в доте, не только переругивались с нашими, но одновременно сообщили по телефону своему начальству о нападении.

Пришлось спешно ретироваться. Как это ни странно, преследования не было никакого. Команда дота, вероятно, не решилась высунуть нос наружу, боясь попасть под разрывы своих же снарядов.

Как бы то ни было, наша разведка благополучно вернулась назад, притащив в качестве вещественного доказательства кусок бетона от дота.

По возвращении Ватагин подробно разобрал итоги этой вылазки и пришел к выводу, что допустил ряд ошибок. Во-первых, не захватил с собой сапер и взрывчатого вещества. Во-вторых, заранее не договорился, чтобы разведка в нужный момент была поддержана артиллерией. А чтобы артиллерия смогла поддержать разведчиков огнем, надо было иметь с ней постоянную связь, т. е. итти в разведку с проводом.

Командование признало доводы Ватагина основательными. Следующей ночью он снова отправился в расположение противника, имея уже сапер и связиста.

Основная группа пошла в прежнем составе. Сомнение возникло только насчет одного человека — Кириллова: можно ли ему итти? Дело в том, что Кириллов неожиданно заболел. Температура подскочила до 38 градусов, лицо покрылось неестественным румянцем, человеку явно следовало отлежаться в тепле.

Но Кириллов с необычайной для него настойчивостью и горячностью доказывал, что повышенная температура и румянец — это попросту результат волнения, вызванного неудачей прошлой ночи, болезнь его как рукой снимет, если ему все-таки разрешат пойти в разведку, и вообще — это не болезнь, а сущие пустяки. В конце концов он убедил Ватагина.

Изведанным путем опять двинулись разведчики в обход «Миллионного» к дальней огневой точке...

Вот и она. Без единого звука расположились люди под командой Герасименко у амбразур дота, готовые в любую секунду забросать их гранатами.

Кириллов взобрался на купол дота, охраняя все подходы.

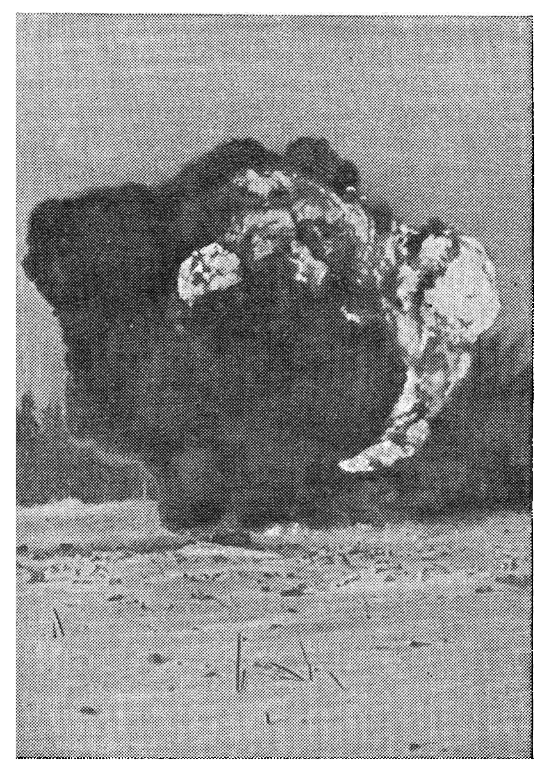
Саперы под руководством Ватагина заложили под дверь каземата взрывчатку.

Изнутри слышались спокойные голоса финнов, — там никого не ждали.

Саперы отошли, готовясь зажечь запальную трубку. Только Кириллов не покидал поста. Да он не так уже и беспокоился

за свою сохранность: взрывчатки заложили немного — лишь бы дверь вылетела. Поэтому вряд ли поранит.

Закладывать порцию поосновательней — так, чтобы взлетел весь дот, — Ватагин счел невыгодным. Во-первых, от такого «угощения» может не остаться ни одного живого среди гарнизона дота — и «языка» тогда не добудешь. Во-вторых, переполох произойдет чересчур большой, уходить придется с трудом: шутка сказать, целый дот в тылу на воздух взлетел! А взрыв не слишком большой мало ли от чего может произойти — хотя бы от собственной неосторожности команды дота. Конечно, переполох все равно будет, но как раз такой, что нашим разведчикам удастся под шумок благополучно вернуться назад...

Дот взорван

Ватагин командует саперам:

— Зажигай!

Огонь струйкой бежит по шнуру. Вот он подскочил к двери. Легкое шипение. Мгновенье тишины... Взрыв!..

Дверь рухнула наземь.

Тревожно озираясь, выскочил наружу какой-то финн.

Бросился на него сверху Кириллов, навалился Ватагин с саперами.

В дыру, образовавшуюся на месте двери, разведчики кинули несколько гранат, чтобы больше из дота никто уже не выскакивал! Пойманного финна связали, уложили в лодочку для перевозки раненых, которую захватили с собой, и — ходу!

Они видели, как к поврежденному доту спешили с разных сторон группы финнов... Где-то вспыхнула паническая стрельба.

Воспользовавшись тем, что внимание противника сосредоточилось на неожиданном взрыве в собственном тылу, наши разведчики довольно спокойно миновали передний край белофинской обороны.

Товарищи в части не знали, куда усадить героев. Потчевали их сладостями, отказываясь от собственного пайка, расспрашивали обо всех подробностях вылазки. В блиндаж приходили все новые и новые люди, настаивая, чтобы им повторили всю историю сначала.

Только сейчас Кириллов почувствовал, что он действительно болен. Он даже отказался от угощения...

В штабе тем временем допрашивали «языка».

* * *

С быстротой выстрела облетела дивизию весть о подвиге ватагинских разведчиков. Каждый командир, каждый мало-мальски инициативный боец стал строить собственные планы разведки, захвата «языка», разрушения дота. Пример ватагинцев поднимал людей на новые героические дела, звал к окончательному разгрому врага...

Советское правительство высоко оценило доблесть смелых разведчиков. Ватагину и Кириллову было присвоено звание Героев Советского Союза. Герасименко награжден орденом Ленина. Многие другие также были отмечены наградами.

Герой Советского Союза лейтенант
П. РЕБЕНОК

Из боевой практики разведчика

Сейчас, через год, мне уже трудно вспомнить все числа, когда ходил в разведку. Точно помню лишь, что ходил шестнадцать раз — до того самого дня, пока не ранили. Единственное, что навсегда врезалось в память, — дата первой разведки, хотя эта разведка была и не так уж интересна.

В первой половине января, после того как мы достигли Хотиненского узла линии Маннергейма и убедились, что без предварительной подготовки не преодолеть его, наша часть заняла оборону. В этот период все активные действия нашего стрелкового батальона, где я работал помощником начальника штаба, свелись преимущественно к разведке.

Каждый раз, ставя задачу разведчикам, я мечтал: «Вот кабы мне с ними пойти...» Конечно, не у одного меня такое настроение было: любой наш командир и боец за честь считал оказаться в разведывательной группе.

Одна такая группа была создана по предложению командира батальона старшего лейтенанта Мешкова (теперь он Герой Советского Союза). Товарищи в нее подобрались — один к одному. С такими не то что в разведку — к чорту на рога итти не страшно.

Командовать группой было поручено мне, и 18 января я впервые отправился «в гости» к белофиннам.

Ночь — глаза выколи. Вышли в 12 часов. Было это правее Кархулы, у опушки леса. Мост через речонку миновали спокойно — финны нас не заметили. Пошли дальше. Наткнулись на проволочное заграждение. Искушение возникло большое: чего перед ним зря задерживаться, когда нас не обнаружили? — взять да перерезать! Но удалось пересилить нетерпение: разведчику торопиться никак нельзя.

Залегли мы молча возле проволоки. Знаешь, что рядом с тобой свои же, а видеть их не видишь. Только немного погодя глаза привыкли к темноте.

Услышали скрип снега за заграждением. Еще пристальнее вглядываемся. Наконец, разобрали: финские часовые на бугорке

ходят. Чуть подальше — другой бугорок, и там тоже часовые. Ага, значит мы наткнулись на укрепления. Удачно вышли!

Дождались, пока смолкли шаги часовых (должно быть они за доты ушли), и в тот же момент перерезали проволоку. Решили: зайдем сперва в тыл, затем с тыла подберемся к этим дотам, да и оседлаем их. А тут наши по выстрелам поймут, в чем дело (или, может быть, связного к ним пошлю для большей верности), подоспеют на помощь, и мы захватим доты.

План был рискованный, но приняли его с воодушевлением.

Однако едва мы перевалили через высотку, как услышали скрежет железа, звон лопат, удары ломов, тарахтенье автомобильных моторов. Грузовики приходили, их разгружали, затем они снова уходили в тыл. Машин было примерно с десяток.

Оказывается, здесь финны рыли траншеи. Хороши бы мы были, если бы предприняли сразу захват дотов: пожалуй, от нас осталось бы одно воспоминание.

Подсчитав примерно численность работавших на рытье траншей (их было человек до двухсот), мы поползли назад. Со сведениями о расположении дотов и новых траншей противника вернулись к своим. Первая же вылазка показала, что никогда не следует пренебрегать скрытностью и добиваться выполнения разведывательной задачи обязательно с первого раза, невзирая ни на какие препятствия. Выгоднее, может быть, два-три раза сходить в разведку с одной и той же целью, лишь бы ни в коем случае не обнаруживать себя.

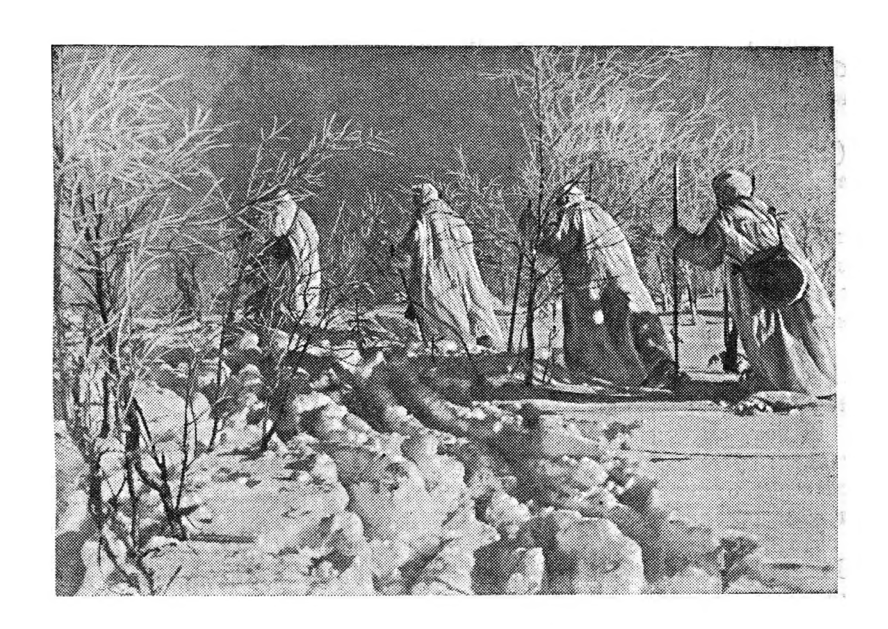
Следующую разведку я провел, кажется, два дня спустя. Задачу нам поставили — добыть «языка». Вышли опять ночью, в два часа. Приблизились к проволочному заграждению, прорезали его. За ним — поляна метров в шестьдесят длиной, дальше — лес.

Поползли по поляне, наткнулись на брошенные окопы. Окопы были только-что покинуты: в них не было снега, хотя в это время шел густой снег. Значит, ясно: тут сидел финский полевой дозор. Он заметил нас и решил отойти, заманивая в глубину своей территории.

Я приказал разведчикам остановиться и выслал вперед парный дозор: помощника старшины Крамаренко и старшину Лебедева.

Через несколько минут Лебедев приполз и доложил: так и есть, — впереди ловушка.

Пришлось изменить маршрут: двинулись мы теперь левее, тем более, что оттуда какой-то шум слышался. Но только вступили на стежку, как по нас застрочили три станковых пулемета. Мы залегли. Пулеметы не унимаются. Головы поднять невозможно. (Должно быть, финны заранее пристреляли эту стежку.)

Пошли в разведку

Что тут делать? Решил: выдвину ручной пулемет правее — пусть отвлечет на себя огонь, а сами в это время отойдем. Так и сделал. Но финны заметили, что от нашей группы отделились лишь два человека, и перенесли на них огонь только одного пулемета.

Час от часу не легче. Тогда я приказываю младшему лейтенанту Дерию:

— Принимайте командование на себя — я сам пойду с пулеметом.

И — ужом, ужом по снегу.

Попалась на пути яма. Рассмотрел повнимательнее — воронка. Ничего лучше и не придумаешь! Залег в нее, да и давай хлестать оттуда по финнам.

Они по мне очередь. Я молчу в это время. Но едва они отстрелялись, — опять строчу.

Здорово, видно, удалось мне их разозлить: вижу, все три пулемета на меня навалились. А мне только этого и нужно!

Но и они сообразили, в чем дело: снова лишь один пулемет оставили на подавление моего.

«Нет, — решаю, — не выйдет у вас!» Не стал дожидаться, пока этот их пулемет замолчит: он стреляет, и я по нему. Дуэль!.. Пришлось им снова сосредоточить огонь на мне одном.

Долго ли так продолжалось, не скажу: на часы смотреть было некогда. Но вот подползает ко мне связной и докладывает:

— Наши уже отступили, товарищ младший лейтенант (я тогда еще младшим лейтенантом был). Пора и вам из боя выходить.

Дал я по финнам последнюю очередь (невежливо ж не попрощаться!) и — назад. Ползем со связным, — видим, ручные пулеметы за меня вступились, прикрывают мой отход. Хорошо они задачу выполнили: вышли мы невредимыми. Впрочем, в ту ночь вообще во всей группе никто не пострадал.

Вернулся я, но зло разбирает: задачу мы не выполнили. Правда, расшифровали огневые точки финнов... Но когда же, наконец, «языка» добудем?!

И вот, спустя четыре дня, повторяем попытку. Задача была такова: узнать, что делается в лесу, какие там силы у противника, какое охранение. Но, конечно, если б удалось и «языка» добыть, никто не стал бы возражать.

Ночь лунная, тихая — действовать надо еще осторожнее. Вышли рано — в девять часов вечера. Прикинули: пусть у нас до рассвета побольше времени будет.

Преодолели два проволочных заграждения. За ними начиналась опушка леса. Тут обнаружили небольшое дерево-земляное укрепление, скрытое заборчиком. Двое часовых ходят.

Прошли они перед нами раз, другой. Я шопотом говорю своим людям:

— Ну, как только я свистну — сразу наваливаться на обоих! Понятно?

Но чуть я губы сложил, чтоб свистнуть, — гляжу, из лесу выходит взвод финнов, и прямо, как будто на нас. А нас под забором всего шестеро.

Опять пришлось план менять. Командую тихо:

— Гранаты к бою!

Думаю: на нашей стороне внезапность. Пока они в себя придут, мы хоть одного в плен захватим.

Финский взвод все приближается. Вот он уже метрах в пятнадцати.

Тут мы и бросили в них свои «гостинцы»...

Одного я не учел, когда размышлял, как мы пленного возьмем: не учел, что ведь они могут и наутек пуститься вместо того, чтобы обороняться. И, действительно: наши гранаты так на них подействовали, что не только пешие — и на самолете мы бы их не догнали!

Пришлось прекратить преследование и побыстрее уходить назад. Но отступать прежним путем оказалось невозможно: мы себя уже обнаружили, и финны дали отсечный огонь откуда-то из глубины. Оставался один путь — в сторону, где

лесок, в котором мы действовали, вдавался в расположение наших частей клином.

Так и поступили. Перекатами то Дерий со своей группой двигается, то я со своей, — добрались до речки. Но финны решили во что бы то ни стало не допустить нашего отхода. Видим: окружают нас. С одной стороны, с другой, с третьей. Группы — человек по сорок.

Герой Советского Союза лейтенант П. Ребенок

Ну, ждать нам нечего, открыли огонь. Они залегли и тоже стреляют в ответ. Расстояние друг от друга близкое — метров восемьдесят. Чуть высунешься (ночь-то лунная, как назло!) — так и жди, что тебя в лоб стукнут.

И вот наступила тишина: и они прекратили стрельбу, видя ее бесплодность, и мы патроны экономим.

Вдруг с их стороны голос:

— Сдавайтесь!

Хоть мы и старались излишним шумом себя не демаскировать, но тут никто не стерпел:

Крамаренко и Дерий, слышу, кричат:

— Большевики не сдаются!

А другие — просто отвечают крепким язвительным словом. По-русски, так сказать...

Услышали финны красноармейский ответ и еще свирепее застрочили.

Лежим мы, отбиваемся. А мороз все злее. И патроны уже на исходе. Однако темп огня ослабить никак нельзя: только ослабишь — финны ближе подползают.

Мне докладывают:

— Товарищ младший лейтенант, Дерий убит!

Это был уже шестой убитый в его группе. У меня в группе был только один раненый.

Три часа отбиваемся. Вижу: не выйти нам без помощи наших. Приказываю связному-автоматчику:

— Добирайтесь к своим, передайте: пусть артиллерия поможет.

Отполз он от меня метров десять и залег. Я — к нему:

— Почему дальше не двигаетесь?

— Ранен, товарищ младший лейтенант.

Кое-как перевязал его, стал он окапываться.

Положение все хуже: патронов остается всего-навсего три диска, а полноценных, нераненных бойцов,— пятеро, включая меня...

Хорошо хоть, что финны не решаются больше на сближение лезть — видно, и им от нашего огня не сладко.

Но в это время загрохотали наши пушки.

Как оказалось впоследствии, старший лейтенант Пилипенко, слыша непрекращающийся длительный бой в том лесу, где, по его расчетам, могли оказаться мы, разведчики, и не получая от нас никаких сведений, вызвал артиллеристов и приказал им бить по тому месту, откуда огонь велся с бóльшей интенсивностью. Он резонно рассудил, что из двух сражающихся сторон именно мы были лишены возможности вести такой интенсивный огонь.

Батарея старшего лейтенанта Зимина стреляла с превосходной точностью: первый же снаряд угодил в самый центр левой группы белофиннов. Поспешно стали отступать вслед за этой группой и остальные.

Ярость наша была так велика, что мы выпалили в спину врага все три уцелевших диска. Выходили из боя уже без единого патрона. Но не только сами вышли, а вывели с собой и всех своих раненых.

На пути отхода лежало много трупов белофиннов. Дорого им стоило наше окружение.

Герой Советского Союза капитан

М. СИПОВИЧ

Падение первых дотов Хотинена

Весь январь наша (ныне ордена Ленина) стрелковая дивизия посвятила подготовке штурма Хотиненского укрепленного района.

Возле дивизионного командного пункта находился захваченный у белофиннов укрепленный рубеж с надолбами, рвами и проволочными заграждениями. На этом рубеже подразделения систематически тренировались в технике преодоления надолб и проволочных заборов, в блокировке дотов. Занятия происходили поротно, с участием блокировочных групп, с танками, противотанковыми орудиями, саперами.

В районах расположения батальонов шла усиленная огневая подготовка. Проверялся бой оружия, проводились практические стрельбы и метание гранат. В часы затишья тут же устраивались занятия по тактике.

Между тем наш полк, ведя мелкие дневные и ночные бои, старался продвинуться как можно ближе к финским укреплениям. Мы отвоевывали у противника каждый метр, стремясь заранее подготовить подходящий рубеж для исходного положения при штурме дотов. С большими усилиями удалось нам отнять у финнов высоту «Топор», за которую они яростно цеплялись. Высота оказала моему батальону большую услугу, поскольку она находилась непосредственно против крупнейшего дота противника. Правда, об этом мы узнали позже.

С высоты «Топор» можно было принять этот дот за безобидный холмик. В ширину он был метров примерно сорок. Весь занесенный снегом, он не подавал никаких признаков жизни. Финны совершали на мой батальон по три-четыре огневых налета в сутки, но и в этих случаях холмик молчал, с него не раздавалось ни одного выстрела. Не обнаруживал он себя и тогда, когда в его районе появлялись мелкие разведывательные группы. У нас было сомнение: дот ли это?

В январе полк получил задачу — произвести дневную разведку боем, чтобы выявить огневую систему противника на

данном участке. Для этой цели выделили группу в составе 30 разведчиков, 31 сапера и 8 связистов. Огневая поддержка ее была поручена 4-й роте моего батальона.

Хорошо подготовившись, разведывательная группа под командой лейтенанта Свекровина приступила к выполнению задачи. Продвигаясь ползком и короткими перебежками, разведчики достигли первой линии проволочного заграждения в один кол и преодолели его. Затем следовали каменные надолбы в четыре ряда, а в 50 метрах от надолб — проволочный забор в пять колов. Саперы сделали проходы в проволоке; головной дозор разведки прошел через них вперед и был встречен сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем. Продвигаясь дальше, дозор обнаружил два дота. Один из них мы издали принимали за обыкновенный холмик. Это и был знаменитый дот № 45, или «Миллионный». Так финны называли свои крупнейшие доты-крепости. Говорили, что будто бы один финский пленный заявил так: если, мол, вы захватите дот «Миллионный», то перед вами откроются «Хотиненские ворота». Не знаю, насколько это правда, но дот «Миллионный» действительно оказался ключом от укрепленного района Хотинен. Рядом, на расстоянии 200 метров, находился дот № 44.

Когда разведка лейтенанта Свекровина приблизилась к дотам на 50—70 метров, огонь из амбразур и траншей, соединяющих точки, усилился. Разведка стала нести большие потери и получила приказ отойти. Однако отходу мешал огонь противника, приковавший разведчиков к земле.

Командир 4-й роты лейтенант Гришин и ее политический руководитель старший политрук Фомичев (ныне Герой Советского Союза) приняли решение ввести свою роту в бой, чтобы отвлечь на себя внимание противника. По сигналу рота стала продвигаться к надолбам. Финны открыли по ней сильный огонь. Красноармейцы залегли.

Потеря времени грозила гибелью разведке. От поддерживающей роты требовались самые решительные и инициативные действия. Если бы она достигла надолб, то смогла бы укрыться за ними от огня и использовать их как выгодный огневой рубеж. Оценив это обстоятельство, старший политрук Фомичев поднялся и с возгласом «Вперед!» бросился к надолбам. За ним последовали все бойцы. Из-за надолб рота открыла мощный огонь по траншеям. Вражеский огонь стал затихать. Этим воспользовалась разведка и возвратилась в исходное положение.

Сведения, добытые разведкой лейтенанта Свекровина, принесли нам большую пользу. Дальнейшие действия разведчиков, в масштабе полка и батальонов, способствовали уточнению обстановки, и с каждым днем она становилась все яснее. Мы выявили количество дотов, их размеры, огневую связь между

ними, характер препятствий, местонахождение некоторых минных полей между надолбами и возле самых дотов.

Что было перед моим батальоном? Справа — дот № 45 с большим количеством пулеметных амбразур и щелями, слева — дот № 44 с двумя пулеметными амбразурами. Траншеи между ними, оборудованные бронированными щитами с амбразурами для ведения огня, имели выходы к лесу, названному нами «Сапог». Лес находился сзади обоих дотов.

Герой Советского Союза капитан
М. Сипович

В нем, по всей видимости, располагались полевые подразделения противника, оттуда велся артиллерийский и минометный огонь. Мой батальон отделяли от дотов линии надолб и проволочные заборы.

Уже несколько ночей подряд мы строили траншеи перед высотой «Топор», на расстоянии метров четырехсот от дотов. Расчет был прост: оборудовать рубеж для исходного положения поближе к противнику, чтобы избежать лишних потерь при наступлении. Работали ночами под прикрытием боевого охранения. Перед рассветом работы заканчивались, и люди уходили в расположение батальона, а для защиты траншей выделялось небольшое огневое охранение с наблюдателями и со средним командиром во главе.

Так, готовясь к штурму, мы оборудовали два ротных района неподалеку от линии надолб.

Вся тяжесть ночной охраны позиций легла на 4-ю роту, которая располагалась в землянках на обратном скате высоты «Топор». Рота находилась впереди батальона на 300 метров. Финны часто беспокоили ее своим огнем. Кроме того, охраняя траншеи, она каждую минуту должна была быть наготове. Нам казалось, что две недели такого напряжения вконец извели и утомили людей. Однако, когда перед наступлением был поставлен вопрос о смене, командир роты, политрук и бойцы попросили, чтобы их оставили на прежнем месте, и обязались с честью выполнить задачу по прорыву укрепленной линии.

И когда командование полка приказало захватить дот № 45, выйти к опушке леса и закрепиться на достигнутом рубеже,— это трудное дело я поручил 4-й роте.

Перед выступлением выработали подробный план захвата дота, уточнили все вопросы взаимодействия с приданными и поддерживающими подразделениями. Все бойцы были ознакомлены с задачей. Им разъяснили, что при продвижении необходимо как можно ближе прижиматься к артиллерийскому огневому валу, что лежать долго на одном месте опасно, так как противник сумеет пристреляться и поразит лежащего.

В 12 часов 15 минут 1 февраля артиллерия открыла огонь. Под прикрытием ее огня 4-я рота заняла заранее подготовленные нами траншеи. Справа от нее действовал 1-й батальон нашего полка.

Артиллерийскую подготовку вели два дивизиона. Я заранее условился с артиллерийскими начальниками, что они в это время прощупают кусты на участке, отделявшем нас от дота. Таким образом удалось уничтожить часть минных полей, а воронки, образованные в местах разрывов, сослужили хорошую службу бойцам как укрытия при продвижении.

Покинув траншеи, 4-я рота стала двигаться вперед. Начал продвижение и 1-й батальон. Противник обрушился на них ураганным огнем.

В этот день 1-й батальон постигла неудача. Заняв противотанковый ров около Сепянмяки, он не сумел под сильным артиллерийским огнем противника продвинуться дальше. Приданные ему два танковых взвода были остановлены глубоким снегом.

Но 4-я рота продолжала движение. Направление было выбрано такое, что дот № 45 не мог обстреливать роту в лоб. Это предохраняло ее от больших потерь. Рота прошла уже надолбы, проволочные заграждения. Приступили к делу саперы. Но тут мы совершили ошибку. Объяснить ее можно тем, что это был по сути дела первый опыт захвата таких крупных дотов. Саперный взвод с санями, на которых лежали взрывча-

тые вещества, застрял в надолбах и понес потери. В конце концов он вынужден был откатиться, даже не сделав проходов для танков. Эта неудача натолкнула нас на мысль, что для подрыва надолб надо направлять лишь небольшую группу сапер, а остальные саперы, имея взрывчатые вещества для разрушения дота, должны начинать движение, когда будут готовы проходы. Груз взрывчатых веществ связывает движения сапер, особенно среди надолб, и они представляют собой заметные мишени для противника.

Танкам пришлось пробивать себе дорогу в надолбах огнем своих пушек. К такому приему, по нашему мнению, надо прибегать лишь в крайнем случае, поскольку, ведя огонь с места, танки могут быть легко уничтожены огнем противотанковых пушек. Но на этот раз дело обошлось без потерь. Разбив на куски несколько надолб, пять танков направились к доту.

К этому времени 4-я рота уже «оседлала» дот № 45. Она должна была продвинуться дальше, к роще «Сапог», оставив у дота свой 3-й взвод, входивший в блокировочную группу, но понесла значительные потери, и огонь противника не давал возможности сдвинуться с места. Финская артиллерия и минометы обрушились на «Миллионный», стараясь сбросить с него героическую роту и восстановить положение. Но рота цепко держала в своих руках оседланный дот. По невероятному шквалу огня можно было легко заключить, какое значение имел для финнов «Миллионный».

Вот донесение старшего политрука Фомичева, ярко характеризующее стойкость бойцов и командиров. «В роте осталось 28 человек, — сообщает Фомичев. — Прошу помощи. Если же ее нет, то обойдусь и без этого. Оставшиеся люди действуют не хуже, чем рота в полном составе». Небольшая группа смелых и мужественных людей попыталась взорвать одну из амбразур, но у них было лишь небольшое количество взрывчатки (саперы еще не подоспели), всего несколько десятков килограммов. Взрыв не принес особого вреда амбразуре. Но камнями, комьями земли и снега им удалось «ослепить» амбразуры дота. Изнутри раздавались угрожающие крики. Гарнизон сделал попытку выбраться из подземелья через дверь. Но у выхода из дота, имея гранаты наготове, находился с группой бойцов старший политрук Фомичев.

Финны незаметно просачивались к сооружению по траншее, идущей от дота № 44. Они, видимо, стремились внезапным налетом уничтожить остатки роты и освободить дот. Заметив движение в траншеях, старший политрук Фомичев первым бросился на противника и закидал его гранатами. Вслед за ним к траншеям подползли бойцы и гранатами заставили финнов откатиться. Большую поддержку нашим стрелкам оказали танки и пулеметная рота.

Стемнело. Саперы подвезли припасы, необходимые для взрыва. Было решено взрывать дот сверху. Его перекрытия очистила от толстого слоя земли и камней наша артиллерия во время неоднократных обстрелов. На оголенный цемент бойцы положили более полутора тонн взрывчатых веществ.

Перед взрывом роту отвели к надолбам. Она укрылась за ними и в воронках. Возле дота остался только командир саперного батальона тов. Коровин (ныне Герой Советского Союза). Он и поджег фитиль. Раздался оглушительный взрыв. Но дот был так велик, что даже полторы тонны взрывчатки сумели разрушить его лишь частично. Левая его часть продолжала жить, имея огневую связь с дотом № 44. Немедленно после взрыва рота вернулась на свое прежнее место, к доту.

Мой батальон получил приказ — продолжать выполнение поставленной задачи. Оставив 4-ю роту у дота № 45, я ввел в дело 5-ю. 2 февраля с наступлением темноты начался бой за дот № 44. Артиллерийскую подготовку мы провели своими средствами. Все пять танков открыли беглый огонь по району дота № 44 и примыкающим к нему траншеям. Заговорили также все пулеметы, находившиеся в моем распоряжении. 1-й взвод 5-й роты должен был, используя ходы сообщения, подойти к доту и оседлать его. Взвод двинулся в путь. Вслед за ним вдоль траншей пошли три танка, ведя методический огонь по доту и опушке леса «Сапог». А вслед за танками продвигались остальные взводы 5-й роты. Взрывчатку в количестве одной тонны везли танки на санях. Два танка остались у дота № 45, чтобы в случае его оживления прикрыть амбразуры своей броней.

Короткая борьба в траншеях. Финны, не выдержав нашего напора, откатились в лес. Воспользовавшись этим, 1-й взвод обошел дот по тыловым ходам сообщений, оседлал его и заклинил амбразуры. Чтобы не дать противнику опомниться, мы решили тут же взорвать дот. Взрывчатку передавали из танков, которые остановились в 50 метрах от дота, по траншеям, из рук в руки. Финны стреляли по нас из леса, пытаясь нам помешать, но огонь их был беспорядочный и не принес нам вреда.

Ночью дот № 44 взлетел в воздух. Уцелели только его казематы, которые командир 5-й роты младший лейтенант Ступак использовал для своего командного пункта. Временами в них отогревались бойцы.

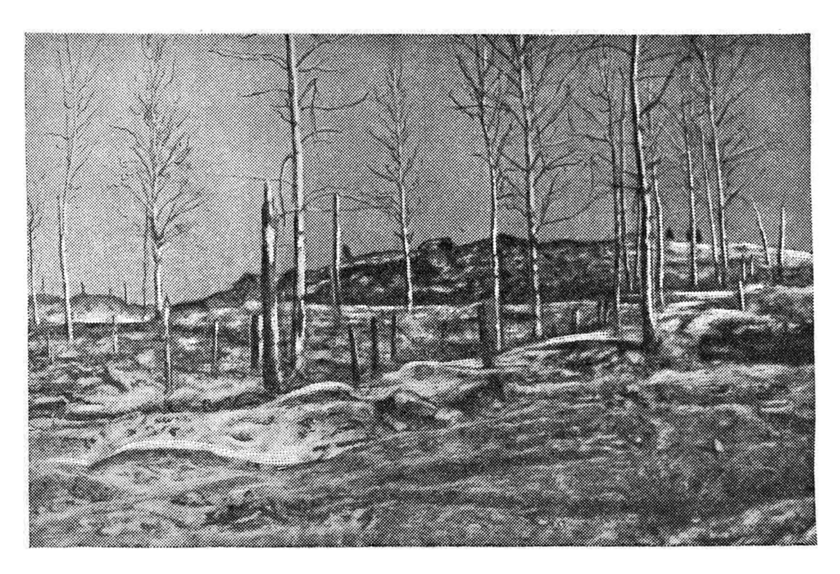
В эту ночь силы батальона располагались следующим образом. 4-я рота, как было уже сказано, занимала район дота № 45, имея непосредственную связь с правым флангом 5-й роты, занимавшей траншеи и дот № 44. Минометный взвод находился с 4-й ротой, имея задачу вести беспокоящий огонь по противнику. Пулеметная рота использовалась для охраны

Бойцы приветствуют указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза товарищам Сиповичу (слева) и Коровину (справа)

флангов и стыка между стрелковыми ротами. Танки я отвел за дот № 45, и они были готовы в случае контратаки подавить своим огнем наступающих. 6-я рота оставалась в резерве, занимая исходное положение в траншеях по ту сторону надолб.

Как и следовало ожидать, захват двух дотов, а особенно дота № 45, привлек к себе все внимание противника. Он стал

Общий вид дота № 45 со стороны подступов. Перед дотом видны остатки проволочных заграждений

лихорадочно стягивать резервы к лесу «Сапог». Потом от пленных мы узнали, что там было сосредоточено до батальона пехоты, две пулеметные роты, много минометов и артиллерия.

Дважды в эту ночь финны пытались окружить и уничтожить нас. Дело доходило до рукопашных схваток в траншеях, занятых 5-й ротой. Финны проникали сюда по ходам сообщения, ведущим из лесу. Красноармейцы держались стойко и принимали финнов на штыки. Младший лейтенант Селифонтов подхватывал брошенные противником гранаты и отправлял их в группы контратакующих финнов. Всю ночь напирал на нас противник, но успеха не имел. Большую роль в отражении контратак сыграли станковые пулеметы. Под их огнем финны каждый раз, понеся серьезный урон, откатывались в лес.

3 февраля финны весь день вели артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь по захваченному нами участку. Огонь был настолько силен, что чуть ли не через каждый час рвались

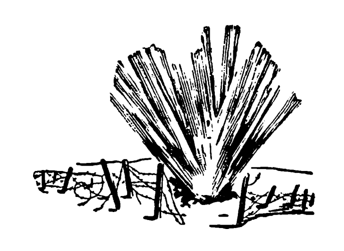
линии связи, соединяющие нас со штабом батальона и с полком. Исправление их под огнем стоило больших усилий. Иногда целыми часами мы не имели проволочной связи. Посыльные погибали в пути, не доходя до цели. Радиостанции сейчас же, как начинали работать, засекались финнами.

Не оставалось никаких средств связи, кроме собак. И тут-то они нас выручили. Я вспоминаю, с каким пренебрежением относился в мирное время к этому виду связи, и теперь мне становится стыдно. Четырехногие связисты работали безотказно. Бывало, получит связная собака донесение, понурит голову, посмотрит на тебя жалобным взглядом и покорно поползет под огнем, прижимаясь к земле. Ни одна не была ранена или убита.

С большим трудом и риском удавалось доставлять питание, поскольку финны держали под огнем все подходы к нашему расположению. Смельчаки-старшины все же не оставляли людей без пищи. Они подвозили сухой паек на санках, таща их за собой на веревке. Повар Котов кормил свою роту горячей пищей, доставляя ее ползком в термосах.

Шли четвертые сутки беспрерывного боя. В ночь на 4 февраля мы подготовили еще два взрыва дота № 45. Каждый потребовал до 2 тонн взрывчатки. В эту ночь дот «Миллионный» превратился в груду развалин.

Так была пробита брешь в «Хотиненских воротах».

Старший политрук

И. ЛЕЙТМАН

Коммунисты в бою

Я был избран ответственным секретарем партбюро одного из полков 70-й стрелковой дивизии и оставался одновременно комиссаром батальона. Партийная забота о боеспособности целой части, о воспитании людей связана с большими трудностями. Даже среди коммунистов и комсомольцев, впервые попавших на войну, было немало товарищей, недостаточно подготовленных к суровым боевым испытаниям. Надо было пробудить в них инициативу и находчивость, укрепить мужество и боевую отвагу, обеспечить их партийное влияние на всю массу бойцов.

Организованность и сплоченность подразделений во многом зависят от правильной расстановки сил коммунистов и комсомольцев. Это не значит, что надо заниматься перетасовкой личного состава. Ведь в каждом подразделении есть прекрасные люди, непартийные большевики, которые при надлежащем внимании к ним быстро вырастают в крепких, закаленных коммунистов.

Однажды политрук пулеметной роты тов. Селезнев обратился ко мне с жалобой, что у него в роте нет крепкого коммунистического ядра, и просил перебросить к нему из других подразделений двух-трех членов партии.

Порой, когда этого требовали обстоятельства, мы перед самым боем усиливали партийное ядро одного подразделения за счет другого, где коммунистов было больше. Но на этот раз я ответил Селезневу:

— Что касается помощи, то я сам приду к вам, а вот партийное ядро в роте может легко увеличиться завтра же, в бою.

Селезнев меня понял. Поняли и многие отважные бойцы-активисты, давно желавшие вступить в ряды партии.

Товарищи Аленкин, Исаев, Романов, Павлов, Келин, Дроздов и другие заявили о своем желании вступить в ряды ВКП(б).

— Мы хотим итти в бой коммунистами, — сказал Дроздов.

— Хорошо, — ответил я, — партийная организация пойдет вам навстречу.

И каждый из этих товарищей получил партийное задание.

Спустя два дня, мы действительно принимали в партию Дроздова, Аленкина, Исаева и других. Бюро знало, что перед ним смелые молодые большевики, личным примером и отвагой доказавшие, что они достойны высокого звания коммуниста. Впоследствии эти молодые коммунисты проявляли всегда подлинное мужество и большевистскую доблесть в бою.

Однажды мы вели бой за так называемый «Военный городок». Чтобы приблизиться к укреплениям противника, надо было во что бы то ни стало пройти просеку, расположенную левее городка, на подступах к нему. Бой шел упорный и напряженный. Рота, которой были приданы пулеметчики, потерпела сильный урон. Противник начал окружать ее. В этот момент командир роты был ранен и выбыл из строя.

Тогда Дроздов, который на фронте был принят в партию, взял на себя командование ротой. Он принял решение не отступать. И когда белофинны, предвкушая скорую победу, пошли в атаку на уставшую роту, Дроздов встретил их уничтожающим огнем. Финны, ошеломленные неожиданным сопротивлением, стали отступать, а рота, ободренная успехом, поднялась в контратаку и выполнила задачу, поставленную перед ней командованием.

Партбюро строго следило за тем, чтобы не стать на путь кампанейщины в отношении приема в партию. Наоборот, к вступающим в ряды партии предъявлялись очень высокие требования.

Партийное бюро требовало от каждого, вновь вступающего в партию, подтверждения на деле его передовой роли в бою. Среди многих десятков заявлений, поступивших в партбюро в первые дни военных действий, было и заявление комсомольца тов. Суходерова, бойца конной разведки. Он писал: «Я всегда был предан Родине, но в бой хочу итти партийным большевиком».

— Конечно, вы будете приняты в партию, — сказал я Суходерову, — но до собрания вы должны показать себя подлинным передовиком, обеспечить партийное влияние в отряде конников, показать пример смелости в бою...

Шел бой за деревню. Отряд конной разведки в 20 сабель с двумя ручными пулеметами шел впереди части. В составе разведки находился и Суходеров.

Уйдя далеко вперед, отряд встретился с эскадроном финских всадников. В нем было до 175 сабель, станковый пулемет.

Несмотря на численное превосходство противника, наши конники решили принять бой. В разгаре схватки пять лошадей нашего отряда, вспугнутые пулеметной и ружейной стрельбой,

вырвались из рук бойца и помчались в сторону врага. Красноармеец Смирнов, охранявший лошадей, бросился вслед за ними, но, тяжело раненый, рухнул в глубокий снег.

Оценив опасность, которая грозила отряду из-за потери лошадей, Суходеров вскочил на коня, кинулся один навстречу финским кавалеристам, догнал своих лошадей и тут же, под сильным ружейным огнем, связал их поводья. Затем взял раненого Смирнова к себе в седло и вместе с лошадьми умчался к своему отряду. Все это было проделано молниеносно.

Бой кончился. Финны отступили, потеряв 17 человек убитыми и нескольких тяжело ранеными, которых также не успели подобрать.

После этого боя Суходеров был принят в кандидаты партии.

Работа полкового партийного бюро все время протекала в ротах. И первой особенностью ее было то, что постоянных планов, в обычном смысле этого слова, партбюро не применяло. Составлялись планы-задания на время, в которое подразделения выполняли то или иное боевое задание. Часто такой план рассчитан был только на один день.

Все, из чего складывалась боеспособность подразделений, привлекало внимание партбюро, входило в круг его повседневной деятельноости.

Разведка получает задачу: разведать расположение противника, выяснить его численность и вооружение, а в случае надобности — вступить в бой.

Партбюро немедленно составляет дневной план работы в роте. Проверяются и укрепляются все звенья роты, в особенности те мелкие подразделения, на которые падает главная часть задачи. Здесь каждый коммунист в отдельности получает конкретное партийное задание.

Партийное бюро учило коммунистов проявлять большевистскую дружескую заботу о своих беспартийных товарищах, чутко относиться ко всем их нуждам, помогать им закаляться и выполнять свой долг воина Красной Армии.

Как-то политрук одного подразделения сообщил мне, что у него есть красноармеец Лебедев, который почему-то загрустил.

Я пришел в землянку и как бы невзначай заговорил с Лебедевым о нашем житье-бытье. Он открыл мне свои тревоги. Дома у него остался сын. У мальчика нет родной матери, и Лебедев беспокоится за его судьбу.

На другой же день я написал письмо сыну Лебедева в Чудово. В письме я рассказал о героизме бойца Красной Армии Лебедева, о том, каким должен быть сын такого человека. «Гордиться нужно им и не забывать его!» — писал я мальчику. Вскоре от Игоря Лебедева пришел ответ. Мальчик восторженно отзывался об отце и сообщал, что окружен

настоящей заботой своей матери, хотя и не родной. Письмо сына благотворно подействовало на красноармейца, и тревожное состояние у него прошло.

А таких тревог было немало у бойцов. Одни давно не получали писем из дому, другие беспокоились о своем имуществе, оставленном наспех. На все это надо было откликаться, писать письма, запрашивать колхозы, сельсоветы.

Большое место в работе партбюро занимает помощь политработникам в организации досуга бойцов и командиров в те немногие часы отдыха, которые удается урвать между жаркими боями.

Парторг батареи А. Яманов беседует с подавшими заявления о приеме в кандидаты партии командирами взводов А. Крайновым, И. Курилевым и Д. Галанкиным

23 декабря белофинны, вооруженные автоматами, пытались прорваться в наш тыл, захватить огневые рубежи артиллерии и уничтожить штаб. Противник находился в более выгодных условиях, чем мы. Наш полк растянулся на большом пространстве. Правый фланг оставался незащищенным. Сохраняя организованность и спокойствие, бойцы приняли бой. Дерзкая вылазка финнов потерпела неудачу. Противник был разбит, оставив на поле боя до 800 трупов.

Вечером, когда все пришли в себя после яростного, многочасового боя, всех нас охватили горячая радость и законная гордость в связи с такой победой. Я решил использовать этот душевный подъем бойцов и организовал «вечер рассказов о проведенном боевом дне». Бойцы с увлечением рассказывали

о мельчайших событиях памятного дня, приводили примеры героизма своих товарищей. Вечер закончился художественной самодеятельностью: рассказами, тихой песней (громко петь нельзя было — враг находился довольно близко), пляской под приглушенный звук гармоники.

В период подготовки к прорыву укрепленного района противника все коммунисты соревновались на лучшее освоение приемов борьбы в штыковой атаке, блокировки дотов, хождения на лыжах и т. д.

Накануне 11 февраля партбюро еще раз проверило готовность коммунистов подразделений к решающему бою. И он начался рано утром...

Батальон наступал на высоту. Вслед за огневым налетом артиллерии ринулись на штурм бойцы. Впереди одной из рот шел отважный воин, недавно принятый в партию — заместитель политрука Болеслав Матусий. Красивый юноша, с горящими боевым возбуждением глазами, он устремился к укреплению врага, держа красный флажок. Ливень пуль хлестал по рядам бойцов, рвались снаряды. И все-таки возглавляемая Матусием рота неудержимо продвигалась вперед.

Но вот Матусий покачнулся, упал. Товарищи хотели его вынести с поля боя. Но доблестный большевик, обливаясь кровью, поднялся и, высоко подняв красный флажок, первым взобрался на высоту. На руинах белофинского дзота взвился победный красный флаг.

У Матусия потемнело в глазах. Он упал, и последнее, что он слышал, было громкое «ура», подхваченное сотнями голосов. Это его товарищи ворвались в укрепленный район. На искаженном страданием лице появилась едва уловимая улыбка...

Матусий выполнил свой долг воина, коммуниста, питомца славной партии Ленина — Сталина.

Так, по-большевистски выполняли в бою свой долг перед Родиной сотни и тысячи коммунистов.

Младший лейтенант
П. БУРМИСТРОВ

Артиллеристы-разведчики

Одно дело — артиллерийский полигон, на котором мы учились в мирное время, другое дело — война. В обучении было у нас много условного, и мы не представляли себе всех трудностей, с которыми впоследствии столкнулись в боях. Особенно сложным оказалось наблюдение. На полигоне можно было ясно видеть цели издалека, а на местности, где шли бои, ничего не видишь даже за несколько десятков шагов.

Впервые мне пришлось по-настоящему познакомиться с трудностями наблюдения и разведки в районе озера Куолема-ярви, где наши части встретили большое сопротивление противника. Озера Куолема-ярви и Хатьялахден-ярви соединялись узким проливом. Мост через пролив был взорван, и дорога, идущая по противоположному берегу, сильно укреплена. По всей видимости там находилось несколько крупных дерево-земляных точек. Эти точки вели мощный огонь по занятому нами берегу и особенно по стрелковой роте, которая занимала мыс у разрушенного моста. Крайняя часть мыса была открытой, и стоило только высунуться из-за опушки леса, как раздавалась бешеная стрельба. Однажды к мосту случайно проскочила повозка с тремя красноармейцами. Кони и люди были убиты в один миг. Несколько смельчаков предприняли две-три вылазки, чтобы забрать трупы, но белофинны каждый раз открывали такую пальбу, что к повозке невозможно было подступиться.

Междуозерные укрепления белофиннов являлись ключом ко всему участку. Казалось, наша артиллерия превратила их в груды развалин, но проходила ночь, и оживала та или другая точка. В то время я был командиром взвода разведки штабной батареи. Командир полка поставил мне задачу — разведать, действуют ли две передовые точки справа и слева от дороги. Весь день я провел в расположении стрелковой роты, изучая местность впереди моста. Пролежав несколько часов в снегу перед опушкой леса, я наметил путь для разведки и постарался запомнить его настолько, чтобы ночью ориентироваться

наверняка. К концу дня финский снайпер заметил меня, но промахнулся: пуля пролетела мимо уха.

В разведку я решил много людей не брать, так как малейший шум мог нас выдать. Со мной пошли только младший командир Мевх и боец Сыров. Предварительно мы хорошо пригнали снаряжение, надели чистые халаты, набили карманы патронами и взяли по нескольку гранат.

Когда проходили через расположение пехоты, командир роты сказал мне:

— Если дело будет плохо, мы вас поддержим.

— Не нужно, — ответил я. — Это будет нецелесообразно. В темноте вы можете нам только повредить.

Я попросил его предупредить всех стрелков передовой линии, чтобы они не открывали огня даже в том случае, если белофинны начнут стрелять.

Мы миновали мыс и спустились в пролив. Снегу здесь нанесло по пояс. Впереди шел я. Осторожно опуская одну ногу в снег, я искал для нее опоры на льду, и, лишь найдя опору, передвигал другую ногу. Эта предосторожность, как потом оказалось, была не напрасной. На льду пролива имелось несколько прорубей — ловушек, покрытых сверху слоем соломы и снегом.

Разведчики шли по моим следам. Мы двигались бесшумно. Ночь была темная, и нас едва ли кто мог заметить. Но когда добрались до цели и я юркнул под мост, в небо вдруг взвилась ракета и осветила все вокруг своим холодным зеленоватым огнем. Разведчики поспешили за мной под мост и сделали это своевременно. Одна за другой беспрерывно взлетали вверх ракеты. Стало светло, как днем. В душе я поблагодарил противника за услугу: при свете ракет из нашего укрытия можно было кое-что увидеть.

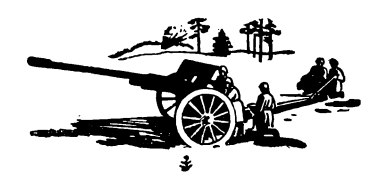
Белофинны открыли сильный огонь. Снопы трассирующих пуль пролетали над нашими головами. Рискуя себя обнаружить, я в промежуток между двумя ракетами приподнял голову, и все для меня стало ясным: жили обе точки! Кроме того, я понял, что финны впали в заблуждение. Трассирующие пули летели явно к тому месту, где стояла наша повозка. По всей вероятности, финны думали, что красноармейцы, пользуясь ночной темнотой, предпринимают новую вылазку.

Мы порядком закоченели, пролежав под мостом целых четыре часа. Наконец, противник угомонился и прекратил стрельбу. Я дал знак разведчикам, и мы поползли в обратный путь.

В следующую ночь нам поручили разведать и другие точки. Вместе с нами действовали десять пехотных разведчиков. Чтобы вызвать огонь противника, они придумали хитрое приспособление. Притащив с собой несколько халатов, набитых

соломой и издали напоминавших человеческие фигуры, они через некоторое время вызвали целый переполох в лагере финнов. Неслышно приблизившись к укреплениям, разведчики воткнули в снег несколько палок и накинули на них веревки, к которым были прикреплены чучела. Затем, отползши в сторону, они стали тянуть за веревки. Послышался шум, напоминавший движение людей по снегу. Финны выскочили из укреплений и блиндажей, стали занимать траншеи. Все действующие огневые точки открыли стрельбу по чучелам. Это помогло нам, артиллеристам, засечь ожившие дзоты. Вскоре наша тяжелая артиллерия уничтожила их окончательно, освободив путь для пехоты.

Артиллерийская разведка всегда требовала большого напряжения и хитрости, а наблюдение — методичности. Для того чтобы обнаружить наблюдательный пункт противника или огневую точку, надо было по многу часов, а то и по нескольку дней подряд следить с разных пунктов за местностью и тщательно вести запись наблюдений.

Политрук

А. КИРПИЧНИКОВ

Ухо к земле!

Как ни старались разведчики полка, им не удалось полностью раскрыть огневую систему укрепленного района. Железобетонные доты все еще не были обнаружены. А враг с каждым днем все усиливал и усиливал огонь. Все новые и новые точки приводились в действие. Теперь простреливалась вся лощина. Заговорила и артиллерия врага — снаряды ложились в роще «Зуб» — там, где закопался в землю полк. Сюда же долетали и мины. Все труднее становилось работать разведчикам. Мешала делу и разобщенность их действий. Тогда командование полка решило создать особую разведывательную роту.

Это было глубокой декабрьской ночью. Меня неожиданно вызвал к себе комиссар полка тов. Поршаков. У комиссара я застал лейтенанта Жгута и старшего лейтенанта Квашу.

— Вот и Кирпичников. Отлично! — увидев меня, сказал комиссар и сразу же приступил к делу.

Нам поручалось формирование разведывательной роты. Тов. Жгут назначался начальником разведки, тов. Кваша — командиром роты, а я — политическим руководителем. Задание: в кратчайший срок обнаружить все доты, артиллерийские позиции, укрытия пехоты, выявить всю систему огня укрепленного района.

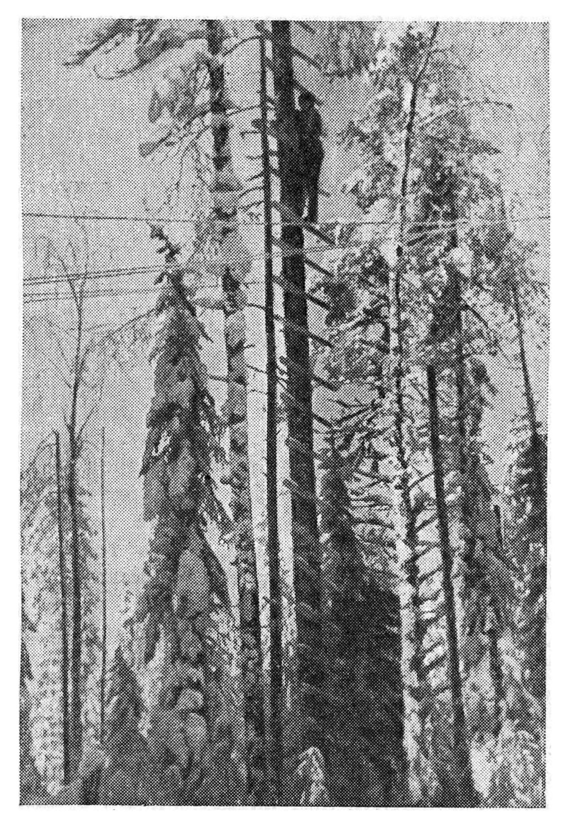
— Есть! — ответили мы комиссару.

Всю ночь просидели мы над планом нашей будущей работы. Прежде всего договорились о составе роты. У нас должны быть крепкие, выносливые бойцы. Никаких кашлюнов, т. е. людей, хотя бы в малой степени подверженных простуде. Разведчик — он же сапер. Каждому разведчику — ножницы, взрывчатку. Разведчик должен обладать к тому же чутким ухом, уметь надежно замаскироваться, во-время донести о результатах наблюдения.

Затем мы договорились о характере и порядке действий. Во-первых, круглосуточное наблюдение за всем укрепленным районом, как из расположения полка, так и с территории против-

ника. Во-вторых, «разведка флангом»: обманывая, дезориентируя противника, по одному из его флангов бьет наша артиллерия, а на другом фланге в это время работает разведка. В-третьих, надо как можно глубже проникать на территорию укрепленного района.

Прошли сутки — рота была создана.

Наблюдатель

Разведка укрепленного района началась. Отважные разведчики ползком пересекали лощину, переползали надолбы, проволочные заграждения, углублялись далеко на территорию врага. Опасность поджидала их на каждом шагу. Командир взвода Тишкин полдня пролежал недалеко от огневой позиции вражеского миномета. Командир отделения Ефимов с утра до ночи пролежал в сорокаградусный мороз вблизи огневой точки, не шевелясь, без единого движения, чтобы не выдать себя. Красноармеец Рябков провалился в глубокую

яму. Оказалось, что он попал в замаскированный ход сообщения, ведущий к высоте 65,5. Вместо «потолка» — сетка, на сетке — листы бумаги, а поверх снег.

Однажды, когда наши артиллеристы посылали снаряд за снарядом на рощу «Молоток», отвлекая внимание противника от действий разведки на левом фланге, командир отделения тов. Парменов забрался на возвышенность «Язык», метрах в шестистах от высоты 65,5 и залег на холме в снегу. Противник активно отвечал на действия наших артиллеристов. В воздухе свистели мины, с гулом проносились снаряды, пули беспрестанно повизгивали, дзинькали над головой. Смелый разведчик, все глубже и глубже зарываясь в снег, добрался до грунта.

Неожиданно он почувствовал под собой какие-то толчки. Насторожился, приложил к земле ухо. Земля протяжно гудела и через короткие промежутки вздрагивала от мощного удара изнутри. Парменов сообразил: под землей — пушки. Артиллерийское сооружение. Дот!

Сердце разведчика учащенно забилось. Хотелось тотчас же доложить об этом командованию, но герой-разведчик понял, что именно теперь, вот в эти минуты, когда он постиг тайну дота, он обязан во что бы то ни стало уберечься от пуль, чтобы не унести с собой в могилу эту тайну. Выдержка и спокойствие! Разведчику не положено волноваться.

Спустилась ночь. Артиллерийская стрельба все еще продолжалась. Еще явственнее ощущал Парменов толчки под собой и протяжный, певучий гул. Так мог гудеть только бетон. Да, все ясно. Дот! Железобетонный артиллерийский дот... Теперь пора домой, в полк, к командованию...

Но прежде чем ползти домой, Парменов еще с полчаса наблюдал в темноте за возвышенностью, на которой лежал, прикинул ее размеры, запомнил опознавательные знаки — пень и елочку. Потом, стараясь не произвести ни малейшего шума, спустился с возвышенности и пополз.

Часов в одиннадцать ночи раскрасневшийся Парменов, отряхиваясь от снега, пришел к нам на командный пункт. Обо всем доложил. Мы обняли замечательного разведчика. Лейтенант Жгут пошел доложить командиру полка. Майор Рослый приказал артиллеристам разрыть возвышенность, найти и разрушить подземную крепость врага.

На другой день, когда взошло солнце и наблюдатели засекли стереотрубами опознавательные знаки—пень и елочку, — артиллеристы полка открыли сокрушительный огонь по возвышенности «Язык», на которой лежал вчера герой-разведчик. Снаряды ложились точно в цель. Вся возвышенность опоясалась столбами разрывов. В воздух вздымались камни, земля, клубы черного дыма. Вокруг почернел снег.

С полудня артиллеристы усилили огонь. С каждым разрывом снаряда все ниже и ниже становилась возвышенность, а к вечеру из развороченной земли показался уже и угол дота, острый, как нос линкора.

Еще два дня разрывали артиллеристы возвышенность «Язык»,—и вот железобетонное артиллерийское укрытие врага встало перед нами, как на картинке.

«Ухо к земле! Слушать землю!» — вот о чем мы говорили теперь нашим разведчикам. И это сразу дало большие результаты. По звуку шагов, по стуку винтовок о мерзлую землю мы разведывали заснеженные финские траншеи, землянки, скрытые ходы к дотам, а затем и самые доты. Всего перед фронтом нашей 123-й дивизии было восемь железобетонных крепостей, оснащенных пушками и пулеметами, с подземными казематами, с отепленными и освещенными электричеством тоннелями.

Крепко, по-боевому работали артиллеристы. Сносилась высота 65,5, сносились возвышенности слева; сносился и холм у рощи «Молоток». С каждым днем все больше и больше обнажались железобетонные крепости врага. Вот явственно выступили из развороченной земли серые квадраты дотов на высоте 65,5, вот уже видны черные стальные плиты, вделанные в бетон передних стен, вот открылись длинные щели амбразур, — и доты обнажены, вырыты из земли. Теперь они перед нами, как на ладони!

Командир взвода

Б. ДРАБКИН

По огоньку папиросы

Батальон капитана Сукача готовился к прорыву укрепленного района белофиннов севернее деревни Вяйсянен. В это время взвод противотанковой артиллерии, которым я командовал, получил боевой приказ: прямой наводкой проделать проходы в поясе каменных надолб, чтобы пропустить танки на участке намеченного прорыва.

При стрельбе по относительно малой цели, как надолбы, необходима исключительная точность огня. Такой точности можно достигнуть лишь на расстоянии 150—200 метров от цели. Как же подготовить незаметно для противника огневую позицию?

Все места, подходящие для огневой позиции, были расположены в районе, пристрелянном пулеметами и минометами врага. Оставалось одно: работать ночью.

Вечером я отправился в разведку с командирами орудий. Осторожно ползли мы по снегу. Неподалеку от вражеских гнезд выбрали огневую позицию. От нее до надолб, которые предстояло нам громить, было метров сто двадцать пять — сто тридцать.

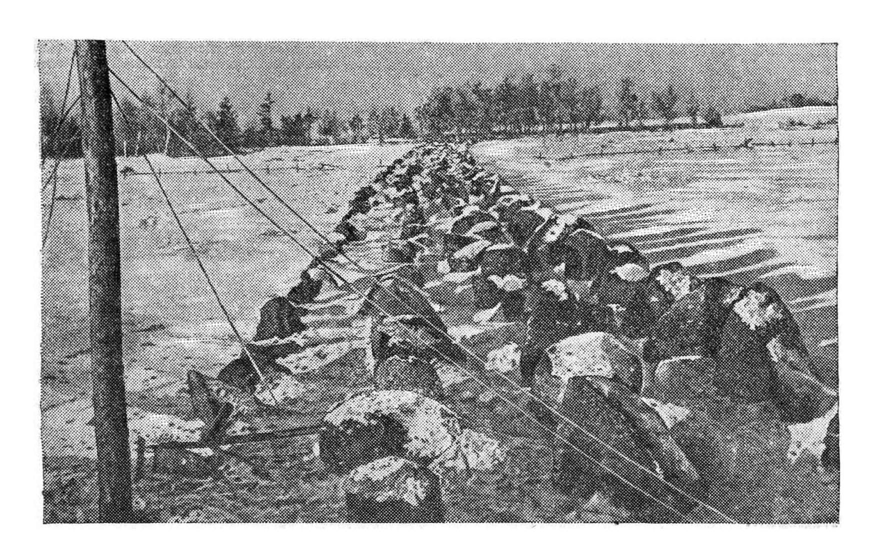
С наступлением темноты мы приступили к оборудованию огневой позиции. Ночь выдалась очень темная. Выбранная нами позиция находилась в низкорослом густом сосняке. Чтобы иметь возможность стрелять отсюда, необходимо сделать расчистку. Как же это осуществить в такой темноте?

— Товарищ Васильев, — отдал я приказание бойцу, — отползите назад, в укрытие, зажгите папиросу и приползите с ней обратно.

Боец удивился, но приказание выполнил: через несколько минут он явился с папиросой в зубах.

— Ложитесь, — говорю ему, — на то место, где у нас будет стоять орудие, и через каждые пять минут на одну-две секунды поднимайте папиросу до уровня орудийного прицела.

Так, ориентируясь на еле заметный огонек папироски, я с группой сапер бесшумно расчистил секторы обстрела.

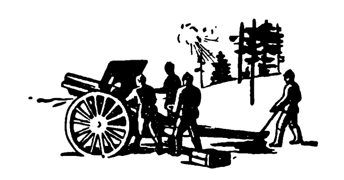
Гранитные надолбы

А на рассвете наводчики моего взвода увидели цель как на ладони. Мы открыли огонь бронебойными снарядами. Через 15 минут надолбы на протяжении 15—20 метров были начисто снесены, словно их ветром сдуло. Проход для танков сделан.

Когда враг опомнился и стал довольно точно бить по сосновой рощице, нас уже там не было. Мы не только успели ускользнуть отсюда, но и приступить к завтраку.

За едой Васильев балагурил:

— Обкурился я, товарищ командир... Пока вас ориентировал, четыре папиросы выкурил — все боялся, что ориентир потухнет.

С. РУБЕН

Герой Советского Союза Михаил Трусов

Когда Михаил Трофимович Трусов впервые появился на новом аэродроме, товарищи прозвали его «медведем» — до того этот невысокий человек казался им малоподвижным в своем коричневом комбинезоне и меховых унтах.

— Медведь, совсем медведь. И имя даже медвежье. Михаил. Миша...

Целые дни Трусов проводил у своей серебристокрылой машины. Молча проверял приборы, опробовал моторы, делал какие-то вычисления. И так же молча наблюдал он за полетами других летчиков.

Скромный, тихий, он мало рассказывал о себе, больше приглядывался к товарищам. Те в свою очередь изучали его.

Однажды предстоял сложный тренировочный полет. К Трусову подошел командир.

— Сейчас летите вы.

Трусов сел за штурвал. Машина плавно скользнула по земле и рванулась вверх. С неослабным вниманием следили товарищи за тем, с какой виртуозностью и легкостью Трусов решал в воздухе сложную задачу.

— И кто бы только подумал. Вот тебе и медведь. Это — воздушный зубр.

Уже тогда товарищи убедились, что перед ними незаурядный летчик.

... В дни боев на Карельском перешейке с особой силой сказалось летное мастерство Михаила Трусова.

Он совершил десятки боевых вылетов. Летал и тогда, когда многоярусная облачность прижимала к земле, когда пятидесятиградусный мороз сковывал пальцы и сквозь маску обжигал лицо, когда зенитный огонь преграждал путь его самолету. Сквозь дождь и снегопад, в пургу и метель бесстрашно вел Трусов свою машину в бой с врагами.

Беззаветная отвага и искусство Трусова сделали его имя широко известным на фронте. Но более всего прославился отважный летчик подвигом товарищества, подвигом взаимной выручки, о котором мы расскажем читателю.

* * *

В это утро они отлично бомбили укрепленную линию противника и сейчас снова летели туда же, чтобы расчищать путь наземным войскам. Маршрут проходил над озером Куолемаярви.

Ведущим шел капитан Локотанов. Слева от него вел свое звено Трусов.

Погода не баловала. Ветер гнал серые тучи. Самолеты шли над облаками.

— Цель, — доложил командиру штурман Кирюхин.

Трусов прорывает пелену облаков, спрашивает у штурмана:

— Видно?

— Отлично.

Глубокие воронки — следы утренней работы летчиков — зияли в земле. Кругом было тихо, пустынно.

— Притворяются, гады... Хитрят... — подумал Трусов, — Сейчас мы им покажем!

Он хорошо изучил коварство врага. Точно такой же пейзаж ему довелось видеть несколько дней назад: заснеженный лес, домики. Но стоило самолетам очутиться над ними, как эти домики «заговорили».

Враг маскировался. Едва самолеты очутились у цели, завеса зенитного огня преградила путь. Разрывы снарядов ложились почти у самых машин.

Маневрируя, Трусов выводит звено из зоны огня. Штурманы моментально уточняют расчеты на бомбометание. Цель уже в пузырьке прицела. Из-под крыльев срывается смертоносный груз. Внизу взметнулись столбы огня, и густой черный дым поднялся к небу.

— Нормально, — улыбается Трусов.

Самолеты развернулись на обратный курс.

* * *

Ведомый — старший лейтенант Мазаев — неожиданно почувствовал сильный толчок. Машину подкинуло вверх. Пули забарабанили по сиденью летчика. Мазаев мгновенно выводит самолет из-под обстрела.

— Все невредимы?

Штурман Климов кивнул головой. В кабине командира зажглась сигнальная лампочка — значит, стрелок тоже невредим.

Опытным глазом Мазаев оглядывает машину. На капоте левого мотора несколько рваных пробоин. Сильной струей вытекает вода.

— Сволочи... — выругался Мазаев. — Придется добираться на одном моторе.

Когда он сделал разворот, стрелок-радист Пономарев сообщил:

— Горит правая плоскость...

* * *

Развернув машину на обратный курс, Трусов по установившейся привычке решил посмотреть на своих ведомых. Машина Лобаева, правая ведомая, шла за ним. Трусов повернул голову влево. Мазаева не было.

Командир звена сделал крутой разворот. Далеко впереди он увидел как бы горящий факел. Это и был самолет Мазаева.

Не в обычае советских людей оставлять товарищей в беде. Если ты видишь, что твоему товарищу угрожает опасность, иди ему на выручку. Все за одного, один за всех. Это правило твердо усвоил Трусов и так учил свои экипажи.

Раздумывать некогда. Трусов дает полный газ. Он не выпускает из поля зрения самолет Мазаева. Но вот густые облака скрывают горящую машину.

Что делать? Обходить облачность? Это значит — потерять несколько минут.

Прорваться вперед, сквозь облачность!

Рваной ватой плывут облака, расступаясь перед могучими моторами.

Вот впереди опять маячит самолет Мазаева.

* * *

Машину Мазаева начинает захлестывать пламя. Огонь охватил правый мотор.

— Лишь бы добраться к своим... — думает Мазаев, напрягая все силы, чтобы дотянуть машину до линии фронта. Но до родной земли далеко, а единственный мотор с каждой минутой все больше и больше сдает.

Вокруг стало темно. Густые черные клубы дыма заволокли небо. Белофинны открыли стрельбу из зениток. Мазаеву пришлось маневрировать на пылающем самолете. Вот-вот сдаст правый мотор.

— Держись, товарищи, — шепчет летчик.

Плывут земля, лес, блещет озеро, скованное льдом. Садиться нельзя: площадка слишком мала, погубишь экипаж. Вот озеро побольше...

Яростно бьют вражеские зенитки. Воздух наполняется громовым гулом. Неожиданно Мазаев видит, как огненные струи трассирующих пуль скрещиваются почти у самого самолета, а сверху доносится рокот моторов.

Мазаев поднял голову: впереди, сбоку и сзади летели наши истребители. Это они поливали свинцом зенитки врага. Ма-

заев понял: боевые друзья пришли на выручку. Еще через несколько секунд он увидел самолет своего командира Михаила Трусова. Он кружил над ним и покачивал крыльями. А дальше — машины Локотанова, Лобаева, Сажко, Баратьяна. Вся пятерка шла на помощь товарищу.

Управлять самолетом становилось все труднее. Но Мазаеву удалось дотянуть его до озера и сесть на лед.

Герой Советского Союза М. Трусов

Враги подстерегали добычу. Они вылезли из окопов, открыли ружейную пальбу и побежали к советскому самолету.

Но не тут-то было. Со всех машин затрещали пулеметы. Стреляли с истребителей, стреляли стрелки-радисты, стреляли штурманы. Сталинские соколы загнали врага назад в его берлогу. Белофинны не смели высунуть головы. Они вели лишь беспорядочный огонь по озеру, пустив в ход пушку и минометы.

Под градом пуль и осколков стояли на льду у горящего самолета три отважных бойца.

— Надо спасти экипаж во что бы то ни стало, — решил Трусов. Он представляет себе всю сложность и опасность принятого решения. Но что может быть сильнее воли большевика!

Трусов резко снижается и идет на посадку.

Бандиты предвкушают двойную добычу — два советских экипажа. С новой силой грохнули орудия. Но с советских машин стреляют метко. Пули ложатся прямо у укрытий, за которыми прячутся враги, и не дают сдвинуться с места.

С волнением и восхищением следили товарищи, как мастерски сел Трусов недалеко от горящего самолета.

Первым подбежал к Трусову стрелок-радист Пономарев.

— Мы знали... Мы были уверены...

Он бросился обнимать Трусова.

— Потом... Потом... Не время... — крикнул Трусов. — Два — в кабину стрелка-радиста, один — в бомбовый люк, — командовал он. — Только быстрее.

Теперь нужно поскорее оторваться ото льда. Враг продолжает вести сильный огонь. Снаряды ложатся то позади самолета, то не долетая до него. Трусов садится за управление, дает полные обороты моторам. Самолет не сдвигается: примерзли лыжи. Трусов энергично «шурует» рулями, машина раскачивается, идет вперед, несколько раз ударяется хвостом о лед и, наконец... отрывается.

На глазах у опешившего врага Трусов делает разворот над озером и пристраивается к своим.

Внизу чернеет догоревшая машина Мазаева.

— Теперь все в порядке.

Вдруг Трусов рассмеялся. Он вспомнил растерянный вид стрелка-радиста и подумал: «Огрел я его за порыв... Нехорошо...»

— Где Пономарев? — спросил он в переговорную трубку.

— В бомболюке.

— Нормально, — улыбнулся Трусов, — включу-ка я ему свет...

Полковник

БАКАЕВ

Артиллерия дальнего действия

Противник применял довольно хитрую тактику использования артиллерии: каждая его батарея имела от пяти до семи огневых позиций. Сегодня, к примеру, батарея вела огонь с одной позиции, на следующий день — с другой, потом опять с первой, затем с третьей и т. д. Сделав не более 20—24 выстрелов, батарея уходила на другую позицию. Часто противник применял фланговый огонь батарей с соседних участков. Все это затрудняло нам разведку и особенно стрельбу на поражение.

Прежде всего мы постарались разгадать систему неприятельских «позиционных гнезд» и установили постоянную слежку за деятельностью обнаруженных батарей с целью их подавления и уничтожения.

Из всех средств артиллерийской разведки в условиях финского театра военных действий самым сильным оказалась, как и следовало ожидать, звукометрическая разведка. Звуковая разведка нашего артиллерийского полка, во главе которой стоял опытный командир старший лейтенант Погодин, дала полную картину расположения огневых позиций белофинских батарей на участке Вяйсянен — станция Лейпясуо.

Финны предполагали, что если они выпускают за малый промежуток времени ограниченное количество снарядов, то тем самым не дадут нам возможности разведать их огневые позиции. Но финны просчитались. Передовые звукометрические наблюдатели после первых же двух выстрелов противника пускали в ход регистрирующий прибор, и на его ленте появлялась неприятная для финской батареи запись. Через несколько минут в штабе группы на карту наносился условный значок — местонахождение батареи. Координаты батареи сообщались в соответствующие дивизионы, батареи готовили исходные данные и заносили их в каталоги целей. Разведанная огневая позиция бралась под наблюдение.

Авиаразведка в условиях лесистой местности и при отличной маскировке огневых позиций противника не всегда дости-

гала успеха. Поэтому самолеты-разведчики обычно доразведывали цель, уже обнаруженную звуковой разведкой, уточняли координаты цели и корректировали огонь.

Группа артиллерии дальнего действия, чтобы своевременно получить данные о деятельности батарей противника, в особенности фланговых, которых не в состоянии засечь звуковая разведка, держала тесную связь со штабами групп артиллерии поддержки пехоты и даже со штабами стрелковых полков.

Получавшиеся от них сведения вначале сводились к тому, что, мол, по командному пункту вечером стреляла «откуда-то» батарея противника. Такие неточные данные не могли служить отправным пунктом для постановки задач органам инструментальной разведки. Но тут было установлено, что многие финские снаряды не разрываются и оставляют за собой борозды. При этом условии даже скудные, иногда сбивчивые сообщения, которые давались пехотой, сопоставляемые с наблюдениями за бороздами от неразорвавшихся снарядов, позволяли определить примерный район расположения батареи противника.

При штабе группы артиллерии дальнего действия была создана специальная команда осколочников. В ее задачу входило: объезжать рано утром командные пункты групп артиллерии поддержки пехоты, стрелковых полков и даже батальонов и собирать все данные о деятельности артиллерии противника (откуда, по какому району, когда, сколько времени вела огонь финская батарея).

Команда осколочников с увлечением проводила свою интересную работу. Она детально изучала районы обстрела, подбирала осколки, по которым можно было определить калибр и форму снаряда, разыскивала дистанционные трубки, исследовала борозды от неразорвавшихся снарядов и т. д.

В штабе группы по осколкам снарядов устанавливали систему орудия, а по справочникам — его балистические данные. По борозде брали направление на батарею и в дальнейшем по карте определяли примерный район ее огневой позиции, к которому и приковывалось внимание органов звуковой разведки.

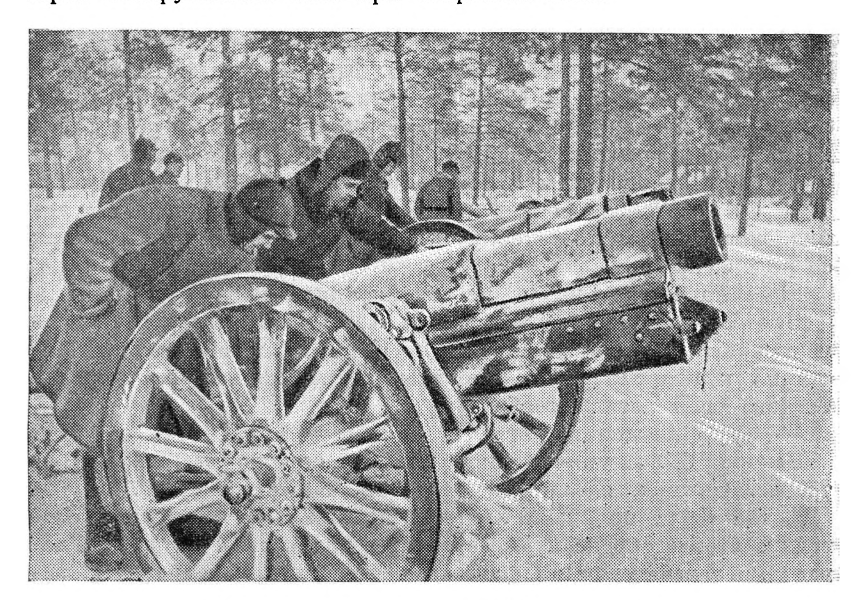
Сопоставление полученных данных, взаимная проверка их различными разведывательными органами с последующим внимательным изучением, нанесение на карту предполагаемых огневых позиций вражеских батарей, — все это позволяло нам в конце концов устанавливать систему огневых позиций противника.

Об отдельных эпизодах артиллерийской дуэли с врагом мне и хочется рассказать в этой статье.

1. Точный огонь

В конце декабря группа артиллерии поддержки пехоты одного из стрелковых полков занимала огневые позиции в районе Таперниеми на юго-западном берегу озера Муола-ярви.

Отдельные наши батареи хорошо просматривались с северо-восточного берега, занятого противником, большинство же батарей обнаруживало себя при открытии огня.

Бойцы осматривают трофейные орудия

Однажды начальник артиллерии дивизии звонит на командный пункт нашей группы и сообщает, что батарея противника ведет огонь «откуда-то» из-за озера Муола-ярви по расположению группы поддержки пехоты.

Обнаружить эту батарею с помощью звукометристов нельзя было, так как она стояла на фланге. Самолет не мог вылететь из-за плохих метеорологических условий. Сделав несколько выстрелов, не причинивших вреда, финская батарея прекратила огонь. Однако на следующий день она возобновила свою деятельность. Мне доставили осколок от дна снаряда.

Этот осколок меня очень удивил. Выходило, что стреляет финская батарея 107-миллиметровых пушек раздельного заряжания, образца 1887 года, на жестком лафете. Мы давно отвыкли от подобных систем. Как-то даже не верилось, что мы имеем дело со столь старомодной системой.

Я вызвал начальника артиллерийского снабжения и спросил, показывая осколок:

— Что это за странный снаряд?

— Ну и ну, — заметил начальник артснабжения. — Быстро, однако, финны истощили свои ресурсы, если вытащили на огневую позицию эдакую бабушку...

Когда о результатах исследования осколка я доложил по телефону, то в штабах корпуса и дивизии отнеслись к моему докладу весьма скептически.

Но осколок говорил сам за себя...

Батарею противника необходимо было разведать и уничтожить. Я решил снять один из звуковзводов с основного направления и развернуть его вдоль юго-западного берега озера Муола-ярви, специально для разведки этой батареи.

Взвод развернулся и приступил к наблюдению.

Через некоторое время батарея была разведана, один из дивизионов группы подготовил исходные данные и был готов к ее подавлению.

Но батарея, как назло, не возобновляла огня.

Вскоре наступила летная погода. Она позволила доразведать и уточнить место огневой позиции батареи. Затем самолет приступил к корректировке стрельбы. После нескольких очередей беглого огня летнаб сообщил:

— Одно орудие подбито.

Вскоре было уничтожено второе орудие и, наконец, — третье. Снимок, сделанный летнабом, подтвердил это.

Когда была прорвана линия Маннергейма, я выслал разведку, чтобы определить результаты подавления батареи. Разведчики запечатлели на фотоснимке тела старинных пушек, валяющихся в снегу, и перевернутые лафеты с перебитыми колесами.

2. *Инициатива летнаба*

Незадолго до прорыва линии Маннергейма два дивизиона нашего полка занимали огневые позиции в районе западнее пристанционного поселка Пэрк-ярви.

Летнабу тов. Витрику была поставлена задача — доразведать батарею немного западнее станции Лейпясуо.

Сделав два круга, Витрик доложил, что батарея разведана, и передал ее координаты. Дивизион подготовил данные. Мы с начальником штаба группы внимательно следили за ходом пристрелки.

Неожиданно перед самым переходом на поражение Витрик дал для 2-й и 3-й батарей какие-то странные отклонения. Дивизион был прекрасно сострелян, и столь больших отклонений, да еще сразу у двух батарей, произойти не могло. Ясно было, что Витрик перенес огонь двух батарей в новый район.

Высоко ценя прекрасные качества Витрика как наблюдателя, мы не вмешивались в ход стрельбы. И вот одна наша батарея начала вести огонь на поражение, корректируемый с самолета, а две с помощью того же самолета заканчивали пристрелку по новому району. Затем и они повели огонь на поражение.

Наконец, наше недоумение разрешилось. Витрик доложил по радио, что он перевел огонь на новый район, так как обнаружил колонну финской пехоты до батальона, идущую к линии фронта. После огневого налета летнаб донес:

— Заметил несколько прямых попаданий в батарею противника, жизнь на ней прекратилась. Наблюдал также, что финская пехота понесла значительные потери и рассеялась по лесу, оставив на дороге разбитые повозки...

Этот эпизод говорит об инициативности летнаба Витрика. Батарея противника находилась уже под поражающим огнем и уйти от него не могла. Но колонна пехоты имела возможность в любую минуту свернуть на замаскированную с воздуха дорогу, а таких дорог у противника было порядочно. И летнаб поступил правильно, переведя огонь двух батарей на поражение новой цели.

3. *Как мы разрушали доты*

В период прорыва линии Маннергейма железобетонные огневые точки, находившиеся у железной дороги Пэрк-ярви — Лейпясуо, приостановили продвижение наших войск. Необходимо было эти железобетонные точки разбить. Решили выдвинуть на открытую позицию одно из орудий 4-й батареи под командой старшего лейтенанта Егорова.

Заблаговременно разведали дорогу и выбрали в 250—300 метрах от дота огневую позицию, замаскированную небольшими деревьями.

Орудие было выведено на огневую позицию вполне благополучно, но шум работающего трактора привлек внимание белофиннов, и в скором времени противник обстрелял этот участок из минометов, впрочем, никому не причинив вреда.

Орудие открыло огонь. Первые же снаряды попали в цель. Прекрасно работавший наводчик «клал снаряды в точку». Шесть или семь снарядов пробили многоплитную стальную и железобетонную стенки сооружения. Белофинны выбежали из дота, пытаясь спастись в ходах сообщения.

Пехота атаковала дот и захватила его.

Орудие на ночь ушло на свою основную огневую позицию.

На другой день были разрушены еще две железобетонные точки противника и разворочены ходы сообщений.

Ворота для продвижения стрелковых частей были пробиты.

☆

Старший лейтенант
С. ЛАВРЕНТЬЕВ

Разведка с аэростата

Телефонист штаба группы тов. Федоров вызывает меня к аппарату. Получаю приказ немедленно явиться в штаб артиллерии, находящийся в деревне Бобошино, к майору Игнатову, чтобы получить указания по работе на аэростате.

— Захватите с собой рацию и зенитно-пулеметную установку для охраны аэростата, — сказали мне.

Майор Игнатов был краток:

— Разведать артиллерию и скопление противника в районах Кархулы, озера Сумма-ярви, высоты 65,5. В случае обнаружения давить огнем дивизиона, — приказал он.

— Есть! — коротко ответил я.

В это время входит начальник артиллерии армии комдив Парсегов. Узнав о полученном мною приказе, он пожал мне руку и пожелал успеха.

— Если обнаружите батарею противника, громите ее до конца, не оставляйте камня на камне.

— Есть, товарищ комдив, — ответил я. — Задание будет выполнено!

Ровно через час мы с летчиком Гудковым были уже в воздухе. Высота — 800 метров, видимость отличная. Аэростат медленно покачивается, отклоняясь на северо-восток.

С этой высоты деревня Кархула хорошо просматривается в бинокль. Отмечаю у себя на карте ориентир № 1. Замечаю и озеро Сумма-ярви — ориентир № 2. Почти прямо передо мной отчетливо выделяется черное пятно. Это район Турта — Хотинен, который подвергается систематическому артиллерийскому обстрелу. На карте отмечен ориентир № 3. Правее — высота 65,5 — ориентир № 4.

Таким образом, карта сориентирована. Всматриваемся в местность — все мертво. Вдруг летчик Гудков замечает самолет, летящий на наш аэростат.

Опознавательные знаки наши, но хвостовое оперение не то. «Самолет противника», — решаем мы.

Разведка с аэростата

Гудков сразу же сообщает об этом на землю. Спаренная пулеметная установка под командой младшего лейтенанта Береста тут же взяла на мушку самолет и выжидала его приближение.

Финский летчик пытается поджечь аэростат, но вдруг круто берет вираж влево и уходит в сторону. Это тов. Берест отогнал его от аэростата своим заградительным огнем.

Продолжаем разведку. В районе ориентира № 2 засверкал огонь — батарея противника. На опушке леса удалось обнаружить склад снарядов.

Я определил положение цели, нанес ее на карту и тут же сообщил координаты в штаб. Дивизиону приказали открыть огонь. Через три минуты батареи дали по одному залпу для контроля. Я корректировал в микрофон:

— 4-й батарее — левее 0-06, 5-й батарее — левее 0-10, 6-й батарее — 0-15, — беглый огонь!

После первого же залпа мы наблюдали с аэростата отрадное зрелище: снаряды попали в склад снарядов противника — произошел огромной силы взрыв.

Вскоре и сама батарея врага прекратила свое существование.

Герой Советского Союза

В. ЯКОВЛЕВ

Прямой наводкой по дотам

Наш тяжелый корпусный артиллерийский полк прибыл 17 декабря в район Хотинена, к так называемой линии Маннергейма. Двухсуточный тяжелый переход с боем был совершен без сна и отдыха. Мы были сильно утомлены, но не теряли бодрости.

Быстро разобрали лопаты, ломы, кувалды, кирки-мотыги, топоры и принялись за оборудование огневых позиций, выворачивая из мерзлой земли камни с такой энергией, что если бы пришел кто-нибудь посторонний и посмотрел, то обязательно сказал бы про нас: во-первых, это высококвалифицированные землекопы и каменщики, а во-вторых, все только что вернулись после длительного отдыха.

Как всегда, у нас быстро была сделана обычная трассировка для орудия и вырыты ровики для расчета. К вечеру выкопали землянки, оборудовали их тремя накатами из бревен, что защищало нас не только от пуль и осколков, но и от вражеских снарядов малого калибра.

В первый день нам мало пришлось пострелять по белофинской артиллерии. Но зато на второй день мы уже по-настоящему показали врагу всю мощь советских тяжелых орудий.

О нашей артиллерийской стрельбе финские пленные из резервистов отзывались так: «В какие бы доты и укрытия мы ни прятались, — не было спасения от вашего огня. Если даже ваши снаряды и не поражали нас своими осколками, то все равно организм человека не выдерживал силы взрывов: из ушей, носа и рта лилась кровь».

Стреляли мы много и довольно метко, неоднократно давая прямые попадания в доты, расположенные в 6—7 километрах от наших огневых позиций. Но одного, двух и даже десятка снарядов было недостаточно, чтобы разгромить дот и полностью заставить его замолчать. Поэтому выброшенные нами за несколько дней тысячи килограммов стали не дали желательного эффекта.

И тогда — это было 19 января — командование решило поставить тяжелое орудие на несколько сот метров от дота и прямой наводкой разбить его.

Об этом узнали мы, расчет первого орудия 5-й батареи.

Кто поедет выполнять эту задачу — неизвестно. Приказа никому еще пока нет. В первую же свободную минуту мы собрались в землянку обсудить этот вопрос. Решение у всех одно: немедленно составить рапорт и просить командование части, чтобы эту почетную и ответственную боевую задачу доверили нам, расчету первого орудия 5-й батареи. Опасались лишь одного: не доверят нам эту задачу, поскольку все мы из приписников, а в части было много орудийных расчетов целиком из кадрового состава. Но мы успокаивали друг друга: ведь хотя мы и «приписники», но наше орудие по быстроте и точности стрельбы считается передовым в полку.

Рапорт тотчас же был составлен и подписан всеми номерами орудийного расчета. В рапорте мы поклялись, что доверие командования, доверие народа и любимого Сталина оправдаем с честью и выполним задачу только отлично.

Когда принесли рапорт в штаб части, то оказалось, что туда уже поступило двенадцать таких рапортов. Расчеты других орудий раньше нас узнали о предстоящей опасной задаче. Я не суеверный, но подумал — наш рапорт по счету тринадцатый. Чортова дюжина! Вот нам и не повезло.

Огорченный, я обратился к комиссару части орденоносцу тов. Мартынову.

— Товарищ батальонный комиссар, мы поздно узнали и поэтому опоздали. Итти сейчас к бойцам с отказом — это лучше не ходить.

Он мне говорит:

— Не волнуйтесь, поедете вы, — так и передайте бойцам. Окончательный ответ — завтра.

— Есть так передать!

А сам думаю: комиссар, наверно, всем так говорит.

С нетерпением ждали завтрашнего дня. Комиссар свое слово сдержал в точности. Нашему орудию — первому — было доверено прямой наводкой громить белофинские логовища — доты. Все мы чувствовали себя именинниками. Днем еще раз проверили орудие, все до винтика, пришили к гимнастеркам свежие воротнички, чисто выбрились. С наступлением темноты отправились на намеченную огневую позицию, чтобы под прикрытием ночи оборудовать ее, до рассвета подвезти на тракторе орудие и с рассветом взяться за выполнение боевой задачи.

Ползком, с инструментами, добрались до огневой позиции. При сорокаградусном морозе дружно взялись за работу под орудийный гром и пулеметную трескотню. Хотя эта музыка

и не такая уж веселая, но настроение у всех было замечательное, работа как-то особенно спорилась.

Огневая позиция готова. Теперь предстояло самое сложное дело — подвезти на тракторах орудие и поставить его перед носом белофиннов так, чтобы они не заметили. Чтобы замаскировать движение орудия и самую установку его на огневой позиции, одному дивизиону было дано задание — вести непрерывный огонь по дотам.

Но и это не помогло. Когда орудие подъезжало к огневой позиции, белофинны услышали стук тракторов и в темноте открыли по нас минометный, пулеметный и артиллерийский огонь.

Стреляли они хоть и много, но неважно. Их снаряды ложились вправо, влево, перелетали, недолетали.

Нам удалось благополучно подвезти и установить орудие. Снаряды заготовлены, огневой расчет весь на своих местах. Ждем лучшей видимости, рассвета.

Когда чуть-чуть забрезжило, стали смутно вырисовываться очертания дота. Рассветало медленно. Ночь словно нехотя уступала место ясному морозному дню.

Выбираю ориентиры, на-глаз прикидываю дистанцию и ставлю прицел, беру перекрестье панорамы на ориентир (остро заточенный кол впереди в проволочном заграждении), замечаю, как оно лежит на ориентире, выбираю запасные ориентиры, кладу перекрестье панорамы на них, замечаю. Установку панорамы перевожу на основной ориентир. Докладываю:

— Орудие готово.

Командир батареи старший лейтенант Трунов подает команду:

— Огонь!

Первый снаряд — мимо. Беру поправку: опять мимо. Беру поправку на волосок, на полволоска. Все мимо! Ругаю себя, как только умею. А потом опыт показал, что пока орудие не укрепилось, оно прыгает, перемещается, а я на эти перемещения поправки не брал.

Восьмой снаряд угодил уже прямо в дот, в башню с амбразурами. За ним туда же летят девятый, десятый и т. д. Смотрю — башня не падает. Навожу под башню, выпускаю десятка три снарядов, разбиваю амбразуру, крепление башни, затем даю выстрел по самой башне... и она падает с дота.

С первого же нашего выстрела по доту белофинны словно с ума сошли. Они открыли по нашему орудию бешеную стрельбу из нескольких батарей шрапнелью и гранатой, минометный и пулеметный огонь. Тяжелые снаряды рвались справа, слева, сзади, спереди. Но мы работали без малейшего замешательства. Мешали нам только снаряды, которые разрыва-

лись впереди, поднимая вверх огромные столбы снега и земли. Это затрудняло наблюдение за дотом и ориентиром.

Двумя тяжелыми снарядами разбило наш бруствер. Несколько раз нас засыпало комьями мерзлой земли, поднятой разрывом, но каждый боец уверенно продолжал делать свое дело, горя желанием скорее разбить логовище врага, решить боевую задачу отлично!

Герой Советского Союза В. Яковлев

Ящичному А. И. Головкину осколком снаряда разрезало щеку, кровью ему залило всю фуфайку и брюки; потом кровь перестала литься и запеклась на щеке. Мы были так увлечены стрельбой, что никто не заметил ранения Головкина, не заметил его и сам Головкин.

Снарядному Е. К. Булахову разбило осколками руку. Ему предложили немедленно эвакуироваться с огневой позиции, над которой хлестала свинцовая гроза. К тому же с одной рукой он был нам плохим помощником. Булахов уйти отказался и продолжал работать здоровой рукой. В течение всей стрельбы с нами находились наши непосредственные начальники: командир 2-го дивизиона старший лейтенант Лебедев и командир батареи старший лейтенант Трунов.

Когда мы выпустили последние снаряды по доту, тов. Лебедев сказал:

— Задача выполнена отлично!..

К вечеру мы вернулись на свои старые, закрытые, огневые позиции. Нас все поздравляли и считали счастливцами. Да, мы действительно были счастливы, так как с честью выполнили свои обязательства, причем без единой потери.

В этот, навсегда памятный для нас день орудийный расчет работал в следующем составе:

За командира орудия — помощник командира взвода Леонтьев Петр Михайлович, слесарь 1-го граммофонного завода (ныне Герой Советского Союза).

Наводчик — Яковлев Василий Николаевич, директор одного из ленинградских ресторанов (ныне Герой Советского Союза).

Замковый — Банеев Леонид Павлович, ленинградский кровельщик (награжден медалью «За отвагу»).

Снарядный — Булахов Ефим Кириллович, литейщик завода «Центролит», Ленинград (награжден медалью «За отвагу»).

Зарядный — Блинов Иван Иванович, завхоз 1-й ленинградской школы Ленинского района (награжден медалью «За отвагу»).

Установщик — Вайнелович Антон Викторович, грузчик Ленинградского порта (награжден медалью «За боевые заслуги»).

Ящичные — Головкин Андрей Иванович, рабочий артели «Выборгский обувщик» (Ленинград), и Бунеев Антон Семенович, грузчик Ленинградского порта (награждены орденом Красной Звезды).

Тракторист — Ворона Андрей Тарасович (награжден медалью «За отвагу»).

Весь состав расчета — приписной, мобилизованный в Красную Армию в 1939 году.

* * *

С того памятного дня прошло две недели, как мы не выезжали для стрельбы прямой наводкой.

8 февраля 1940 года мы опять получили эту любимую работу. На этот раз нам дали задание разгромить не один, а несколько дотов.

Командир дивизиона тов. Лебедев и командир батареи тов. Трунов выбрали очень удобную огневую позицию; с нее можно было разбивать доты, расположенные справа, слева и впереди. Но белофинны стали в это время еще злее. Когда тт. Лебедев, Трунов, инструктор пропаганды полка политрук Лапанов, замковый Банеев, снарядный Панягин, помощник командира взвода Леонтьев и я поползли к огневой позиции, белофинны осыпали нас стальным градом. Приходилось по пути неоднократно зарываться в снег. Нужно было добраться в намеченное место, разрыть снег, чтобы подготовить площадку для орудия, и опять — самое сложное (сложнее, чем в первый

Разбитый артиллерией бронекупол одного из дотов

раз, когда мы работали в темноте) — подвезти при дневном свете орудие на тракторах и установить его.

Во время подготовки огневой позиции выбыл из строя снарядный В. В. Панягин. Ему пулеметной очередью, когда он лежа разрывал снег, пробило грудь и живот. Он был еще жив, но в безнадежном состоянии. Мы хотели положить его на лыжи и эвакуировать к своим.

— Не несите меня никуда, — возражал наш славный товарищ, — не теряйте времени... Бейте гадов крепче!..

И это были его последние слова. Мы доставили его на медицинский пункт, где он скончался.

Орудие установили быстро, несмотря на сильный огонь противника. Для стрельбы прямой наводкой мы теперь уже имели опыт. Со второго же выстрела снаряд ударил в дот, за ним еще и еще.

Из дота выбежали белофинны, по ним вели огонь наши малокалиберные пушки. Оставшаяся часть белофиннов побежала обратно в дот искать спасенья. Тогда я им подарил еще гостинец, который, видимо, оказался им не по зубам. Несколько человек выскочило из дота, но далеко не ушел ни один. Так всеспасающее логовище превратилось для них в могилу.

Враг сосредоточил по орудию сильный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Но расчет смело и уверенно

продолжал свою работу. Разгромив один дот, мы перенесли огонь на второй и тоже вывели его из строя.

Сгустились сумерки, ориентиров не видно, работу надо заканчивать. Нужно снять орудие, чтобы отвести его подальше в тыл, а завтра до рассвета опять поставить на то же место. Белофинны стали этому яро препятствовать. Они создали заградительный огонь и беспрерывно освещали ракетами место, где находилось орудие. Они явно рассчитывали блокировать нас. Сделать это было нетрудно, потому что ни справа, ни спереди, ни слева не было поблизости наших подразделений, передовые подразделения пехоты находились метрах в ста сзади нас. Снятием с огневой позиции руководил инструктор пропаганды полка политрук Лапанов. Выставили вперед дозоры. Дело идет туго; освещаемые ракетами, мучаемся час-два под огнем белофиннов. Оказывается: поскольку у нас не было никакой трассировки, мы не могли на мерзлой земле укрепить орудие, и оно прыгало при выстрелах. От подпрыгивания и сильных ударов о землю получился перекос станины, а это не давало возможности перевести орудие из боевого положения в походное. Возились мы часа три. Это было самое неприятное испытание. Когда стреляют по тебе и ты отвечаешь, то мало заметен вражеский огонь, но когда стреляют только по тебе, а ты молчишь, — ощущение весьма противное.

За ночь нам сменили орудие. 9 февраля ночью мы поставили его опять на то же место и с рассветом начали расстреливать дот. Белофинны снова обрушились на нас огнем, еще более жестоким. Но мы продолжали уверенно выпускать снаряд за снарядом. Из дота вверх взлетала какая-то рухлядь, корзины, кровати, тряпки, а вместе с ними и белофинны.

В это время меня окликнул наблюдавший за боем политрук Лапанов. Я подполз к нему, смотрю: у него разбиты противогаз и стоявшая рядом автоматическая винтовка, но сам отделался счастливо, не получив и царапины. Он сидел в воронке, и возле него упало два снаряда — один на расстоянии одного метра, а другой — еще ближе.

— Видишь, как финн шутить начал. Но нас — сталинцев — не возьмешь! — сказал, обращаясь ко мне, тов. Лапанов.

— Ну, правильно, — говорю я ему.

Затем он показал мне бугорок. Это был дот. Там что-то зашевелилось, амбразуры не видно, огонь ведется с правой стороны, — амбразура, видимо, там же. Рассматриваем в бинокль и обнаруживаем ее.

— Давайте так, — говорит тов. Лапанов, — чтобы с первого же выстрела заклепать амбразуру.

— Можно, — говорю, — это не то, что в первый раз. Сейчас будем бить по заказу в любую точку дота.

Выбрал я ориентир в направлении этого дота, ввел нужную поправку в установку угломера. Выпустил снаряд, смотрю — он в амбразуре. Хорош!

Так, в течение нескольких дней, с 8 по 16 февраля, мы, меняя огневые позиции, разбивали в этом районе доты, превращали эти железобетонные спасительные убежища белофиннов в их могилы.

В самые напряженные моменты никто из нас не думал о себе. Все были охвачены одним стремлением — как можно лучше выполнить боевую задачу. Однажды, когда по станинам орудия колотили осколки вражеских мин и цокали пули, замковый Леонид Павлович Банеев обратился ко мне с такими словами:

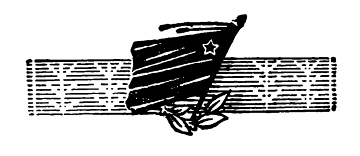
— Пусть ребята уйдут в укрытия, в воронки, а мы с тобой будем вести огонь вдвоем. Если погибнем, то только двое. Зато остальные смогут после стрелять.

В таких случаях мы так и поступали — вели огонь вдвоем. Часто нам помогали помощник командира взвода Леонтьев или Боровиков, командир орудия.

Старшина батареи Киселев ползком, и всегда во-время, доставлял нам пищу и спецпаек. Если старшина видел, что некоторые из расчета выведены из строя или затормозилась доставка снарядов к орудию, он снимал полушубок, оставался в одной фуфайке и помогал нам до тех пор, пока орудие не снималось с огневой позиции. Когда что-нибудь заедало у орудия, артиллерийский техник Миненков здесь же на глазах, под огнем врага, быстро устранял неисправность.

Каждый день белофинны выпускали по нас сотни снарядов и мин, тысячи пуль. Но что бы враги ни делали, они не в силах были остановить нашу боевую работу.

Остановить нас могла только смерть, и больше ничто, потому что мы были полны неистребимой ненависти к врагам и беззаветной любви к своей великой Родине, партии большевиков, родному Сталину.

Батальонный комиссар
А. ГЕРАСИМЕНКО

Бой за высоту „Груша“

Утром 1 февраля к нам прибыл член Военного Совета товарищ Штыков. Он разъяснил командному составу батальона значение захвата высоты «Груша» для быстрейшего разгрома врага в районе Кархулы.

— Приложите все силы к тому, чтобы высота «Груша» была в наших руках...

С таким призывом обратился к нам тов. Штыков.

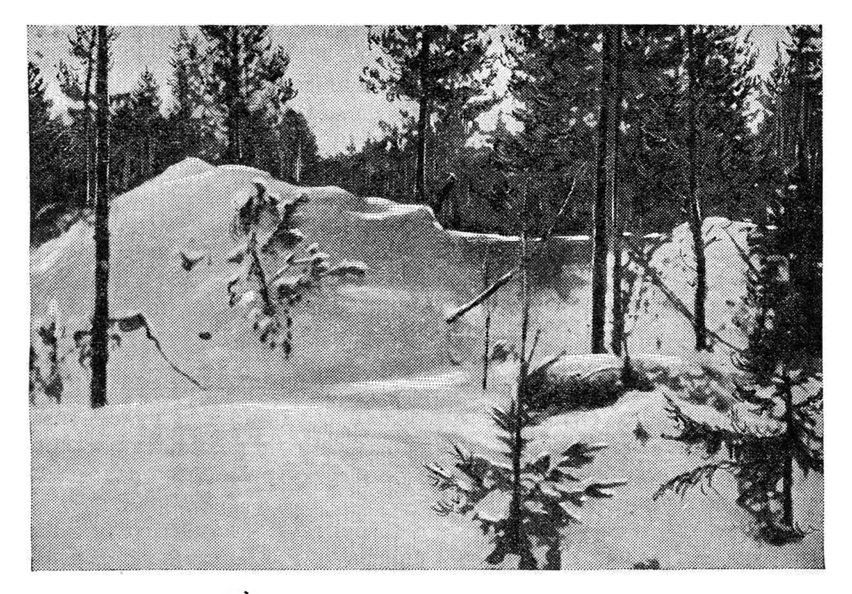
«Груша», расположенная на пути к району Кархулы, — это продолговатая, заросшая лесом, высота. За ней — еще более высокая и крутая, тоже лесистая, высота 38,2, которая и являлась главным препятствием на пути к Кархуле. С одной стороны этих сопок — озеро, с другой — болото.

Высота 38,2 была как бы замком, закрывавшим подступы к району Кархулы. Ключом к этому замку была «Груша». Ее защищали четыре ряда каменных надолб, дзоты, колючая проволока.

С севера на юго-запад, слегка вдаваясь в восточную сторону, тянулась полоса леса, усыпанная валунами. К востоку от высоты была открытая поляна; ее восточный край замыкала речка, за которой начинался лес, занятый нашими частями. Противник, укрепившийся на высотах 38,2 и «Груша», построил свою оборону так, что простреливал всю прилегающую местность.

Наши пехотные части, начиная с 5 февраля, вели бой за овладение высотой «Груша». Попытки занять высоту в лоб не имели успеха. 7 февраля, после получения приказа, группа работников штаба бригады — комбриг Иванов, старший лейтенант Петров, я и другие — отправились на рекогносцировку местности.

У комбрига Иванова возникло решение — штурмовать высоту «Груша» не со стороны поляны, как это делалось раньше, а с левого фланга. Ведя наступление прямо по открытому месту на высоту, пехотные части должны были отвлечь внимание противника. А в это время танковая группа с десантом

Замаскированные дзоты на высоте «Груша». Маскировкой служила металлическая сетка, покрытая вискозным волокном

пехоты должна была незаметно, под прикрытием леса, ворваться с фланга в расположение противника и занять высоту. Таков был план комбрига Иванова.

Перед началом наступления были проделаны проходы в надолбах. Нужно было уничтожить опасные для танков и пехоты огневые точки и, подтянув пехоту в бронированных санях, укрепиться на высоте. Для выполнения этой задачи командование батальона выделило 10 танков, поручив мне и старшему лейтенанту Петрову руководить их действиями.

Танковой группе был придан пехотный десант. На передней машине висел лозунг: «С именем Сталина — вперед, боевые товарищи!» А на машине, что стояла в середине колонны, я с улыбкой прочитал: «Силу удара дружно обрушим — только черенок оставим от «Груши».

Вблизи от передовой линии сосредоточивались танки и приданная им пехота. Утих шум последних выхлопов. Густые ветви елей, покрытые снежными шапками, скрыли подразделение старшего лейтенанта Петрова.

В 12 часов 9 февраля танки под нашим командованием вышли из укрытия на исходный рубеж для атаки. Перед нами, словно половинка разрезанной груши, лежала сопка, поросшая хвойным высоким лесом, усеянная огневыми точками, опоясан-

ная каменной грядой надолб, опутанная колючей проволокой и скрытыми рвами.

Подступы к высоте были замаскированы.

В воздух взлетела красная ракета, оставляя дымчатый след, — это сигнал атаки. Танки рванулись вперед.

Противник, не ожидавший нападения с юго-восточной стороны, был ошеломлен. Воспользовавшись минутной заминкой, наши боевые машины уже приближались к проволочному заграждению. В это время белофинны открыли по ним ураганный огонь. Двигавшихся за танками бронированных саней с десантной группой пехоты финны не видели и били по машинам.

У надолб сани были отцеплены, и пехота мгновенно рассыпалась по скатам. Увидев пехоту, противник снова растерялся на миг, а потом перенес огонь орудийных и пулеметных гнезд на десант. Лавируя между камнями и рвами, танки прорвались за надолбы и стали в упор расстреливать разбегающихся белофиннов.

Танки младшего лейтенанта Куроптева, заместителя политрука Хаулина, политрука Гриневича и Ольховника с непостижимой ловкостью преодолевали препятствия. С замечательным искусством и хладнокровием продвигались вперед водители Королев, Турков и мой водитель Зубарев. За стеной разрывов снарядов порой не видно было соседнего танка. Справа, совсем рядом разорвался снаряд, поднялся столб земли и снега. По башне градом ударили осколки. Ловко маневрируя, водитель Зубарев не дает врагу возможности пристреляться. Танки вступили на юго-западный склон высоты. Слева появилось противотанковое орудие. Не успели белофинны открыть огонь, как машина заместителя политрука Хаулина под тяжестью своих гусениц похоронила орудие и прислугу. Политрук Гриневич огнем подавил расчет другого орудия.

Все сильнее и сильнее разгорался бой. Противник упорно сопротивлялся.

Вспыхнули огоньки выстрелов на левом склоне. Огневая точка противника грозит вывести из строя танки политрука Гриневича и лейтенанта Гоголева. Комсомолец Ольховник, заметивший опасность, бросается на помощь. Его машина, быстро маневрируя, подъехала к дзоту и, закрыв броней амбразуру, блокировала его. Подоспевшие саперы подложили заряд. К машине подбежал сапер.

— Танкист, отъезжай! — крикнул он, замахав руками.

Едва танк отъехал, как дзот взлетел на воздух, похоронив под собой засевших там шесть офицеров и пулеметный расчет.

Одна за другой были уничтожены огневые точки противника. Большое мастерство, выдержка и смелость, помноженные на ненависть к врагам, дали свои результаты.

В 14 часов высота «Груша» была в основном очищена от противника, отошедшего с потерями за высоту 38,2. Танки снова и снова прочесывали вдоль и поперек побуревшую от копоти поверхность взятой высоты. Остатки финских укреплений и подошедшие свежие силы белофиннов вели бешеный огонь. Врагу, злобно притаившемуся в складках местности, выглядывавшему из-под земли сквозь амбразуры огневых точек, удалось вывести из строя несколько танков.

Прямым попаданием была подбита машина младшего лейтенанта Куроптева. Но экипаж был жив. Ведя ураганный огонь из башни, он несколько раз отбивал атаки белофиннов. Будучи не в силах взять танк, белофинны подожгли его. Машина горела, командир был убит, а башенный стрелок Топчий ранен. Механик-водитель Королев быстро вытащил Топчего и на себе, ползком, унес его в укрытие. Их заметили. По ним били пулеметы, и финны подползали все ближе. Королеву и Топчему грозил плен. Машина лейтенанта Гоголева пришла им на помощь. Подавляя противника огнем и прикрывая танкистов, Гоголев дал им возможность спастись. Огонь, прекратившийся на минуту, был с новой силой обрушен на машину Гоголева. Ее охватило пламенем. Славной смертью погиб героический экипаж. Измученный, мокрый от пота и снега, механик-водитель Королев дотащил раненого товарища до своих и вскоре снова стал громить белофиннов.

В машине механика-водителя Туркова снаряд пробил броню и застрял в трансмиссионном отделении. Машине грозила гибель, но Турков, выжимая последние обороты, вывел ее в безопасное место. От взрыва снаряда на машине лейтенанта Новоселова вспыхнул пожар. Но экипаж сумел потушить его.

Враг выдыхался и сдавал рубеж за рубежом. В 15 часов «Груша» была полностью очищена. Отыскивая место для наблюдательного пункта, я наткнулся в траншее на трех барахтавшихся белофиннов, засыпанных землей. Они подняли вверх дрожащие руки. Я отправил их в тыл.

Наступила ночь. Было ясно, что враги попытаются вернуть высоту «Груша». Мы должны были во что бы то ни стало удержать ее. С оставшимися на ходу двумя танками — моим и младшего командира Моисеева — мы решили стать в оборону. Остальные машины не в состоянии были двигаться, но зато экипажи их были невредимы и оружие в целости. При помощи буксира мы расставили поврежденные танки по всему склону «Груши» и распределили секторы, чтобы отбивать атаки противника огнем из башен.

В середине ночи белофинны пошли в наступление. Обходным путем, пользуясь темнотой, они пытались подобраться к танкам и поджечь их. Вновь началась трескотня пулеметов, разрывы

мин. С небольшими перерывами бой длился всю ночь. Обрушивая огневой шквал на врага, боевые машины отбивали одну атаку за другой. В 22 часа противник усилил контратаки. Наша пехота не выдержала и стала отходить. Немедленно надо было принимать меры. В это время политрук Гриневич выскочил из танка и, схватив пулемет, бросился вперед со словами:

— За Родину, за Сталина, вперед, товарищи!

Он увлек за собой бойцов и несколько часов вместе с пехотой вел огонь, отбивая натиск белофиннов. Лежа в снегу, он держал закоченевшими голыми руками пулемет и выпускал ленту за лентой, поливая огнем наседающего противника. После атаки его подобрали с отмороженными руками.

Финны вели по танкам ураганный огонь. Начальник штаба батальона, составив три машины «в коробку», вызвал к себе командира Ольховника и бойца Поликарпова. Нужно было узнать о судьбе экипажей двух поврежденных танков. Эти машины стояли метрах в двухстах. Каждый шаг пути простреливался огнем белофиннов с нескольких сторон. Ольховник и Поликарпов поползли к разбитым машинам, осмотрели их и вернулись обратно.

Мне сообщили, что танк лейтенанта Новоселова окружают финны. Мы поспешили на выручку отважного экипажа. Весь окутанный туманом и дымом танк лейтенанта Новоселова в упор расстреливал подползавших финнов. Мы подошли на полном газу. Тяжесть гусениц и вся сила огня обрушились на обнаглевшего врага.

В одну из атак, когда нас стали окружать, я вылез из танка и вместе с пехотинцами пошел в контратаку. Под прикрытием огня своих машин мы вновь возвратили потерянную позицию.

Боеприпасы подходили к концу. Бой, продолжавшийся 36 часов, измотал силы бойцов. Пополнения не было. Радиосвязь работала только на передачу. В этот момент старший лейтенант Петров и я вынуждены были подать радиограмму комбригу Иванову с просьбой о помощи.

Атаки белофиннов все усиливались. Наша поредевшая группа стойко выдерживала удар за ударом. В это время в небе появились самолеты. Они летели над нами и, казалось, не замечали происходившего на земле боя. И вот в самый напряженный момент стальные птицы пронеслись бреющим полетом и обрушили свинцовый дождь на белофиннов. В то же время с восточной стороны высоты «Груша» подошло подкрепление в составе пяти танков и двух рот пехоты. Мы бросились в атаку, и вскоре разбитые части противника окончательно отошли за скаты высоты 38,2.

☆

АЛЕКСАНДР ГУТМАН

Эскадрилья над Кархулой

Командир эскадрильи капитан Витрук выходит из штаба. Он только-что получил задание вылететь в район Кархулы. Там, по сведениям нашей разведки, на высоте 38,2 расположены укрепления. Они должны быть уничтожены.

— Учтите,— сказал полковник Витруку, давая задание,— наши почти рядом... Ошибка в 100 метров и...

Высокий, тонкий даже в теплом комбинезоне, капитан Витрук идет к самолетам по хрупкому насту, разглядывая на ходу карту. Его догоняет штурман Колчанов: получена последняя метеорологическая сводка.

— Над Финским заливом начинается снегопад, — говорит штурман. — Почти до самой цели мы будем лететь, не видя земли!

— Долетим, товарищ штурман!

Капитан и штурман имели уже по тридцать пять совместных боевых вылетов. Метель, ураган, огневая завеса — никакая сила не могла остановить капитана. Летел ли он на Лаппенранту, где его ждали «Фоккеры», бомбил ли он другие пункты, над которыми стеной поднимались разрывы зенитной артиллерии, — всегда он оставался победителем.

Метеорологи оказались правы. Над Финским заливом они попали в метель. Снежные вихри бросали машину. Земли почти не было видно. Моторы гудели. Крылья покрылись серебристой кромкой льда.

«Вот еще беда, — подумал Витрук, — это может кончиться плохо».

На командном пункте бригады учли тяжелые условия полета. Одну эскадрилью вернули по радио. С эскадрильей Витрука не сумели связаться и вдогонку был послан лучший летчик. Но и он не догнал ее.

Капитан Витрук вел свои самолеты уже над территорией врага.

Смертоносная стена!.. В одно мгновение мимо самолета пронеслось много красных, синих, черных шаров; они лопались

на уровне самолета, ниже его, рассыпаясь золотыми брызгами. Разноцветные дымки расползались в воздухе и таяли постепенно. А вместо них возникали все новые и новые...

Строй эскадрильи разомкнулся.

Капитан Витрук дал максимальную скорость, а через полминуты, когда предательский фейерверк опять начинал сверкать вокруг, резко уменьшил ее. И снаряды пролетали впереди. Тогда капитан опять что есть силы рвался вперед, то и дело меняя курс.

Когда прошли зону заградительного огня, Витрук спросил штурмана:

— Жив?

— Жив!.. — ответил штурман.

— Хорошо! Самолеты все?

— Все! — ответил стрелок-радист.

Теперь оставалось самое главное. Обрушить весь груз бомб на передний край. Ни дальше, ни ближе. От его искусства и от искусства штурмана зависело все. Одним ударом он должен был проложить путь пехоте, пробить еще одну брешь в линии Маннергейма.

Внизу шел бой. Его не было ни видно, ни слышно. Под большим куполом неба уходили вдаль леса, и снежные озера, лежащие между ними, казались белыми подпалинами на шкуре зверя.

Вот черные изогнутые линии — это ходы сообщения. Они вьются между перелесками. Неожиданно начинаются и так же неожиданно исчезают. Они соединяют дзоты.

Витрук рассчитал: по времени он должен быть уже недалеко от Кархулы. И верно, штурман подал сигнал: «Скоро цель». Но капитан не сразу взял курс на нее. Он продолжал еще некоторое время итти прежним путем, заставляя врага теряться в догадках — куда он летит. Он даже сбавил немного скорость, чтобы его самолеты опять сомкнулись и были готовы к встрече с истребителями.

И вдруг резко повернул на цель и понесся к ней, выжимая из машины все, что она могла дать.

Штурман Колчанов не отрывал глаз от пузырька прицела.

— Бомбим!..

Бомбы полетели вниз. Черные гребни взметнулись над землей.

Сначала Витрук ничего не мог различить в застлавшем землю дыме. Но когда самолеты развернулись, чтобы лечь на обратный курс, он увидел темные ямы.

Скорей назад, скорей на аэродром! Скорей бы узнать результаты бомбежки! Витрук готов лететь еще раз, пережить опять все, что пережил, лишь бы разгромить препятствия, стоящие на пути пехоты.

И вот он вернулся. Никто еще ничего не знал. Полковник пробрал его за риск, но втайне был Витруком доволен.

Прошел час, второй, третий...

Витрук ждал, и терпение его истощалось. Наконец, принесли фотоснимки. Они были еще мокрые, с них текла вода.

Капитан жадно взял их в руки и стал разглядывать. Вот черные точки — это окопы. Вот, как бы дымы — это взрыв бомб. А вот, на этом фото... Оно снято последним. Какая-то необычная воронка. Она слишком широка. Да ведь это дзот! Дзот на высоте 38,2! Он разбит прямым попаданием!

— Товарищ полковник, — воскликнул радостно Витрук, — хочу лететь второй раз!

Но его не пустили. Полеты были уже закончены.

В тот же день нам сообщили, что на высоте 38,2 уничтожен неприятельский дзот. Пехотинцы приносили свою благодарность командиру храброй эскадрильи.

Герой Советского Союза лейтенант

Л. БУБЕР

Вслед за артиллерийским огнем

На Карельском перешейке во многих сражениях, схватках и стремительных атаках решающий успех приносил нам артиллерийский огонь.

Вспоминаю, как рота, которой я командовал, наступала с запада от высоты «Груша», имея задачей захватить две железобетонные точки противника и траншею длиной в километр, что находилась в 900 метрах впереди высоты.

Моей роте были приданы две артиллерийские батареи и батарея противотанковой обороны для охраны фланга.

После артиллерийской подготовки бойцы, несмотря на сильный минометный огонь противника, смело стали продвигаться вперед.

Тут-то артиллерия особенно проявила себя. Сначала снаряды разрывались в 200 метрах от наших передовых подразделений, затем они стали разрываться в 150 и 100 метрах. Командир батареи тов. Лунин удачно выбрал наблюдательный пункт на высоком дереве и через определенный промежуток времени, по мере продвижения пехоты, переносил огонь в глубину расположения противника.

Воодушевление бойцов было исключительно велико. Даже когда осколки снарядов ложились в 15 метрах от наступающих, стремительность их наступления не только не уменьшалась, а даже увеличивалась. Ободренные тем, что снаряды не перелетают через вражеские траншеи, а ложатся прямо в цель, бойцы действовали еще энергичнее.

Вскоре можно было заметить движение фигур в белых халатах — это белофинны покидали свои убежища. Я передал артиллерии распоряжение: преградить дорогу врагу. И артиллерийский огонь был перенесен вперед.

Подойдя к траншеям, мы застали в живых только пять белофиннов — остальные были убиты.

Продвинувшись еще на 70 метров, я остановил роту. Подойти к следующему укреплению мешало проволочное заграждение в три кола. Заняв оборону, мы всю ночь вели перестрелку, а утром артиллерия заговорила снова.

По моему требованию артиллеристы открыли огонь по передовым позициям белофиннов. Мы знали, что противник спрятался от артиллерии подальше. Но у меня был свой план — ввести противника в заблуждение. Через полчаса артиллерийский огонь был перенесен вглубь, а еще через полчаса батареи

Герой Советского Союза Л. Бубер

неожиданно снова начали бить по передним окопам, и бойцы, находившиеся в непосредственной близости к ним, слышали крики и стоны белофиннов. Замысел, видимо, удался. Как только мы перенесли огонь в глубину, белофинны решили, что мы идем в атаку, и снова сконцентрировались впереди. Тут-то их внезапно и накрыла наша артиллерия.

...Началось новое наступление. Теперь уже артогонь бушевал в 100—150 метрах впереди нашей пехоты. Совсем близко ложились снаряды, вздымая кверху столбы дыма и снега.

Я вел своих бойцов, ободренных замечательной поддержкой артиллерии.

Пехота действует во взаимодействии со многими родами войск. Но артиллерийский огонь — одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих успешное наступление пехоты. В этом я убедился на практике.

☆

Старший лейтенант
ДМИТРИЕВ

По пехоте и обозам противника

Боевое задание требовало: в 16 часов 30 минут вылететь подразделением, рассеять и уничтожить подходящие к линии фронта резервы пехоты и артиллерии противника.

Когда мы поднялись, наступали сумерки. Небо было сплошь окутано низкой облачностью. Ведущий сразу взял заданный курс, и девятка истребителей, развернувшись и перестроившись, уверенно двинулась в путь.

Идем на высоте 25—30 метров. Приближаемся к линии фронта. Командир дает сигнал — приготовиться к слепому полету в облаках. Взяты необходимые интервалы и дистанции. Быстро входим в облачность. Виден лишь силуэт ведущего самолета. Фронт остался позади. Снижаемся вновь и продолжаем бреющий полет. Через несколько минут должен быть пункт, где, по данным разведки, сконцентрированы крупные силы противника.

Проходит еще две минуты. Внимательно следим за землей. Командир дает сигнал: «Приготовиться!»

Впереди в двух-трех километрах видим колонну пехоты и тянущиеся сзади обозы. Рука инстинктивно ложится на гашетки пулеметов. Делаем горку и с высоты 200 метров всем подразделением обрушиваемся на противника. Белофинны, видимо, не ожидали нашего появления в такое время и при такой погоде. Они разбежались в панике. Наши пулеметы косили живую силу врага, обстреливали обозы. На одной повозке произошел взрыв. Очевидно, это был обоз с боеприпасами.

После первой атаки мы развернулись и на обратном пути вторично атаковали противника.

Когда вернулись на свой аэродром, было уже темно.

Старший сержант
В. ИВАНОВ

Из орудия били по-снайперски

Когда я окончил полковую школу, меня назначили командиром орудия в 1-ю батарею. Мой расчет: наводчик Поветкин, замковый Болтенков, заряжающий Озеров, правильный Фирсов — курские колхозники и московские рабочие — понимали меня с полуслова, по взгляду.

Хорошая выучка и слаженность расчета сказались в боях. Бойцы действовали отважно и умело. Весь расчет ныне награжден орденами и медалями.

Расскажу, как мы громили белофиннов прямой наводкой.

Перед прорывом линии Маннергейма в районе Кархулы разведка установила, что ряд дерево-земляных огневых точек трудно разбить с закрытой огневой позиции. Командир полка решил выделить несколько орудий, чтобы разбить дзоты прямой наводкой.

Все бойцы моего расчета горячо желали, чтобы именно их послали стрелять прямой наводкой. Это желание было удовлетворено. С радостью приступили мы к выполнению боевого задания.

Вечером расчет вызвали на командный пункт батареи. Он находился в 400 метрах от вражеских окопов. Командир батареи повел нас на опушку леса, который вдавался языком в сторону противника. Здесь нам предстояло оборудовать открытую огневую позицию.

Всю ночь мы работали. Расчищали площадку для орудия, рыли окопы для снарядов и для себя, таскали на своих плечах из тыла лес. Земля промерзла на метр. Мы скинули шинели, ломами и топорами долбили окаменевший грунт. Предварительно щупали землю руками, чтобы не зазвенеть ломом или топором по камню и не выдать себя этим. Все же противник открыл бешеный огонь из минометов, но у нас уже были готовы окопы. Когда огонь белофиннов прекратился, мы снова принялись за свое дело. К утру все было готово. Над ровиками сделали накат из бревен и земли. Вынутую землю засыпали снегом. Подвезенное к нам орудие замаскировали

Дот белофиннов, замаскированный под сарай

сосновыми и еловыми ветками. Все зверски устали. С трудом поднесли лотки со снарядами, но были довольны своей работой.

Утром командир дивизиона указал нам цель. Перед нами были низина, речка, надолбы, проволочные заграждения. А на склоне высоты среди деревьев, прямо против орудия, возвышался небольшой снежный бугор с темным пятном амбразуры. Это и была огневая точка противника, не дававшая нашей пехоте продвигаться.

Я сам установил прицел, навел орудие в цель и подал команду: «огонь!» Первый же снаряд угодил в амбразуру. Она сразу стала широкой. Второй и третий снаряды разворотили накат из бревен, земли и камней. Еще несколько снарядов, — и над белофинским логовом только пар поднялся. От огневой точки осталась лишь бесформенная груда бревен, камней и трупов.

Белофинны открыли сильный огонь из минометов. Вокруг орудия падали мины, сметая снег; обнажилась черная земля. Град осколков забарабанил по щиту орудия, по стволу. Засыпанный землей расчет укрывался за щитом и в ровике.

Считая, очевидно, что орудие подавлено, противник прекратил огонь. В это время командир дивизиона вызвал меня по телефону.

— Почему не стреляете?

— Цель разбита.

— Хорошо. Сейчас приду, укажу цели.

Вскоре командир дивизиона пришел и указал мне два пулеметных гнезда и бугры, похожие на долговременные огневые точки. Пулеметные гнезда находились по сторонам разбитого нами дзота, в окопах с накатом. Перед ними была сделана просека для обстрела.

Мы развернули орудие вправо. Наводчику Поветкину и замковому Болтенкову я приказал спилить березу и осину, которые мешали нам стрелять в этом направлении. Под огнем противника бойцы поползли вперед, лежа на снегу, спилили деревья и обрубили топором сучья. Орудие открыло огонь и с трех выстрелов разбило пулеметное гнездо. Такая же участь постигла второй пулеметный расчет белофиннов.

Противник, обозленный живучестью нашего орудия, отвечал на каждый снаряд пятью минами. Дал трещину щит, осколками пробило диск колеса и лафет. Расчет укрылся в ровике, а наводчик так и не отходил от щита. Он все время наблюдал в панораму. Рядом рвались мины, засыпая его землей и снегом. А он только встряхнется и вновь продолжает наблюдать. Весь день бойцы ничего не ели, устали, но как только огонь противника немного затихал, они выходили из укрытия, и орудие посылало снаряд за снарядом в укрепления врага.

Ночью незаметно для белофиннов мы увезли орудие на закрытую огневую позицию.

После этого нам часто приходилось бить врага прямой наводкой. Разрушали дерево-земляные огневые точки, уничтожали пулеметные гнезда, делали в проволочных заграждениях проходы для пехоты, били по траншеям. Приходилось и ночью стрелять прямой наводкой.

После одной стрельбы прямой наводкой, когда наши орудия стояли от позиций противника на 200—250 метров, я пошел посмотреть результаты нашей работы. От леса остались одни щепки. В бесформенную груду перемешались придавленные стволами деревьев трупы врагов, телефонные аппараты, оружие, патроны...

Вывод из этого боевого опыта мы сделали такой. При стрельбе прямой наводкой расчет, особенно командир орудия и наводчик, должен знать свою пушку, как снайпер винтовку. Надо тщательно изучить особенности орудия, «поведение» механизмов при стрельбе и наводке. Тогда стрельба наверняка будет успешна.

Герой Советского Союза

П. ЛЕОНТЬЕВ

Сокрушение дотов

Командир дивизиона поставил передо мной задачу: выдвинуть вперед 203-миллиметровое орудие и прямой наводкой разбить дот № 36. Никогда еще, пожалуй, из такого мощного орудия не били прямой наводкой по такой близкой цели.

Пошел я выбирать место для огневой позиции. Финны заметили меня, начали обстреливать. Пришлось ползти. Влез я на сопку. Впереди — песок и потом какой-то бугор. В бинокль удалось разглядеть, что это и есть дот, который нужно разгромить.

Вокруг меня открытое место — ничего, кроме низких кустов. Придется, думаю, поставить орудие в кустах, все-таки маскировка, хоть и плохонькая. Нужно будет вырыть окоп и установить в нем орудие. Огонь по доту мне приказано было открыть в 8 часов утра. Итак, в запасе у меня вечер и ночь. Решил вечером начать сооружение окопа, а ночью поставить орудие.

Пополз назад, на наблюдательный пункт, доложил обо всем командиру дивизиона. Командир со мной согласился. Но как поставить орудие, не привлекая внимания финнов? Командир подумал и принял решение: все орудия нашего дивизиона будут обстреливать сопку, где стоит дот, чтобы создать сильный шум и дымовую завесу. Это собьет финнов с толку, и они не поймут, что мы устанавливаем орудие.

В сумерках я привел своих бойцов на выбранное место. Показал им, где траншеи противника, где расположен дот. Справа от нас чернел лес, в котором наших частей не было. Выставил справа и слева по одному пулемету, а впереди двух бойцов с винтовками, и принялись за работу.

Стучим в промерзшую землю лопатами, ломами, и звуки наших ударов разносятся далеко. Финны услышали, начали обстрел. Минут тридцать пришлось нам лежать на снегу. Когда они перестали стрелять, мы снова дружно принялись за работу. И вот окоп готов.

Доложили командиру дивизиона. Он приказал поставить орудие в окоп. Как было условлено, дивизион открыл огонь по

сопке, чтобы финны не услышали шума трактора, тащившего орудие.

Двигались мы чрезвычайно медленно, потому что снег был глубокий и трактор все время буксовал. Наконец, он въехал в сугроб и совсем остановился. Пришлось взять лопаты и прорыть дорогу до самого окопа.

В общем орудие доставили благополучно и установили его. Я отправил трактор в тыл и стал ждать утра.

Герой Советского Союза П. Леонтьев

Наконец, рассвело. Прямо перед собой увидели мы финский дот. Ровно в 8 часов наше орудие открыло огонь.

Нам не повезло. Первый снаряд угодил в подбитый пустой танк, находившийся уже дней десять перед этим дотом. Танк загорелся, из него повалил густой дым, заслонивший от нас дот. Делай, что хочешь. Хоть перевози орудие на новое место! Я начал волноваться. И вдруг ветер переменился, дым повернул в другую сторону, и дот опять стал виден. Послали второй снаряд. Опять мимо. Я заметил, что после каждого выстрела наше орудие несколько смещается. Чтобы укрепить его, мы вбили в землю деревянные колья, сошники забили до отказа.

— Огонь! — командую я.

Попадание.

— Огонь!

Перелет. Сбавили прицел.

— Огонь!

Попадание.

— Огонь!

Попадание.

Дот начал яростно обстреливать нас из пулеметов и орудий. Пришлось залечь и прекратить огонь. Два снаряда разорвались около самого ровика. Нас всех засыпало землей. Одному бойцу поцарапало лицо. Однако орудие цело и все живы.

Когда обстрел чуть-чуть ослаб, я подал команду:

— К орудию!

Оно было засыпано землей. Быстро очистили ствол и замок от земли. Все в порядке.

— Огонь!

Финны опять усилили обстрел, но их снаряды ложились неточно, и мы продолжали вести огонь. На двадцатом снаряде с дота слетел массивный стальной купол.

Послали несколько снарядов в середину дота.

В середине дота — пробоина. Тогда начали бить по его левому краю. В левом краю — пробоина. Принялись за правый край — и здесь пробоина.

На восемьдесят первом снаряде дот был уничтожен. Посылаю к командиру дивизиона бойца с донесением: «Задание выполнено. Прошу подать трактор».

Лежим и ждем.

Наша артиллерия начала яростно обстреливать всю финскую сопку, чтобы дать возможность трактору подойти к нам. Трактор прибыл. Поспешно увозим орудие и идем в землянки отдохнуть.

На утро получаю приказ:

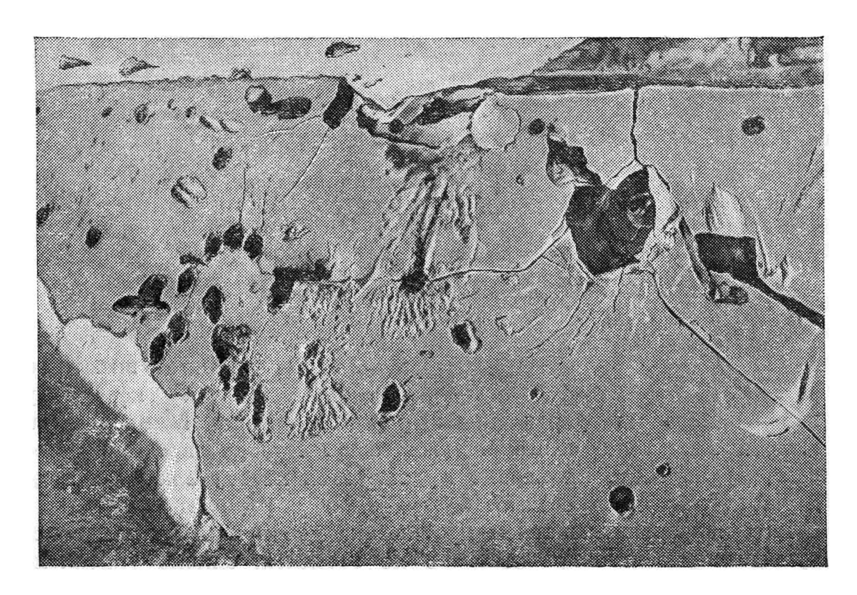
«Выехать на левую сторону дороги. Уничтожить дот № 42».

Садимся в машины, выезжаем. Выбрать огневую позицию на этот раз было еще трудней. Начали рыть окоп, а грунт — сплошной камень. Бросили этот окоп, перешли в другое место, снова начали рыть, но грунт почти такой же жесткий.

Финны заметили нас и принялись обстреливать из орудий и пулеметов. Работать стало невозможно, и мы отползли в сторону. Финский снаряд угодил прямо в наш окоп. Хорошо, что там никого не было.

Этот снаряд оказал нам большую услугу. Он углубил окоп и разрыхлил в нем землю. Когда обстрел приутих и мы снова собрались в окопе, работа пошла гораздо быстрее. Подготовив окоп, подвезли орудие, опять маскируя шум трактора артиллерийской стрельбой.

Первые два снаряда — мимо, третий — попадание. На пятом снаряде финны побежали из дота. Вижу — вылезают из люков,

Бреши и вмятины от снарядов в бронированной стенке дота

как мыши. Прошлый раз я сначала бил в середину, потом в один край и затем в другой. Пробую применить этот способ и здесь. Он вполне себя оправдал — на семьдесят пятом снаряде дот № 42 был уничтожен.

В следующие дни я уничтожил своим орудием еще несколько дотов. Уже накопился опыт, и на каждый из этих дотов я тратил меньше снарядов, чем на предыдущий. Вскоре я уже точно знал, в какие именно точки дота нужно бить, чтобы снести его с лица земли. Кроме того, опыт помогал нам выбирать наиболее удобные огневые позиции.

Финны вели по моему орудию отчаянный огонь. Однажды вражеский снаряд, разорвавшись, отбросил меня на 10 метров от орудия. Я очнулся, ощупал себя, вижу — цел. Но из моего расчета остались невредимыми только четыре человека, остальные были убиты или ранены. Мы отправили раненых в тыл и продолжали вести огонь по доту. Некому было подносить снаряды, но я остановил пробегавших мимо пехотинцев, и они подносили нам снаряды до той минуты, когда дот был уничтожен.

Так разрушали мы доты, расчищая путь для наших войск.

☆

Герой Советского Союза лейтенант
С. ЖУРАВЛЕВ

Бой на безымянной высоте

Наши части с боями вплотную приближались к переднему краю одного из укрепленных районов линии Маннергейма. Пехота захватила безымянную высоту. Взводу противотанковых орудий было приказано выдвинуться на эту высоту и поддержать наступление пехоты.

Под непрерывным огнем противника две пушки заняли огневую позицию и открыли огонь по соседней, сильно укрепленной белофиннами, высоте 38,2. Удалось уничтожить несколько огневых точек, в том числе два пулемета.

Вечером белофинны бросились в контратаку. На нашем участке наступало не менее двух батальонов. Противник решил, видимо, выбить нас с высоты лобовой атакой. Белофинны шли на лыжах и без лыж, с автоматами.

Стрелять прямо мои пушки не могли, так как впереди находилась своя пехота. Поэтому я приказал открыть огонь по правому флангу наступающих. Наши снаряды сдержали контратаку белофиннов.

По защитникам безымянной высоты противник вел ураганный огонь из автоматов и минометов. Расчеты поредели. У пушек остались только я, наводчик Бухоров и командир орудия Клягин. Собрав человек тридцать пехотинцев, я организовал оборону пушек. Сам стал за правофланговую, Бухоров — за левофланговую, а Клягин подносил снаряды.

Бой продолжался. Белофинны, стреляя из автоматов, очутились всего в ста метрах от нашей огневой позиции. Мы уже слышали их крики. Они заходили справа и слева. С тылом нас связывала лишь узкая полоска земли. В этот напряженный момент командир орудия доложил, что осталось только 15 снарядов.

Ни один из бойцов не дрогнул. Мы открыли огонь из пушек, из винтовок, начали бросать гранаты. Белофинны были вынуждены залечь.

Один офицер, увидев меня за пушкой, по полушубку догадался, что я командир. Он решил вывести меня из строя. С группой солдат он стал подползать к пушке.

Противник вел ураганный огонь. Я не мог выглянуть из-за щита и не замечал подползавших ко мне врагов. Наблюдая в прицельное окно, видел только, что финны залегли, прижатые к земле нашим огнем. Поэтому я стал стрелять реже. Приказал бойцам, в предвидении рукопашной схватки, приготовить гранаты, примкнуть штыки. Нас осталось не больше двадцати человек. Но ни один из бойцов даже не помышлял об отступлении. «Высоту врагам не отдадим! Будем биться до последней капли крови!» — таково было общее мнение.

Группу белофиннов, подползавшую к моей пушке, заметил красноармеец Ковалев. Он лежал слева от орудия в воронке и внимательно наблюдал за полем боя. Бдительность наблюдателя спасла не только меня, но и всех нас.

Офицер был уже в десяти метрах от пушки, когда Ковалев крикнул:

— Товарищ лейтенант, белофинны справа!

Сперва я решил, что Ковалев говорит о залегшем противнике. Смотрю в прицельное окно. Все белофинны лежат на снегу. Тогда Ковалев снова крикнул:

— Товарищ лейтенант, белофинны под щитом!

Выхватив пистолет, я оперся на станину и встал. Офицер тоже поднялся. И мы столкнулись лицом к лицу. Нас разделял только щит орудия. На одно мгновение передо мной промелькнуло озлобленное лицо врага, автомат, позолоченные лычки на погонах. Я выстрелил первым, и офицер свалился на дуло пушки.

Увидев это, вражеская группа (человек семь) побежала назад. Когда она добежала до своих, лежавших в цепи, те тоже поднялись и бросились наутек.

Приказав открыть огонь по отступающему противнику, я схватил финский автомат, облокотился на щит орудия и выпустил пять дисков в спину бегущим врагам. Немногим белофиннам удалось убраться во-свояси, десятки трупов зачернели на снегу.

Без подкрепления и снарядов удержать высоту было невозможно. Поэтому одного красноармейца мы послали за помощью. Он повторил приказание и отправился на командный пункт полка. Вскоре на высоту привел свой батальон Матузас. Сюда же подтянули артиллерию. Организовали оборону. Ночью белофинны три раза яростно атаковали высоту. Наши бойцы подпускали врагов поближе и отбивали их гранатами. Под утро батальон при новом приближении врага поднялся в штыковую атаку: белофинны не выдержали и побежали.

Капитан
И. ЗАВРАЖНОВ

Ночной налет

Мне предстоял разведывательный ночной полет в сторону станции Лаппенранта. В течение часа мы всем составом экипажа изучали маршрут полета, обращая особое внимание на характерные очертания Ладожского озера, острова Валаам, Финского залива, крупных лесных массивов и шоссейной дороги на участке Лаппенранты. Запоминали курсы полета, расстояние и время до контрольных этапов.

Наш экипаж не впервые выполнял подобные боевые задания и по опыту знал, как трудно, особенно в облаках и ночью, сделать тот или другой маневр без предварительной договоренности на земле. Поэтому еще раз напомнили друг другу постоянные сигналы кодовых огней и установили порядок действий при выходе из лучей прожекторов противника. Договорились, что штурман предупреждает летчика о перелете линии фронта и о включении бензобаков.

Зная, что проверка материальной части самолета и его оборудования ночью отнимает много времени и снижает качество осмотра, мы сделали это сразу же после проработки задания. Нашли все в полной исправности.

В нашем распоряжении оставалось еще семь часов, и мы уехали отдыхать.

За 40 минут до вылета все собрались у самолета. Штурман и стрелок-радист еще раз убедились в отличной работе пулеметов. Моторы прогреты. Через пять минут дан старт. Ночь была темной, безлунной. Только сквозь «окна» морозной дымки виднелись тусклые звезды.

22 часа 21 минута. При полном затемнении кабинного освещения я дал газ на взлет. Так как впереди не было огней, которые могли бы дать точное направление взлета, переношу взгляд вправо, к светящимся точкам фонарей посадочной полосы. Удерживаю прямолинейность взлета. Слабая видимость не позволяла определить на снежном покрове аэродрома момент подъема хвоста. Пришлось довериться чутью.

Но вот промелькнули и фонари. Впереди темно. Держу ноги «нейтрально», понемногу подтягиваю штурвал на себя. По давлению на руку и толчкам лыж определяю, что самолет находится в последней стадии разбега.

Толчки прекратились, мы в воздухе.

Смотрю на землю, но из-за морозной дымки и огней выхлопа мотора не вижу горизонта. Продолжаю полет по приборам. После первого разворота, на высоте 30 метров, убрал шасси, отрегулировал триммер руля высоты и температуру воды, установил по компасу курс 125 градусов. Штурман уточняет курс. Держу курс 130 градусов. Набираю высоту.

22 часа 42 минуты. Высота 1 000 метров, вышли на Ладожское озеро. Внезапно совсем рядом начали скользить лучи наших прожекторов. Секунда — и мы в центре ослепительных лучей. По глухому выстрелу определяю, что штурман дал опознавательную ракету. Но с западного берега нарастает все больше и больше лучей. Видимо, красная опознавательная ракета не удовлетворила наших прожектористов, и они решили по силуэту самолета определить, чей он: «свой» или «чужой». По периодическому миганию освещенной зоны догадываюсь, что одни прожекторы гасят, а на смену им, по ходу нашего полета, включают новые.

Штурман дает вторую опознавательную ракету. Сильный свет прожекторов, переливающийся всеми цветами радуги, слепит — не видно боковых приборов. Даже странно, что от света может быть так темно. Прищурив глаза, сосредоточиваю все внимание на приборах слепого полета. Четыре-пять минут пребывания в освещенной зоне показались томительно долгими. Но вот, как бы нехотя, свет лучей начал слабеть и погас. Глаза еще долго чувствуют влияние сильного освещения.

23 часа 02 минуты. Высота 1 000 метров. Штурман сообщает мне о пролете линии фронта. Я выключил навигационные огни и приказал стрелку-радисту погасить свет и наблюдать за воздухом.

Отрываю взгляд от приборов и смотрю влево. Линия фронта хорошо выделяется отблесками орудийных выстрелов и красными точками пожаров на финской территории. Начали тускло проглядываться звезды, но дымка и снежная пелена Ладожского озера не дают возможности оторваться от приборов слепого полета. Веду самолет по авиагоризонту, гиромагнитному компасу, вариометру, изредка бросаю взгляд на стрелку указателей скорости и высоты; систематически проверяю показания моторных приборов. В кабине штурмана темно. Он изредка пользуется электрофонарем, временами по кодовым огням передает мне поправку в курсе.

23 часа 30 минут. Высота 1 000 метров. Курс 360 градусов. Впереди смутно виден остров Валаам. Штурман напоминает

о включении бензобаков; отвечаю, что уже включил. Курс 270 градусов. Для лучшего наблюдения теряю высоту до 300 метров, показался берег, черными пятнами проглядывает лес. Горизонта не видно, но значительное улучшение вертикальной видимости позволяет оторваться от приборов. По завихрению в кабине определяю, что штурман открыл бомболюки. Идем над шоссейной дорогой на Симпеле.

Шоссе было извилистым, пересекалось железной дорогой, часто скрывалось в лесу, что затрудняло его просмотр и пилотирование самолета. Для лучшего наблюдения держимся правее дороги. Впереди на дороге показались белые светящиеся точки, и вскоре я увидел семь-восемь темных силуэтов автомашин. Штурман отрывистым миганием лампочки сигнализирует мне о выводе самолета на цель. Продолжительный свет лампочки, и вскоре штурман передал:

— Сбросил одно «ведро».

Отвечаю:

— Видел людей, сделаем заход со стрельбой.

Обидно, ограниченная видимость не позволяет произвести разворота с увеличенным креном для быстрого захода. Но вот перед нами автоколонна противника уже с включенными фарами. Для удобства стрельбы перевожу самолет в пологое планирование на газу. Заработали пулеметы...

24 часа 00 минут. Высота 300 метров. Условия видимости прежние. Продолжаем наблюдение за шоссейной дорогой, производим пулеметный обстрел одиночных автомашин, у большинства из них фары были затемнены.

У одного селения обнаружили автоколонну в 5—6 машин, фары были включены только у ведущего автомобиля. Сбросили с ходу последнее «ведро», обстрел вел только стрелок-радист, но и этого было больше чем достаточно.

На высоте 400 метров у Иматры слева показался яркоголубой круг, и сразу же из него вырвался луч прожектора. Край луча прошел совсем близко от самолета. Впереди — второй луч, но смотреть некогда, перехожу к полету по приборам.

Штурман передает по микрофону: «разворот вправо», «прямо, держи триста метров». Лучи несколько раз скользили по нашему самолету, но благодаря своевременной команде штурмана и низкой высоте полета поймать нас не удалось. В темноте справа, на 400—500 метров впереди от самолета, появилась трассирующая траектория снарядов малокалиберной зенитки. Мы делаем противозенитный маневр.

Отыскали шоссейную дорогу, но кроме небольшого количества одиночных автомашин, идущих на запад, ничего не обнаружили. Договорились со штурманом сбросить оставшиеся бомбы на запасную цель. Пожары на станции Лаппенранта от дневного бомбометания наших самолетов давали возможность

еще издали определить ее местоположение. Прошли на высоте 800 метров и сбросили бомбы на цель. Ясно различаю четыре силуэта парашютов, а под ними яркобелые лучи осветительных бомб, медленно опускающихся на землю. Освещена не только наша цель, но и все прилегающие к ней в радиусе 6—8 километров.

По сигналу штурмана делаю разворот на станцию. В непосредственной близости от цели нас освещают прожекторы. Штурман занят расчетами выхода на цель, я — приборами, в общем для прожекторов были все условия, чтобы нас быстро «поймать и держать». Так и вышло.

Только через 3—4 минуты после бомбометания, маневрируя по высоте и направлению, нам удалось выйти из лучей прожекторов. Получаю сообщение от стрелка-радиста:

— Справа, сверху истребитель.

Смотрю вправо и вижу: на темном фоне в 100—160 метрах светящиеся точки моторного выхлопа и белый отблеск винта.

— Стрелять только в упор! —командую я стрелку-радисту.

Убрал сектора газа, чтобы уменьшить выхлопы, и перевел самолет на планирование. Очередь разноцветных трассирующих пуль, выпущенная по истребителю, заставила его отстать.

1 час 10 минут. Высота 600 метров. Слева видно огромное зарево от пожаров в Выборге. Проходим Финский залив. Снегопад усилился. Все внимание — на приборы слепого полета. Ориентировку ведем по радио. Прошло 15 минут. Лучи Курголовского маяка, обычно хорошо заметные за 40—50 километров, сегодня обнаруживаются только в непосредственной близости по крутящемуся бледному лучу. Включаем навигационные огни. Даем опознавательную ракету. Высота 400 метров. Штурман передает:

— Землю не вижу.

Снижаюсь на газу. По вариометру выдерживаю снижение на 1—2 метра, скорость — 240 и, наконец, когда стрелка высотомера дошла до 300 метров, слышу приятное сообщение:

— Снижайся, вижу землю.

Не выдержав, я перенес взгляд на землю и увидел черные пятна леса...

Стрелок-радист принял радиограмму с командного пункта: «Посадка на своем аэродроме».

Младший политрук
Ф. ФИЛИППОВ

Герой Советского Союза лейтенант С. Елейников

Нас отделяло от противника устье реки Тайпален-йоки. На первый взгляд противоположный высокий берег казался безлюдным: там не было заметно никакого движения. Однако стоило открыто появиться на нашем берегу, как сейчас же начинали жужжать пули, а если показывалась группа бойцов, то немедленно с вражеского берега летели мины или снаряды.

Противник сильно укрепился на высоте, омываемой с одной стороны рекой, а с другой — Ладожским озером. Здесь стояла когда-то знаменитая крепость Тайпале.

Задача нашего полка заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции, охранять фланг армий, сдерживать натиск противника и разведать расположение его огневых средств.

Распознать чужой, столь неприветливый берег — дело не простое, да и время нам дали весьма ограниченное...

Привычен ко всяким трудностям и невзгодам лейтенант Степан Елейников, бывший рабочий.

— Надо будет сходить в гости к «соседу», — пошутил он.

Еще задолго до получения приказа о разведке противоположного берега лейтенант Елейников часто «любовался» им, не раз выползал вперед с биноклем и снайперской винтовкой. Он был первоклассным стрелком, несколько раз участвовал на окружных соревнованиях и получал призы за отличную стрельбу.

Наблюдение за противником — дело трудное, кропотливое. Лейтенант Елейников долгими часами выжидал врага, упорно высматривал пути подхода к высоте Тайпале. Как-то он заметил новый куст, которого раньше не было.

— Что-то есть, — сказал Елейников красноармейцу Слесареву и начал в бинокль внимательно рассматривать куст.

Он увидел белофинна, лежавшего под кустом. Один, только один выстрел из снайперской винтовки раздался с нашей сто-

роны, и он скосил врага. Лейтенант Елейников стрелял без промаха.

Однажды был такой случай. Еще до наступления темноты Елейников подполз поближе к берегу реки и тщательно замаскировался. Он ждал утра. С рассветом белофинны открыли сильный огонь по нашему берегу. Били они по наблюдательному пункту и человеку, стоявшему с ним рядом. Но враги не знали, что пункт и человек были ложными. Пункт выстроил за ночь Елейников и поставил перед ним чучело, чтобы разведать огневые точки врага.

— Бейте, бейте по пустому месту, — говорил Елейников, у которого каждый кустик на противоположном берегу был на учете.

В этот день Елейников определил, что миномет, стрелявший по нашим позициям, был установлен за развалинами печи, что под большой сосной есть амбразуры и оттуда редко, но метко стреляют из автомата. Казавшийся совсем безобидным бугорок на опушке леса был огневой точкой противника, и к нему вел хорошо замаскированный ход сообщения. И много других подробностей о чужом береге узнал хитрый разведчик.

Ночью, по заданию командования, под руководством лейтенанта Елейникова была организована вылазка в расположение белофиннов. Добираться туда было чрезвычайно трудно. Река очень хорошо простреливалась, да к тому же ночью белофинны почти непрерывно вели огонь.

Берег перед самой крепостью был высоким и обрывистым.

Группа разведчиков бесшумно, пользуясь темнотой, поползла по льду на тот берег. Неожиданно загремел пулемет. Разведчики, прильнув ко льду, замерли. Выпустив несколько очередей, финский пулеметчик умолк. Разведчики снова поползли дальше. Вот уже и берег. Опять застрочили вражеские пулеметы, на этот раз с двух сторон. Но группа попрежнему двигалась вперед. У берега показались бугорки. Это были мины. Разведчики распознали их и осторожно обошли. Миновали проволочное заграждение. Внезапно началась стрельба. Пулеметные струи пронизывали воздух. Белофинны обнаружили смельчаков.

Путь назад оказался отрезанным. Нужно было быть готовыми ко всему. Группа разведчиков мгновенно скатилась в противотанковый ров. Все боевые средства — наготове.

Лейтенант Елейников деловито стал изучать позиции противника. Его спокойствие ободряло бойцов.

Младший командир Кутьин и красноармеец Слесарев выдвинулись несколько вперед. Остальные, приготовившись ко всяким случайностям, осматривали берег. Послышались шорох приближающихся людей и возгласы на финском языке. Нужны были выдержка, спокойствие. И разведчики проявили эти ка-

чества. Белофинны так и не обнаружили их. К утру стрельба утихла. Стало светать.

Когда разведчики возвращались обратно, среди них не было Слесарева. Тяжела потеря товарища. Лейтенант Елейников эту потерю переносил как-то особо тяжело.

— За Слесарева мы отомстим, — сказал он.

Не отдыхая после бессонной ночи, проведенной в разведке, Елейников с ручным пулеметом пошел на наблюдательный пункт артиллеристов и рассказал о расположении укреплений противника, о местонахождении целей. После первых же разрывов снарядов тяжелой артиллерии белофинны отступили. К опушке леса выбежало около 18 человек. Тут к артиллерийским залпам присоединились и пулеметные очереди снайпера Елейникова. Вся группа была уничтожена полностью, а их логово разрушено...

* * *

В двух километрах от берега, на Ладожском озере, лежит каменистый остров Курви-саари. Лейтенант Елейников давно обратил на него внимание.

— Надо обязательно сходить туда, — подумал он.

Постоянное наблюдение за островом показало, что за ночь на нем происходят заметные изменения. Появляются камни там, где их не было, новые предметы, которых раньше не замечали. Видимо, враг что-то готовил. Белофинны могли использовать остров как исходный пункт для вылазок, атак, оборудовать там артиллерийские огневые позиции или пулеметные точки.

Командование отдало приказ — провести разведку боем, разузнать, что представляет собой остров, по возможности, определить огневые средства, расположенные на нем. Эта задача была возложена на лейтенанта Елейникова.

Лейтенант сформировал специальный взвод из смельчаков. Вечером 25 января разведчики стали готовиться к выступлению на остров Курви-саари. Елейников проинструктировал стрелков, пулеметчиков, младших командиров. В 20 часов 30 минут взвод двинулся на остров.

Берег Ладожского озера был покрыт глубоким снегом, а дальше простиралось чистое ледяное поле. Елейников выслал вперед дозор, а затем и сам, во главе взвода двинулся следом за ним. Вот уж близок остров. Видны большие черные пятна — камни. Взвод принял боевой порядок.

2-е отделение вступило на берег острова. Лейтенант Елейников, находившийся вместе со 2-м отделением, услышал какой-то шорох, и в то же мгновение, разрывая ночную тишину, раздались пулеметные очереди. Послышались злобные крики на финском языке.

Взвилась одна, другая ракета. Белофинны, находившиеся на острове, видимо, просили помощи. Из Тайпале к ним подошел отряд на лыжах.

Взвод был атакован врагами. Силы далеко не равные, но лейтенант Елейников решил принять бой, задержать белофиннов и выполнить поставленную боевую задачу. Он приказал четырем бойцам залечь за камни и засекать огневые точки белофиннов.

— Особенно замечайте, откуда бьет артиллерия, — дал наказ Елейников наблюдателям.

Остальным бойцам было приказано:

— Приготовить гранаты! Расстреливать противника только в упор.

Одновременно Елейников по радио сообщил в батальон о ходе дела. Впереди появилась группа белофиннов. Они были встречены огнем ручного пулемета. После короткой очереди у ручного пулемета произошла задержка. Враги наседали. Елейников схватил пулемет, мгновенно устранил задержку и открыл огонь. Семь белофиннов свалились замертво неподалеку от Елейникова.

Начала бить артиллерия белофиннов. Снаряды пролетали над взводом и рвались где-то позади.

Выполняя приказ командира, разведчики внимательно наблюдали за вспышками орудийных выстрелов и засекали места расположения батарей противника на берегу Ладожского озера.

Финны наседали. Часть бойцов была ранена, появились убитые. Елейников ранен в обе ноги. Но отойти назад — преступление. Люди будут расстреляны на льду. Елейников знает, что помощь должна прийти. Он командует:

— Первому взводу — справа, второму — слева, приготовиться к атаке.

Заглушая треск ружейной стрельбы и взрывы гранат, бойцы повторяли команду. Они сразу поняли, что командир хочет ввести противника в заблуждение. Уловка помогает. Натиск финнов ослабевает: повидимому, противник ждет подхода нового подкрепления.

Но вот оборвалась очередь станкового пулемета. Слышно несколько взрывов. Финны обошли поредевший взвод с флангов и стали наседать на горсточку отважных бойцов.

Преодолевая боль, Елейников взял у убитого красноармейца винтовку, гранаты, приготовил пистолет. Двум разведчикам он приказал обязательно пробраться на берег и во что бы то ни стало доставить сведения об обнаруженных на берегу Ладожского озера батареях противника, а также сообщить, что укреплений на острове Курви-саари нет.

— А как же вы? — обратились к нему бойцы.

— Выполняйте приказ!

Два разведчика по льду поползли к своим.

Финны кричали им:

— Русские, сдавайтесь!

В ответ послышался голос красноармейца:

— Большевики никогда не сдаются!

И с еще большей силой затрещали выстрелы. Слева на лейтенанта наседает несколько белофиннов, одетых в халаты. Елейников бросает одну, другую гранату. Группа рассеяна, но и гранат больше нет. Лейтенант взялся за пистолет.

Сзади к Елейникову подкрался один белофинн и нанес удар штыком в плечо. Но выстрел свалил врага.

— Получай, гадюка, — прокричал лейтенант.

Такая же участь постигла и второго белофинна, пытавшегося приблизиться к Елейникову.

К лейтенанту подполз раненый красноармеец Степченко, передал ему винтовку, найденную на льду; и снова мужественно дерутся с врагами верные сыны Родины.

Наши автоматы и пулеметы в стрельбе не отказывают, наши бойцы бьют метко. В рядах белофиннов слышны стоны. Но взвод все редеет, патроны кончаются. Степченко смертельно ранен. Свора белофиннов бросилась на Елейникова. Два удара штыком, и жизнь героя оборвалась. Враги издеваются над мертвым.

В это время к острову подошли наши танки, подтянулась пехота. Несмотря на ожесточенное сопротивление, враг разгромлен и отброшен. Тело мужественного командира вынесено с поля боя.

На следующий день утром на основе данных разведки Елейникова наша тяжелая артиллерия начала сокрушать орудия врага на берегу Ладожского озера. Вскоре они замолчали навсегда.

Лейтенанту Елейникову правительство посмертно присвоило звание Героя Советского Союза.

Красноармеец

Г. ЗАВАРИН

На лыжах

В первую минуту даже страшно взглянуть вниз. Взмах руками, напружинены ноги, слегка согнут корпус, и... белая мгла застилает глаза. Хорошо нестись с горы на гору по белой целине на лыжах, подставляя ветру разгоряченное лицо.

С детства люблю лыжи. Поэтому и неудивительно, что после того как наши части перешли в памятный день финскую границу, я оказался не просто бойцом, а бойцом-связистом при начальнике штаба батальона.

С 6 февраля рота нашего батальона сдерживает противника в районе небольшой высоты, напоминавшей по форме яйцо. Так эту высоту и прозвали «Яйцо».

Как и все бойцы, радуюсь, что буду «в деле». И действительно, слышу:

— Заварин, установите связь с ротой, которая впереди. Вот карта. По ней и езжайте.

Это было в 17 часов 6 февраля. Я, встав на лыжи, побежал. Изредка взглядывал на карту.

Повсюду следы недавнего боя. Разбитая железнодорожная станция, исковерканное финское авто. Вначале бежал по дороге, вдоль которой тянулись санитарные двуколки и изредка встречались раненые. Словно ураганом повалены деревья. Лишь в одном месте приметил группу уцелевших елей. На фоне ночного неба они казались угольно-черными.

Вот и пост.

— Дорогу обстреливают финские снайперы, — предупреждают меня.

На посту узнал, что рота нашей части уже вступила в непосредственное соприкосновение с противником и заняла намеченный рубеж. Круто сворачиваю с дороги вправо, спускаюсь со склона в ложбину, иду прямо целиной, сокращая путь. Палками не пользуюсь, так как опасаюсь мин (на лыжах можно проскочить над миной, а ударь палкой по ней — взрыв).

Еще около поста я надел поверх нашего обычного маскировочного костюма, который от времени стал серым, белые, как снег, куртку и брюки. Голову прикрыл капюшоном. Винтовку-автомат приспособил «по-охотничьи» — на ремне через шею, — так удобнее, когда пользуешься лыжами. Обычное положение винтовки на спине при беге на лыжах не годится. Она тогда не позволяет сгибаться, а значит и быстро скользить.

Ориентируясь по карте, прохожу обходным путем опасный участок дороги. Теперь стрельба раздается уже у опушки.

К высоте «Яйцо» подъезжаю справа.

Рота расположена на склоне. Сильный минометный огонь. Дымятся развалины монастыря. Вижу знакомые лица. Отыскиваю командира и докладываю ему. Связь с ротой установлена, и теперь мне приказано передать донесение командира роты.

Уже начало темнеть, когда я повернул обратно. Решаю ехать прямо по дороге — это гораздо короче. Меня опять предупредили о снайперах. Сначала иду на лыжах в рост, затем при выходе на открытое место, услышав выстрелы, падаю за обочину дороги. Падать стараюсь по всем правилам. Лыжи лежат так, что носки их подходят к подбородку. Винтовка уже в правой руке, около груди, правая нога оттянута. При переползании я не перебираю ногами. Ползу своим способом — на левом боку, передвигаясь осторожными толчками за счет передней части тела и левой руки. Конечно, так переползать с лыжами можно только по ровному месту.

Лежа, осматриваюсь и замечаю, что убитые финны в белых халатах отчетливо выделяются на сером от артиллерийских разрывов снегу. Снимаю белую куртку и остаюсь в обычном маскировочном костюме, далеко не белого цвета. Это мне чрезвычайно помогает!

Ползу, лежа на лыжах, отталкиваясь левой рукой — в ней палки. Передвигаюсь довольно быстро, но участок большой, и елей, которые я заметил около поста, идя в роту, теперь уже почему-то не видно. Осмелев, привстаю и скольжу на лыжах. Выстрелов нет.

Вот и пост.

Боевое задание выполнено. Связь с ротой установлена...

Лейтенант
Н. КРАВЧЕНКО

Прикрытие корректировщиков

В войне с белофиннами нашей артиллерии приходилось часто стрелять по закрытым, не наблюдаемым с земли целям, и корректировка огня с самолетов сыграла немалую роль. Перед истребителями стояла задача — обеспечить самолеты-корректировщики от нападения воздушного врага.

Летчики перед вылетом для корректирования огня артиллерии сообщали истребителям время своего вылета и хвостовые номера. Истребители, согласно этим данным, взлетали и шли за корректировщиками.

Обычно на пару самолетов-корректировщиков выделялось звено истребителей, а затем истребители сменялись, так как запас горючего у них был меньше, чем у корректировщиков.

Прикрывая корректировщиков, летчик-истребитель ходил по внешнему кругу и внимательно наблюдал за всем происходившим в воздухе.

Однажды, прикрывая корректировщиков, мы находились вместе с товарищем на высоте 1 000 метров. С территории противника на высоте 2 тысяч метров возвращалась группа наших бомбардировщиков. По дымовому следу, оставляемому ими, было заметно, что они от кого-то уходят. Через некоторое время мы увидели разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии. Присмотревшись между разрывами, заметили звено вражеских истребителей, которые с высоты 3 тысяч метров пикировали на наших бомбардировщиков. Но так как скорость наших бомбардировщиков была гораздо больше, белофинские истребители остались далеко позади. Увидев наших корректировщиков, они бросились на них, но просчитались. Мы парой пошли им навстречу. Заметив нас, враги, быстро сманеврировав, стали уходить на свою территорию. Мы их все же догнали, атаковали, и нам удалось сбить два самолета.

Так наши самолеты-корректировщики охранялись от нападения воздушного противника.

Капитан

К. КАРПАЧ

Случай в артиллерийской разведке

Болото Ханхосуо, покрытое глубоким снегом, отделяло нас от белофинских дотов и дзотов, опоясанных колючей проволокой в пять рядов и расположенных на юго-восточных и северо-восточных скатах высоты 34,8.

В один из морозных дней командир дивизиона Коренский вызвал меня в штаб и поставил задачу на разведку. Я немедленно приступил к выполнению задачи.

Местность на участке роты, которую я поддерживал своей батареей, была открытой. Подойти к расположению противника ближе чем на 600—700 метров не представлялось возможным. Чтобы подобраться вплотную к белофиннам, я решил пойти березовой рощей, тянувшейся через болото от расположения соседней роты до переднего края обороны противника.

Вместе с четырьмя разведчиками и одним телефонистом, тщательно маскируясь, я приблизился короткими перебежками к проволочному заграждению. Каждый разведчик получил задание.

Вскоре разведчик Литвинов доложил мне:

— Товарищ капитан, у дота окоп и в нем наблюдатель.

Я приказал включить аппарат, вполголоса передал команду телефонисту для огневого взвода и тут же начал готовить данные для стрельбы по доту.

Слева от меня послышался легкий скрип. Усилил наблюдение, насторожился. Метрах в тридцати — сорока промелькнула группа лыжников в белых халатах — это были финны. Я разгадал их план. Они хотели окружить нас. В этот же момент совсем рядом белофинны открыли огонь из ручного пулемета и винтовок.

Мне стало ясно, что финны устроили засаду, и мы — в окружении. Спрашиваю телефониста, как работает связь с батареей. Отвечает, что связь работает хорошо.

Принимаю решение: открыть огонь по месту своего расположения. Подаю команду огневому взводу:

— НЗО «Зебра», правее 0,60, прицел 64, батареей, один снаряд, залпом, огонь!

Через несколько секунд дружный залп гаубичных разрывов прогремел позади меня. Расстояние от места разрывов было метров сорок. Попадания точные. От наседавших на нас с тыла лыжников осталось мокрое место.

Обеспечив свой тыл, я перенес огонь батареи влево по кустарнику. Там, судя по интенсивности огня, было ядро белофинской засады. Гаубичные снаряды сделали свое дело: белофинны в панике бросились к проходу в проволочном заграждении, но и там их настигали разрывы. Немногим удалось уйти от меткого огня наших артиллеристов.

Старший политрук

С. САВИЦКИЙ

Нас не проведешь!

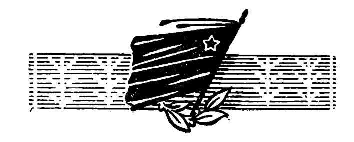
Мы услышали какие-то странные звуки, доносившиеся с северного берега озера Суванто-ярви. Эти звуки исходили из только-что обстрелянного нами участка леса. Мы вскоре определили, что источник звуков — удары по металлу. Можно было предполагать, что белофинны после нашего обстрела ремонтируют дот. Мы два раза открывали огонь по тому месту, откуда слышались металлические звуки, и они каждый раз возобновлялись.

Вскоре нам стало ясно, что никакого дота в этом месте нет и что белофинны заставляют нас попусту тратить снаряды. Через некоторое время нам удалось установить действительное местоположение дота.

Впоследствии мы подробно осматривали разрушенный нами дот и всю местность вокруг него. И тут обнаружилось следующее. В полутора километрах от дота, на елке, висели кусок рельса и рядом с ним железная чурка. От последней шел на 1,5 километра провод. Ясно: белофинн, сидевший в доте, дергал провод, и чурка ударялась о рельс.

Кроме этой уловки, белофинны применяли и другую. Поблизости от огневой точки они ставили землянки, оборудованные печками, и топили их, чтобы над лесом вился легкий дымок. Землянки эти были пусты и никакого другого назначения не имели. Мы установили это, разрушив одну такую землянку, и в дальнейшем, замечая дымки над лесом, огня не вели, а выискивали действительные огневые точки противника.

ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ

Воздушный бой в районе станции Иматра

Нам, работникам фронтовой печати, тяжеленько доставался материал в летных частях. Люди в громоздкой одежде, обутые в меховые унты, не хотели — или не умели — говорить о своем опасном и увлекательном деле.

— Да что ж тут такого? Взлетел. Лег на боевой курс. Выполнил задание и вернулся на свою базу!

Иногда после некоторого раздумья добавлялось:

— Материальная часть работала безотказно...

Как-то один майор посоветовал:

— А вы почитайте боевые донесения.

Я согласился. Мне показали боевые донесения летчика Антонова.

Предлагаю и вам прочесть этот документ, пленивший меня лаконичностью и предельной ясностью изложения.

«Взлетели мы в 15 часов 45 минут 2 февраля. Над станцией Иматра на высоте 2 250 метров наша группа была обстреляна интенсивным зенитным огнем. В результате обстрела группа расстроилась. Я потерял ведущего и остался с другим ведомым старшим политруком тов. Ивашкиным.

С высоты 2 тысяч метров я увидел два вражеских самолета, которые шли на низкой высоте над озером Имала-ярви. Предполагаю, что они взлетели с этого озера. Немного спустя, западнее станции Иматра на высоте 2 800 метров я увидел, что два «Фоккера Д-21» уходят вниз, незамеченные двумя нашими самолетами.

Я развернулся и атаковал одного из «Фоккеров» снизу в лоб. Когда с расстояния 400 метров я дал по нему очередь, он сделал переворот, во время которого я с расстояния 100—50 метров дал еще очередь. «Фоккер» загорелся и упал.

Впереди появился еще один «Фоккер». Я догнал его и завязал с ним бой. Он, с переворота, во время которого я дал по нему очередь, вошел в крутое пикирование и сильно задымил. Некоторое время я сопровождал его, затем потерял из виду и вышел из пикирования. Потом я увидел, что этот

«Фоккер» преследуется на пикировании другим нашим истребителем.

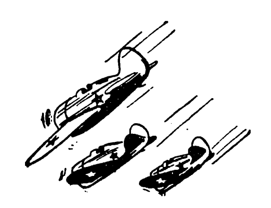
Ко мне пристроился младший лейтенант Смирягин и показал мне «Фоккера Д-21», собиравшегося атаковывать меня сверху сзади. Я резко развернулся ему в лоб и проскочил ниже его, а затем пошел за ним. «Фоккер» сделал боевой разворот, затем вошел в вираж, во время которого я зашел к нему в хвост и дал очередь. «Фоккер» сделал переворот и вошел в пикирование. Я пикировал за ним и стрелял с высоты 2 тысяч метров до высоты 500 метров. «Фоккер» вышел из пикирования еще ниже и стал ходить над заливом. По этому заливу рулил еще один «Фоккер Д-21», очевидно, только-что севший.

Я произвел еще одну атаку по «Фоккеру», летавшему над этим местом. Я поднялся на высоту 2 тысяч метров, нашел младшего лейтенанта Смирягина, перезарядил пулеметы, опробовал их — стреляют, и взял курс на свою территорию с набором высоты. Вскоре меня снова атаковал сзади сверху «Фоккер Д-21». Я развернулся ему навстречу; он вошел в пикирование. Гнались за ним до высоты 500 метров, а затем взяли курс опять на свою территорию, так как время истекло, и наших самолетов в этом районе больше не было.

Время воздушного боя — с 16.10 до 16.35.

Всего в разное время я видел самолетов типа «Фоккер Д-21» до десяти. Вместе они ходят не более двух. Атакуют только сверху, одиночно и со стороны солнца. Лобовую атаку принимают, если имеют превышение, после первой же очереди переворотом уходят в пикирование, а когда мы их преследуем, выходят из пикирования очень низко над землей».

Вот и все... Можно еще добавить, что материальная часть работала безотказно и что тов. Антонов за все время войны в Финляндии тоже работал безотказно. Правительство присвоило летчику Антонову за боевые заслуги звание Героя Советского Союза.

Военинженер 3 ранга

Д. ЗАЙЦЕВ

Незабываемое

Преодолев оперативную зону заграждений, наш корпус остановился перед укреплениями противника в районе Кархула—Хотинен.

Слева перед высотой 65,5 было озеро Сумма-ярви, справа — болото, которое позже бойцы назвали «долиной смерти». Это болото было так пристреляно противником, что поднять голову выше уровня снега не было возможности. Здесь у белофиннов до войны был постоянный военный полигон, и они могли теперь с закрытыми глазами точно обстрелять любую точку этого района.

Мне пришлось принять участие в руководстве инженерным обеспечением дивизии, действовавшей в направлении высоты 65,5 и рощи «Молоток».

Саперы дивизии поработали в эту войну основательно. Они обеспечивали пехоту укрытиями от вражеского огня, разрушали заграждения противника, устраивали проходы в надолбах, блокировали и подрывали доты.

* * *

Это было в самые сильные морозы, в период подготовки прорыва линии Маннергейма. Пехота подошла к «долине смерти», и нам было приказано запрятать штабы полков и батальонов в надежные убежища.

Местность почти непроходимая. По глубокому снегу, под которым болото оставалось незамерзшим, не могли пройти не только автомашина или трактор, но даже лошадь.

Работали двое суток непрерывно под сильным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем. Задание выполнили точно к сроку.

Теперь, когда все это ушло в область воспоминаний, многое забылось, но никогда не изгладится из памяти снежная поверхность, шевелящаяся от осколков снарядов и пуль. Да еще двух вещей я никогда не забуду.

Елка

Под новый год артиллеристы решили поздравить противника ураганным огнем. Всю ночь гремела канонада, над головами, шипя, пролетали к врагу стальные подарки. Они летели так густо, что, казалось, и небо имеет ребра. Первое время белофинны отвечали интенсивно, а часа через два все реже стали падать их снаряды в долину. На утро стихли обе стороны. Поединок кончился. Моему подразделению приказано было отдохнуть. И вот измученные работой, оглушенные канонадой, мы выползаем и... я не в состоянии передать нашего изумления и охватившего нас веселья. Нам стало так приятно, как будто каждый из нас в этот момент увидел окна родительского дома.

На берегу стояла елка.

Самая настоящая новогодняя елка. На ней не было стеклянных шаров, бус, яблок и конфет, но она была по-праздничному запушена снегом, как ватой, и убрана использованными пулеметными лентами, гильзами от снарядов малых калибров. А под елкой стоял разбитый пулемет противника.

Утреннее солнце загорелось на этом металлическом убранстве, и казалось, что на елке горят настоящие новогодние свечи.

Кругом зияли черные воронки от разорвавшихся снарядов. На кустах лежали не успевшие еще рассеяться хлопья дыма, но мы ничего этого уже не замечали и по-детски радовались выдумке храброго шутника.

Баня

Тому, кто не был в бою, кто не лежал часами в снегу на морозе в 50 градусов, кто не спал в блиндаже, когда нет возможности не только раздеться, но даже ослабить пояс с вооружением, — тому трудно представить себе, что такое после всего этого баня. Я имею в виду хорошую баню, со всеми удобствами.

В полосе действия наших частей находились финские бани — небольшие деревянные постройки в три-четыре квадратных метра и вышиной чуть побольше метра. Вы представляете, что это были за бани! В такой бане только выпачкаешься. К тому же находились они в 8—9 километрах от передовой линии фронта; пока дойдешь, всякая охота мыться отпадает. И бойцы саперного батальона построили свою баню у самой линии фронта, под Хотиненом.

Баня эта, как и все наши военные «учреждения» того времени, была выстроена глубоко под землей. Там не было

За утренним туалетом

слышно не только грохота взрывающихся рядом снарядов, но даже и треска летящих на воздух дотов.

Баня эта была построена со всеми удобствами: из коридора попадаешь в предбанник, где стоит зеркало и работает парикмахер в белом халате. Парикмахерского халата, разумеется, на фронте не было, но в безукоризненно чистом маскировочном халате парикмахер отвечал всем нашим требованиям — выглядел по-боевому.

Тут же за дверью была расположена «мыльная».

И пахла эта баня весной: пол, потолок и лавки были сделаны из свежих еловых досок. От передвижной электростанции в баню провели электричество, и здесь же наигрывал марши радиоприемник — все двадцать четыре удовольствия!

Недаром корпусное командование также приезжало мыться к нам на передовую линию и хвалило баню.

Старший политрук
В. ВАВАШКИН

Лыжный отряд

Наш отдельный сводный лыжный батальон занимал позиции в районе хутора Ретец, прикрывая правый фланг стрелковой дивизии. Нашей задачей была охрана маршрута наступления батальона тов. Мокшеева и ведение разведки.

Разведав фланги противника, командование решило прощупать и его тылы. С этой целью был выделен небольшой лыжный отряд в 36 человек.

Задача, возложенная на отряд, была очень сложная, и мы тщательно готовились к выступлению.

Ненужное в бою обмундирование и снаряжение мы оставили на базе. Мы надели только белье, ватные куртки и брюки, валенки и поверх перчаток меховые рукавицы.

Нам было тепло и в то же время легко и удобно. Бойцы взяли с собой, кроме оружия, по одному санитарному пакету и трехдневный запас сухого и концентрированного продовольствия.

Небольшой запас патронов находился в вещевых мешках, по 50 штук в карманах и остальные на лыжной установке.

Было известно, что по ночам противник вел огонь по лыжам, четко выделяющимся на снегу. Поэтому лыжи мы окрасили в белый цвет и, конечно, надели белые халаты и капюшоны.

Закончив подготовку, мы еще раз проверили снаряжение, дождались темноты и выступили в направлении хутора Хури.

Отряд шел без дороги лесом по снегу, избегая открытых мест. Впереди в полной тишине двигался дозор. За ним на расстоянии 20—30 метров следовало ядро отряда, разбитое на две группы: группу стрелков-автоматчиков и группу пулеметчиков. Пулеметчики были вооружены ручными пулеметами и автоматическими винтовками.

Между стрелками и пулеметчиками шел командир отряда с двумя наблюдателями-ориентировщиками. Они контролировали и наносили на карту все движение отряда. Замыкал отряд тыловой дозор под командой заместителя командира отряда.

Пулеметчики на лыжах

С обоих флангов на расстоянии 20—30 метров шли дозорные наблюдатели.

Расстояния между группами были рассчитаны так, чтобы при внезапном нападении противника группы могли взаимно поддержать друг друга огнем.

Часам к двум ночи отряд подошел к хутору. В лесу и на хуторе была абсолютная тишина. Никаких признаков жизни. Только свежие лыжни доказывали, что совсем недавно здесь были люди.

Мы осмотрели хутор снаружи. Никого. Может быть, двери минированы? Внимательно осмотрев избу, мы вдвоем вошли в помещение. Внутри пусто. Лежат окурки. Мы потрогали их. Они еще теплые. Противник только недавно оставил хутор. Сосчитали лыжни. Здесь было примерно человек десять — двенадцать. По лыжням же определили направление. Люди шли из наших тылов на северо-запад.

Нам стало ясно, что это диверсионная или разведывательная группа противника. Необходимо было во что бы то ни стало нагнать ее и уничтожить, не дав донести до штаба разведанные сведения.

Ни секунды не медля, мы пустились в погоню. Бойцы шли быстро и ровно, внимательно вглядываясь в темноту. Перед нами бежал совсем свежий след. Прошел час, полтора часа. Впереди нас никого. Мы уже стали терять надежду, как вдруг головной дозор замедлил движение. Бойцы показывали впе-

ред. В полукилометре от нас вдоль опушки леса спокойно двигались 13 лыжников. Они нас не заметили.

Командир отряда приказал первой группе автоматчиков обойти противника и устроить на его пути засаду. Оставшаяся группа пулеметчиков и дозоры, тщательно скрываясь, продолжали следовать за противником.

Финны спокойно двигались вдоль опушки. Но вот в лесу раздались автоматные очереди. Это стреляли наши автоматчики.

Мы бросились вперед. Молниеносно было закончено окружение противника. Ни один из белофиннов не сумел ускользнуть в лес.

Маскируясь за стволами ельника, финны отчаянно защищались. Ни одного не удалось взять живым. Все были уничтожены. При обыске убитых нашли карту и немедленно отправили ее в штаб. Других документов не оказалось.

Отряд продолжал итти в глубокий тыл противника. Мы боем разведали и определили силы финнов, их огневые точки на межболотном дефиле. Этим мы оказали большую помощь батальону Мокшеева. К северу от Уомя наш отряд даже немного пощипал врага.

Вернулись мы после двухдневных действий, добыв много сведений.

Это один из многих боевых эпизодов нашего отряда. Во время войны мы не раз пробирались в тыл противника, наводя панику и добывая важные сведения о силах врага.

Младший лейтенант
П. ШАЛАШОВ

В ночной разведке

Наш батальон стоял в местечке Мелола. В ночь на 11 января командир батальона майор Котик вызвал меня и еще двух командиров и приказал отправиться в ночную разведку в расположение противника в районе Сеппяля.

Район этот был мне уже немного знаком. Я побывал там днем.

Мы занимали северный берег озера. Впереди, неподалеку от нас, тянулась линия белофинских надолб, а за ними, посредине озера, — сеть колючей проволоки. Дальше, на другом берегу, на маленьких, поросших лесом высотах, расположились финны.

Услышав малейший шорох, финны открывали стрельбу. Так как до их позиций было далеко, мы не могли точно установить, где же расположены их огневые точки. А тратить снаряды на ветер не хотелось. Вот мне и приказали ночью точно разведать, где стоят пулеметы и минометы противника и, если удастся, добыть «языка».

Вышли мы около полуночи. В дымке морозного воздуха светила луна. Я повел бойцов лесом, по вдающемуся в озеро мыску. Когда подошли к опушке, увидели покрытое снегом тихое озеро. Чуть-чуть виднелись очертания надолб.

Сбоку, по обеим сторонам лесистого мыска, шли две группы бойцов. Одной командовал младший командир Архипов, другой — младший командир Лаптев. Я со своими бойцами двигался в центре и поддерживал связь с соседями. Мы заранее условились: встретил противника — действуй самостоятельно.

Мне доложили, что группа, которая двигалась справа, залегла, обнаружив на пути подозрительные кочки. Позже мы узнали, что это чернела вырытая дневными взрывами земля. Архипов, который двигался слева, тоже замедлил движение, потому что дальше перед ним был открытый и освещаемый луной скат.

Таким образом, я со своими бойцами очутился впереди. Высылаю к надолбам головной дозор. Старшим назначаю млад-

шего командира Фуркина, одного из самых смелых наших командиров, рабочего ленинградского завода. Мы с ним до армии были соседями, жили в Ленинграде, за Невской заставой — я на Железнодорожной, он на Варфоломеевской. Вместе с Фуркиным я послал еще бойца Охапкина.

Прошло минут пять, получаю через связного донесение: «Достигли надолб. Залегли».

Подтягиваю к опушке ядро группы. Только я решил двигаться дальше, как позади, на правом фланге, раздался взрыв. Я мигом обернулся и еще успел увидеть, как на фоне красноватого отсвета взрыва отлетел в сторону человек и как упали, залегая в снег, бойцы лаптевской группы. И почти одновременно со взрывом мины, на которую, как оказалось позже, неосторожно наткнулся боец Васильев, со всех финских укреплений понесся в нашу сторону шквал ураганного огня.

Что делать?

«Языка» теперь, конечно, добыть не удастся.

Но финны с перепугу обнаружили себя. Я тотчас вспоминаю основную задачу, поставленную командиром.

— Самое главное, — говорил он, — выяснить, где находятся белофинские огневые точки.

Под градом пуль тщательно слежу за полем боя. Отчетливо слышу, как на правой высотке, такой тихой и безмолвной днем, раздаются гулкие хлопки минометов и как оттуда в нашу сторону со свистом летят мины.

Значит, там минометы. Запомним. А вот прямо передо мной, на холмике, возле двух едва заметных елей, видны частые вспышки пулемета. И слева то же самое. И еще левее. Где-то рядом и над головой свистят пули. Рвутся мины. Кажется, весь темный лес, что напротив, проснулся и поливает нас огнем. Но в этом грохоте стараюсь различить главное: откуда стреляют?

Все тщательно запоминаю. Затем пускаю в морозное небо, по направлению тех холмов, откуда кучно сыплются в нашу сторону пулеметные очереди, красную ракету: это я даю сигнал нашим артиллеристам, чтобы они как следует угостили финнов. Перед выходом в разведку я так и договорился с ними: пущу красную ракету — открывает огонь артиллерия и с флангов — пулеметы.

Не успела еще ракета разорваться и рассыпать над лесом пучок ярких искр, как загрохотали наши орудия и на вражеские высоты понеслись снаряды.

Финны сбавляют огонь. Вскоре они совсем замолчали. Ко мне прибыл связной и доложил, что в группе командира Лаптева двое тяжело раненых: бойцы Васильев и Никифоров. И к тому же Никифоров отказывается без разрешения уйти с поля боя.

Я подошел к нему, говорю:

— Идите в тыл!

Его подхватили бойцы и повели, а Васильева, который сам итти не мог, понесли на руках.

Когда раненые были отправлены, я повел назад всю свою группу. По пути осмотрел место, где произошел взрыв, и мне стало понятно, в чем дело. Под этим плетнем, где теперь чернела воронка взрыва, мы ходили в дневное время. Враги, как видно, заметили наши следы и ухитрились здесь заложить мину.

В полутора километрах нас ожидали сани. Мы поехали в Мелолу, где стоял батальон. Приезжаем, а товарищи еще не спят, дожидаются нас. Каждую ночь они поджидали своих разведчиков. Пошли расспросы:

— Кого ранили? Что обнаружили?

Рассказываем.

Утром, при дневном свете, артиллерия начала громить те высотки, на которых ночью мы обнаружили огневые точки белофиннов. Добытыми в разведке сведениями мы могли точно определить, где проходит передний край обороны противника.

Военврач 1 ранга

Г. ИВАНОВ

Баня на фронте

Ночь. Мы прибыли в деревню Карвала. Деревня была наполовину сожжена отступившими белофиннами.

После дневного перехода мы были утомлены и голодны. Всем хотелось согреться чаем, но воды не было. Нашли колодцы, только все они были осушены или засыпаны мусором.

Завтрак и чай на 300 человек надо было приготовить к утру. Где достать воды?

Мы решили воспользоваться снегом. Но где может быть «самый лучший снег»? Конечно, на крышах. Они сверкали нетронутой белизной только-что выпавшего снега. Чай и завтрак были приготовлены, как всегда, во-время.

Вода нам требовалась постоянно — для умывания, приготовления пищи, мытья котелков, для бани.

Первую баню мы организовали в районе станции Пэрк-ярви. Эта станция находилась в 5 километрах от переднего края главной оборонительной полосы противника. По воду ездили километров за пять, на озеро. Берегли мы воду, как драгоценность.

Но если испытывался недостаток воды на станции Пэрк-ярви, то на позициях дело обстояло еще хуже. Там особенно сильна была потребность помыться в бане.

Что же делать? У нас в медицинско-санитарной роте была обмывочно-душевая установка. И вот мы решили превратить ее в баню.

Это дело поручили доктору Брудеру. До войны он заведывал отделением новорожденных акушерской клиники в Ленинграде.

— Помилуйте,— говорил он,— я двадцать лет имел дело только с младенцами, никогда не занимался банным делом...

Но приказ есть приказ.

Этот аккуратнейший человек отнесся исключительно добросовестно к своим новым обязанностям. Он без устали возился с душевой установкой.

Вскоре доктор Брудер открыл «баню». Первый опыт вполне удался. За 10 часов был вымыт весь батальон.

— Вы знаете,— говорил довольный Брудер,— я никогда не думал, что зимой можно мыться в палатках, а ведь все довольны остались...

Импровизированная баня переезжала с места на место, из одного батальона в другой. Она была проста и удобна для пользования. Мы отыскивали мощный источник воды, очищали от снега площадку и устанавливали две палатки, соединявшиеся между собой брезентовым тамбуром. Одна палатка служила мыльной. К ней подводился шланг с горячей водой, которая подавалась на восемь душевых сит. Вторая палатка, утепленная войлоком и железной печью, была раздевалкой. Температура здесь доходила до 25 градусов. Мыльное отделение не отапливалось вовсе. Оказалось, что при подаче горячей воды во время мытья палатка достаточно обогревалась и дополнительного отопления не требовала.

В дальнейшем мы внесли усовершенствования в нашу «конструкцию» и устроили деревянный пол из толстых досок, защищавший ноги от холода.

Баня работала без перебоев, и мы дорожили ее репутацией. Не было отбоя от желающих помыться. Войсковые части, не имевшие душевой установки, с завистью смотрели на нашу баню и обращались к нам за помощью. Мы неизменно шли им навстречу.

Доктор Брудер говорил в таких случаях своим помощникам:

— Не снимайте палаток, завтра будем мыть гостей...

В феврале, незадолго до генерального штурма линии Маннергейма, было получено приказание — вымыть танковый батальон, стоявший на позициях между Пэрк-ярви и Бобошино.

Мы произвели разведку, нашли ручей, к вечеру доставили дрова и палатки, а утром следующего дня баня уже работала. Группами по тридцать человек подходили к нам бойцы с передовой линии. Все шло хорошо. Но вот белофинны открыли орудийный огонь. Несколько снарядов упало вблизи палаток, обдав их грязью и землей. Люди продолжали спокойно мыться. Обошлось без человеческих жертв. А все дело заключалось в том, что наша баня расположилась возле батареи, и финны, обстреливая этот пункт, захватили в сектор обстрела и нашу палатку.

Наученные опытом, мы стали располагаться более укрыто.

Подполковник

Б. БЫЧЕВСКИЙ

Саперы

Левый фланг линии Маннергейма проходил по перешейку между Ладожским озером и озером Суванто-ярви. Сжатый поздно замерзающими озерами, перешеек пересекался рекой Тайпален-йоки с обрывистыми берегами и быстрым течением. Местность как нельзя более благоприятствовала обороне.

Когда наши саперы и понтонеры перебросили через Тайпален-йоки лодочный десант, а затем под прикрытием артиллерийского огня навели понтонный мост и части устремились вперед, отбрасывая финнов, оказалось, что передний край укрепленного района финнов проходит не у берега реки, а между озером Суванто-ярви и северным изгибом Тайпален-йоки.

Обход в этих условиях был невозможен. Предстояло атаковать укрепленный район в лоб.

Батальон капитана Нетребы, вырвавшись вперед, вклинился в финский передний край и овладел двумя дотами.

Я приехал на участок в день захвата этих укреплений. Передний край обороны противника еще не был разведан. Я решил лично осмотреть как захваченные сооружения, так и весь этот участок переднего края.

Белофинны делали отчаянные попытки выбить батальон капитана Нетребы с занятых им позиций, чтобы не дать нам возможности сосредоточить здесь войска. Нетреба «огрызался», вцепившись в захваченный клин, отвечал противнику штыковыми ударами. Помочь Нетребе в этот день было трудно, части только подтягивались. Второй эшелон полка был на опушке леса, за 800 метров от батальона. Их разделяла голая местность, простреливаемая вдоль и поперек.

Утром я пришел на опушку леса.

— Где капитан Нетреба, как к нему добраться? — спросил у начальника штаба батальона.

— Выйдите к дороге, а потом прямо по ней, метров семьсот. Только надо ползти по канаве.

Саперы готовятся к ночным действиям в расположении противника

Я вышел к дороге. Финны занимали возвышенности, которые командовали над всей местностью. С деревни Коуккуниеми и с восточного берега Суванто-ярви они могли обстреливать этот участок фланкирующим огнем. Я пополз по канаве, а потом по окопу. Окоп привел меня к оврагу, который тянулся к доту, занятому батальоном капитана Нетребы.

Добравшись туда, я осмотрел сооружения. Они оказались пулеметными полукапонирами на две амбразуры каждый, с небольшими убежищами для гарнизона и выходами на наблюдательный пункт. Железобетон не ахти какого качества, стенки и перекрытия толщиной в 120—150 сантиметров. Но «подушки» из земли и валунного камня да еще хорошая маскировка делали эти небольшие железобетонные огневые точки весьма эффективными и малоуязвимыми. Одного взгляда через амбразуры на берега Тайпален-йоки было достаточно, чтобы убедиться, как тяжело пришлось нашим понтонерам и десанту, форсировавшим реку на виду у противника.

Дальнейшее знакомство с местностью привело меня в овраг глубиной до 12 метров и шириной поверху до 40. Овраг шел на запад к Суванто-ярви и являлся также противотанковым препятствием. Нетреба занял небольшой участок этого оврага, прямо по соседству с финнами. Но выбраться на северный откос финны ему не позволили. За оврагом опять шло голое поле и, судя по глухим звукам пулеметных очередей (такой звук бывает только при стрельбе из железобетонных сооруже-

ний), где-то еще были доты. Одно сооружение финнов располагалось, очевидно, на краю оврага, так как всякие попытки движения в этом направлении финны встречали прицельным огнем. Овраг был хорошим рубежом для скопления перед атакой, но финны тоже учли это и вели по нему методический минометный огонь. Бойцы врылись в откос оврага пещерными окопами.

После обследования всего участка определились первые выводы.

Занятые нами укрепления — передовые доты, имевшие задачу — прикрывать реку, дороги и овраг. За оврагом начинается главная оборонительная полоса, упирающаяся флангом в озеро Суванто-ярви.

Разведка продолжалась. Полковник Лелюшенко, готовя свое танковое соединение к атаке, сам обследовал местность, определил боевой курс и предложил саперам устроить проходы в овраге.

Саперы сделали проходы за две ночи. Израсходовав больше тонны взрывчатки, они выровняли десятиметровые крутости, подбросили фашины. Но две ночи крупных подрывных работ не прошли мимо внимания финнов. Впоследствии не один танк был подбит в директрисе этих проходов.

Надо было найти способ делать проходы перед самой атакой или же к моменту атаки найти и уничтожить противотанковые орудия, поставленные соответственно направлениям проходов. Кроме того, саперы сделали проходы шириной лишь в одну машину. Следовательно, достаточно было одному танку застрять в проходе, чтобы прекратилось все движение. Если же таким образом закупорится несколько проходов, то продвижение танков будет ограничено.

Первые бои против укрепленного района, носившие разведывательный характер, многому нас научили. Они стали школой взаимодействия пехоты с танками.

Однажды, прорвавшись через овраг, танки попали в систему финских траншей. Пехота залегла под пулеметным огнем. Лелюшенко выскакивал из машины, возвращал танки к пехоте и снова вел их вперед. Немного удалось продвинуться в этот день.

Последующие бои, когда пехота двигалась за танками на бронесанях или шла, вплотную прижимаясь к танкам, дали совсем иной результат.

* * *

Просмотр материалов артиллерийской разведки переднего края оборонительной полосы и материалов инженерной разведки выявил разнобой в характеристике и оценке укреплений

противника. Саперы, разведывавшие передний край, утверждают, что данное сооружение — каменно-земляное. Артиллеристы, наблюдающие за стрельбой по этому сооружению, отмечают его в схеме как железобетонное. Или наоборот.

Однажды я пошел на наблюдательный пункт одной из батарей, стрелявшей по сооружениям в районе Коуккуниеми. Наблюдательный пункт находился метров за шестьсот от противника. Разведчики корректировали огонь 122-миллиметровых гаубиц. Была морозная дымка, на опушке леса можно было с трудом различить очертания какой-то насыпи.

— Что это за сооружение? — спросил я у командира взвода разведчиков, наблюдавшего за местностью в стереотрубу.

— Бетон.

— Из чего вы это заключили?

— Вчера эта точка вела огонь. Я тоже стрелял по ней. Звук бетона и частые рикошеты. Два раза попал в самую точку. Кончила жить, замолчала.

— А почему сегодня в точку не бьете?

— Чего же бить? Она молчит.

Я связался с командиром батареи и попросил дать огонь по точке, которую считали мертвой.

После первых же выстрелов у дота стало заметно движение. Несколько фигур мелькнуло и скрылось на опушке. Потом попадание в точку и... рикошет. Еще. Рикошет... Еще. Разрыв. Огонь. Звук попадания не то в бетон, не то в камень. После трех разрывов заметно в бинокль и стереотрубу обнажение постройки от снега: дерево и камень. Дерево-каменное сооружение с насыпью земли и камня на перекрытии не разрушают с двух попаданий и 152-миллиметровые снаряды. Надо долбить до полного разрушения, бить 152-миллиметровым снарядом прямой наводкой. Молчание точки после первых попаданий может быть временным. Это молчание — хитрость.

Артиллеристы поняли это и продолжали добивать точку.

Возвращаясь, я думал о том, что на наблюдательном пункте артиллеристов надо чаще бывать командирам-саперам, вместе изучать передний край обороны противника, вместе делать выводы о характере сооружений.

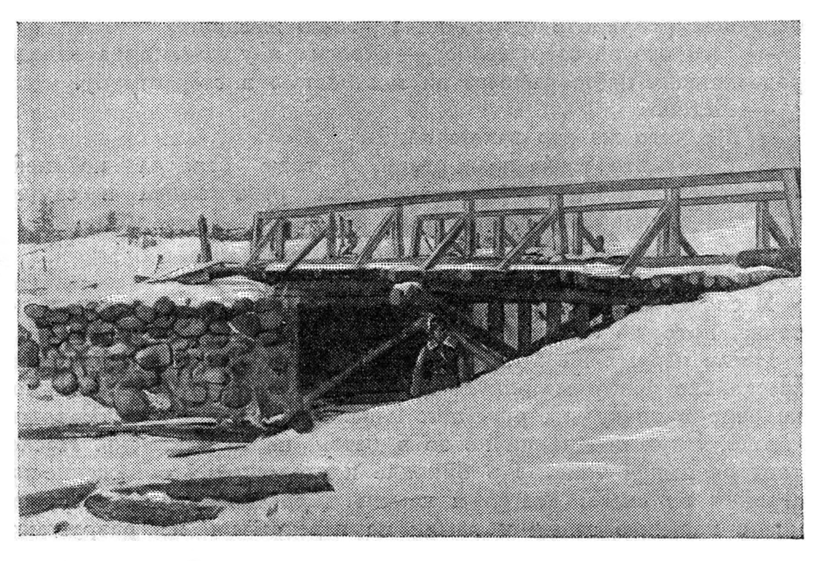
После этого мы не раз с артиллеристами сверяли наши данные, и такая совместная работа помогла нам безошибочно разведать финский укрепленный район.

* * *

Во время подготовки к прорыву и разгрому укрепленного района на одном из участков тайпален-йокского сектора саперы начали готовить сеть траншей для исходных рубежей атакующих. В откосе оврага были только пещерные укрытия. За оврагом, как уже было сказано, тянулось открытое снежное

поле на 400—500 метров. Итти в атаку по этому полю стоило бы больших потерь. Надо было это поле подготовить для атаки.

Саперы работали ночью. Так как финны непрерывно освещали местность ракетами и систематически вели огонь по выходам из оврага, саперы вынуждены были выползать с зарядом взрывчатого вещества вперед метров на пять, взрывать заряд и рыть траншею до воронки, образовавшейся после

Мост, построенный саперами на месте разрушенного белофиннами

взрыва. Затем они снова выползали с зарядом, взрывали его, опять рыли траншею до новой воронки и т. д. Сеть траншей быстро покрывала все поле. Пехота сразу ощутила все выгоды глубоких, во весь рост, траншей, подходящих почти вплотную к расположению белофиннов.

Однажды ночью группа наших разведчиков захватила удачным броском каменно-бетонный наблюдательный пункт белофиннов, находившийся в 150 метрах от наших траншей. Он был полуразрушен артиллерией и после этого ускользнул от нашего внимания. Финны посадили туда наблюдателя с перископом и телефоном. Обзор местности оттуда был очень хороший. Когда впоследствии я посмотрел из этого пункта ночью в свой тыл, мне было нетрудно пересчитать все синие огоньки наших машин, двигавшихся по берегу реки и на переправы.

Борьба за этот пункт шла всю ночь. На другой день саперы вместе с пехотой сомкнули свои траншеи с этим пунктом,

Саперы-разведчики действовали самыми разнообразными приемами.

Разведывая исходный рубеж для атаки в устье реки Каарнойоки, где были два железобетонных дота, саперы натолкнулись ночью на минное поле. Это был единственный путь в несколько десятков метров шириной для выхода во фланг финских укреплений. Саперы убрали мины. На другой день проход оказался снова минированным. Снова саперы нашли и убрали мины. И снова финны заминировали его.

В третий раз саперы убрали мины противника и потом поставили на подступах к проходу свои, поймав в эту ловушку несколько финнов. После этого у противника пропала охота заглядывать сюда.

На одном участке финское железобетонное сооружение, находившееся в складках местности на фланге наших частей, не давало покоя ни пехоте, ни саперам. Результаты артиллерийского огня по этому укреплению нельзя было наблюдать. А по всем признакам точка продолжала жить. С ней саперы разделались при помощи минного горна. Захватив ее в клещи траншейной сапой, саперы пробили под землей минную галлерею в 60 метров длиной. Перед атакой горн был взорван. В 20-метровой воронке мы нашли потом только куски железобетона и железных балок.

* * *

Борьба сапер совместно с пехотой и танками против дотов шла по-разному в различных частях. Командир отделения сапер ночью пробрался со своими бойцами к финскому укреплению по воронкам и складкам местности, таща на лыжах три заряда по 120 килограммов. В то время, когда пехота с исходного рубежа для атаки вела огонь, отвлекая все внимание на себя, саперы заложили заряды у дверей и на перекрытиях дота и взорвали их. Пехота только этого и ждала. Стрелки бросились вперед. Опорный пункт был взят.

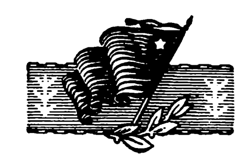
В другом месте тов. Сагонян с пятью храбрецами и танком ночью отправился к финскому железобетонному капониру. Где был в это время финский наблюдатель — неизвестно. Тов. Сагоняну удалось беспрепятственно добраться до капонира и подорвать бронекупол. Из капонира теперь можно было вести наблюдение лишь через фланговые амбразуры. Следовательно, он был ослеплен со стороны фронта. Пользуясь этим, пехота подошла к нему по ненаблюдаемой полосе, блокировала его и окончательно уничтожила.

Однажды бойцы саперного батальона при блокировке дота на реке Салмен-кайта взяли по 50 килограммов взрывчатки и в процессе боя совместно с пехотой подобрались к двери сооружения. Взорвали дверь. Обрушилась часть входа.

Гарнизон был жив, а со стороны амбразур к доту нельзя было подойти. Тогда саперы влезли на дот и при помощи небольших зарядов взрывчатки обрушили часть перекрытия на амбразуры.

В ряде сооружений на этом рубеже артиллеристы разбили бронекупола дотов прямой наводкой из 152-миллиметровых орудий. А сами сооружения продолжали жить. В таких случаях саперы подходили к доту со стороны напольной стены, не имеющей наблюдения, и подрывали сооружение. Пехота в это время выбивала противника из траншей.

Так действовали саперы в боях на линии Маннергейма.

Старший лейтенант
С. КАШИРИН

Истребители — разведчики

Однажды я получил задание: разведать звеном систему озер северо-восточнее Выборга. Если есть там временные площадки со стоянками белофинских самолетов — уничтожить их, если же нет — разведать железные и шоссейные дороги на этом участке.

Взлетели звеном в темноте. К рассвету пересекли линию фронта и змейкой пошли на озера. Там я ничего не обнаружил, и мы вышли на железную дорогу Выборг — Антреа. На станции Тали стояли два воинских эшелона. К одному из них был прицеплен паровоз на парах, около вагонов было много солдат. Я подал сигнал первому ведомому, и мы парой быстро ринулись в атаку. Вскоре составы были объяты пламенем. Раздались взрывы. Солдаты стали разбегаться. Атаку парой я повторил, за нами произвел атаку и второй ведомый. Мы расстреляли паровоз и бреющим полетом ушли от станции, оставив за собой море огня.

Нам посчастливилось! Поднявшись до 600 метров, я заметил недалеко от разрушенной нами станции, ближе к Выборгу, еще один движущийся эшелон. Густой пар от паровоза застилал его, видны были только черные крыши вагонов. Всем звеном пошли в атаку. Когда сделали затем левый боевой разворот, противник открыл сильный огонь. Мы быстрым пикированием ушли в сторону.

Оказывается это был бронепоезд. Вторично атаковать было неразумно, пришлось взять курс на свой аэродром. По пути замечаю одинокий паровоз, мчащийся по направлению к станции Пилпула. Ага, он спешит к эшелону! Атаковали. Паровоз остановился, окутался паром. Выскочили оттуда четыре человека, побежали в лес.

Летим домой. Попутно расстреляли два больших белых автобуса, которые быстро мчались к линии фронта. Видимо ехали офицеры...

В другой раз, накануне прорыва линии Маннергейма, мне было поручено произвести вечернюю разведку и отыскать наши

рейдирующие танки, которые прорвались в тыл противника по направлению на Выборг.

Темнело, погода была неважная. Быстро взлетели и вскоре были уже над территорией противника. Своих танков мы не обнаружили, но зато возвращаясь, увидели на станции Кямяря эшелон. Паровоза не было. У вагонов — никакого движения. Но в ближнем лесу мы увидели большое количество повозок с лошадьми, прикрытыми белыми попонами. Присмотрелись тщательнее — солдаты. Подал сигнал — в атаку! — и двумя звеньями стал расстреливать скопление противника.

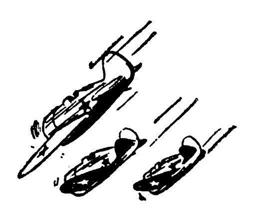
Так как стало уже совсем темно, мы поспешили на свой аэродром и после посадки доложили обо всем замеченном. В этот район немедленно были посланы самолеты с бомбами. На следующий день из показаний пленных выяснилось, что белофинны подбрасывали сюда подкрепления, но не успели они выгрузиться, как наша авиация основательно потрепала их.

В самый день прорыва укрепленной линии я вылетел в разведку, чтобы обнаружить артиллерию белофиннов в районе озера Сумма-ярви, уничтожить ее или заставить временно замолчать и трассирующими пулями показать своей артиллерии, где находятся батареи противника. Орудия врага вели сильный огонь по дороге, где были сосредоточены наша моторизованная пехота и танки.

Погода была неблагоприятной для разведки. Сначала ничего установить не удалось. Но через 40 минут облака стали быстро редеть, изредка проглядывало солнце. Я набрал высоту 600 метров и стал наблюдать. Белофинны начали хитрить: ослабили огонь, ведя его небольшим количеством орудий. Но все-таки по вспышкам я установил расположение двух батарей: они стояли в лесу за озером, километрах в пятнадцати—двадцати. А впереди, как потом выяснилось, были два дота.

Подал сигнал ведомым — в атаку! Всем звеном мы обрушились на артиллеристов врага. Вражеские батареи вскоре замолчали. Мы произвели еще три атаки, стреляя трассирующими пулями из пулеметов. Погода такая, что трассирующие пули еле были видны, но наши артиллеристы заметили их и открыли ураганный огонь по белофинским батареям.

Танки и пехота пошли в наступление...

Лейтенант

А. ВДОВИН

Перед штурмом

По мере того как артиллеристы вырывали из-под земли вражеские железобетонные крепости, все нарастало нетерпение — поскорее бы покончить с белофиннами. Командиры подразделений едва сдерживали порыв бойцов. Гневом и яростью загорались люди, глядя на серые квадраты из железобетона и стали, ощерившиеся черными зевами амбразур. Мучила, тяготила бойцов эта неожиданная остановка перед вражеским укрепленным районом.

Враг укрепился основательно, капитально. Но у нас не голые руки, хороша наша техника. Мы в силах дать такой огонь, от которого враг с ума сойдет в своих железобетонных логовищах. Но чтобы бросить на штурм укрепленного района нашу технику, наших замечательных бойцов, чтобы взять и стереть с лица земли эти проклятые доты и дзоты, нужна была подготовка. Серьезная, вдумчивая подготовка! Еще ни одной армии не приходилось прорывать такие укрепленные позиции.

Подготовка к штурму в 123-й стрелковой дивизии шла полным ходом. В трех километрах от передовых позиций был построен «укрепленный район», в точности воспроизводивший схему вражеской оборонительной полосы. Бойцы учились преодолевать надолбы и проволочные заграждения, брать штурмом доты. Сколачивались блокировочные группы. Артиллеристы-противотанковики учились поспевать со своими пушками всюду, где было необходимо поддержать пехоту. Танкисты практиковались в боевом взаимодействии с пехотой, подвозя блокировочные группы к макетам дотов на прицепленных к танкам бронесанях.

Не зная усталости, готовил к штурму свой батальон капитан А. Сорока. Это был один из самых энергичных организаторов прорыва. Его, спокойного и бесстрашного большевика, знал и любил весь полк.

Особое значение придавал капитан Сорока индивидуальной выучке бойца. Он требовал от каждого — быть зорким и сме-

лым в бою, умело учитывать обстановку. Не только требовал этого, но и учил этому бойцов.

Большое внимание обращал капитан Сорока на взаимопомощь подразделений в бою. Тяжело доставалось артиллеристам. Колеса орудий вязли в глубоком снегу. Стоило больших усилий вытаскивать их и двигать орудия вслед за пехотой. Предвидя эти трудности в бою, капитан Сорока заранее выделил несколько стрелковых отделений в помощь артиллеристам.

Три раза мы инсценировали штурм вражеского укрепленного района. Сознавая всю ответственность перед страной за предстоящее боевое дело, бойцы и командиры подразделений действовали на учениях всерьез, не щадя сил. Могучие крики «ура» оглашали лес, когда над макетом вражеского дота взвивалось красное знамя. Большие серые глаза Сороки искрились, когда подразделения, поддерживая друг друга, стремительно врывались в траншеи, мастерски преодолевали проволоку, надолбы и другие препятствия.

— Отлично! Дело выйдет! — говорил капитан.

Бойцы и командиры окружали его.

— Когда штурм, товарищ капитан?

— Штурм? — как бы не расслышав, переспрашивал Сорока, — и добавлял, улыбаясь:—Ничего необычного, товарищи, не будет. Самое обыкновенное дело. Горячее, правда, но самое обыкновенное. Прикажут нам с вами: «Взять доты, разгромить укрепленный район врага!» Возьмем и разгромим! Помните сталинские слова: нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики...

Спокойствию, хладнокровию и деловитости в бою учил бойцов капитан Сорока...

Окончив учения, батальон снова занял передовую линию.

Вражеские железобетонные крепости были уже обнажены. Мы рыли траншеи поблизости от них. С каждым днем все ближе к врагу переносили наблюдательные пункты. По склонам рощи «Зуб» спустились в лощину взводы полковой артиллерии. Они били по дотам прямой наводкой. Там же, вблизи от врага, оборудовали огневые позиции минометчиков. Перенес в лощину свой командный пункт и капитан Сорока.

Нетерпение нарастало.

— Когда штурм, товарищ капитан?

— Выдержка и спокойствие, товарищи!..

И вот долгожданные дни настали. 10 февраля капитан Сорока пришел с командного пункта командира полка майора Рослого в приподнятом настроении. Серые глаза его светились как-то по-особенному, задорно, вызывающе. Все мы, сидевшие в землянке командного пункта батальона, поняли: штурм и разгром укрепленного района врага — дело решенное. Сдерживая волнение, встали, окружили капитана. Он сказал:

— Одиннадцатого февраля за нашими боевыми действиями будет следить из Москвы товарищ Сталин, вся страна будет думать о нас...

Все ясно: штурм вражеского укрепленного района назначен на завтра. Скоро на неприступных железобетонных крепостях врага будут развеваться красные знамена. Кто-то из нас закричал «ура». Капитан Сорока рассердился:

— Предстоит серьезное дело, а не забава!.. Вызвать ко мне командиров и политруков!

Собрались командиры рот: лейтенанты Дутов, Чирков, Маньков, командир подразделения пулеметчиков Шаповалов, политруки Шангулов, Тайгулов, Смирнов, комиссар батальона Циренщиков, командиры блокировочных групп, танкисты, саперы. Командир батальона начал объяснять задачу. Командование полка поставило перед батальоном сложную боевую задачу: прорвать укрепленный район на высоте 65,5 и обеспечить свободный выход частей к станции Кямяря. На пути — центральный дот № 006, выступающий двумя серыми казематами, соединенными бетонированным тоннелем, в котором свободно может разместиться целый батальон. На пути — надолбы, ров, проволочные заграждения, глубокие вражеские траншеи, железобетонная стена для укрытия пехоты и минометов, доты и дзоты в глубине обороны.

С наступлением темноты, надев маскировочные халаты, Сорока и Циренщиков повели командиров подразделений на исходные рубежи. 6-я рота займет исходное положение в лощине, прямо перед дотом № 006, в 200 метрах. Задача — блокировать дот, занять траншею, парализовать действия глубинных огневых точек врага. 4-я рота наступает справа от дороги через высоту 65,5. Она врывается в траншею и занимает землянки, уничтожая противника. 5-я рота врывается за танками в промежуток между 6-й и 4-й ротами, прикрывает огнем действия блокировочных групп, обеспечивает движение по дороге.

Весть о наступлении облетела все землянки. Велико воодушевление бойцов. Вечером везде был прочитан приказ. Наконец-то! Бойцы осматривали свое оружие, чистили его, надежнее закрепляя на лыжах бронированные щитки. В отделениях, взводах и ротах командиры и политработники объясняли бойцам предстоящую задачу. Неутомимо работали связисты, проводя новые линии связи к подразделениям.

На командном пункте батальона — деловое оживление. Невдалеке от него уже встали за прикрытиями могучие танки с бронесанями для подвоза к дотам блокировочных групп. Сюда доставляли ящики со взрывчаткой.

Бойцы ужинали, получали штурмовой паек. Часов в десять вечера капитан Сорока отправился в подразделения, чтобы проверить боевую готовность батальона. Он побывал в стрелковых

ротах, у минометчиков, у артиллеристов, у танкистов. Всюду его встречали восторженно:

— Значит штурм, товарищ капитан?

— Штурм, товарищи, — отвечал капитан Сорока. — В бой пойдем с именем любимого Сталина на устах. Докажем, что никакие крепости не остановят нас, бойцов и командиров Красной Армии. Только — выдержка, спокойствие, хладнокровие! Каждый должен выполнить свою боевую задачу организованно, мастерски. На штурм во славу Родины!..

— Есть на штурм во славу Родины! — отвечали стрелки, пулеметчики, артиллеристы.

Была ночь, последняя ночь перед штурмом линии Маннергейма.

СОДЕРЖАНИЕ

★

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

Стр.

ПОДГОТОВКА ШТУРМА ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Стр.

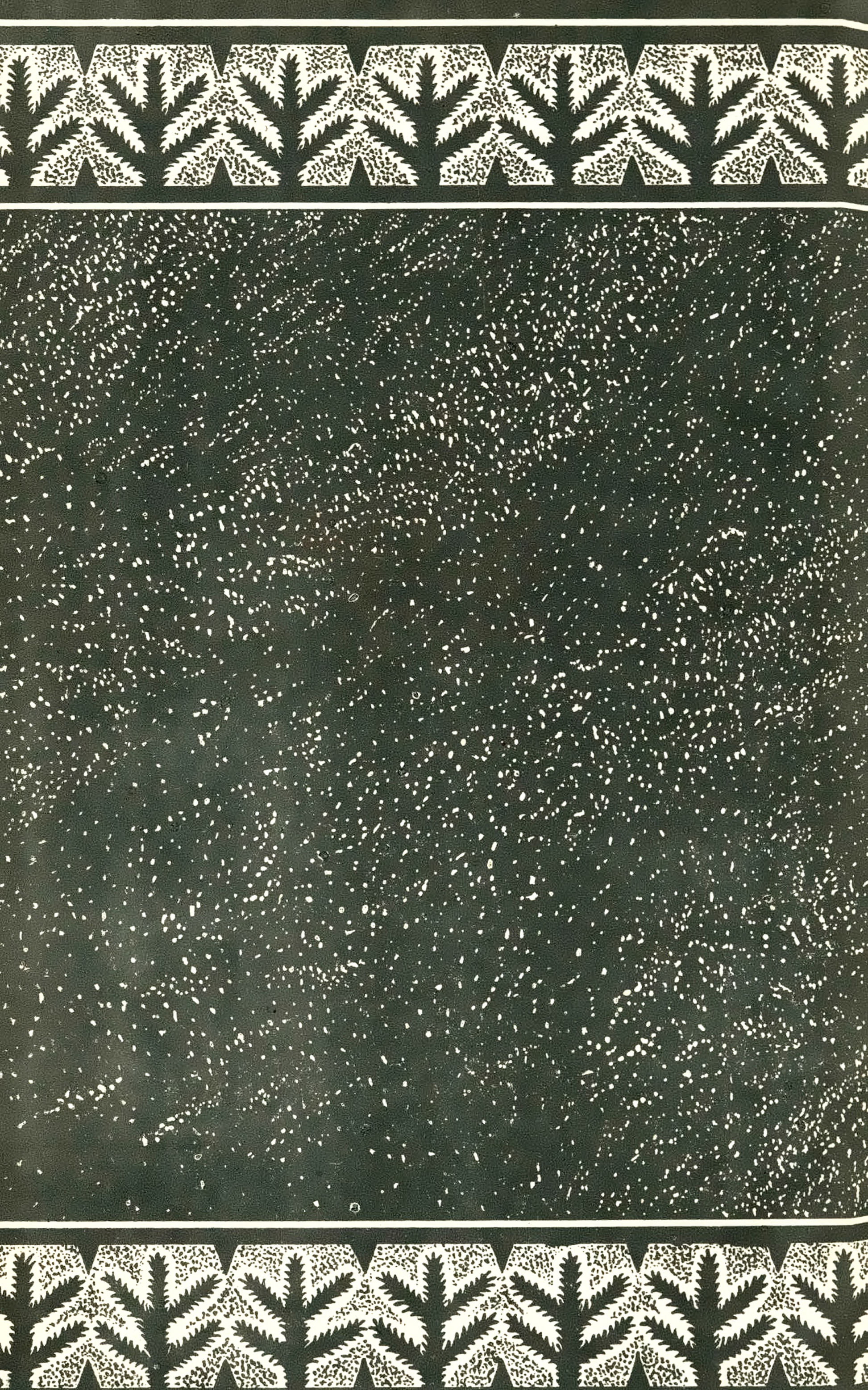

Редактор старший политрук Ф. Ф. Матросов

Г285

Подписано к печати с матриц 28.2.41
Объем 25,5 п. л. + 4 вкл. = 7/8 п. л. 22,9 уч.-авт. л.
44368 тип. зн. в 1 п. л. Зак. № 106

Набрано и сматрицировано в 1-й типографии Управления Воениздата НКО СССР имени С. К. Тимошенко. Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3
Отпечатано с матриц в 3-й типографии „Красный пролетарий“ Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 3 р. 50 к.